

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2023

№ 84

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Дебрени М. Создание комментариев для «Большого аннотированного французского ассоциативного словаря»	5
Дубовицкая М.А., Камалова С.Д. Образ языка и металингвистический комментарий в мультикультурной литературе	17
Игнатов И.А. Семантика и функционирование слова «личность» в русском литературном языке XVIII – первой декады XIX в.	44
Хакимова Е.М. Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования	72
Khorsun I.A., Chalova O.N. Pragmatics of the coronavirus discourse (based on internet news articles about coronavirus)	96

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Волков И.О., Жилиякова Э.М. «Эта коллизия двух идей, двух прав, двух равнозаконных побуждений...»: трагедия Софокла «Антигона» в восприятии И.С. Тургенева	106
Кузнецова Н.В. Способы социальной адаптации в романе Стендаля «Красное и черное»	141
Лебедева О.Б. Визуальный римский дневник В.А. Жуковского	159
Минчик С.С. Зачем А.С. Грибоедова приглашали в Бердичев в 1825 г.	184
Пестерев С.К., Иванова С.А. Штрихи к портрету парижанки: документализм М. Алданова в очерке «Зиггет в дни террора»	198
Поплавская И.А. Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья первая)	213

ЖУРНАЛИСТИКА

Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в газете «Кавказ» (1885–1918 гг.)	234
Сидоров В.А. Самоцензура в журналистике: диалектика искажений профессиональной культуры	250

РЕЦЕНЗИИ

Колесникова Е.И. О судьбах литературного текста в культурном пространстве. Рецензия на книгу: «Феномен затекста» / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов, О.А. Михайлова и [др.] ; под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с.	265
Патроева Н.В. Рецензия на книгу: Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / С.С. Волков, С.С. Дубова, Н.В. Карева, Н.А. Кузнецова, Е.М. Матвеев, А.С. Смирнова, А.Е. Трофимов, М.Г. Шарихина; науч. ред. С.С. Волков, Е.М. Матвеев, М.Г. Шарихина. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 352 с.	272

CONTENTS

LINGUISTICS

Debrenne M. Writing commentaries for the Big Annotated French Associative Dictionary	5
Dubovitskaya M.A., Kamalova S.D. The image of language and metalinguistic commentary in multicultural literature	17
Ignatov I.A. Semantics and functioning of the word “lichnost’ ” in the Russian literary language of the 18th – first decade of the 19th centuries	44
Khakimova E.M. Russian-language podcasts as modern discursive practice and research subject	72
Khorsun I.A., Chalova O.N. Pragmatics of the coronavirus discourse (based on internet news articles about coronavirus)	96

LITERATURE STUDIES

Volkov I.O., Zhilyakova E.M. “This collision of two ideas, two rights, two equal motives ...”: Turgenev’s perception of Sophocles’ tragedy <i>Antigone</i>	106
Kuznetsova N.V. The modes of social adaptation in Stendhal’s novel <i>The Red and the Black</i>	141
Lebedeva O.B. The visual Roman diary of Vasily Zhukovsky	159
Minchik S.S. Why Alexander Griboyedov was invited to Berdychiv in 1825	184
Pesterev S.K., Ivanova S.A. Restoring the portrait of a Parisian lady: Documents in Mark Aldanov’s essay “Zigett v Dni Terrora”	198
Poplavskaya I.A. Grigory Potanin’s eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article I)	213

JOURNALISM

Nikonova N.E., Danielyan T.R. Translated fiction in the newspaper <i>Kavkaz</i> (1885–1918)	234
Sidorov V.A. Self-censorship in journalism: The dialectics of professional culture distortions	250

REVIEWS

Kolesnikova E.I. On the fates of a literary text in the cultural space. Book Review: Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021) <i>Fenomen zateksta</i> [The Phenomenon of Aftertext]. Yekaterinburg: Ural University Press. 392 p.	265
Patroeva N.V. Book review: Volkov, S.S. et al. (2022) <i>Slovar’ antroponimov v russkoy panegiricheskoy poezii XVIII veka</i> [Dictionary of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. 352 p.	272

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/19986645/84/1

Создание комментариев для «Большого аннотированного французского ассоциативного словаря»

Мишель Дебрэнн¹

¹ *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
micheledebrenne@gmail.com*

Аннотация. Большинство реакций в ассоциативных словарях вызваны языковыми стратегиями респондента. Однако ряд реакций (имена собственные, цитаты, аллюзии и др.) нельзя так объяснить. Их трудно интерпретировать, особенно иноязычному читателю, и их необходимо снабдить комментарием. Также неочевидными могут оказаться реакции, вызванные языковой игрой или идиоматикой. В статье представлены принципы создания комментариев для «Большого аннотированного французского ассоциативного словаря» (2022).

Ключевые слова: ассоциативный словарь, французский язык, прецедентные феномены, игра слов, идиоматика, глоссирование, комментарии

Для цитирования: Дебрэнн М. Создание комментариев для «Большого аннотированного французского ассоциативного словаря» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 5–16. doi: 10.17223/19986645/84/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/1

Writing commentaries for the Big Annotated French Associative Dictionary

Michèle Debrenne¹

¹ *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, micheledebrenne@gmail.com*

Abstract. This article presents a system of commentaries I propose to implement in the Big Annotated French Associative Dictionary (BAFAS), which is being created on the basis of previously collected dictionaries of associations for the French language (2010 and 2020). Usually, most of the reactions appearing in the associative fields of any associative dictionary are caused by respondent's paradigmatic and syntagmatic strategies, and depend on the nature of language itself. However, several reactions such as proper names, quotations, allusions, puns etc. cannot be explained by these strategies. After some years such responses can be difficult to interpret, especially by a foreign language user, and it is the reason why they need to be commented. In this project, 10 120 reactions (about 5%) were commented out of the 212 618 different stimulus → reaction pairs found in BAFAS. Among the reactions needing to be

commented are proper names (e.g., anthroponyms, toponyms, ergonyms, brands) and several types of “textual precedence” (names of works of art, quotations from literature, songs, slogans, aphorisms, etc.). Among reactions which are difficult to interpret are idioms – from set expressions to proverbs. Puns are abundant in French associative dictionaries; they complicate the relationship between stimulus and reaction, and should also have commentaries, in combination with other types of specific reactions if necessary. Writing of commentaries is based on the following principles: glosses should be short, standardised, and should not become an encyclopaedia entry. They must only draw the dictionary user’s attention to the extra-linguistic or idiomatic cause of a particular reaction. The choice of reactions to be commented is largely based on the intuition of the researcher, but the untranslatability of the reaction in the context of a given stimulus is a good criterion. The same response can be commented differently, depending on the nature of its relation to the stimulus, and for the same reason different responses to the same stimulus can receive one and the same commentary. Depending on the type, the commentary will explain the meaning of the reaction, indicate the full text of the quotation or expression from which it is taken, and, if necessary, clarify the nature of its relation to the stimulus. In some cases, the presumptive nature of the commentary is indicated. The time and extra-linguistic situation in which a reaction was received should be taken into account and it should be possible to edit commentaries on the project website. This also applies to the few reactions for which no explanation could be found yet.

Keywords: associative dictionary, French language, textual precedence, pun, idiom, interlinear gloss, commentary

For citation: Debrenne, M. (2023) Writing commentaries for the Big Annotated French Associative Dictionary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/1

Введение

За последние десять лет нами были разработаны различные ассоциативные словари французского языка [1–5], с которыми можно ознакомиться на сайте <http://dictaverf.nsu.ru>:

– «Французский ассоциативный словарь» (2010) (далее ФАС-1), основанный на результатах ассоциативных экспериментов, проведенных между 2008 и 2009 гг. на базе списка стимулов из 1 100 слов. Были получены 543 569 реакций, среди которых 14 532 появляются больше одного раза.

– «Французский ассоциативный словарь» (2020) (далее ФАС-2). Список стимулов из 1 000 существительных, глаголов, прилагательных, знаменательных наречий взят из частотного словаря французского языка [6], эксперимент проходил в 2019–2020 гг. Были получены 506 317 реакций, среди которых 14 600 появляются больше одного раза.

Для исследовательских целей была предпринята обработка реакций для составления обратного словаря (перенос детерминативов и предлогов в скобки после слова, лемматизация и др. см.: [5, 7]). Наличие двух словарей, собранных с интервалом в 10 лет, позволяет проводить некоторые диахронические исследования. Тем не менее мы считаем, что большой интерес также представляет и суммарное рассмотрение полученных данных, по-

этому было предложено собрать объединенный ассоциативный словарь французского языка на основе 1 410 общих стимулов. Как представляется, именно этот словарь, для которого мы предлагаем название «Большой аннотированный французский ассоциативный словарь» (БАФАС)¹, может быть наиболее востребованным, и мы поэтому предлагаем снабдить его комментариями. Поскольку словарь представлен в электронном виде, комментарии будут доступны на экране в виде всплывающего окна. В случае печатного издания они проявятся в виде сносок внизу страницы. Несмотря на то что большинство пользователей ассоциативных словарей находятся в России, ввиду популярности этого вида лексикографического описания лексики мы предлагаем выбрать для комментариев язык словаря (в нашем случае – французский), чтобы ими могли пользоваться все те, кому понадобится словарь.

О необходимости глоссировать некоторые реакции

Большинство реакций, собранных в ходе ассоциативных экспериментов, вызваны парадигматическими или синтагматическими лексическими связями, например в парах *président* → *célèbre*² (президент → знаменитый) или *président* → *Sarko* (президент → Сарко – от «Саркози»). Тем не менее около 10% ассоциаций опираются на внеязыковые знания, например на прецедентные феномены. Поскольку прецедентность явление не постоянное, по прошествии некоторого времени не все носители данного языка способны распознать, почему предложена та или иная реакция. К тому же, для иноязычных пользователей ассоциативных словарей подобные реакции могут оказаться и вовсе непонятными. Так, например, обстоят дела с некоторыми другими реакциями на стимул «президент». Реакция *Zébulon* вызвана прозвищем президента Франции Николя Саркози (а именно он был президентом в то время, когда проходил первый эксперимент): мультипликационный персонаж *Зебулон* – раздражительный, краснолицый и гиперактивный чертик на пружинке, и так стали называть президента. Пользователи словаря будущего могут о данном мультфильме ничего не знать, а, скажем, русскоязычные читатели удивятся, почему президент Франции назван *Завулоном* (русскоязычный вариант имени данного библейского персонажа), который для них ассоциируется со страшным персонажем из романов С. Лукьяненко. Вторая реакция *Casse-toi pauvre con* («проваливай, придурок») – воспоминание о казусе, случившемся с этим

¹ Термин «аннотированный» для названия словаря выбран для сохранения параллелизма с франкоязычным вариантом «Grand dictionnaire associatif français annoté», хотя в русском, возможно, больше подходил бы вариант «Большой ассоциативный словарь французского языка с комментариями».

² Запись *président* → *célèbre* означает, что на стимул «président» (президент) была дана реакция *célèbre* (знаменитый). В данной статье мы не учитываем частотность данных реакций.

же президентом на сельскохозяйственной выставке, когда он оттолкнул от себя отказавшегося жать ему руку посетителя, забыв, что микрофоны журналистов включены и реплика попадет в эфир. Что касается третьей реакции, *camembert* (камамбер), она соотносится с брендом «Президент», известным и за пределами Франции.

В некоторых случаях можно лишь предположить, что реакция вызвана внеязыковыми факторами. Например, наличие имени собственного в качестве реакции на стимул «сестра» в паре *sœur* → *Emmanuelle* может быть вызвано наличием у респондента сестры по имени Эмманюэль. Тем не менее мы считаем необходимым указать на возможную отсылку к популярной во Франции личности (1906–2008), монахине ордена Богоматери в Сионе, очень харизматичной персоне, известной своими яркими появлениями на телевидении.

Как видно из приведенных примеров, ассоциативные словари богаты страноведческим материалом, мимо которого легко можно пройти. В данной работе мы используем понятие «прецедентный феномен» в том виде, в котором оно было предложено в работах Ю.Н. Караулова [8] и В.В. Красных [9]. В ассоциативных словарях можно встретить прецедентные тексты, например *guerre* → *et paix* (война → и мир), *autant* → *en emporte le vent* (столько → унесет ветер, французский вариант названия романа «Унесенные ветром»), цитаты, как приписанные историческим персонажам фразы, так и рекламные или политические лозунги, например *changement* → *c'est maintenant* (изменение → это сегодня, лозунг Франсуа Олланда в ходе президентской кампании 2012 г.). Возможны собственные имена, соотносящиеся с известными во французской лингвокультуре текстами или ситуациями, например *auteur* → *Barthes* (автор → Барт, потому что одним из тезисов известного семиотика Ролана Барта был «смерть автора») или *campagne* → *Napoléon* (кампания → Наполеон). Лицо, обозначенное собственным именем, в реакции может символизировать определенные качества, как в паре *argent* → *Picou* (деньги → Пиксу – под этим именем французам известен анимационный персонаж дядя Скрудж, славящийся богатством и жадностью). Наконец, прецедентной может оказаться целая ситуация: *accord* → *Evian* (договор → Эвиан – намек на Эвианские соглашения, положившие конец войне между Францией и Алжиром в марте 1962), *accuser* → *affaire Dreyfus* (обвинять → дело Дрейфуса, от названия статьи Э. Золя «Я обвиняю», сыгравшей большую роль в пересмотре данной юридической ошибки) или *appel* → *18 juin* (призыв → 18 июня, речь, произнесенная по английскому радио Шарлем де Голлем 18 июня 1940 г., после которой началось движение Сопротивления). В данной работе мы не собираемся обсуждать суть прецедентности или ее типов. Наша цель в другом – показать, как можно глоссировать подобные феномены в ассоциативном словаре.

Большая группа прокомментированных реакций представлена идиоматическими выражениями (фразеологизмами, пословицами, устойчивыми выражениями и словосочетаниями). Классификация типов этих реакции не

входит в задачу комментатора – мы лишь указали на то, что реакция вызвана наличием выражения, мимо которого мог пройти читатель, например, пара *dent* → *loup* (зуб → волк) сопровождается комментарием «avoir des dents de loup» (иметь волчьи зубы) – «быть очень голодным», а пара *forme* → *frite* (форма → картофель фри) – комментарием «avoir la frite» – «être en forme» («иметь картофель фри» означает быть в форме).

Игры слов – отдельная категория реакций, требующая глоссирования. По нашим наблюдениям, не менее одного процента пар стимул → реакции содержат языковую игру в той или иной мере: рифмовка, каламбур, реакция на омофон или омофон ожидаемой реакции [10, 11]. В некоторых случаях интерпретация природы связи между стимулом и реакцией может казаться спорной, и мы в таком случае отмечаем это в глоссе, например в паре *nature* → *sein* (природа → грудь), которую можно интерпретировать по-разному: либо как семантически осмысленную, ведь «грудное вскармливание» (а существительное *sein* и означает грудь в значении «грудная железа») – «естественное» (*naturel*). Но, скорее всего, в ответе респондента совмещены две тактики: семантическая связь «природа» – «здоровый» (*nature* → *sain*) и омофония *sein* – *sain*. Пара *nature* → *sein* в таком случае объясняется либо смещением (орфографической ошибкой), либо желанием подставлять одно слово вместо другого, играть словами. Нужно учесть, что игра слов, каламбуры – высококотирующаяся во французской лингвокультуре практика, и нередки случаи, когда респондент подчеркивает (пунктуационным знаком, смайликом, а то и собственным комментарием), что намеренно сострил, например *père* → *fusion* ;) . Пара «отец → фузия» бессмысленна, зато сумма составляющих «пер» + «фюзьон» дает новое слово *perfusion* (капельница), что респондент и подчеркивает смайликом ;) . К тому же игровые реакции не всегда единичны – некоторые стимулы, в особенности такие односложные и многозначные, как *fois* (раз), *mot* (слово), *mal* (зло) и другие, вызвали десятки каламбурных реакций, среди которых есть и повторяющиеся.

В реакции могут сочетаться прецедентность и игра слов. Так, например, пара *fédéral* → *nous voilà* (федерал → вот и мы) одновременно вызвана узнаваемой носителями французской лингвокультуры цитатой из детской патриотической песни времен Второй мировой войны, адресованной маршалу Петену, *Maréchal, nous voilà!* («Маршал, вот и мы!») и игрой слов на паронимах *maréchal* – *fédéral*. Аналогичная пара встречается и для стимула «генерал» – *général* → *nous voilà*.

Таким образом, всего из 212 618 различных пар типа «стимул → реакция» БАФАСа нами были прокомментированы 10 120 реакций, что составляет около 5%. При этом мы осознаем, что могли пройти мимо «интересной» реакции. Работа проводилась исключительно вручную, и основным критерием выбора кандидата на глоссирование была интуиция – «основано ли появление данной реакции на внеязыковом факторе, на наличии ФЕ или игре слов?». Проверочным критерием может служить и следующий вопрос: «осмыслен ли перевод данной пары «стимул – реакция» на другой

язык». Так, казалось бы, «безобидная» пара *professeur* → *moustache* (профессор → усы) может объясняться чисто семантически – усы могут быть «атрибутом» профессора. Тем не менее проверка показала, что «Professeur Moustache» – известный научно-популярный мультипликационный сериал на франко-немецком телеканале ARTE. Индикатором «подозрительного» характера реакции может служить и ее рекуррентность: так, стимул *particulier* (особенный) вызвал такие реакции, как *partenaire* (партнер), *partenaire particulier* (особенный партнер) и *cherche partenaire particulière* (ищу особенную партнершу). Взятые в отдельности реакции могли не казаться чем-то особенным, но в совокупности они вызывают подозрение. Они оказались отсылкой к названию песни французской рок-группы Indochine «Partenaire particulier».

Ниже мы прокомментируем принятые нами решения при глоссировании отдельных групп реакций. В БАФАСе комментарии даны на французском языке, поскольку предполагается, что пользователями этого словаря могут быть носители любого языка, знающие французский. В настоящей статье комментарии приводятся в переводе на русский язык.

Собственные имена. В БАФАСе представлены собственные имена различных типов, большинство из которых (помимо общеизвестных, для которых связь со стимулом очевидна) были снабжены комментарием. При этом мы считаем, что комментарий не должен заменять собой энциклопедическую статью, а лишь служить для пользователя словаря стимулом к дальнейшему поиску. По этим причинам, например, мы намеренно не стали уточнять национальную принадлежность этих персоналий.

Для известных личностей указаны годы жизни (или «род. в...» для современников) и обобщенный род деятельности (писатель/писательница, певец/певица и др.). Когда нужно, в комментарии объясняется причина появления данной реакции (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Пример комментария для антропонима

Стимул	Реакция	Комментарий
<i>étranger</i> (иностранец, хотя здесь более подходящий перевод «чужой»)	Samus (Камю)	Писатель (1913–1960), роман «Чужой»

Среди имен собственных (антропонимов), упомянутых в ассоциативном словаре, много фиктивных личностей: персонажей произведений литературы, комиксов, сказок и др. (табл. 2).

Среди собственных имен встречается большое количество топонимов. Мы решили систематически указывать при случае «город во Франции» или «регион во Франции», а также – кратко – известные улицы, площади и другие достопримечательности. Немало топонимов, вызванных в качестве реакции в силу игры слов (табл. 3).

Т а б л и ц а 2

Пример комментария для имен вымышленных персонажей

Стимул	Реакция	Комментарий
espace (космос)	Tintin (Тинтин)	Персонаж комиксов. Намек на графические романы Эрже «Цель – Луна» и «Мы ходили по Луне»
jardin (Сад)	Zadig (Задиг)	Персонаж из философских сказок Вольтера. Ошибочная аллюзия на цитату «нужно возделывать свой сад» (ее говорит другой персонаж, Кандид)
jaune (желтый)	Pikachu (Пикачу)	Персонаж из видеоигры «Покемон». Он желтого цвета

Т а б л и ц а 3

Пример комментария для топонимов, вызванных игрой слов

Стимул	Реакция	Комментарий
province	Laval	Город во Франции или Канаде
foi (вера)	Foix (Фуа)	Игра слов, основанная на омофонии. Фуа – город во Франции
somme (сумма)	Les Deux-Sèvres (Ле-дэ-Севр)	Игра слов: Сомма и Ле-дэ-Севр – департаменты во Франции
digne (достойный)	bains (купанье)	Игра слов: Динь-лэ-Бен – город в Альпах
digne (достойный)	Alpes (Альпы)	Игра слов: Динь-лэ-Бен – город в Альпах

Как видно из примеров, разные реакции могут вызвать одинаковые комментарии. По возможности мы постарались унифицировать комментарии до максимума.

Среди примечательных собственных имен в БАФАСе можно заметить большое количество брендов. Для них был предложен однотипный комментарий «*appellation déposée*» (зарегистрированный бренд) с указанием в скобках рода деятельности предприятия или вида товара. В случаях необходимости разъясняется и игра слов (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Примеры комментариев для брендов

Стимул	Реакция	Комментарий
bière (пиво)	Münsterbrau	Зарегистрированный бренд (марка пива)
rencontre (встреча)	Meetic	Зарегистрированный бренд (приложение в интернете)
avis (совет)	Herz	Игра слов: Авис и Херц – фирмы по прокату автомашин
Proche	Porsche	Зарегистрированный бренд (автомобили)

Прецедентные тексты. Среди реакций, требующих глоссипования, немало цитат и фрагментов текста. Это могут быть названия произведений искусства (песен, книг, фильмов, теле- или радиопередач, картин, скульп-

тур, памятников истории и др.), а также цитаты из текста известных песен. Встречаются также пословицы, устойчивые выражения, сращения, иногда – в усеченном виде. В комментариях мы постарались привести прецедентный текст полностью, в случаях необходимости – с пояснением. Все буквенные сокращения, попадающая в реакциях, также раскрыты (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Примеры комментариев для цитат и устойчивых выражений

Стимул	Реакция	Комментарий
année (год)	érotique (эротический)	Намек на песню Сержа Гэнсбурга «1996 – эротический год»
manifester (демонстрировать)	АСАВ	АСАВ с английского «All cops are bastards» – все копы – сволочи
long (длинный)	bras (рука)	«Иметь длинную руку» – иметь связи
mardi (вторник)	c'est ravioli (равиоли)	«Сегодня понедельник, едим ravioli», ошибочная цитата из фильма 1988 г. «Жизнь – не спокойная река»
embrasser (целовать)	qui vous voudrez (кого захотите)	«Целуйте, кого хотите» – слова из детской считалочки. Также название фильма 2002 г.
spécial	envoyé	«Специальный корреспондент» – сращение и название телепередачи
nature (природа)	galop (галоп)	Пословица: «Изгоняйте природу, она возвращается галопом»

Как видно из примеров, в некоторых случаях невозможно определить, основана ли реакция на наличии устойчивого выражения или на том, что данное выражение использовано в названии фильма, телепередачи или другого произведения, что нередко встречается. В таких случаях нам показалось важным указать и ту и другую информацию, нарушая принцип краткости, который мы выбрали для комментариев.

Подчеркнем, что некоторые реакции такого типа обладают большой устойчивостью. Так, прилагательное *impossible* (невозможное) регулярно ассоциируется с выражением *n'est pas français* (это не по-французски) в самых разных вариантах, цитируя приписываемое Наполеону Бонапарту выражение «Невозможно – это не по-французски». Так, в ФАС-1 были найдены 22 реакции *français* (французский), 9 *pas français* и 7 *n'est pas français* (не французский), по одному разу *n'est pas* (не является) и *n'est pas breton* (не по-бретонски), в целом 40 реакций из 509, полученных на данный стимул, что составляет 7,89%. В ФАС-2 соблюдается такая же пропорция, к приведенным реакциям добавилась фонетически написанная *nerpagauloi* (не по-галльски).

Общие принципы глоссирования

Глоссирование словаря не ограничивается приведенными примерами, но мы надеемся, что из них вырисовываются некоторые общие принципы,

основанные на нашем желании обратить внимание читателя на все неожиданные реакции, чем бы они ни были вызваны. По этой причине среди прокомментированных реакций попадают и некоторые реалии, как, например, указание на то, что во французских школах принята 20-балльная оценочная шкала, или о том, что во Франции божья коровка – это к счастью.

При этом мы не хотели превратить ассоциативный словарь в энциклопедию и постарались свести глоссы к минимуму. Поэтому, к примеру, была выбрана формулировка «песня такого-то певца», без уточнения, является ли он автором текста и/или музыки или ее исполнителем. При этом, как мы видели, в некоторых случаях приходится дать развернутый комментарий. Например, в случае *volonté* (воля) → *de faire* (делать). Несмотря на существование омофонического устойчивого выражения *volonté de fer* (железная воля), мы уверены, что в реакции *de faire* нет орфографической ошибки. Тому доказательство вторая, аналогичная пара *volonté* (воля) → *volonté de faire* (желание делать). Таким образом, в комментарии указывается следующее: «возможная игра слов с омофоном “*volonté de fer*” под влиянием устойчивого выражения “*volonté de bien faire*” – желание сделать хорошо».

Мы видели, что разные реакции могут получить один и тот же комментарий. С другой стороны, одна и та же реакция может быть прокомментирована по-разному, поскольку она могла быть вызвана различными причинами (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Пример различных комментариев при одной и той же реакции

Стимул	Реакция	Комментарий
lecture (чтение)	Voltaire (Вольтер)	Писатель и философ (1694–1778)
lumière (свет)	Voltaire (Вольтер)	Писатель и философ (1694–1778) века Просвещения
tomber (падать)	Voltaire (Вольтер)	Цитата из «Отверженных» Виктора Гюго «Я упал на землю, во всем вина Вольтера», песня умирающего Гавроша
cabaret (кабаре)	Voltaire (Вольтер)	«Кабаре Вольтер» – музыкальная группа

При составлении комментариев также важно учитывать временной фактор: так, пара *Ensemble* (вместе) → *Emmanuel* (Эмманюэль) не может объясняться наличием политического движения *Ensemble!*, поскольку оно было создано по инициативе президентского большинства в 2022 г., когда сбор материала для словаря был уже завершен. По всей вероятности, реакция – аллюзия на лозунг Эмманюэля Макрона, кандидата в президенты в 2017 г. *Ensemble la France* (вместе – Франция).

Заключение

Созданная система комментариев сама по себе может стать предметом внимательного изучения: интересны и содержание комментариев, и их те-

матическое распределение. На наш взгляд, также интересно рассмотреть, для каких реакций понадобилось писать больше всего комментариев и почему. Одним из таких лидеров, безусловно, является стимул *prince*, несмотря на свою, казалось бы, однозначность. На данный стимул были получены 86 различных реакций, из которых 36 были прокомментированы. Больше всего было аллюзий на десерт, состоящий из двух круглых печений с кремом фирмы Lefèvre Utile (LU), популярный среди французских детей в качестве полдника, в виде реакций типа *biscuit* (печенье), *Prince de LU* (принц ЛЮ), *de LU*, *LU* (фирма «ЛЮ»), *chocolat* (шоколад), *gâteau* (пирожное). На реакции *petit* (маленький), *Saint Exupéry* (Сент-Экзюпери), *renard* (лиса) даны комментарии «'Маленький Принц', произведение А. де Сент Экзюпери», а реакции *mort* (умер), *pop* (поп-музыка), *musique* (музыка), вызваны смертью музыканта Принса Роджерса Нельсона, прозванного принцем поп-музыки. Среди реакций есть и намеки на литературные произведения («Государь» Маккиавелли, «Принц Эрик» – серия романов для детей, «Принц и Нищий» Марка Твена, «Принц Вэльянт» – комиксы и фильмы), на песни различных групп и исполнителей, на сказочные (прекрасный принц, лягушка), мифические (Князь тьмы) и исторические персонажи – князь Монако, Иоанн Безземельный, французский дофин и даже на прозвище сына президента Николя Саркози. Одни реакции также вызвали «богатый урожай» комментариев, другие же, наоборот, ни одного, что требует отдельного рассмотрения.

Мы осознаем, что предложенная система комментариев может быть усовершенствована, и что круг реакций, нуждающихся в глоссировании, не закрыт. На данный момент для двух сотен реакций указано «нет объяснений», поскольку так и не нашли экстралингвистического объяснения для реакции, не поддающейся расшифровке исходя из лексических отношений. Такое встречается часто при реакциях – личных именах, поскольку они могут быть вызваны личными ассоциативными стратегиями респондента, о которых нам неизвестно. Так, если пара *joli* (красивый) → *Angéline* объясняется аллюзией на актрису Анжелину Джоли, пары *logique* (логичный) → *Julie*, *lourd* (тяжелый) → *Luc*, *magnifique* (великолепный) → *Gael* ничем пока не удастся объяснить. Для этого, мы полагаем, должна быть предусмотрена возможность редактирования комментариев на сайте и добавления новых.

Список источников

1. *Debrenne M.* La création du dictionnaire des associations verbales du français // Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF. 2010. P. 1663–1673.
2. *Debrenne M.* La lexicographie associative : vers un nouveau dictionnaire français des associations évoquées par les mots // Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF. 2018. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20184605005> (дата обращения: 23.08.2022).
3. *Debrenne M.* Les associations évoquées par les mots : collecte, analyse, exploitation // CoReLa 18-1 | 2020. URL: <http://journals.openedition.org/corela/11426> (дата обращения: 23.08.2022).

4. Дебрени М. Французский ассоциативный словарь. Т. 1: От стимула к реакции; Т. 2: От реакции к стимулу. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010.
5. Дебрени М. Французская ассоциативная лексикография. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. 260 с.
6. Lonsdale D., LeBras Y. A frequency dictionary of French: Core vocabulary for learners. London ; New York : Routledge, 2009. 680 p.
7. Дебрени М. Особенности составления обратных ассоциативных словарей // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2 (44). С. 50–61.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 363 с.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
10. Debrenne M. «Impossible nepagoloi» ou le jeu dans les dictionnaires d'associations évoquées par les mots // CoReLa. 19/2.2021. URL: <http://journals.openedition.org/corela/13242> (дата обращения: 23.08.2022).
11. Debrenne M. «Fédéral → nous voilà!» de la nécessité d'annoter les dictionnaires d'associations évoquées par les mots // Actes du 8e Congrès Mondial de Linguistique Française Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF. 2022 SHS Web Conf., 138 (2022). 04014. doi: 10.1051/shsconf/202213804014. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/08/shsconf_cmlf2022_04014/shsconf_cmlf2022_04014.html (дата обращения 23.08.2022).

References

1. Debrenne, M. (2010) La création du dictionnaire des associations verbales du français. *Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF 2010*. EDP Science. pp. 1663–1673.
2. Debrenne, M. (2018) La lexicographie associative: vers un nouveau dictionnaire français des associations évoquées par les mots. *Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF 2018*. EDP Science. doi: 10.1051/shsconf/20184605005
3. Debrenne, M. (2020) *Les associations évoquées par les mots: collecte, analyse, exploitation*. CoReLa 18-1.2020. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/corela/11426> (Accessed: 23.08.2022).
4. Debrenne, M. (2010). *Frantsuzskiy assotsiativnyy slovar'* [French associative dictionary]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Debrenne, M. (2022) *Frantsuzskaya assotsiativnaya leksikografiya* [French associative lexicography]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Lonsdale, D. & LeBras, Y. (2009). *A frequency dictionary of French: Core vocabulary for learners*. London; New York: Routledge.
7. Debrenne, M. (2020) Some aspects of the compilation of reverse associative dictionaries. *Voprosy psikholingvistiki*. 2 (44). pp. 50–61. (In Russian). doi: 10.30982/2077-5911-2020-44-2-50-60
8. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
9. Krasnykh, V.V. (2003). "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Friend" among "foes": myth or reality?]. Moscow: Gnozis.
10. Debrenne, M. (2021) "Impossible nepagoloi" ou le jeu dans les dictionnaires d'associations évoquées par les mots. CoReLa 19/2.2021. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/corela/13242> (Accessed: 23.08.2022).
11. Debrenne, M. (2022) "Fédéral → nous voilà!" de la nécessité d'annoter les dictionnaires d'associations évoquées par les mots. *Actes du 8e Congrès Mondial de Linguistique Française Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF 2022 SHS Web Conf*. 138 (2022) 04014. doi: 10.1051/shsconf/202213804014. [Online] Available from:

https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/08/shsconf_cmlf2022_04014/shsconf_cmlf2022_04014.html (Accessed 23.08.2022).

Информация об авторе:

Дебрени М. – д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: micheledebrenne@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M. Debrenne, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: micheledebrenne@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2022;
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 25.07.2022;
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 811.111
doi: 10.17223/19986645/84/2

Образ языка и металингвистический комментарий в мультикультурной литературе

Мария Анатольевна Дубовицкая¹, Софья Дамировна Камалова²

*^{1,2} Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия*

¹ clouddancing@mail.ru

² salyam19@mail.ru

Аннотация. Исследуется функционирование образа английского языка в художественных произведениях мультикультурных писателей. Цель статьи – выделить в мультикультурных произведениях метаязыковые комментарии для понимания того, как проявляется дихотомия «свой–чужой» в художественном мультикультурном дискурсе. На материале 82 проанализированных контекстов выявлены метаязыковые комментарии, т.е. интерпретационные замечания, касающиеся образа английского языка и культуры, являющиеся частью осмысления себя и своей идентичности.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, мультикультурная литература, выдвижение, гибридная идентичность, дихотомия «свой–чужой», лингвистические маркеры

Для цитирования: Дубовицкая М.А., Камалова С.Д. Образ языка и металингвистический комментарий в мультикультурной литературе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 17–43. doi: 10.17223/19986645/84/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/2

The image of language and metalinguistic commentary in multicultural literature

Maria A. Dubovitskaya¹, Sofia D. Kamalova²

*^{1,2} Moscow State Institute of International Relations MGIMO University,
Moscow, Russian Federation*

¹ clouddancing@mail.ru

² salyam19@mail.ru

Abstract. The article studies the image of the English language in fiction novels by multicultural writers, i.e. by authors who focus in their English-language novels on cultural and social differences between the dominant community and the minorities.

The literary image of a language represents “signified” and “signifier”, and is viewed as a result of the metalinguistic competence of an author. Verbally, it is expressed by means of the metalinguistic commentary, which is defined as a verbalized product of conscious reflection over the language code. The language serves simultaneously as a means and as an object of the author’s reflection. Multicultural writers perceive one language from the perspective of another language, culture or tradition, presenting the image of the “self” against the backdrop of the culture of the “other”. When constructing the literary image of the language or a character’s speech, metalinguistic commentary fulfils the functions of various linguistic markers, such as the marker of status, social class, education level, and the marker of identity. The aim of the article is to re-search metalinguistic commentary in multicultural literature in order to reveal the representation of the “self” and the “other”. The process of globalisation and the growing interest in the way social and cultural differences are reflected in a language as well as lack of linguistic and cultural research of a language as a literary image in multicultural literature make the article especially topical and relevant. The study is based on the analysis of 12 multicultural novels. The underlying methods of the research are: the method of continuous sampling; the method of observation of linguistic phenomena, which includes selection and systematisation of factual material; interpretative and descriptive methods; elements of contextual and stylistic analysis. As the research shows, the linguistic markers mentioned above build up the “self–other” dichotomy, which is considered fundamental in multicultural literature. The article analyses 82 samples of metalinguistic commentary, i.e. interpretative remarks concerning the image of the English language/speech and culture. Metalinguistic commentary in multicultural literature is viewed as part and parcel of comprehension of the self and identity, which manifests itself at the phonemic, lexemic, syntactic levels, as well as at the level of super-phrasal unity by means of foregrounding. The results of the study contribute to a deeper exploration of the issues of social identification in multicultural literature.

Keywords: metalinguistic commentary, linguistic markers, multicultural literature, stylistic foregrounding, hybrid identity, self–other dichotomy

For citation: Dubovitskaya, M.A. & Kamalova, S.D. (2023) The image of language and metalinguistic commentary in multicultural literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 17–43. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/2

Введение

Процесс глобализации, сопряженный с увеличением миграционных потоков, столкновением культурных ценностей, актуализирующим вопросы инаковости и идентичности, толерантности и мультикультурализма, оказал значительное влияние и на мировую литературу. Сегодня в современной англоязычной литературе особое место занимают произведения писателей, чьи корни находятся вне англоговорящего мира. Это могут быть работы писателей-мигрантов или выходцев из семей мигрантов, произведения на английском языке как на втором государственном языке бывших британских колоний и в целом произведения писателей-билингвов, творящих на английском языке. В отечественной науке такие произведения объединяют под термином *мультикультурная литература* [1. С. 10]. В США данный термин зачастую трактуется более широко. Происхождение автора отходит

на второй план, за основу берется содержательный аспект произведения. Так, В. Харрис, например, относит к мультикультурной литературе не только произведения, посвященные проблемам расовых и языковых меньшинств, но и книги, изображающие людей с ограниченными возможностями, представителей сексуальных меньшинств и произведения, затрагивающие проблемы гендерных ролей, межклассовых отношений и даже отношений между представителями разных поколений [2. Р. 117]. Большинство же американских исследователей дают более осторожные, но по-прежнему достаточно широкие определения, противопоставляя социокультурное большинство меньшинствам и закрепляя термин *мультикультурная литература* за произведениями о последних [2. Р. 5]. Тем не менее этническое происхождение автора в классификации мультикультурной литературы за рубежом все же учитывается. При этом выделяется параллельно-культурная и кросскультурная литература, т.е. в первом случае – произведения о культуре меньшинства, написанные «выходцами» из этой культуры, а во втором – произведения авторов, не принадлежащих меньшинству, но глубоко знающих культуру этого меньшинства и поэтому пишущих о нем [2. Р. 27–29].

Наряду с понятием «мультикультурная литература» очень часто используется термин «постколониальная литература». Однако важно помнить, что под последним исследователи подразумевают англоязычную литературу таких стран, как Индия, Пакистан, Бангладеш, Малайзия, Сингапур, Шри-Ланка, литературу стран Африки и Карибского бассейна, а кроме того, Мальты, Австралии, Новой Зеландии и даже Канады. Формально литературу США также можно было бы отнести к этой группе, однако в силу позиции влияния и роли неокolonизатора этой страны на мировой арене литературу США не относят к постколониальной [4. Р. 2]. Несмотря на широкий географический охват постколониальной литературы, данный термин представляет собой более узкое понятие, чем мультикультурная или кросскультурная литература и, следовательно, является неприемлемым для описания всего спектра произведений «родноязычной» и «второязычной» инокультурной литературы [5].

Эдвин Тамбу, в свою очередь, выделяет национально-этническую литературу на английском языке и вводит термин «мировая литература на английском языке» [6. Р. 405–427]. Эмма Досон-Варугиз предлагает конкретизировать определение литературы, опирающейся на варианты английского языка, и использует термин «литература на вариантах английского языка» (World Englishes Literature) [7]. Выбор правильного термина для описания огромного пласта литературы является важной и непростой задачей, однако основная проблема связана с огромным разнообразием произведений, которые очень сложно классифицировать.

В настоящее время все больше ученых подвергают критике взгляд на мультикультурную литературу с точки зрения национальной принадлежности и этничности [7–9], так как, помещая то или иное произведение в рамки мультикультурной литературы, исключается большая категория чи-

тателей. Правильнее, как нам кажется, говорить о мультикультурном взгляде на литературу, при котором возможно обсуждение тем расовой сегрегации, религии, этничности, гендерного и классового вопросов. Таким образом, любое произведение может стать мультикультурным, если оно затрагивает животрепещущие вопросы в обществе, способные вызвать резонанс из-за несходства или расхождения с общепринятыми стандартами. Принимая во внимание всю сложность и многоплановость вопроса, необходимо условное определение литературы, выходящей за рамки традиционного рассмотрения и анализа. Мы оставляем термин «мультикультурная литература» за его лапидарность и емкость, однако подразумеваем именно мультикультурный взгляд на литературу, не сужая и не умаляя художественной ценности самих текстов.

Идентичность и мультикультурализм

Своим происхождением мультикультурная литература обязана феномену мультикультурализма, который начал обсуждаться на рубеже 1960–1970-х гг. в политической риторике западных стран с целью поддержки этнокультурного населения и включения меньшинств в общий культурно-социальный контекст. Теоретическое обоснование мультикультурализма дано в статье либерального мыслителя Чарльза Тейлора «Политика признания» [11], в которой говорится о необходимости признания культурного разнообразия доминирующим ныне Западом. Уважительное отношение к ценностям и традициям разных этнических культур, по мнению ученого, является залогом успешного диалога культур и мирного урегулирования многих острых вопросов. Однако данная идеология не стала панацеей, а в некоторых случаях оказалась катализатором целого ряда конфликтов в силу того, что переплелось множество взглядов, отстаивающих либо политику «плавильного тигля», либо идеалы «культурной мозаики». Внутри этих течений образовалось огромное количество внутренних направлений и тенденций, существующих в режиме постоянных изменений.

Британский политолог Бхикху Парекх разделяет мультикультурное общество и гетерогенное общество, видя основное отличие в том, что в первом случае культурное и этническое многообразие признается ценностью, тогда как просто гетерогенное общество рассматривает многообразие как проблему [12. Р. 5–6]. Мультикультурализм, несмотря на многоплановость феномена, узнается сразу и определяется как политическая и социальная тенденция поддержки этнокультурного разнообразия общества. В США идея мультикультурализма возникла на фоне проблем с расизмом и межэтнической напряженностью. Появилась потребность интегрировать разные группы населения для преодоления расовой сегрегации и включения этнокультурных меньшинств в общеполитический контекст.

В связи с общей тенденцией в мире развивать идею поликультурного и полиэтнического взаимодействия возникает вопрос идентичности. Само слово «идентичность» семантически очень нагружено, трактовок этого

понятия очень много, но в целом можно выделить два подхода к рассмотрению идентичности: эссенциалистский и конструктивистский. Первый подход более жесткий, идентичность в нем рассматривается как нечто данное в рамках группы, в которой живет индивид. Идентичность predetermined и может подвергнуться лишь незначительным изменениям. Конструктивистская идея идентичности более гибкая и флюидная и предполагает, что в зависимости от изменения контекста идентичность подвергается трансформации. Некоторые ученые выделяют этническую, стабильную и культурно-языковую, более гибкую, идентичность [13. С. 116]. Изменчивость и постоянное развитие культурно-языковой идентичности отражены в термине «лингвокультурная компетентность личности» [14].

Взгляд на идентичность и язык в контексте мультикультурализма контрастирует с идеологией немецких романтиков. Если в XIX в. немецкий философ и писатель Иоганн Гердер говорил о неразрывной связи национальности и языка предков в сердце и душе [15], то на рубеже XX и XXI вв. абсолютная и непрерываемая связь родного языка и идентичности ставится под сомнение. Профессор Офелия Гарсия, известная своими работами в области двуязычия, языковой политики и социолингвистики, подчеркивает процессуальность, изменчивость и диалогичность языка и этнической идентичности в зависимости от общественно-культурного контекста. В связи с этим Гарсия выбирает два термина – *linguaging* и *ethnifying* в неличной форме глагола, чтобы подчеркнуть постоянное взаимодействие с другими при меняющихся обстоятельствах в процессе «озвучивания» себя и формировании своей идентичности [16]. Ролан Барт отмечал важную роль индивида в определении границ внутри группы, в том числе и этнических. Среди многообразия черт и особенностей каждый в группе выбирает то, что соотносится с ним, причем этот выбор не является окончательным, а может изменяться с течением времени [17]. Американский исследователь постколониализма Х. Бхабха переосмысливает символические границы и знаки Р. Барта и видит неуловимые следы и признаки после «встречи с собой». Я и идентичность не есть что-то, что можно схватить, это что-то проявляется в моменты вопросов-ответов [18. Р. 49]. Вопросы возникают в наиболее напряженные моменты, когда необходимо сформулировать ответы для себя в конкретной ситуации. Эти вопросы обращены как вовне, так и вовнутрь. Самоопределение и идентификация имеют дискурсивную природу. При этом дискурсивная точка зрения предполагает описание действий и взаимодействий людей в контексте нарративов и сюжетов в культуре и обществе. Эти действия в социуме сопровождаются эмоциями и чувствами, а значит, должны интерпретироваться в соответствии с ситуацией и контекстом. В результате социального взаимодействия Я индивида выбирает наиболее близкие аспекты своего бытования, однако этот выбор не является окончательным, он может меняться с течением времени под давлением разных обстоятельств.

Непостоянство идентичности, а также ее фрагментарность подчеркиваются в рамках постструктуралистского подхода и объясняются наличием

разных дискурсов, пересекающихся в одних точках и вступающих в противоречия в других. Формирование идентичности сопровождается следующими действиями или практиками: нарративизация (продуцирование рассказов или историй на основе опыта для объяснения событий и хитросплетений настоящего времени и исторической действительности), репрезентация (символическое продуцирование значения), идеологическая интерпелляция (позиционирование субъекта институциональным дискурсом или правящей идеологией), перформативность (лингвистическое продуцирование идентичности, сопровождающееся актом называния ряда социальных и культурных норм) и символическое переосмысление (стремление переосмыслить знак данной идентичности, лишая его привычных значений, и наделить новыми концептуальными составляющими) [19. Р. 316]. Перформативность и символическое переосмысление происходят в процессе коммуникации, которая дает возможность идентичности реализоваться, совмещая стабильность и изменчивость. В связи с тем, что фокус может смещаться, разные аспекты идентичности также могут выдвигаться на передний план или попадать в тень дискурса. Идентичность не является данностью, которая задает тему и управляет коммуникацией, она лишь обладает потенциальностью выражения и изменения. Важно отметить, что процесс самопознания и осознания своей идентичности неразрывно связан с образом чужого. Своя идентичность воспринимается глазами другого, а собственная оценка неразрывно связана с оценкой другого. Конструирование собственной идентичности сопровождается оценкой и видением себя (*avowal*), а также тем, как другие видят и оценивают тебя (*ascription*) [20]. В мультикультурном аспекте «другой» будет представителем большинства, мейнстрима, на фоне которого будут происходить самопознание и саморепрезентация.

Роль художественной мультикультурной литературы

Как отмечает С.П. Толкачев, «писатели современных мультикультурных сообществ, каковыми и являются многие западные государства и, прежде всего, Великобритания, демонстрируют иное мировидение и мышление и тем самым учитывают нарративы плюралистичности, множественности, текучести, а порой и качественного скачка, связанного со становлением новой идентичности» [21. С. 119]. Безусловно, писатели, являющиеся носителями нескольких культурных традиций и систем ценностей в силу своего этнического/расового происхождения, обладают особой идентичностью, которую исследователи характеризуют как смешанную, переходную, двойственную, гибридизированную [21. С. 119–123]. Сегодня все больше исследователей рассматривают понятие гибридности как неотъемлемое свойство человеческой культуры в целом, и связано это не только с физической интеграцией различных сообществ, но и со способностью культуры реализовывать себя не через противопоставление, а через переплетение и сопоставление понятий идентичности и чуждости, через

открытость и динамическое развитие набора традиций и системы ценностей [22. Р. 341]. Вслед за «многоголосьем культур» М.М. Бахтина [23] в научный обиход вводится понятие «гибридности культуры» Х. Бхабхи [18] и концепт «транскультурности» В. Вельша [24]. В отличие от идей либерального мультикультурализма, идеализирующего равноправные отношения между отдельными культурами, рассматриваемыми как некие стабильные, гомогенные образования, принцип гибридности не критикует, а принимает неравенство культур, которые, в свою очередь, находятся в состоянии постоянного переопределения, границы между ними весьма подвижны. При этом главной ценностью данного принципа является предоставление возможности культуре не только большинства, но и меньшинства артикулировать себя и обрести нарративную форму, а значит, обладать правом наделять значениями [25. С. 290]. В том же ключе концепт «транскультурности», «представляющий этническое понимание культуры вне оппозиции собственной и чужой культуры, а как переплетение различных культур», не пытается нивелировать культурные различия, но призывает раскрыть их для достижения взаимопонимания между культурами [25. С. 288]. В произведениях мультикультурных писателей, находящихся в пограничном положении между пространствами разных культур, т.е. в «промежуточном пространстве», в пространстве «бытия за пределами», в состоянии «промежуточного перехода» (в терминологии Х. Бхабхи – *interstitial space, being in the beyond, interstitial passage*) [18. С. 2], как раз и происходит артикуляция и осмысление этих различий, трансляция культуры как динамично развивающейся, гетерогенной системы.

Художественный образ языка и речи в метаязыковом комментарии

Писатели, обладающие смешанной идентичностью (мультикультурные писатели), отличаются особым отношением к языку, на котором они творят, в том числе и в силу исторических особенностей его появления на родине предков в результате колониального прошлого. Язык часто становится не только средством выражения мысли, но и объектом пристального рефлексивного наблюдения, что приводит к созданию отдельных, литературно-художественных образов языка и речи. Иными словами язык сам становится художественным образом, т.е. одновременно обобщенной и конкретной «картиной бытия», создаваемой с помощью вербальных средств и художественно-композиционных приемов, а также обладающей эстетическим значением [26. С. 25].

Как отмечает С.П. Толкачев, художественный образ языка представляет собой намеренный языковой гибрид, располагающий двумя языковыми сознаниями, а именно изображаемым и изображающим, относящимся уже к другой языковой системе [1. С. 196]. В этом случае речь идет в первую очередь о восприятии одного языка с позиции другого языка, ведь мультикультурные писатели обладают, как уже отмечалось, гибридизированной идентичностью и являются носителями, как правило, нескольких языков.

С другой стороны, двойственность художественного образа языка объясняется так называемой метаязыковой компетенцией автора, предполагающей рассмотрение системы языка или речевой деятельности в качестве объекта рефлексии, когда языковая личность использует вторичный языковой код для интерпретации различных явлений языка [27. С. 25]. По мысли М.М. Бахтина, гуманитарное знание изначально подразумевает «мысли о мыслях», «переживания переживаний», «слова о словах», «тексты о текстах» [28. С. 297], что также указывает на метаязыковую составляющую человеческого мышления. Более того, как отмечал Б.М. Гаспаров, «человеку свойственно подвергать свой опыт рациональному осмыслению. В любом явлении мысль отмечает повторяющиеся элементы и признаки, фиксирует их, давая им кодифицирующие обозначения, и таким образом создает, более или менее осознанным путем, объективированное отображение этого явления. Так совершается осознание и упорядочивание всякого жизненного опыта» [29. С. 45]. Таким образом, метаязыковая деятельность является неотъемлемым элементом человеческого мышления. Р. Якобсон выделял метаязыковую функцию как одну из шести базовых функций языка, среди которых представлены также коммуникативная, апеллятивная, поэтическая, экспрессивная и фатическая [30]. Ученый писал о существовании двух уровней языка – так называемого объектного языка, который используется при описании внешнего мира, и собственно «метаязыка», которым мы пользуемся, говоря непосредственно о самом языке, в том числе и в повседневном общении при возникновении недопонимания между собеседниками [30].

Учитывая важность метаязыковой деятельности в обыденном языковом сознании, включающем в себя представления о различных сторонах тех или иных явлений повседневной жизни [31. С. 229], не возникает сомнений в наличии мощного экспрессивного потенциала метаязыковой компетенции у профессиональных писателей, мастеров слова. Действительно, как отмечает Т.А. Кравцова, языковая личность писателя обладает особой чувствительностью к языковому материалу, т.е. хорошо развитым метаязыковым сознанием. Кроме того, сознательность выбора языковых средств и умение прогнозировать реакцию читателя позволяют авторам художественных текстов более креативно подходить к вербализации метаязыковой рефлексии в отличие от рядовых носителей языка [27. С. 42–43]. Отметим, что вербализация в данном случае осуществляется в виде метаязыкового комментария, представляющего собой вербальный продукт «сознательной и осознанной рефлексии над языковым кодом» [27. С. 55], или, в терминологии И.В. Вепревой, в виде рефлексивов – интерпретационных высказываний, касающихся употребления некоей лексической единицы [32. С. 68]. Однако, по мысли Т.А. Кравцовой, термин «рефлексив» выходит за рамки языковой действительности, в то время как «метаязыковой комментарий» касается исключительно явлений языка или речи [27. С. 51], поэтому мы вслед за Т.А. Кравцовой будем использовать понятие «метаязыковой комментарий». Таким образом, объектом данного исследования явля-

ется метаязыковой комментарий, а предметом – функционирование образа английского языка и англоязычной речи в мультикультурной художественной литературе.

Согласно М.М. Бахтину, характеризовавшему язык художественной литературы как «самоосознающийся», являющийся объектом самого себя, автор художественного текста выражает экспрессивное отношение к образу языка посредством различных приемов, как, например, пародийное преувеличение, а также сопоставление и контрастирование с другими языками. При этом образ языка или образ речи, безусловно, одновременно является и образом человека [33. С. 292]. М.М. Бахтин подчеркивал, что речь персонажей, т.е. язык как таковой является не только средством, но и объектом изображения. Именно в этом ученый видел отличие литературы от других видов искусства. Более того, благодаря такому художественному осознанию и познанию языка осуществляется переход к творческому использованию последнего, преодолению «языковой наивности» и «языкового догматизма», «ограниченной одностильности» и «бессознательной многостильности». Такое отношение к языку поднимает его «на высший уровень его жизни, в сущности, новый и высший модус в жизни языка» [28. С. 291]. Об этом также писал В.Е. Хализев, согласно которому художественная словесность как неотъемлемый аспект художественной литературы отличается двуплановостью: речь, с одной стороны, является средством изображения, или материальным носителем образности, а с другой – предметом изображения. В способности литературы воссоздавать человеческую речь заключается важное отличие данного вида искусства от других [35. С. 121].

Более того, художественность произведения, под которой Е.Б. Борисова понимает «органическое соответствие формы содержанию», возможное в тех случаях, когда «содержание выражает идейно-эмоциональное отношение художника к действительности в ее эстетическом значении» [34. С. 15], позволяет с помощью таланта и воображения автора отразить целый поток смыслов, наслаивающихся друг на друга, актуализирующихся как эксплицитно в виде ярких художественных образов, так и имплицитно с помощью подтекста. Эстетическая устремленность при этом является одним из показателей художественности, а также образности, т.е. способности художественного произведения вызывать некую систему представлений [34. С. 16–21].

Отсюда ярко выраженная эстетическая составляющая метаязыкового комментария, которая в рассматриваемых нами произведениях наделяет язык как объект рефлексии образностью и высокой художественной ценностью, т.е. свойствами самостоятельного художественного образа. В этой связи интересно отметить, что, согласно Н.Д. Тмарченко, рефлексия в принципе представляет собой именно эстетическое отношение к какой-либо сфере деятельности [36]. Более того, по мнению М.Р. Шумариной, метаязыковые комментарии в художественном произведении видятся как «метаязыковые суждения, несущие эстетическую нагрузку» и при этом

осуществляющие образное приращение [37. С. 200]. Метаязыковой комментарий, реализующий художественный образ речи конкретного персонажа или языка в целом, особенно иностранного, неродного, как правило, сигнализирует о введении иного типа словесности и занимает позицию выдвижения, непременно обращая на себя внимание читателя. Более того, метаязыковые комментарии художественного произведения служат важными смысловыми опорами, облегчая декодирование текста [27. С. 68]. С помощью техники выдвижения, под которой подразумеваются «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней», метаязыковой комментарий не только выдвигается на передний план и становится более удобным для расшифровки, но и приобретает особую экспрессивность, погружаясь в образованный эстетический контекст [38. С. 51].

Важно отметить, что в процессе выдвижения автор направляет внимание читателей в нужное русло, концентрируя внимание на значимых со смысловой точки зрения моментах. В силу того, что этот процесс определяется индивидуально-авторской интенцией, мы можем говорить о высокой степени психологичности явления выдвижения. В результате выстраивается сложная иерархия текстовых смыслов, посредством которой актуализируется авторская точка зрения. Теория выдвижения является важным методологическим инструментом в выявлении языковых и экстралингвистических особенностей писателя [39. С. 50].

Актуализация метаязыкового комментария в мультикультурной литературе

В качестве материала исследования были выбраны 12 произведений мультикультурных писателей, где центральной темой является перекрёсток ценностей и представлений, вызванный соприкосновением с иной культурой. Важные с точки зрения культурного мышления и языка контексты, представляющие собой метаязыковой комментарий, были выбраны методом сплошной выборки. Источниками для исследования послужили романы нигерийской писательницы Ч.Н. Адичи «Половина желтого солнца» и «Американха», роман британского и пакистанского писателя М. Хамида «Фундаменталист поневоле», произведения английской писательницы англо-нигерийского происхождения Б. Эваристо «Девушка, женщина, иная», «Господин Ловерман» и «Душевные туристы», романы американской писательницы с иорданскими корнями Д. Абу-Джабер «Аравийский джаз» и «Язык пахлавы», американские романы русских писателей О. Грушиной («Сорок комнат») и М. Идова («Кофемолка»), эссе корейско-американского писателя Ён Ик Кима «Предприятие по написанию книг», а также рассказ американской писательницы китайского происхождения Эми Тан «Родной язык». Интерпретация и контекстуальный анализ были применены на основе мультикультурного подхода к литературе и вопросу

идентичности. Лингвостилистический анализ позволил проследить диалогичность языка и этнической идентичности в контексте общества и культуры. Примеры мультикультурной художественной литературы свидетельствуют о постоянном процессе выражения и «озвучивания» автором идентичности «своих» на фоне другой культуры. При этом понимание и репрезентация себя происходит именно при столкновении с «чужим» или при соприкосновении с «иным». Тонкая грань между чуждостью и инаковостью, заключающаяся в преобладании враждебного отношения между разными культурами в первом случае и заинтересованности и любопытства при выстраивании диалога между культурами – во втором, порождает новые смыслы в мультикультурной среде, что находит свое выражение в произведениях мультикультурных авторов [40].

Материал данного исследования подтверждает точку зрения Т.В. Шмелевой, рассматривающей метаязыковую рефлексивность и, соответственно, метаязыковой комментарий, являющийся вербальным продуктом последней, как наблюдение за различными фактами языка, а также за конкретными особенностями их речевого использования [41]. Иными словами, в проанализированных нами отрывках из мультикультурной художественной литературы метаязыковой комментарий затрагивает как различные уровни системы языка, так и индивидуальные речевые особенности, включающие различные интонационные характеристики, наличие определенного акцента и своеобразие произношения. Как отмечает Т.А. Кравцова, «метаязыковая рефлексия, осуществляемая на основе метаязыковой компетенции, это не столько отражение языка, сколько отражение в нем его носителя, его мышления, культуры, поведения» [27. С. 26].

Помимо использования традиционных способов создания образности, таких как выразительные средства и стилистические приемы, о которых также будет сказано ниже, художественный образ английского языка или англоязычной речи в мультикультурной литературе вырисовывается с помощью различных **лингвистических маркеров**, под которыми мы, вслед за Ю.А. Горностаевой, в широком смысле понимаем специфические языковые средства, позволяющие диагностировать какие-либо сложные явления, а в более конкретном – «вычленимые, подлежащие формализации и дальнейшей параметризации языковые единицы, указывающие на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления» [42. С. 94]. Во фрагментах из художественной мультикультурной литературы, содержащих метаязыковой комментарий, особое место занимают взаимосвязанные друг с другом **маркеры статуса, образованности и социального класса**, а также **маркеры идентичности и чуждости**.

Обратимся к примеру из произведения Ч.Н. Адичи «Американха» (Americanah):

(1) *Fred knew things. He had the confidence of a person who knew practical things. He probably had a Harvard MBA and used words like “capacity” and “value” in conversation* [43. P. 505].

В данном отрывке дается описание одного из членов сообщества нигерийцев, решивших вернуться на родину после обучения или работы в Англии или США. В представленном здесь метаязыковом комментарии лексемы *capacity* и *value* выступают в роли маркера высокого статуса, а также образованности собеседника и тем самым дистанцируют его от тех, кто не использует подобные слова в своей речи. Английский язык в Нигерии является официальным, однако лексикон рядовых нигерийцев, безусловно, отличается от словарного запаса тех, кто получил высшее образование за рубежом. Тем не менее это касается не только использования «модных» абстрактных слов носителями американского или британского вариантов языка. Зачастую речь не выезжавшего ранее за границы своей страны жителя Нигерии содержит более сложную, книжную лексику, чем речь образованных американцев.

(2) *Her parents liked to talk about their visit to Baltimore, her mother about the sales, her father about how he could not understand the news because Americans now used expressions like “divvy up” and “nuke” in serious news. // “It is the final infantilization and informalization of America! It portends the end of the American empire, and they are killing themselves from within!” he pronounced [43. P. 489].*

Метаязыковой комментарий относительно использования неформальных сокращений *divvy up* (от *divide up*) и *nuke* (от *nuclear*) в американских общественно-политических новостях противопоставляется и тем самым дополняется использованием в прямой речи пожилого нигерийца книжных лексем *infantilization* и *informalization*, образующих анафорический повтор и выстраивающих аллитерацию в сочетании с лексемой *final*. Глагольная форма *portends* также является примером книжной лексики, применение которой в неформальном общении наделяет ее эмоционально-оценочным звучанием с нотками иронии. В целом же в речи героя слышится горькое разочарование состоянием английского языка в США, что вновь имплицитно разделяет на круг «своих», т.е. тех носителей английского языка, которые не только берегут и чтут язык, но и осознают его богатство и красоту (в частности нигерийцев), и круг «чужих» – тех, кто нещадно упрощает и обесценивает язык (в данном случае, согласно герою произведения, это американцы), тем самым навлекая на себя деградацию. Таким образом, контраст между использованием разговорной лексики (*divvy up, nuke*) в публицистическом стиле, т.е. в языке средств массовой информации, и книжной лексики (*infantilization, informalization, portends*) в разговорном стиле, т.е. в неформальном общении между членами семьи, обсуждающими американские новости, создает юмористический эффект.

Особое место иронии в постколониальной, а значит, и мультикультурной литературе отмечали еще В. Нью [44] а также Б. Эшкрофт, Г. Гриффитс и Х. Тиффин [4. P. 27]. Действительно, языковая интерференция и основанная на ней игра слов в речи персонажей становятся ценным источником иронических и юмористических приемов, как, например, в следующем фрагменте:

(3) *He grew up in Onitsha and so you can imagine what kind of bush accent he has. He mixes up ch and sh. I want to go to the chopping center. Sit down on a sheer* [43. P. 302].

Пародирование акцента, содержащего фонетическую интерференцию, не только создает юмористический эффект за счет игры слов *shopping–chopping* и *chair–sheer*, но также является маркером необразованности и низкого статуса носителя этого акцента в восприятии автора высказывания, возводя преграду в общении между выходцами из одной культурно-этнической группы.

Как видно, в процитированном выше произведении Ч.Н. Адичи «Американха» образ английского языка и англоязычной речи представлен в двух ипостасях: американский английский и нигерийский английский. Метаязыковой комментарий, касающийся этой диады, неизбежно реализует традиционную для мультикультурной литературы дихотомию «свой–чужой» и основывается на использовании маркеров чуждости и идентичности.

(4) *Could I have a round-trip to Haverhill, please? Returning Sunday afternoon. I have a Student Advantage card,” she said, and felt a rush of pleasure from giving the t its full due in “advantage,” from not rolling her r in “Haverhill.” This was truly her; this was the voice with which she would speak if she were woken up from a deep sleep during an earthquake* [43. P. 216].

В данном фрагменте метаязыковой комментарий относительно особенностей произношения в американском английском и нигерийском английском, детально описывающий речевые особенности главной героини, служит индикатором ее идентичности, сознательного выбора ее культурно-этнической принадлежности.

Таким образом, металингвистический комментарий относительно акцента и его важности в дифференциации людей реализует одновременно маркеры статуса, социального класса и идентичности.

Особенно чувствительны к акценту оказываются люди с «гибридной идентичностью». Мелодичность и ритм голоса (*lilt*) перестают быть сугубо индивидуальной чертой, а становятся индикатором принадлежности к классу, как видно из произведения Бернардин Эваристо «Душевные туристы» (*Soul Tourists*):

(5) *Stanley had thought her accent familiar, and he now recognized it as the genteel lilt of Jamaica’s middle classes: that subtle inflection that the mother country’s schoolteachers could never iron out completely. His parents would mock her as **one-a dose hoity-toity Uptown Browns*** [45. P. 222].

Акцент среднего класса на Ямайке, насколько бы еле уловимым он ни был (*that subtle inflection*), является объектом насмешек в Лондоне. Шутливо-юмористическое отношение к говору выражается лексически (*hoity-toity*), графически (*hoity-toity Uptown Browns*) и фонетически (*one-a dose* вместо *one of those*). В обороте *one-a dose* присутствуют произносительные особенности в речи, которые выражаются в замене *of* на *a*, а также модификация звука [ð] на [d]. Эти особенности характерны как для креольского язы-

ка на Ямайке, так и для афроамериканского варианта. Среди образованного класса эти формы считаются просторечием и служат маркером недостаточно высокого класса и образованности.

Висмеиванию и скрытому осуждению могут подвергаться не только неместные акценты, но и отсутствие акцента; например, в другом романе Бернардин Эваристо «Девушка, женщина, иная» (*Girl, Woman, Other*) чисто британский акцент у чернокожих женщин может подвергаться осуждению из-за их желания принадлежать верхней прослойке среднего класса:

(6) ...*she ruined it by exclaiming, somewhat scornfully, how weird it was to hear so many black women sounding so **Britissshhh** ...Amma thought she was accusing them of being too white or at best, in-authentically black, she'd come across it before, foreigners equating an English accent with whiteness* [46. P. 82].

Фонетико-графическое выделение слова *Britissshhh* в метаязыковом комментарии передает сильные негативные чувства, связанные с якобы отказом от собственной идентичности и желанием достичь привилегированного положения в ущерб собственной совести (*being too white or at best, in-authentically black*).

В романе «Господин Любовник» (*Mr. Loverman*) Бернардин Эваристо рассказывает о любовных перипетиях двух мужчин, выходцев из Ямайки и Антигуа и Барбуда. Один из них по имени Бэррингтон Волкер в ироничной форме описывает наиболее драматичные моменты своей жизни. Со свойственным ему юмором Бэррингтон рассказывает об отношении разных людей к нему как иммигранту. Так, его бывший работодатель на заводе «Форд» выразил искреннюю благодарность за усердный труд на протяжении долгого времени, тем не менее в речи начальника сквозило непреднамеренное высокомерие, которое не скрылось от главного героя. Металингвистический комментарий здесь выражен на лексическом уровне:

(7) '*You are quite the joker... quite the raconteur*'. *He paused to study me, like he wasn't so sure I understood words of five syllables or ones that was a bit Frenchified, then added, 'Oh, you know, one who regales others with stories'* [47. C. 9].

Слово иностранного происхождения (*raconteur*) выступает маркером статуса и образованности, якобы давая право на превосходство. Метаязыковой комментарий включает определение слова (*one who regales others with stories*) и его происхождение (*Frenchified*). Однако Бэррингтон безошибочно считывает нюансы в речи собеседника и продолжает внутренний монолог с долей сарказма и юмора. Метаязыковое рассуждение главного героя о «Королевском английском» реализуется с помощью противопоставления высокого статуса общепринятого произношения (*the ins and outs of the Queen's English*) низкому статусу необразованного иммигранта (*back-a-bush dumb arse*):

(8) *Oh boy, I catch so much fire when people talk down to me like I'm some back-a-bush dumb arse who don't understand the ins and outs of the Queen's English* [47. P. 9].

Слово *back-a-bush*, которое использует Бэррингтон, является примером местного диалекта, на котором говорят Ямайцы, и обозначает необразованного человека из деревни. В сарказме героя читается его пренебрежение к маркерам статуса в речи, которые в действительности не являются доказательством образованности и интеллекта. Бэррингтон продолжает:

(9) ...*what if me and my people choose to mash up the h-english linguish whenever we feel like it, drop our prepositions with our panties, piss in the pot of correct syntax and spelling, and mangle our grammar at random? Is this not our postmodern, postcolonial prerogative?* [47. P. 9].

Фонетическое явление опускания гортанного фрикативного *h* в начале слов, которое получило название *h-dropping*, и наоборот, фонетическое приращение – *h-adding*, фигурируют в авторском неологизме *h-english linguish*. Данный неологизм участвует в метафоре с пейоративной оценкой и негативной эмотивностью (*piss in the pot of correct syntax and spelling*), где финальным приемом выступает фонетический прием – аллитерация (*postmodern, postcolonial prerogative*). Как видно из примера, металингвистический комментарий относительно акцента или звучания слова является маркером статуса или его отрицания вследствие навешивания ярлыков и стереотипизации.

Михаил Идов в американском романе «Кофемолка» (*Ground Up*) вкладывает в реплику героини британское пренебрежительное выражение (*sod off*) с аристократическим (*posh-Brit*) британским акцентом:

(10) *'Oh, sod off', said Nina in a posh-Brit twitter that occasionally came over her* [48. P. 10].

Хотя действие происходит в Нью-Йорке, главная героиня, будучи дочерью малайских китайцев, непреднамеренно употребляет в речи британские выражения и акцент, являющиеся индикатором статуса, образованности и престижа в Малайзии.

Актуализация маркеров чуждости и идентичности посредством сопоставления английского языка с другими языками в метаязыковом комментарии происходит также и на грамматическом уровне, как в следующем примере из произведения М. Хамида «Фундаменталист поневоле» (*The Reluctant Fundamentalist*):

(1) *If English had a respectful form of the word you – as we do in Urdu – I would have used it to address them without the slightest hesitation* [49. P. 111].

Сопоставление грамматических особенностей английского языка и языка урду, а именно различий в употреблении местоимений, усиливается также за счет использования личного местоимения *we* (*as we do in Urdu*), которое имплицитно базирует базовую дихотомию *we-you*, лежащую в основе процесса осмысления идентичности, осознания принадлежности индивида к определенной группе и противопоставления группе «чужих».

Как видно из приведенных выше примеров, метаязыковой комментарий реализуется на разных языковых уровнях, однако лексический уровень языка, т.е. отдельные общеупотребительные лексемы, пользующиеся популярностью у определенной группы людей (выделяемой не только по

принципу классовой или возрастной принадлежности, но и культурно-этнической), служит источником маркеров чуждости и идентичности наиболее часто. Обратим внимание на следующий отрывок из произведения М. Хамида «Фундаменталист поневоле»:

(1) *Creepy, you say? What a delightfully American expression – one I have not heard in many years!* [49. С. 71].

Отнесение определенной лексической единицы к группе типичных для данной культурно-этнической группы слов и выражений позволяет одновременно обозначить круг «чужих» и очертить круг «своих». Нередко в таких примерах относительные прилагательные, обозначающие национальную, этническую или языковую принадлежность, выступают в роли качественных, неградуальные – в роли градуальных, как прилагательное *American* в примере выше (*What a delightfully American expression*), а также в следующих фрагментах из романа Ч.Н. Адичи «Американха»:

(2) *Is there another word more American than “trouper”?* [43. P. 534];

(3) *Asshole. Very American word* [43. P. 537];

(4) *I guess “bathroom” is very American* [43. P. 498].

О стилистической маркированности «окачественных» относительных прилагательных говорят как отечественные, так и зарубежные исследователи, при этом если ранее утверждалось, что в основе этого процесса лежит развитие у прилагательного переносного значения, в частности метафорический перенос, то сегодня это утверждение дополняется указанием на постепенность, пошаговость этого перехода, динамику процесса, результаты которого стоит рассматривать как в синхронии, так и в диахронии [50].

Дихотомия «свой–чужие», как известно, обладает эмоционально-оценочным компонентом и распространяет положительный прагматический заряд на круг «своих», а отрицательный – на круг «чужих». В произведении Ч.Н. Адичи «Половина желтого солнца» (*Half of a Yellow Sun*) события разворачиваются сразу после обретения Нигерией независимости от Великобритании. Обратим внимание на характеристику британского акцента в следующем примере:

(5) *It would have been easier if Miss Adebayo showed jealousy, but it was as if Miss Adebayo thought her to be unworthy of competition, with her unintellectual ways and her too-pretty face and her mimicking-the-oppressor English accent* [51. P. 64].

Метаязыковой комментарий относительно англоязычной речи главной героини романа основывается на использовании инвективной лексемы, а именно ярлыка *oppressor*, который является маркером чуждости и даже враждебности. Вплетение этого ярлыка в голофрастическую конструкцию (*mimicking-the-oppressor*) усиливает информационную содержательность предложения и разнообразие коннотаций этой фразы, отсылая к колониальному прошлому Нигерии.

Очевидно, и об этом уже шла речь выше, что метаязыковой комментарий неизбежно оказывается в позиции выдвигания, привлекая к себе осо-

бое внимание читателя. Метаязыковой комментарий, актуализирующий образ английского языка и англоязычной речи, зачастую выстраивается с помощью целого ряда выразительных средств и приемов, образующих конвергенцию. Подобные фрагменты звучат как стихи, наделяя образ языка и речи особой выразительностью и лиричностью. Обратим внимание на следующий фрагмент:

(1) *Master's English was music, but what Ugwu was hearing now, from this woman, was magic. Here was a superior tongue, a luminous language, the kind of English he heard on Master's radio, rolling out with clipped precision. It reminded him of slicing a yam with a newly sharpened knife, the easy perfection in every slice* [51. P. 28].

Образ английского языка в его британском варианте в этом отрывке основывается в первую очередь на антитезе, образованной сравнениями англоязычной речи персонажей с музыкой (*music*) и магией (*magic*). Во втором предложении выстраивается градация эпитетов (*superior, luminous*), приковывающая к себе внимание также за счет аллитерации, основанной на звуке [l] в словосочетании *luminous language*. Наконец, кулинарная метафора *slicing a yam with a newly sharpened knife* в сочетании с обособленной конструкцией *the easy perfection in every slice* дополняет эстетический эффект от данного метаязыкового комментария.

Сложность и многогранность образа языка и речи в мультикультурной литературе объясняется непростым опытом проживания в среде, где необходимо совместить разные культурные ценности и представления. Отношение к языку может говорить о психологическом комфорте или дискомфорте героев романа. Множественность сознания и гибридность, приобретаемые в иной среде проживания, дают новый творческий виток и свежее видение. Положительный образ языка передается в форме металингвистической интерпретации, или рассуждения, более полного и подробного, чем металингвистический комментарий. В тексте эти отрывки «выдвигаются» с помощью метафоры, эпитетов, фразеологизмов, сравнений, контекстуальной синонимии, усложнения синтаксиса и семантики. Рассмотрим сложную цепочку сравнений, сопоставлений и аллюзий в размышлениях главной героини о языках (родном и приобретенном) в романе русско-американской писательницы Ольги Грушиной «Сорок комнат» (*Forty Rooms*). Язык дает огромные возможности для нового и нетривиального восприятия действительности:

(2) *When you are first learning a language, you are swimming in this glorious sea of possibilities—you feel that you are free to take all these little specks of meaning floating around you and combine them into the most fantastical, gorgeous, dreamlike structures that will be yours and no one else's, amazing castles, cathedrals, entire cities of words rising out of chaos* [52. P. 141]. Образ языка передается метафорой моря с эпитетами (*glorious sea; fantastical, gorgeous, dreamlike, amazing*) и аллитерацией (*feel-free-floating; castles-cathedrals-chaos*).

Далее металингвистический комментарий касается сочетаемости слов, крылатых фраз, идиом, фразеологизмов и стертых метафор:

(3) *But then you start learning the rules, the grammar, what goes with that, and then, worst of all, all these common expressions and mass-issued turns of phrase start impressing themselves onto your brain, so that when you say 'time', you think 'valuable' and 'waste of' and 'waits for no man', and when you say 'love', you think 'star-crossed' and 'blind', and when you say 'death', you think 'kiss of' and 'bored to' and 'dead as a doornail'—and before you know it, your words have become these prayer beads strung together and worn-out through countless repetitions, and what original meaning there was is completely obscured...Perhaps the longer you use the language, the more in danger you are of becoming gray and trite and shallow, I thought...* [52. P. 14].

Сравнение слов с четками (*words have become these prayer beads*) играет ключевую роль в скрытой метафоре речи/языка как молитвы, которая настолько зачитана, что забывается ее основной смысл. Мы видим противопоставление избитый-оригинальный (*common, mass-issued, worn-out – original*). Привычные ассоциации времени с ценностью или тратой ('*time*' – '*valuable*', '*waste of*', '*waits for no man*'), любви – со словами «несчастный», «слепой», а смерти – с поцелуем, скукой или в составе идиомы не приближают нас к пониманию самих понятий, а лишь все больше отдаляет от первоначального смысла. Новый язык дает возможность выйти за рамки предрассудков и стереотипов:

(4) *...but if you learn a new language, you can start all over again. And I feel, I really do feel that there are these great big truths out there, or no, not truths, exactly, just these pure slabs of...of meaning, of feeling, these monumental things we contend with as humans—you know, love, death, beauty, God—and I thought, if I come to them clean and childlike and with my mind free of preconceptions, or else if I come to them using two roads at once, both the front door of my native language and the servant entrance of my adopted language—or is it the other way around, do you think?* [52. P. 14].

Эмоциональность высказывания передается паузой в предложении (*pure slabs of... of meaning*), эмфатической конструкцией (*I really do feel*) и вставной конструкцией (*you know, love, death, beauty, God*). Экспрессивность отрывка достигается контекстуальными синонимами (*truths-pure slabs of meanings-monumental things – love, death, beauty, God*) и метафорой входной и задней дверей (*the front door of my native language and the service entrance of my adopted language*). Подобные примеры с металингвистическим комментарием относительно лингвопсихологической природы слова встречаются не только в мультикультурной художественной литературе, но и во всей мировой литературе, однако именно в мультикультурной литературе эти примеры будут также содержать в себе указание на собственную идентичность, познание себя и сопоставление культур и языков.

Акцент на новых лингвокреативных возможностях присутствует у писателя Ким Ён Ик в рассказе «Предприятие по написанию книг» (*A Book-*

Writing Venture), где он описывает сложности написания рассказа на неродном языке:

(5) *In my story, the butcher in a Korean valley is a very kind man who would give a very generous amount whenever a poor shoemaker's daughter came in with too little money. I wrote the story as if seen through the eyes of the butcher's son. While chasing the coveted shoes in my mind, I tried to capture the rhythm of my own language in English writing and tried not to take a chance of any misunderstanding by putting everything in concrete terms* [53. P. 45].

В отрывке сопоставление языка с чем-то ускользающим и трудноуловимым осуществляется в метафоре убегающей мысли, которая не позволяет «ухватить» образ башмачков. *Coveted shoes* (желанные башмачки) противопоставляются *concrete terms*, т.е. чему-то точному и конкретному. Два глагола одного ассоциативно-смыслового поля *chase* (гнаться, преследовать) и *capture* (схватить, завладеть) указывают на сложность выражения авторской мысли, особенно на неродном для писателя языке. Автор видит язык одновременно как нечто эфемерное и конкретное, это то, над чем стоит усердно трудиться:

(6) *But by this time, I knew better than "to glide over" any scene or word that belonged in my work; more often than not, the thorny word or passage that does pose a language problem is the one that breathes pulsing life into the story* [53. P. 45].

Момент несовпадения языковых представлений (*thorny word or passage*) является наиболее живым и полным (*pulsing life into the story*).

Металингвистическое рассуждение о языке или языках, на которых мы говорим, в зависимости от ситуации представлено в рассказе американской писательницы китайского происхождения Эми Тан «Родной язык» (*Mother Tongue*). Писательница рассуждает о стереотипах в обществе, связанных с языком и статусом:

(7) *Lately, I've been giving thought to the kind of English my mother speaks. Like others, I have described it to people as 'broken' or 'fractured' English... I've heard other terms used, 'limited English', for example. But they seemed just as bad, as if everything is limited, including people's perceptions of the limited English speaker* [54. P. 48].

Выражение «ломаный язык» или «ограниченный» экстраполируется на носителя языка, умаляя его достоинства в целом. Когда упоминается крайне негативная характеристика чего-то, невольно возникает ассоциация противоположного, т.е. положительного. Так, писательница ловит себя на мысли, что испытывает неловкость за чересчур «правильную» речь в присутствии своей матери:

(8) *The talk was going along well enough, until I remembered one major difference that made the whole talk sound wrong. My mother was in the room. And it was perhaps the first time she had heard me give a lengthy speech, using the kind of English I have never used with her* [54. P. 47].

Далее в тексте приводятся примеры грамотного языка с хорошей грамматикой и прекрасным стилем:

(9) *I was saying things like, 'The intersection of memory upon imagination' and 'There is an aspect of my fiction that relates to thus-and-thus' – a speech filled with carefully wrought grammatical phrases, burdened, it suddenly seemed to me, with nominalized forms, past perfect tenses, conditional phrases, all the forms of standard English that I had learned in school and through books, the forms of English I did not use at home with my mother* [54. P. 47].

Идеальные грамматические конструкции (*carefully wrought grammatical phrases*) приравниваются к «тяжелым» (*burdened*). Нормативный английский язык (*standard English*) является антитезой языка матери писательницы, который она описывает как *impeccable broken English* (безукоризненный ломаный английский), в самом выражении присутствует оксюморон, т.е. сочетание несочетаемого. В «ограниченном» языке матери писательницы есть глубина, страсть, воображение:

(10) *...her intent, her passion, her imagery, the rhythms of her speech and the nature of her thoughts* [54. С. 50].

Неидеальное владение языком приобретает здесь положительный оттенок, так как соприкасается с интуитивной сферой и личной идентичностью говорящего. Язык, пусть и с несовершенствами, позволяет выразить себя и свою самость.

Язык переплетен с идентичностью, но все-таки не является ее абсолютным эквивалентом. Именно писатели, непосредственно соприкасающиеся с иной культурой, чувствуют всю сложность и противоречивость связи языка и личности. Диана Абу-Джабер как дочь американки и иорданца видит два мира, два языка и две культуры одновременно. В автобиографическом романе «Язык пахлавы» (*The Language of Baklava*) писательница пытается распутать этот противоречивый узел арабо-американской идентичности:

(1) *My grant proposal describes a novel that I will write about characters undergoing ambitious self-excavation, recovery, and reconciliation as they move between countries. It is set in both America and the Middle East, and it is meant to draw together my own deep cultural ambivalences—to try to look right at the conundrum of being Arab-American. Arab and American* [55. P. 235].

Металингвистический комментарий сложного прилагательного “Arab-American” включает в себя поэтапное преодоление внутреннего конфликта: *self-excavation* (поиск своих истоков) – *recovery* (восстановление) – *reconciliation* (примирение). Сложный процесс самоидентификации в новой среде сопровождается озвучиванием себя (*linguaging and ethnifying*) в новом пространстве, однако этот процесс очень болезненный в силу того, что часть тебя будет безвозвратно утеряна.

Эта потеряность себя в пространстве и времени выражается причудливым образом в мышлении и языке, как видно из другого произведения Дианы Абу-Джабер «Аравийский джаз» (*Arabian Jazz*):

(2) *Jem wondered what language he thought in; his displacement was a feature of his personality. He wouldn't have been the same father, she knew, if he had stayed in Jordan and raised them there* [56. P. 98].

Триада «язык–культура–личность», которая пронизывает труды В. фон Гумбольдта, здесь заменяется триадой «язык–перемещение–личность» (*language–displacement–personality*) и подчеркивает сложный, трансформирующий личность опыт смены места жительства и культуры.

Бернардин Эваристо в романе «Душевные туристы» (*Soul Tourists*) вкладывает в уста своего героя, сына эмигрантов с Ямайки, слова, выражающие сомнение в своей принадлежности родине родителей:

(3) *My father always said I was Jamaican first and foremost. It had always been a statement, but now I imagined a question mark on the end...* [45. P. 51].

В предложении знаки препинания выражены лексическим способом, таким образом переводя высказывания героя в металингвистическую плоскость.

Заключение

Отношение к языку и речи не только как к инструменту выражения мысли, но и как к объекту рефлексивного осмысления, более того, как к художественному образу присуще не только мультикультурным писателям, т.е. писателям, являющимся носителями нескольких культур, а зачастую и языков. Данная способность характеризует в целом талантливого автора, мастера слова. Однако гибридизированная, или смешанная, идентичность мультикультурных писателей, их чуткое восприятие чуждости и инаковости, присущая их произведениям высокая психологичность при раскрытии проблемы культурно-этнической принадлежности личности наделяют рефлексией над языком особым контекстом, вырисовывая его образ с помощью маркеров чуждости, идентичности, статуса и смежных с ними маркеров социального класса, образованности и др.

Метаязыковой комментарий как продукт вербальной рефлексии над языком и речью реализуется на разных уровнях языка, затрагивая фонетические, лексические и синтаксические характеристики последнего, а также актуализирует индивидуальные речевые особенности говорящего. Примечательно, что метаязыковой комментарий всегда находится в позиции выдвигания, неизбежно привлекая к себе внимание читателя. Авторы проанализированных нами мультикультурных произведений с помощью конвергенции вырисовывают целые художественные образы языка и речи, наделяя последние особой лиричностью и экспрессивностью. Благодаря этому мы можем говорить не только о метаязыковом комментарии, но и – шире – о метаязыковом рассуждении.

Большой объём исследованного материала позволяет говорить о том, что метаязыковой комментарий относительно английского языка и англоязычной речи в мультикультурной литературе носит эмоционально-оценочный характер, указывая прежде всего на статус английского языка или его вариантов в определенном культурно-этническом сообществе, а также на границы между кругом «своих» и «чужих». В лингвистическом плане ключевая роль принадлежит именно самому факту дистанцирова-

ния, так как языковые средства, используемые для обозначения «своих» и «чужих» во многом совпадают, а также актуализируются в тесном взаимодействии. Например, использование дейктиков и лексем совместности, типа *we, us* и др., казалось бы, явно указывает на очерчивание круга «своих», однако отнесение к «своим» невозможно без сопоставления или противопоставления с «чужими». Важную роль в мультикультурных произведениях играют юмористические средства, в частности ирония, реализуемая в смешении языковых стилей, например, при использовании книжной лексики в разговорном стиле, а также в пародировании акцента с помощью отображения фонетической, лексической, грамматической интерференции. Книжная лексика иностранного происхождения, в частности французского, служит своего рода лакмусовой бумажкой в определении принадлежности человека, владеющего подобным словарным запасом, к определенному классу общества, обладающему высоким статусом. Интересным также представляется описание графических средств лексическим способом, т.е. проговаривание, прописывание расставленных знаков препинания в метаязыковом комментарии, что позволяет не только отразить интонационные особенности речи героев, но и акцентировать конкретные мысли автора.

Взаимодействие лингвистических средств всех уровней языка на фоне богатого лингвокреативного потенциала мультикультурных писателей, которые, благодаря своей гибридизированной идентичности, способны включить в творческий процесс сразу несколько языков или несколько вариантов одного языка, позволяет выстроить весьма сложные образы английского языка и англоязычной речи. Они могут иметь как положительный, как например, в выразительных метаязыковых рассуждениях, имеющих сильный эстетический эффект, так и отрицательный прагматический заряд, в частности в речи героев, содержащей инвективную лексику, навешивающую на носителей британского или американского вариантов английского языка ярлыки угнетателей или вовсе врагов. Однако не стоит забывать, что и крайне негативные характеристики способны вызвать ассоциацию противоположного и выстроить с помощью подтекста опять же положительный образ.

Важно отметить, что мультикультурные авторы сознательно конструируют дискурс с целью его интеллектуальной и эмоциональной интерпретации, где метаязыковой комментарий является продуктом осмысленной деятельности и обладает огромным информационным потенциалом в сфере мультикультурализма, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, что требует внимательного и вдумчивого отношения со стороны читателя к тексту произведения во всех его деталях.

Данное исследование вносит значительный вклад в изучение мультикультурной литературы и реализуемой в ней метаязыковой функции языка, а также открывает перспективы для проведения сравнительного анализа семантических и прагматических возможностей метаязыкового комментария в мультикультурной литературе и литературе мейнстрима.

Список источников

1. *Толкачев С.П.* Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 381 с.
2. *Harris V.* Review of *Against Borders: Promoting Books for a Multicultural World* // *Journal of Reading Behaviour*. 1994. № 26 (1). P. 117–120.
3. *Cai M.* *Multicultural Literature for Children and Young Adults: Reflections on Critical Issues*. Westport, Conn : Greenwood Press, 2002. 200 p.
4. *Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.* *The empire writes back: Theory and practice in post-colonial literatures*. 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2002. 296 p.
5. *Кабакчи В.В.* «Инокультурная литература» и «внутренний перевод» // Проблемы современного переводоведения : сб. ст. в честь шестидесятилетия профессора В.И. Шадрин / отв. ред. И.В. Недеяков. СПб : Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 78–91.
6. *Thumboo E.* *Literary creativity in world Englishes* // *The Handbook of World Englishes* / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachry, Cecil L. Nelson. Oxford, U.K. ; Carlton ; Victoria, Australia : Backwell Publ., 2006. P. 405–427.
7. *Dawson-Varughese E.* *New Departures, new worlds: World Englishes literature* // *English Today*. 2012. № 28 (1). P. 15–19.
8. *Shannon P.* *I am the canon: Finding ourselves in multiculturalism* // *Journal of Children's Literature*. 1994. № 20 (1). P. 1–5.
9. *Rochman H.* *Against borders: Promoting books for a multicultural world*. Chicago : American Library Association, 1993. 288 p.
10. *Willis A.I.* *(Teaching multicultural literature in grades 9-12*. Norwood, MA : Christopher-Gordon, 1998. 275 p.
11. *Taylor Ch.* *The Politics of Recognition*. New Jersey : Princeton, 1994. P. 25–27.
12. *Parekh B.* *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2006. 424 p.
13. *Norton B.* *Identity and language learning. Extending the Conversation*. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 115–123.
14. *Городецкая Л.А.* *Лингвокультурная компетентность личности*. М. : МАКС Пресс, 2007. 224 с.
15. *Гердер И.Г.* *Избранные сочинения*. М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. 392 с.
16. *Garcia O.* *Linguaging and ethnifying*. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 519–534.
17. *Barth F.* *Introduction. Ethnic groups and boundaries: the social organisation of ethnic difference*. Long Grove : Waveland Press, 1969. P. 9–38.
18. *Bhabha H.K.* *The Location of Culture*. N.Y. : Routledge, 1994. 407 p.
19. *Mendoza S.L., Halualani R.T., Drzewiecka J.A.* *Moving the discourse on identities in intercultural communication: Structure, culture, and resignifications* // *Communication Quarterly*. 2002. № 50 (3-4). P. 312–327.
20. *Wan Ch.* *Understanding cultural identification through intersubjective cultural representation* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. № 46 (10). P. 1267–1272.
21. *Толкачев С.П.* Современная английская кросскультурная литература в поле постколониальной теории // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2011. № 22 (628). С. 118–151.
22. *Leerssen J.* *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters* // *A Critical Survey. Identity/Alterity/Hybridity* / eds. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam ; New York: Rodopi, 2007. 476 p.
23. *Бахтин М.М.* *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1963. 167 с.
24. *Welsch W.* *Transkulturalität. Zur veränderten Verfassung heutiger Kulturen*. Köln : Medien, Netze, Künste, 1997. S. 67–90.

25. *Левандовская Е.Н.* От «культуры» к «транскультуре» – к вопросу о статусе «национальной культуры» в современном обществе // *Studiaculturae*. 2013. № 16. С. 286–293.
26. *Борисова Е.Б.* О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 35 (173). С. 20–26.
27. *Кравцова Т.А.* Содержательно-прагматический потенциал метаязыкового комментария в англоязычном художественном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2014. 184 с.
28. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 423 с.
29. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 267 с.
30. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (дата обращения: 27.06.2022).
31. *Блинова О.И.* Обыденная мотивология и ее аспекты // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1 / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 147 с.
32. *Вепрева И.Т.* Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 372 с.
33. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
34. *Борисова Е.Б.* Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 383 с.
35. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М. : Высшая школа, 2002. 438 с.
36. *Тамарченко Н.Д.* Теория литературы : в 2 т. Т. 1. М. : Академия, 2004. 513 с.
37. *Шумарина М.Р.* Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М. : Флинта ; Наука, 2011. 325 с.
38. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Флинта ; Наука, 2002. 300 с.
39. *Дубовицкая М.А.* Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности: на материале арабо-американской литературы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 162 с.
40. *Камалова С.Д.* Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестинско-израильском конфликте) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 189 с.
41. *Шмелева Т.В.* Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. № 1 (8). С. 108–110.
42. *Горностаева Ю.А.* Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 8, ч. 1. С. 91–94.
43. *Adichie Ch.N.* *Americanah*. N.Y. : Anchor Books, 2014. 588 p.
44. *New W.H.* *Among Worlds*. Erin, Ontario : Press Porcepic, 1975.
45. *Evaristo B.* *Soul Tourists*. London : Penguin Random House UK, 2005. 288 p.
46. *Evaristo B.* *Girl, Woman, Other*. London : Penguin Random House UK, 2019. 454 p.
47. *Evaristo B.* *Mr. Loverman*. London : Hamish Hamilton/Penguin, 2013. 296 p.
48. *Idov M.* *Ground Up*. N.Y. : Farras, Straus and Giroux, 2009. 290 p.
49. *Mohsin H.* *The Reluctant Fundamentalist*. London : Penguin Books, 2018. 209 p.
50. *Виноградова С.А.* Семантика английского прилагательного (на материале относительных прилагательных) : дис. ... д-ра филол. наук. Мурманск, 2018. 498 с.
51. *Adichie Ch.N.* *Half of a Yellow Sun*. N.Y. : Anchor Books, 2007. 541 p.
52. *Grushin O.* *Forty rooms*. N.Y. : G.P. Putnam's Sons, 2016. 187 p.
53. *Kim Y.I.* *A Book-Writing Venture*. 3rd ed. (In Ruth Spack ed.). *Guidelines: a cross-cultural reading/writing text*. N.Y. : Campridge University Press, 2007. P. 42–45.
54. *Tan A.* *Mother Tongue*. N.Y. : Cambridge University Press, 2007. 48 p.

55. Abu-Jaber D. *The Language of Baklava*. N.Y. : Pantheon Books, 2005. 330 p.

56. Abu-Jaber D. *Arabian Jazz*. San Diego : Harcourt Brace, 1994. 374 p.

References

1. Tolkachev, S.P. (2003) *Mul'tikul'turnyy kontekst sovremennogo angliyskogo romana* [Multicultural context of the modern English novel]. Philology Dr. Diss. Moscow.
2. Harris, V. (1994) Review of *Against Borders: Promoting Books for a Multicultural World*. *Journal of Reading Behaviour*. 26 (1). pp. 117–120.
3. Cai, M. (2002) *Multicultural Literature for Children and Young Adults: Reflections on Critical Issues*. Westport, Conn: Greenwood Press.
4. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (2002) *The Empire Writes Back: Theory and practice in post-colonial literatures*. 2nd ed. London; New York: Routledge.
5. Kabakchi, V.V. (2011) “Inokul'turnaya literatura” i “vnutrenniy perevod” [“Other culture literature” and “internal translation”]. In: Nedyalkov, I.V. (ed.) *Problemy sovremennogo perevodovedeniya* [Problems of Modern Translation Studies]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 78–91.
6. Thumboo, E. (2006) Literary creativity in world Englishes. In: Kachru, B.B., Kachry, Y. & Nelson, C.L. (eds) *The Handbook of World Englishes*. Oxford, U.K.; Carlton; Victoria, Australia: Backwell Publ. pp. 405–427.
7. Dawson-Varughese, E. (2012) New Departures, new worlds: World Englishes literature. *English Today*. 28 (1). pp. 15–19.
8. Shannon, P. (1994) I am the canon: Finding ourselves in multiculturalism. *Journal of Children's Literature*. 20 (1). pp. 1–5.
9. Rochman, H. (1993) *Against Borders: Promoting books for a multicultural world*. Chicago: American Library Association.
10. Willis, A.I. (1998) *Teaching Multicultural literature in Grades 9–12*. Norwood, MA: Christopher-Gordon.
11. Taylor, Ch. (1994) *The Politics of Recognition*. New Jersey: Princeton. pp. 25–27.
12. Parekh, B. (2006) *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
13. Norton, B. (2002) *Identity and language learning. Extending the Conversation*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. pp. 115–123.
14. Gorodetskaya, L.A. (2007) *Lingvokul'turnaya kompetentnost' lichnosti* [Linguistic and Cultural Competence of the Individual]. Moscow: MAKSS Press.
15. Herder, J.G. (1959) *Izbrannyye sochineniya* [Collected Works]. Translated from German. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
16. García, O. (2010) *Language and Ethnifying*. Oxford: Oxford University Press. pp. 519–534.
17. Barth, F. (1969) *Introduction. Ethnic groups and boundaries: the social organisation of ethnic difference*. Long Grove: Waveland Press. pp. 9–38.
18. Bhabha, H.K. (1994) *The Location of Culture*. New York: Routledge.
19. Mendoza, S.L., Halualani, R.T. & Drzewiecka, J.A. (2002) Moving the discourse on identities in intercultural communication: Structure, culture, and resignifications. *Communication Quarterly*. 50 (3–4). pp. 312–327.
20. Wan, Ch. (2015) Understanding cultural identification through intersubjective cultural representation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 46 (10). pp. 1267–1272.
21. Tolkachev, S.P. (2011) *Sovremennaya angliyskaya krosskul'turnaya literatura v pole postkolonial'noy teorii* [Modern English cross-cultural literature in the field of postcolonial theory]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 22 (628). pp. 118–151.
22. Leerssen, J. (2007) *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters*. In: Beller, M. & Leerssen, J. (eds) *A Critical Survey. Identity/Alterity/Hybridity*. Amsterdam; New York: Rodopi.

23. Bakhtin, M.M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow.
24. Welsch, W. (1997) *Transkulturalität. Zur veränderten Verfassung heutiger Kulturen*. Köln: Medien, Netze, Künste. pp. 67–90.
25. Levandovskaya, E.N. (2013) Ot “kul'tury” k “transkul'ture” – k voprosu o statusе “natsional'noy kul'tury” v sovremennom obshchestve [From “culture” to “transculture” – to the question of the status of “national culture” in modern society]. *Studiaculturae*. 16. pp. 286–293.
26. Borisova, E.B. (2009) O soderzhanii ponyatiy “khudozhestvennyy obraz” i “obraznost'” v literaturovedenii i lingvistike [On the content of the concepts “artistic image” and “imagery” in literary criticism and linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35 (173). pp. 20–26.
27. Kravtsova, T.A. (2014) *Soderzhatel'no-pragmaticheskiy potentsial metazykovogo kommentariya v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse* [Content-pragmatic potential of metalinguistic commentary in English literary discourse]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
28. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
29. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Jakobson, R. (1975) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. *Russkiy filologicheskiy portal* [Russian philological portal]. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (Accessed: 27.06.2022).
31. Blinova, O.I. (2009) Obydenneya motivologiya i ee aspekty [Ordinary motifology and its aspects]. In: Goley, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and epistemological aspects]. Pt. 1. Kemerovo, Barnaul: Altai State University.
32. Vepreva, I.T. (2003) *Metazykovaya refleksiya v funktsional'no-tipologicheskom osveshchenii (na materiale vyskazyvaniy-refleksivov 1991–2002 gg.)* [Metalinguistic reflection in functional-typological coverage (on the material of reflexive statements of 1991–2002)]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
33. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
34. Borisova, E.B. (2010) *Khudozhestvennyy obraz v angliyskoy literature XX veka: tipologiya – lingvopoetika – perevod* [Artistic image in English literature of the 20th century: typology – linguistic poetics – translation]. Philology Dr. Diss. Samara.
35. Khalizev, V.E. (2002) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
36. Tamarchenko, N.D. (2004) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
37. Shumarina, M.R. (2011) *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the Mirror of a Literary Text (Metalinguistic reflection in works of Russian prose)]. Moscow: Flinta: Nauka.
38. Arnol'd, I.V. (2002) *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. 5th ed. Moscow: Flinta; Nauka.
39. Dubovitskaya, M.A. (2018) *Kross-kul'turnaya kontseptualizatsiya inoyazychnoy mental'nosti: na materiale arabo-amerikanskoy literatury* [Cross-cultural conceptualization of foreign-language mentality: on the material of Arab-American literature]. Philology Cand. Diss. Moscow.
40. Kamalova, S.D. (2020) *Obraz “chuzhikh” v mul'tikul'turnoy literature s pozitsii lingvisticheskoy imagologii (na materiale angloyazychnoy khudozhestvennoy literatury o palestino-izrail'skom konflikte)* [The image of “aliens” in multicultural literature from the position of linguistic imagology (on the material of English-language fiction about the Palestinian-Israeli conflict)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

41. Shmeleva, T.V. (1999) Yazykovaya refleksiya [Language reflection]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya*. 1 (8). pp. 108–110.
42. Gornostaeva, Yu.A. (2018) Opyt vyyavleniya verbal'nykh markerov psikhologicheskikh i kognitivnykh protsessov v lingvistike: k istorii voprosa [Experience in identifying verbal markers of psychological and cognitive processes in linguistics: on the history of the issue]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8. Pt. 1. pp. 91–94.
43. Adichie, Ch.N. (2014) *Americanah*. New York: Anchor Books.
44. New, W.H. (1975) *Among Worlds*. Erin, Ontario: Press Porcepic.
45. Evaristo, B. (2005) *Soul Tourists*. London: Penguin Random House UK.
46. Evaristo, B. (2019) *Girl, Woman, Other*. London: Penguin Random House UK.
47. Evaristo, B. (2013) *Mr. Loverman*. London: Hamish Hamilton/Penguin.
48. Idov, M. (2009) *Ground Up*. New York: Farras, Straus and Giroux.
49. Mohsin, H. (2018) *The Reluctant Fundamentalist*. London: Penguin Books.
50. Vinogradova, S.A. (2018) *Semantika angliyskogo prilagatel'nogo (na materiale otositel'nykh prilagatel'nykh)* [Semantics of the English adjective (based on relative adjectives)]. Philology Dr. Diss. Murmansk.
51. Adichie, Ch.N. (2007) *Half of a Yellow Sun*. New York: Anchor Books.
52. Grushin, O. (2016) *Forty Rooms*. New York: G.P. Putnam's Sons.
53. Kim, Y.I. (2007) A Book-Writing Venture. In: Spack, R. (ed.) *Guidelines: a Cross-Cultural Reading/Writing Text*. New York: Cambridge University Press. pp. 42–45.
54. Tan, A. (2007) *Mother Tongue*. New York: Cambridge University Press.
55. Abu-Jaber, D. (2005) *The Language of Baklava*. New York: Pantheon Books.
56. Abu-Jaber, D. (1994) *Arabian Jazz*. San Diego: Harcourt Brace.

Информация об авторах:

Дубовицкая М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: clouddancing@mail.ru

Камалова С.Д. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: salyam19@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Dubovitskaya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Institute of International Relations MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: clouddancing@mail.ru

S.D. Kamalova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Institute of International Relations MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: salyam19@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 26.08.2022;
approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/84/3

Семантика и функционирование слова *личность* в русском литературном языке XVIII – первой декады XIX в.

Иван Александрович Игнатов¹

¹ *Кomi республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия, ivan.al.ignatov@gmail.com*

Аннотация. На материале разножанровых текстов, словарей и лексиконов уточняется история слова «личность» в XVIII в. – первом десятилетии XIX в. Показано, что данная лексема является калькой французского слова «Personnalité» и вошла в состав русского литературного языка к 90-м гг. XVIII в., обладая четырьмя значениями: ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’; ‘личное, субъективное отношение к кому- или чему-либо’; ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’; ‘объект правоотношений’.

Ключевые слова: семантика слова, лексико-семантические варианты, личность, калька, история слова

Для цитирования: Игнатов И.А. Семантика и функционирование слова *личность* в русском литературном языке XVIII в. – первой декады XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 44–71. doi: 10.17223/19986645/84/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/3

Semantics and functioning of the word “lichnost’ ” in the Russian literary language of the 18th – first decade of the 19th centuries

Ivan A. Ignatov¹

¹ *Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktuykar, Russian Federation, ivan.al.ignatov@gmail.com*

Abstract. The article explores the semantic history of the word “lichnost’ ” [personality, person]. The history of this word allows us to study more deeply the mechanisms of semantic processes in the Russian literary language, to clarify the data on the formation of the semantics of personality and the concept of the hypo-hyperonymic structure HUMAN, and to get a more accurate idea of the concept “lichnost’ ”. Despite a fairly representative range of research on this topic, three questions still do not have an unambiguous answer: When did the word “lichnost’ ” enter the Russian liter-

ary language? What is the semantic scope of the word? How did this word enter this language? An attempt to give the most reliable answers to these questions was based on a study of a wide corpus of texts of the 18th – early 19th centuries (more than 2.5 million texts of various genres) using the data of the national corpus of the Russian language and involving lexicons of this period. The material extracted from the texts (103 contexts containing the word “lichnost’”) was analyzed using lexico-semantic and contextual methods. The study showed that the word “lichnost’” entered the Russian literary language in the 1780s and is a lexical calque, first of all, of the French word “personnalité”. Its semantics could have been influenced by the German lexemes “die Personalien”, “die Persönlichkeit” and “die Selbstheit”. The appearance of this word in this period is due to the social processes taking place in Russian society and connected with the formation of Russian enlightenment, on the one hand, and the refraction of the ideas of sentimentalism, on the other. The word “lichnost’” was used in the mentioned period in four meanings. 1. The most common (38%) was the meaning of a hint, a direct reference to a specific person used when designating the character, position, behavior or other attribute of a person, which was a characteristic indication of a particular person and in some cases came close to the lexemes “human” and “person” in the general pronominal sense. In this meaning, a shade was distinguished expressing a negative connotation – a poignant, caustic allusion to a person. This shade is the earliest the study recorded and was used in a number of cases narrowly, meaning a direct insult to the person. 2. The meaning of a personal, subjective attitude towards someone or something was realized in 31% of the contexts. It was used in the texts of various genres, including ode and tragedy, to denote personal interests, types, predilections, and in this sense it was put in opposition to state, public interests. In rare cases, the opposition reached the limit in the shade of a biased attitude towards oneself, selfishness. 3. The word “lichnost’” in the meaning of separate properties and features inherent in a particular person corresponded to the range of concepts denoting the peculiarity, uniqueness of a person, the unique human “ego” (18.4%). 4. The word was also used in the meaning of an object of legal relations (12.6%) and expressed the interests of a person, the civil rights of an individual, personal dignity and went beyond the language of law early. In this meaning, the concept of person as a participant in social relations also appeared. The comprehension of these meanings in the aggregate served as the basis for the formation of modern ideas about personality.

Keywords: word semantics, lexical-semantic variants, lichnost’ (personality, person), calque, word history

For citation: Ignatov, I.A. (2023) Semantics and functioning of the word “lichnost’” in the Russian literary language of the 18th – first decade of the 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 44–71. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/3

Введение

Слово *личность* занимает особое место в лексико-семантической системе русского языка. С одной стороны, выражая значимое для отечественной культуры понятие, оно является одним из ключевых компонентов концепта гипо-гиперонимической структуры ЧЕЛОВЕК, целостное описание которого входит в число основных задач современного языкознания. С другой стороны, история этой лексемы позволяет, во-первых, под определённым углом проследить развитие общественной мысли и, во-вторых, дать дополнительные сведения для описания семантических процессов, происхо-

дящих в языке. До настоящего времени справедливым можно считать мнение акад. В.В. Виноградова о том, что «открытие закономерностей в исторических изменениях форм и типов мышления невозможно без изучения истории языка, и между прочим, истории слов и их значений... Достаточно сослаться на отсутствие разработанной семантической истории таких слов, как *личность*, *действительность*, *правда*, *право*, *человек*, *душа*, *общество*, *значение*, *смысл*, *жизнь*, *чувство*, *мысль*, *причина*» (выделено курсивом в цитируемом источнике. – *И.И.*) [1. С. 6].

Отечественная наука о языке накопила значительный объём данных, который необходим для изучения и разработки истории слова *личность*. В.В. Виноградов прослеживает историю лексемы *личность* с XVIII в. по 90-е гг. XIX в. [1. С. 271–305]. Ю.С. Сорокин исследует развитие семантики данного слова прежде всего в 30–90-е гг. XIX в., но не обходит стороной время её формирования в XVIII – первой четверти XIX в. [2. С. 201–205]. Функционирование лексемы *личность* в XVIII в. затрагивают в своих работах А.В. Кокорев [3. С. 305–309] и В.В. Веселитский [4. С. 159–160; 5. С. 117–119]. К истории слова *личность* также обращаются В.В. Колесов [6. С. 168–177; 7. С. 149–150], Р.А. Будагов [8. С. 142–145], А.В. Боброва и Г.В. Вечеслова [9. С. 133–134]. Отдельные факты, отражающие формирование и функционирование в языке данного слова, содержатся в исследованиях М.В. Калашникова [10. С. 37], В.Д. Левина [11. С. 171] и Ю.С. Степанова [12. С. 733–734]. Е.Д. Конопина очерчивает основной круг значений, в которых употребляется эта лексема в XVIII – начале XIX в. [13. С. 205].

Тем не менее до сих пор требуют определённости три принципиальных вопроса: 1) Когда слово *личность* входит в русский литературный язык? 2) Каков его точный семантический объём? 3) Каков путь вхождения этой лексемы в систему русского языка?

По данным исследований, временной интервал появления слова *личность* в литературном языке достаточно широк. Нижнюю его границу – вторая половина XVII в., ранее которой изучаемая нами лексема не могла быть образована, поскольку отсутствовал её денотат, – устанавливает В.В. Виноградов [1. С. 272, 278, 285]. С ним согласен В.В. Колесов [6. С. 173]. Ю.С. Сорокин отмечает, что убедительные доказательства такой датировки отсутствуют, и очерчивает границы появления этого слова рамками XVIII в. [2. С. 201]. Те же границы устанавливает и В.В. Веселитский [4. С. 80–81]. Наиболее узкие рамки появления слова *личность* указывает А.В. Кокорев: 40-е гг. XVIII в. [3. С. 309].

Семантические границы употребления слова *личность* остаются весьма размытыми¹. Из табл. 1 видно, что эта лексема, по наблюдениям исследователей, содержит семь лексико-семантических вариантов, однако общими значениями, отмеченными большинством лингвистов, выступают лишь три²: 1) ‘личные свойства кого-нибудь, особенность, свойственная какому-

¹ Наибольший семантический объём определяет В.В. Виноградов [1. С. 272, 285–288].

² Значения представлены в формулировках, предложенных В.В. Виноградовым.

нибудь лицу, существу' (которое рядом исследователей определяется очень широко: 'всё, связанное с лицом' [9. С. 133; 8. С. 142], 'все связанное с лицом, относящееся к лицу' [4. С. 159], 'все, связанное с лицом, относящееся к нему, личное' [2. С. 201], или, наоборот, сильно конкретизируется, выходя в смысловое поле другого значения: 'то, что относится к одному конкретному лицу, составляет его главные черты, качества' [13. С. 205]); 2) 'колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбительный намек на какое-нибудь определенное лицо' (которое Ю.С. Сорокиным указывается как более узкое по объёму: 'прямое оскорбление лица' [2. С. 201]); 3) 'отношение одного лица к другому, личное пристрастие', отмечаемое тремя исследователями узко 'пристрастное отношение лица к чему- или к кому-либо' [2. С. 201], 'пристрастное мнение, отношение' [4. С. 159], 'особое, пристрастное отношение к какому-либо конкретному лицу' [13. С. 205]. Как наиболее употребительное В.В. Веселитский [4. С. 159], В.В. Виноградов [1. С. 285] и Ю.С. Сорокин [2. С. 201] указывают значение 'отношение одного лица к другому, личное пристрастие', а Р.А. Будагов [8. С. 142], А.В. Боброва и Г.В. Вечеслова [9. С. 133] отмечают значение 'колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбительный намек на какое-нибудь определенное лицо'.

Т а б л и ц а 1

**Значения слова личность в XVIII – первой декаде XIX в.
по данным исследователей¹**

Виноградов	Сорокин	Веселитский	Будагов	Боброва, Вечеслова	Коноплина
1. Отношение одного лица к другому.	–	–	–	–	–
личное пристрастие	1. Пристрастное отношение лица к чему- или к кому-либо	1. Пристрастное мнение, отношение			(2) Особое, пристрастное отношение к какому-либо конкретному лицу
2. Колкий отзыв на чей-либо счет.	–	3. Колкий отзыв на чей-либо счет.	1. Колкий отзыв,	1. Колкий отзыв на чей-либо счет.	2. Колкость, обидное замечание в чей-либо адрес;
оскорбительный намек на какое-нибудь определенное лицо	2. Прямое оскорбление лица	оскорбление	оскорбление	оскорбление	
–	–	–	–	–	намёк на какое-либо конкретное лицо

¹ Арабской цифрой обозначен порядковый номер значения слова, в скобках – оттенок.

Виноградов	Сорокин	Веселитский	Будагов	Боброва, Вечеслова	Коноплина
3. Привязанность, страсти, любовь к себе, самость, эгоизм	–	–	–	–	–
4. Гражданские права всякого отдельного человека, личное достоинство особи	–	–	–	–	–
5. Личные свойства кого-нибудь, особенность, свойственная какому-нибудь лицу, существу	3. Все, связанное с лицом, относящееся к нему, личное	2. Все, связанное с лицом, относящееся к лицу	2. Все, связанное с лицом	2. Все, связанное с лицом	1. То, что относится к одному конкретному лицу,
6. Индивидуальные, личные свойства кого-нибудь, личное достоинство, самобытность, обнаружение личных качеств и ощущений, чувств, личная сущность	–	–	–	–	составляет его главные черты, качества
–	–	–	–	–	(1) Конкретное лицо как носитель определённых черт, качеств

Нет и единого мнения о том, каков путь вхождения слова *личность* в русский литературный язык. Р.А. Будагов [8. С. 145], В.В. Веселитский [4. С. 158–159], А.В. Кокорев [3. С. 309], В.В. Колесов [6. С. 174] и Ю.С. Степанов [12. С. 734] считают, что исследуемое нами слово есть результат развития лексико-семантической системы русского языка. Так, например, В.В. Колесов [6. С. 171–174] и Ю.С. Степанов [12. С. 734–735] возводят историю слова *личность* к церковнославянскому *ликъ*, а В.В. Веселитский

отмечает, что значение данной лексемы 'пристрастное отношение к кому-либо' образовано от того же значения слова *личный* [4. С. 158–159]. А.В. Боброва и Г.В. Вечеслова предполагают, что данное слово является калькой [9. С. 133], а Ю.С. Сорокин [2. С. 171] называет слово *личность* непосредственной калькой с французского слова *Personnalité* и отмечает связь с немецким ловом *Persönlichkeit*. В.В. Виноградов, хотя и относит образование слова *личность* к явлению русского языка, при этом указывает на то, что семантическое содержание лексемы испытывало сильное влияние латинского, французского и немецкого языков [1. С. 285].

В связи с этим цель нашего исследования заключается в уточнении ранней истории слова *личность*. Для достижения этой цели нам необходимо решить задачи установления наиболее конкретного времени вхождения в русский язык этого слова, границ семантики в первоначальный период функционирования и путей его вхождения в русский язык.

Материал и методы

Материал нашего исследования включает 103 контекста из художественных, публицистических, официально-деловых текстов, мемуаров и текстов эпистолярного жанра XVIII – первого десятилетия XIX в. 39 контекстов были извлечены посредством обращения к Национальному корпусу русского языка [14], из них исключены 6, поскольку фактическая дата издания текстов, содержащих лексему *личность* не соответствовала заданному по критериям поиска периоду. Нами были дополнительно изучены около 2 500 текстов разного объёма, включая сочинения Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.Д. Кантемира, В.В. Капниста, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, М.В. Ломоносова, Ф. Прокоповича, А.Н. Радищева, А.В. Суворова, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, Д.И. Фонвизина и других литераторов, общественных, военных и политических деятелей; периодические издания: «Вести-Куранты», «Вестник Европы», «Детское чтение для сердца и разума», «Журнал для сердца и ума», «Зритель», «Корифей, или Ключ литературы», «Лекарство от скуки и забот», «Муза», «Приятное и полезное препровождение времени», «Растущий виноград», «Санкт-Петербургский журнал» и др.; а также «Полное собрание законов Российской империи». Из них были извлечены 70 контекстов. Это позволило обеспечить минимальную репрезентативную выборку (100 единиц) для исследуемого периода (XVIII – первая декада XIX в.).

Также к исследованию привлекались данные словарей русского языка XVIII–XIX вв. («Словарь Академии Российской» (САР 1 (1789–1794) [15] и САР 2 (1806–1822) [16]), «Общий церковнославянско-русский словарь» П. Соколова (Сл. Соколова) [17], «Словарь церковно-славянского и русского языка...» (СЦСРЯ) [18]). Были изучены лексиконы XVIII в. («Лексикон Ф.П. Поликарпова-Орлова трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище»; «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка и общей

пользе Э. Вейсмана»; «Вейсманнов немецкий лексикон с латинским» (под ред. А.П. Протасова и И.И. Стафенгагена); «Новый лексикон на немецком, французском, латинском, итальянском и русском языках М. Гаврилова»; «Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова по порядку русского алфавита»; «Русский целлариус М.Ф. Гелтергофа, или Этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных в русском языке в употребление принятых слов, також с сокращенной русской этимологией»; «Лексикон И. Гейма еллино-греческих слов, употребляемых в простом греческом языке с русским переводом»; «Новый русско-французско-немецкий словарь»; «Полный французской и русской лексикон...» (ФРЛ) [19] и «Полный немецко-русской лексикон...» (СлАД) [20] и др.), из которых только в двух последних встречается исследуемое нами слово.

В работе применялись лексико-семантический и контекстуальный методы для выявления значений изучаемого нами слова, его смысловых оттенков и нюансов.

Результаты исследования

Первые редкие случаи фиксации слова *личность* в лексиконах относятся к 80-м гг. XVIII в. [19. С. 258], в словарях – к 90-м гг. XVIII в.¹ Но только со второй декады XIX в. это слово стабильно отмечается академическими словарями. Так, в САР 2 и Сл. Соколова содержится значение: «Отношение в каком-либо случае собственно к одному чьему лицу. *Правосудию несвойственна личность*» [16. Стлб. 582; 17. Стлб. 1318]. В СЦСРЯ их два: «1. Отношение одного лица к другому. *Никакая личность не должна быть терпима в службе*; 2. Колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление. *Не должно употреблять личности*» [18. С. 259]. Вместе с тем, как показывает материал нашего исследования, слово *личность* начинает устойчиво употребляться в 80-е гг. XVIII в. и обладает уже по крайней мере тремя значениями (табл. 2). С конца 80-х – начала 90-х гг. XVIII в. оно явно имеет разветвленную семантическую структуру, включающую четыре основных лексико-семантических варианта: 1) ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’; 2) ‘личное, субъективное отношение к кому- или чему-либо’; 3) ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’; 4) ‘объект правоотношений’. Рассмотрим их последовательно по мере убывания частотности реализации в текстах.

I. Наиболее употребительным является значение ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’, которое представлено 39 контекстами (38% от 103) и, по нашим данным, раньше других фиксируется в русском литературном языке (см. табл. 2). Слово *личность* употребляется здесь в функции дополнения (27 – 69,2% от 39), подлежащего (6 – 15,4%) и сказу-

¹ В САР 1 нет словарной статьи для слова *личность*, однако данная лексема встречается по крайней мере в дефиниции словарной статьи САМ [15. Ч. 5. Стлб. 334].

емого (5 – 12,8%), редко – обстоятельства (1 – 2,6%) преимущественно в форме единственного числа (24 – 61,5%). Достаточно часто оно используется абсолютно, без конкретизаторов (28 – 71,8%). Всё это говорит о том, что данный лексико-семантический вариант был хорошо знаком носителям языка того времени и легко ими идентифицировался.

Таблица 2

Употребление слова *личность* в XVIII – первом десятилетии XIX в. (по годам)¹

Значения	Год																		
	1783	1786	1789	1790	1791	1792	1796	1797	1798	1800	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810
1. Намёк, а также прямое указание на конкретное лицо	+	+	+	+	+	+					+	+	+		+		+		+
Язвительный, колкий намёк на какое-либо лицо	+	+	+	+	+	+						+							+
— Оскорбленные лица				+							+	+			+				
2. Личное, субъективное отношение к кому- или чему-либо						+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
— Личное неприязненное отношение к кому-либо											+	+					+	+	
Пристрастное отношение к самому себе, эгоизм												+			+				
3. Отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности			+		+	+	+	+	+		+	+	+				+	+	
4. Объект правоотношений		+	+			+	+			+	+					+		+	

¹ Знак «||» используется для обозначения оттенка значения, знак «—» – для обозначения смыслового нюанса значения или его оттенка.

Значения	Год																		
	1783	1786	1789	1790	1791	1792	1796	1797	1798	1800	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810
Личное достоинство		+																+	
Частные (гражданские) права человека			+			+	+				+					+			
Социальное свойство лица, позволяющее его идентифицировать										+									

Исследуемое нами слово в этом значении выражает указание на характер, положение, поведение или иной другой атрибут лица, который является легкоузнаваемым и по которому возможна идентификация человека. Личность выступает как индикация конкретного индивида, его определённости. Например: *Сколько наших братии, любящих хвастовство и наполняющих донесения личностью, затевая на себя, что все предвидят, и выводят нечаянные события последствиями своих планов, которых никогда не бывало* (Г.А. Потемкин. Письмо Екатерине II. 5 декабря 1789¹); *Если упоминалось где о князе или графе, того не позволял он печатать, говоря: сие есть личность, ибо у нас есть князья и графы между знатными особами* (А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1790); *Если ослепленный судья судит в неправду и защитник невинности издаст в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сие личность, но дозволенная* (А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1790); *Печатай все, что увидишь, – отвечала она, – но берегись личности. Если, например, увидишь ты парнасского нищего, который, схватя вместо ножа свою оду, нападает с нею на первого денежного мимохожего и пересчитывает наугад достоинство того, кто едва по имени только ему известен... то запиши это и скажи свое мнение; но не называй имени продажного писаки...* (И.А. Крылов. Ночи. 1792); *Сатира есть некоторой родъ Поэмы, или преложенной стихами рѣчи, въ коей осмѣиваются пороки и слабости людей колкимъ, язвительнымъ образомъ; но безъ всякой личности* (Батте Ш. О дидактической поэзии // Правда поэзии. СПб., 1808. С. 118–119).

¹ Библиографическая запись даётся для контекстов, которые впервые вводятся в научный оборот. В остальных случаях, помимо автора и произведения, указывается год публикации для того, чтобы отметить, когда то ли иное значение употреблялось в русском литературном языке.

Слово *личность* в конструкции с деепричастием (*избегая личностей, оставя личности, исключая личность, не касаясь личностей*) приближается к лексемам *лицо* и *человек*., употребляемым в местоименном значении: *А какъ по узаконеніямъ дана всякому свобода противъ доносовъ оправдываться, чѣмъ только можно; а въ больиомъ наказѣ, главѣ X, въ статьѣ 199-й, даже и позволено виноватому давать время и способы себя оправдывать, то и не почиталъ губернаторъ ни въ малѣйшую противность законовъ требовать изъ намѣстническаго. правленія, исключая **личность**, о тѣхъ самыхъ дѣлахъ справокъ* (Г.Р. Державин. Объяснения о делах Тамбовской губернии и причинах неудовольствия генерал-губернатора. 1789); *Изъ нынѣшнихъ Рускихъ актеровъ есть нѣкоторые съ отличными дарованіями, но не касаясь **личности** въ вообще составляютъ весьма посредственное общество дѣйствователей, какъ вы ихъ называете* (Письмо к издателям // Зритель: Ежемесячное издание. СПб., 1792. Ч. 3. Сентябрь. С. 20); *Оставя **личности**, въ самомъ твореніи* [*«Политика всехъ европейскихъ кабинетовъ» и «Картина Европы» Сегюра*] *находится много ошибокъ, а особливо в I томѣ его Политики, под главою о Россіи* ([Галинковский Я.А.] Рассмотрение российской истории // Корифей, или ключ литературы. СПб., 1802. Ч. 1, кн. 1 (Клио). С. 152–153); *Уже къ нещастію могли бы мы наименовать двѣ или три жертвы ея [моды], всѣмъ извѣстныя; но **избѣгая личностей**, говоримъ только о возможном* (Н.М. Карамзин. О лёгкой одежде модныхъ красавицъ XIX века. 1803); *Писать оную [рецензию] единственно для юныхъ Авторовъ, безъ брани, не касаясь до **личности*** (Критика // Северный вестник. 1804. Ч. 3. № 9. С. 294).

В этом значении ярко выделяется оттенок, который конституирует слово *личность*, как пейоратив – ‘язвительный, колкий намѣк на какое-либо лицо’ (25 контекстов – 64,1% от 39; 24,3% от 103). Данный оттенок фиксируется сначала ФРЛ (1786): «Personnalité – Личность; обыкновенно берѣтся в худую сторону и значит, язвительность, язвительная речь собственно до кого принадлежащая. *Il y a dans cette histoire beaucoup de personnalités*, в сей истории много личныхъ язвительностей» [19. С. 258], затем – СлАД (1798): «Die Personalien... личности, язвительности личныя» [20. С. 196]. Слово *личность* в этом оттенке употребляется обычно в функции дополнения (16 контекстов – 64% от 25), часто в абсолютном употреблении (14 – 56%), и используется как в форме множественного (13 – 52%), так и единственного числа. Например: *а какъ вы мне сказали, что вы не помните сей комедии, и я вамъ донес, что она написана на рогоносца, на которую столько вооружался г. Княжнин, то вы мне изволили отвѣчать, что вы не приемлете **личности*** (И.А. Крылов. Письмо П.А. Соимонову 1789 г. (не ранее 2-й половины февраля)); *Говорят отрывками; всё **личности**, jargon, языкъ, непонятный для чужестранца; молчишь, зеваешь или скажешь слова два на вопросы: «Какъ сильны бываютъ морозы в Петербургѣ?»* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1791); *Россіянамъ, съ которыхъ дѣйствій срисованы дѣйствія комедіи... и чѣмъ ближе комедія*

подходить к симъ образцамъ, тѣмъ болѣе сочинитель <комедии> долженъ имѣть искусства, чтобы сочинение его не отозвалось **личностію**, что на театрѣ не терпимо, и достойно презрѣнія, естли не наказанія (Театр. Продолжение // Зритель: Ежемесячное издание. СПб., 1792. Ч. 3. Октябрь. С. 119); *Современникъ его* [Кратина] *Кратесъ, по словамъ Аристотеля, былъ первый удалившій личности изъ своихъ комедій, Эвополисъ подражалъ Кратину* (Краткая история греческой поэзии // Приятное и полезное препровождение времени / ред. В.С. Подшивалов. М., 1795. Ч. 6. С. 412–413); *Главною пружиною, руководствовавшею перомъ Аристофана в сей комедіи, были конечно нѣкоторыя личности противъ Сократа, и Эврипида... которые пренебрегали комиками, какъ не важными писателями* ([Галинковский И.Я.] О славнейших писателях комедии // Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1803. Ч. 1, кн. 3 (Талия). С. 78); *Сюда [к комедіямъ Пикара] принадлежатъ также и Пародіи или превращенныя, окрытикованныя комедіи – которыя рѣдко терпѣть можно потому что они почти всегда имѣютъ въ себѣ большіе зависти злобы или личностей, нежели прямого желанія показать недостатки автора...* ([Галинковский И.Я.] О славнейших писателях комедии // Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1803. Ч. 1, кн. 3 (Талия). С. 99); *Личность есть то же, что низкое мщеніе; она уничтожаетъ нашу доверенность к сатирику, который в глазах нашихъ долженъ быть проповѣдникомъ истины и добрыхъ нравовъ* (В.А. Жуковский. Критический разбор Кантемировыхъ сатир, с предварительнымъ рассужденіемъ о сатире вообще. 1810).

Конкретизаторы в этомъ оттенке редки (*всякая, веселящая, никакая, эти, некоторая*) и используются для характеристики, уточненія объекта, указанія на него: *Учтивыя же критики, какъ бы они строги ни были, съ удовольствіемъ въ Собесѣдникѣ помѣщаются будутъ, только чтобъ въ нихъ личности никакой и грубыхъ и подлыхъ выраженій не было* (Отъ издателей // Собесѣдникъ любителей русскаго слова, содержащій разные сочиненія в стихахъ и в прозе некоторыхъ русскаго писателей / ред. О.П. Козодавлев. СПб., 1783. Ч. 3. С. 45); *Когда разнесся слухъ о Вашемъ сочиненіи, многіе пришли въ ужасъ; а другіе съ лукавымъ удовольствіемъ ожидали видѣть в ономъ заранѣе ихъ веселящія личности; иной называлъ того, другой другаго* ([Козодавлев О.П.] Письмо къ сочинителю Комедіи «Обманщикъ» // Растущій виноградъ: ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Главнаго народнаго училища города святаго Петра / ред. В.Ф. Зуев. 1786. Февраль. С. 2); *Обыкновенныя правила цензуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религіи и откровенію, все то, что противно правленію, всякая личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общій* (А.Н. Радищев. Путешествіе изъ Петербурга в Москву. 1790); *Палиссо. Родился съ великими дарованіями для Театра; но въ его комедіяхъ много есть личностей. Эти личности никогда и нигдѣ негодятся, для людей посвятившихъ себя наукамъ* ([Галинковский И.Я.] О славнейших писателях комедии // Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1803. Ч. 1, кн. 3 (Талия). С. 97).

Этот оттенок может носить узкий характер, употребляясь для обозначения оскорбления лица. В этом случае для объективации смысла могут использоваться конкретизаторы в форме согласованных определений (язвительная, недозволенная, оскорбительные): *Личность, но язвительная личность, есть обида* (А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1790); *Аддингтон... нередко с величайшею строгостью останавливал самого Питта, когда он в речах своих дозволял себе оскорбительные личности* ([Карамзин Н.М.] О нынешних министрах Англии // Вестник Европы. 1802. Ч. 4, № 13. С. 69); *Даже и глубокомысленный <Вильям> Питт в собрании парламента дозволил себе оскорбительные личности против Бонапарте, несогласные с хладнокровной справедливостью* (Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. Ч. 11, № 17. С. 77). Однако слово *личность* может употребляться и без них, значение легко восстанавливается из контекста: *Благородный лорд [Темпель] справедливо осуждает личности, которых он себе никогда не дозволяет. Правда, что иногда его лордство называет министров тупыми ножами, молоком смешанным с водой, пресным соусом и проч.; но это без сомнения не личности, а разительные доказательства здоровой логики!* (Известия. Париж // Вестник Европы. 1803. Ч. 7, № 2. С. 166); *Но к чему вводить в критику личности, как например о спеси сенаторской? К чему посторонние, злые намерения?* (И.И. Дмитриев. Письмо А.И. Тургеневу. Конец апреля – начало мая 1806 г.).

Разницу между значением, его оттенком и нюансом отчетливо отмечает А.Н. Радищев: *Если ослепленный судья судит в неправду и защитник невинности издаст в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сие личность, но дозволенная; если он, его назовет судиею наемным, ложным, глупым – есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станет именованьями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сие есть личность, но язвительная и недозволенная* (А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1790).

II. Треть от всех контекстов составляет значение ‘субъективное, личное отношение к кому-либо или чему-либо’ (32 контекста, или 31%). Это значение фиксируется всеми словарями XIX в. начиная с САР 2 [16. Стлб. 582], в котором, а также в слов. Соколова [17. Стлб. 1318] оно формулируется как ‘Отношение в каком-либо случае собственно к одному чьему лицу’, а в СЦСРЯ [18. С. 259] – ‘Отношение одного лица к другому’. Эти выводимые словарями XIX в. значения обнаруживаются уже в текстах начала 90-х гг. XVIII в.

Слово *личность* в данном значении употребляется свободно (19 – 59,4% от 32), однако может присоединять и согласованные определения, выраженные местоимениями (*всякая, одна, своя, какая, какая-нибудь, никакая, собственная, его*), прилагательными (*мстительная, злобная, низкая*).

В этом значении данная лексема используется для обозначения субъективизма, пристрастия, частных интересов и собственных видов. Например:

Все это происходило не от благодарности к усердию, но от благоволения к князю: **личность** одна порождает таковыя указы, всякий это знал (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Ч. IV (1791–1798). 1802); ...если новое уложение необходимо для Франции, то Бонапарте напрасно велел объявить Законодательному совету, что правление отказывается от сочинения кодекса. Это действие досады (*humeur*) и народ не должен быть жертвою **личностей** (Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. Ч. 1, № 3. С. 100); Мы удостоверяены, что Правительствующий Сенатъ, всегда управляясь чистѣйшими побужденіями, отвергая всякую **личность**, единодушно обращая дѣятельность свою на предметы своихъ обязанностей, соответствовать будет в полной мѣрѣ тѣмъ ожиданіямъ, какія подаетъ Намъ его усердіе к пользѣ Государственной (Именной указ, данный Сенату «О неприкосновенности прав, предоставленных Дворянству» от 21 Марта 1803 г. // ПСЗРИ. Т. 27: 1802–1803. № 20676. С. 506); Хотя к чести консула должно сказать, что он во всяком случае, где не замешана собственная его **личность**, объявляет себя покровителем авторов и не терпит деспотизма (Письмо из Парижа: [О притеснениях со стороны фр. властей издателя «Аргуса» Л. Голдсмита]: (Из нем. журн. [Freimuthige. 1803. Т. 2]) / [Пер. Н.М. Карамзина] // Вестник Европы. 1803. Ч. 11, № 17. С. 23); Всего лучше назвать вежливость общей посредницей **личностей** и разных выгод самолюбия. Она конечно есть только образ благоволения и скромности; но всегда... хранит нас от зла, как позолота хранит медь от ядовитой ржавчины (Н.М. Карамзин. Об учтивости и хорошем тоне. 1803); В «Журнал для сердца и ума» также несколько прислано подобных той, которая напечатана в марте месяце «Цветника»; но как в них сокрыты имена авторов и что еще более, они писаны по **личности**, то издатель решил не помещать таковых произведений наших зоилов (О критике (письмо к издателю) [Примечание к статье] // Журнал для сердца и ума. 1810. № 4. С. 12).

В ряде случаев хорошо видно, что **личность**, **пристрастие** и **личные виды** находятся в одном смысловом ряду. Например: ...и да сойдет вечное проклятие на меня и на дом мой, если здесь водили пером моим какое пристрастие, какая **личность** или иные какие виды; а не... искреннее рвение к блаженству моего любезнаго отечества меня одушевляли (Г.Р. Державин. Мнение о правах и обязанностях сената. 1801); ...самъ Тассъ, вооружился защитительнымъ словомъ, и почти единогласно сія сатира, наполненная **личностью** и **пристрастием**, была обнаружена, опровергнута, презрѣна ([Галинковский И.Я.] О славнейших эпических стихотворцах // Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1804. Ч. 2, кн. 10 (Уралия). С. 215); Въ такомъ случаѣ спасутъ его одни слѣдующія правила: пусть будетъ онъ совершенно безпристрастенъ... и не позволяетъ себѣ быть судіею въ такихъ случаяхъ, в которыхъ какая нибудь **личность** нечувствительно можетъ замѣшать въ приговоръ его **пристрастіе** (В.А. Жуковский. О критике (Письмо к издателям Вестника Европы). 1809).

Рассматриваемое нами слово в этом значении может иметь отрицательную окраску, употребляясь в нюансе ‘личное неприязненное отношение к

кому-либо'. Для объективации этого нюанса используются конкретизаторы, выраженные согласованными определениями (*низкая, мстительная, злобная*). Например: *Вдруг вздумалось ему [губернатору] нечаянно послать освидетельствовать казначея Слесарова, считая по чьим-то рассказам, будто у него не все деньги налицо, что, конечно, я с ним в половине в плутне, ибо он был ко мне близок... ибо где действует мстительная личность, там редко или вовсе никогда благоразумие не советуется насчет предпринимаемых мер* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Т. IV (1791–1798). 1802); *...все эти нежности нашего светского обращения, кои требуют, чтобы мы снисходили людям, обидевшим нас, и чтобы я на губернатора не жаловался, дабы не подать вида личности злобной и в самом правильном поступке* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Т. IV (1791–1798). 1802); *Приговор <государем> подписан и вмиг исполнен; истина открывается, но все уже кончено и дело без поправки. Нередко самый низкий интерес, или самая низкая личность, сокрытые, но действующие сильно, бывают причиною того зла, которое в глазах наших происходит* (Бомарше П.О. Бомарше в Испании: [из «Memoires»] / [Пер. В.А. Жуковского] // Вестник Европы. 1808. Ч. 37, № 3. С. 230). Этот нюанс может объективироваться за счёт контекста, в таком случае конкретизаторы не употребляются. Например: *Умы волновались и законы, изданные по вдохновению личностей и раздора, были гибельны как для духовных, так и для религии. Некоторые дерзкие безбожники вздумали ее совсем ниспровергнуть: к ним пристали другие, пылавшие злобой и местью* (Торжественное восстановление католической религии во Франции: [Из «Moniteur Universel». № 196–198] / [Пер. Н.М. Карамзина] // Вестник Европы. 1802. Ч. 3, № 9. С. 79); *Из сего слѣдуетъ, что первое вниманіе ваше должно обращено быть на приведение Чиновников в исправное и точное отправление их должностей, на искоренение всяких между ними личностей и ссоръ, и на направление каждаго в своей части к единой цѣли общаго блага* (Именной указ, данный Тобольскому и Иркутскому Генерал Губернатору Селифонтову «О образе управления сими Губерниями» от 23 мая 1803 г. // ПСЗРИ. Т. 27: 1802–1803. № 20771. С. 629); *В чем состояли главнейшія безпорядки при последних выборах, в Польских Губерніях произшедшіе? В личностях, в спорах, производивших вражды, и наконец буйства и даже насилия* (Мнение Министра Внутренних дел относительно беспорядков при Дворянских выборах в Губерниях от Польши присоединенных Февраля 1809 года / Марта 3. Выписка из Высочайше утвержденного журнала Комитета Министров «О Дворянских выборах в Губерниях, от Польши приобретенных» от 3 марта 1809 г. // ПСЗРИ. Т. 30: 1808–1809. № 23513. С. 841).

Отрицательный смысл слово *личность* приобретает в контекстах, в которых противопоставляется частное и общественное благо. Личный интерес становится в оппозицию долгу служащего государству, долгу гражданина. Такое употребление слова *личность* характерно для широкого поля разнотипных текстов: от частной переписки до нормативных актов. Напри-

мер: Внушение вам мое было о людях без двубразия, заплачен я вежливою нерешимостью в здешних моих трудах, хотя давние предопределения по вложениям не опровергнуты были и не **личность** какая меня побуждает, но долг службы (А.В. Суворов. Письмо П.И. Турчанинову о необходимости увеличения количества рабочих на строительстве Роченсальма. 10 марта 1792 г.); ...за нужное признаю предписать Медицинской Коллегии крайнее прилагать старание к тому, чтоб полки и города, не смотря на отдалённость их от столицы, снабждаемы всегда были знающими в Врачебной Науке людьми, в размещении коих избегая всякого лицепрятия, иметь всегда в виду единственно общую пользу, не подчиняя отнюдь никакой **личности** или чьей либо частной выгоде (Именной указ, данный Действительному Тайному Советнику Барону Васильеву «Об определении в полки и города знающих Врачебную Науку Лекарей» от 27 мая 1798 г. // РСЗРИ. Т. 25: 1798–1799. С. 257. № 18536); ...но как пристав определяемый и советник отряженный были ко мне вхожи и знакомее других, то в протестах прокурорских и действовала более **личность**, нежели радение о благоустройстве, которое, впрочем, ничем не нарушалось (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Т. IV (1791–1798). 1802); Но сколько потому, что я уверен был, что дворяне пошепчут, покричат и ничего не предпримут характерного к защищению прав своих, а подбивать их дело для меня было бы слишком подлое, столько и для того, чтобы губернатор не возмнил, что я действую из мщенья и мешаю **личность** в службу, презрел пустые слухи и оставил всех спокойными (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Т. IV (1791–1798). 1802); Правильно, думал я, но как избежать, чтобы и самое справедливое требование не показалось **личностию**, когда оно ко вреду клониться будет лица ненавидимого? (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Т. IV (1791–1798). 1802); Всякая новая перемена наших властей была действием **личностей**, которые не дозволяют видеть общей пользы и думать о лучших средствах народного спасения. Всякий следует движению особенной страсти своей; всякий судит только в отношении к себе (Известия и замечания. Швейцария // Вестник Европы. 1802. Ч. 3, № 10. С. 177–178).

Неудивительно, что это гражданское звучание слова **личность** находит своё место в языке оды и трагедии:

*Кому отечество вручило
Весы суда, защиты меч*

...

*Тот должен путь опасный течь,
О **личной** пользе не радея;*

...

*В душе того, кто долгу жертва,
Как собственность, так **личность** мертва,
Народно благо – жизнь его.*

(В.В. Капнист. Ода на твердость духа. 1796).

Князь Феодор
*Единою душой и действуйте и правьте,
О царстве думайте, а личности оставьте.*
(М.М. Херасков. Освобождённая Москва. 1798).

Обозначая личное, пристрастное отношение к чему-либо, слово *личность* выступало и в более узком смысле, формируя оттенок 'пристрастное отношение к самому себе, эгоизм' (3 – 9,4%). Это вполне закономерное ограничение смысла легко принималось людьми того времени. А.С. Шишков писал: *...слово лице, приемлемое въ смыслъ всего челоуѣка, изображаетъ иногда, тѣхъ самыя понятія, какія относятся въ самому челоуѣку... Отсюда происходятъ слова: личность, то есть пристрастїе наше къ самому себѣ, или къ другому лицу или челоуѣку* (А.С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. 1803). Этот оттенок нашёл отражение в лексиконах конца XVIII в. Так, немецкое слово *die Selbstheit* в СлАД [20. С. 488] переводится как 'самолюбие, себялюбие, личность'.

Сближаясь с понятиями эгоизма, самолюбия, личность противопоставляется заботе об общественном благе и приобретает решительно негативный смысл: *Представлю ли вам, что я не столько низок в душе, судя по моим понятиям, по самому политическому моему положению, чтоб питать намерения личности, вне которой я решительно себя поставил при вступлении моем в общество?* (Каразин В.Н. Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразинным, испросившим высочайшее соизволение на основании в городе Харькове университета // Вестник Европы. 1803. Ч. 10, № 16. С. 242); *Въ вѣкъ низкой личности онъ [Клопшток] удивлять насъ сими двумя свойствами столь же, сколь и питическимъ талантомъ своимъ... Клопшток, подобно всем искренним филантропам, всем людям ума необыкновенного, не эгоистам, но друзьямъ общаго добра, былъ другомъ французской революции, когда она казалась благодетельной переменой судьбы челоуѣческой во Франции* (Архенгольц И.В. Архенгольц о Клопштоке: [Из журн. «Minerva». 1803. Т. 2] / [Пер. Н.М. Карамзина] // Вестник Европы. 1803. Ч. 9, № 11. С. 172); *Уверяют, что <Вильям> Питт любил простоту и веселость в обхождении с людьми в часы свободные... Низкие чувства личности были совершенно ему чужды. Доходы от мест своих он издерживал на приличное себя содержание, и подобно невинному младенцу, не заботился о запасе для будущаго времени* (Вильям Питт: (Окончание): (Из Лондонских ведомостей) // Вестник Европы. 1806. Ч. 26, № 6. С. 133–134). Этот оттенок использовался непродолжительное время (см. табл. 2) и ко второй декаде XIX в., видимо, утратился (см.: [21]).

Слово *личность* в этом значении употребляется преимущественно в функции дополнения (16 – 50%) и подлежащего (11 – 34,4%), но возможно употребление в функции определения (4 – 12,5%), например в оттенке 'пристрастное отношение к самому себе', и – крайне редко – обстоятельства (1 – 3,1%). В тех случаях, когда слово *личность* приближается по

смыслу к словам **интерес, пристрастие, неприязнь**, оно может употребляться в форме множественного числа (8 – 25%).

III. Значение 'отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности' фиксируется с 1789 г. и реализуется в 19 контекстах (18,4%). Здесь слово **личность** употребляется преимущественно в форме единственного числа (17 – 89,5%) в функции дополнения (8 – 42,1%) и подлежащего (7 – 36,8%) и – редко – определения (2 – 10,5%), сказуемого (1 – 5,7%) и обстоятельства (1 – 5,7%).

Для его объективации используются согласованные (прилагательные: *явная, особая*; притяжательные местоимения: *своя, их, его, моя, твоя*; указательные местоимения: *сия*) и несогласованные определения (*бытия своего*): *Онъ [художник] творитъ здѣсь идеаль выраженія натуры и чувствований, и въ своемъ израженіи воспаряетъ гораздо выше особой личности. Тогда картины его имеют совсем другую форму* (Представительные искусства // Приятное и полезное препровождение времени / ред. П.А. Сохацкий. М., 1798. Ч. 19. С. 262); *...надобно... означить горестъ не только общими чертами... но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта. Сии-то черты, сии подробности и сия, так сказать, личность уверяют нас в истине описаний и часто обманывают* (Н.М. Карамзин. Находить в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону. 1797); *Олимпъ: Да развѣ это обида, когда имѣютъ в виду поклонников порока, берут кисть, снимают с них портрет, не касаясь их личности? ...и виноватъ ли живописецъ, когда для своей картины нашель онъ во мнѣ черты ярче другихъ?* ([Мартынов И.И.] Филон // Муза: ежемесячное издание / [Изд. И.И. Мартынов]. СПб., 1796. Ч. I. С. 148).

Это значение выражается в кругу понятий, обозначающих особенность, уникальность человека, неповторимое человеческое «я»: *«Он! Она!» – восклицает сердце и теряет личность бытия своего. Таинственный рок бросает жребий в урну: «Ты блажен! ты погиб!»* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1791); *Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты?* (А.Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии. 1796); *Столь явная его <человека> личность, столь единственное его я, от всего в нем отделённое и все в себя собирающее... едва ли не рождает в нем очевидность* (А.Н. Радищев. О человеке, его смертности и бессмертии. 1796); *Весь находясь в настоящем, я ничего не помнил; не имел никакого отдельного понятия о моей личности, ни малейшей идеи о случившемся со мною; не знал, кто я, где я; не чувствовал ни боли, ни страха, ни беспокойства* (Руссо Ж.-Ж. Философические уединенные прогулки Жан-Жака Руссо / [Пер. И.И. Мартынова]. СПб., 1802, Ч. 1. С. 30); *Разные обстоятельства изменяли наш простой, добрый характер и запятали его на время; видим людей углубленных в свою личность и холодных для всего народного* (Н.М. Карамзин. О верном способе иметь в России довольно учителей. 1804); *А мыслящая сила, которая составляет мою безопасность? ...она моя собственность неотъемлемая, не принадлежащая никакому постороннему существу; в ней за-*

ключается моя *личность*. То, что я имею, может быть утрачено: то, что я емь, навеки останется моим (Мориц К.Ф. Сила несчастья: [Эссе] / [Пер. В.А. Жуковского] // Вестник Европы. 1808. Ч. 37, № 4. С. 314–315); ...образуется ли новое существо, никогда еще не бывшее дотоле? Или существовало оно уже прежде? А если существовало, то для чего не помнит о прежнем своем бытии? Куда девалась прежняя его *личность*? (Мориц К.Ф. Успокоение сомневающегося: [Мысли] / [Пер. В.А. Жуковского] // Вестник Европы. 1808. Ч. 42, № 21. С. 50).

Слово *личность* может сближаться со словом *душа*: *Здесь за мною бес, в С.-Петербурге 70 бесов, разве быть самому бесом. Уже давно знаком, так личность моя пуста. Там мне употребления не наклонит, коли не судьба* (А.В. Суворов. Письмо [Д.И. Хвостову] об интригах против него в Петербурге и взаимоотношениях с придворными. 20 июля 1792 г.).

Абсолютивное употребление редкое (6 контекстов – 31,6%), что характерно для значений, только закрепляющихся в языке. Одну из первых реализаций этого значения мы находим в переводе, предположительно, Н.М. Карамзина «Созерцания природы» Ш. Бонне 1789 года, о котором упоминают исследователи [9. С. 133; 22 С. 154], но контекст не приводят: *Память, сохраняя и снова являя души знаки представлений, увверяя ее въ одинаковости (identité) оныхъ съ тѣми, которыя ее уже прежде, трогали, и связывая настоящія представления съ предъидущими, производит личность (personalite), и дѣлаетъ изъ мозга магазинъ знаній, котораго богатство ежедневно увеличивается* ([Бонне Ш.] Человек, рассматриваемый как существо телесное / Статьи из Contemplation de la nature, Боннетова сочинения / [Пер. Н.М. Карамзина] // Детское чтение для сердца и разума. 1789. Т. 2. Ч. XIX. С. 197). У Н.М. Карамзина же в «Письмах русского путешественника»: *Мы созерцаемся только в других предметах. Чувство бытия, личность, душа – все сие существует единственно по тому, что вне нас существует, – но феноменам или явлениям, которые до нас касаются* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1791). В переводе Н.И. Анненского сочинения П. ле Фисса: *Что значат преимущества знатной породы, если отделить от них обманчивую прелесть и ложное сияние их украшающее; как не тягостное превосходство и неудобноносимое иго? И самые отличительные качества личности* (в тексте оригинала *les qualités personnelles*, т.е. речь идёт не о человеке, а о личных качествах. – И.И.) *в рассуждении благополучия жизни, не могут сравниться с некоторым заблуждением* (Фисс П. ле. Рассуждение первое / Разум часто заставляет почитать предрассудки, им осуждаемые / [Пер. Н.И. Анненского] // Санкт-Петербургский журнал. 1798. Ч. 2 (Апрель). С. 39). В переводе В.А. Жуковского «Эгоиста»: *Но, Государь мой, слово эгоист значит личность, а я имею собственную <личность>, как видите сами* (Линь Ш.Ж. Эгоист / (Повесть Принца де Линя) / [Пер. В.А. Жуковского] // Вестник Европы. 1809. Ч. 48, № 24. С. 280).

IV. Одно из наиболее ранних примеров употребления слова *личность* связано с правовой сферой. С 80-х гг. XVIII в. слово *личность* выступает в значении 'объект правоотношений' (13 – 12,6%), которое объективируется

как при помощи конкретизаторов, выраженных согласованными и несогласованными определениями (*их, своей, никакой, одних поверенных, граждан, каждого*), так и без них (7 – 53,8%). В этом значении данная лексема используется только в форме единственного числа и чаще всего реализуется в функции дополнения (7 – 53,8%), но возможно и её употребление в функции обстоятельства (4 – 33,3%) и подлежащего (2 – 15,4%).

Это значение неоднородно и включает в себя три оттенка.

1. Раньше других начинает выступать оттенок ‘личное достоинство’ (3 – 23,1% из 13): *Всякъ можетъ присылать сочиненія свои и переводы для помѣщенія въ сіи листы, только бы не было ничего противнаго благопристойности и личности* ([Вместо предисловия] // Лекарство от скуки и забот. 1786. Ч. 1, № 1 (от 1 июля 1786 по январь 1787 года). С. 4). Понятие личности как личного достоинства, по замечанию В.В. Виноградова, пока осмысливается как отвлечённое, присущее человеку вообще [1. С. 287], однако к 10-м гг. XIX в. оно уже отчетливо обособляется, индивидуализируется. В письме С.И. Истомина, напечатанном в «Вестнике Европы», говорится о личных переживаниях автора, которому было нанесено оскорбление: *«Честь и личность принуждают меня приняться за перо, и, во-первых, поблагодарить вас за долг журналиста, который вы столь хорошо исполнили в рассуждении стихов, присланных к вам от имени моего под заглавием: украденных у г. Дмитриева; во-вторых, сказать два слова в свое оправдание* (Истомин С.И. Ответ на два слова издателю Вестника Европы: [Оправдание по поводу обвинения в плагиате]. 1809. Ч. 44, № 8. С. 262); *Сравните мой почерк с тем письмом, которое прислано к вам, и ясно увидите мою справедливость. Прошу оное мне выслать... дабы я мог по руке узнать того глупца, и, соображаясь с личностью, простить и возвысить к нему тем мое презрение, ибо он более ничего не заслуживает* (Истомин С.И. Ответ на два слова издателю Вестника Европы: [Оправдание по поводу обвинения в плагиате]. 1809. Ч. 44, № 8. С. 263).

2. С конца 80-х гг. XVIII в. слово *личность* употребляется в качестве термина в правовой и общественно-деловой сфере в оттенке ‘частные (гражданские) права человека’ (8 – 61,5%), предполагая права, прежде всего, правящего класса, выражаемые в интересах отдельного лица: *Г<осподина> Генерала-Поручика и Кавалера удивляетъ, что сіе дѣло о Государственныхъ земляхъ, не принадлежащихъ никому в личность* (т.е. в частном владении. – И.И.), *по спору между волостными крестьянами вчинаемо и производимо было по апелляции в Гражданской Палатѣ не токмо без Стряпчого с стороны казенной, но безъ дозволенія на то крестьянамъ отъ Директора домоводства* (Сенатский указ «О дозволении казённым крестьянам в случае споров между ними по земельным угодьям обращаться к Экономии директору, а когда его распоряжением не будут довольны, то с ясными доказательствами входить с прошениями своими в Казённую палату» от 5 сентября 1789 г. // ПСЗРИ. Т. 23: С 1789 по 6 ноября 1796. № 16802. С. 71). Личность может трактоваться и шире, означая частные права всякого, как свободного, так и находящегося в угнетённом положе-

нии, человека. Например: Манифест Екатерины II «О вступлении Российских войск в пределы Персии против похитителя власти в сем Государстве Аги Магомед Хана» от марта 1796 г.: ...*чтоб совершенно успокоить всех обывателей и жителей Персидскаго государства всякого состояния и чина... что от вступления и пребывания там Наших победоносных войск, не только в личности или имуществе не воспоследует никакой обиды, и никакого притеснения, но паче каждый в том и другом ограждаем и охраняем* (Манифест Екатерины II «О вступлении Российских войск в пределы Персии против похитителя власти в сем Государстве Аги Магомед Хана» от марта 1796 г. // ПСЗРИ. Т. 23: С 1789 по 6 ноября 1796. № 17451. С. 877–878). *Крестьянин имеет собственность, бедное, но от него зависящее хозяйство; слуга, живучи лучше, не имеет ничего собственного, ничем собственным не управляет, он не имеет никакой личности...* (В.А. Жуковский. Записная книжка. Разные замечания. 1807).

Ограниченное в этом оттенке специальной сферой употребления слово *личность* может выходить в область высокого книжного употребления, выступая в контексте доктрины естественного права:

*Тамъ вольность, гдѣ никто не можетъ быть обидимъ;
Гдѣ всякъ, храняи законъ, свободно говорить,
И кромѣ зла всегда, что хочетъ, то творить;
Гдѣ собственность свята, гдѣ личность безопасна,
Гдѣ обща блага цѣль съ законами согласна.*

([Потёмкин П.С.] Песнь Екатерине II императрице и самодержице всероссийской, законодательнице, победительнице, мироположнице, матери отечества и подданных: От кавкаских разных народов // Новые ежемесячные сочинения / ред. Н.Я. Озерецковский и А.П. Протасов. 1792. Ч. 72 (июнь). С. 13).

В этой оде, вероятно, П.С. Потёмкин изображает реализацию в императорской России идеи свободы как доктрины естественного права, символом которой является частная собственность и реальное, а не декларативное осуществление частных, т.е. личных, прав правящего класса.

В.В. Виноградов полагает, что оттенок ‘частные (гражданские) права человека’ получил развитие или укрепился на основе оттенка ‘личное достоинство’, поскольку первый, по данным исследователя, появился позже второго [1. С. 287]. Наш материал показывает, что существенной временной дистанции между этими оттенками нет. Вполне вероятно, что понятие личного права, фиксируемое словом *personnalité*, было знакомо как французскому, так и российскому правящему классу¹. Более того, явно прослеживается тесная взаимосвязь этих оттенков. Так, в работе М.М. Сперанского «О коренных законах государства» личное достоинство выступает в ряду частных прав и собственности, к которому присоединяется ещё один

¹ Например, Луи Бульбуа в 1766 г. издаёт сочинение «*Traité de la personnalité et de la réalité des loix, coutumes, oustatuts, parforme d'Observations*», название которого можно перевести как «Трактат о *личных* и вещных законах, кутюмах и статутах, изложенный в форме наблюдений».

компонент – честь: ...никакое правительство не может иметь другой цели в установлении своем, как только охранение граждан в их **личности**, в их имуществе, в их чести (М.М. Сперанский. О коренных законах государства. 1802); *Итак, всякому правительству при образовании его народ говорит: «Мы желаем, чтоб каждый из нас был удостоверен и огражден в своей личности, в своей собственности и чести»* (М.М. Сперанский. О коренных законах государства. 1802).

3. В начале XIX в. это значение углубляется за счёт прибавления к нему оттенка, выражающего понятие личности как отвлеченного социального свойства, необходимого для установления тождества между человеком как индивидом и человеком как субъектом правоотношений, – ‘социальное свойство лица, позволяющее его идентифицировать’ (1 – 7,7%). Позже этот оттенок получит развитие в значении ‘субъект прав и обязанностей, обусловленных соответствующей процессуальной ролью’ – личность из объекта права превратится в его субъекта [21]. Так, в примечании ко II Отделению Устава о банкротах от 19 декабря 1800 г. видим, что участники гражданского процесса должны удостоверить свою личность: *Подписующиеся свидетели должны знать и отвечать, что заимодавец и заимщик лично те самые, кои заключают обязательство, оба в уме и памяти, умеют, или не умеют писать, ими, или точно по прошению их другим, приложена рука, и не было в виду ни чьего сторонняго принуждения; а ежели вместо котораго-либо одного, или и вместо одних на лицо поверенные, то в сем случае о личности одних поверенных то же самое* (Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. // ПСЗРИ. Т. 26: 1800–1801. № 19692. С. 462). Этот оттенок в определённой степени отмечается в СлАд: «Der Persönlichkeit – ‘личность, самоличность’» [20. С. 196], где самоличность выступает как ‘личное присутствие, самость’.

Обсуждение результатов и выводы

Применение контекстологического и лексико-семантического методов позволило установить, что слово **личность** в 80-е гг. XVIII – первое десятилетие XIX в. обладало развитой семантической структурой, употребляясь в четырех значениях: 1) ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’; 2) ‘личное, субъективное отношение к кому- или чему-либо’; 3) ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’; 4) ‘объект правоотношений’.

Из них наиболее частотным, что следует из статистического анализа выборки, являлось значение ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’ (38%). Это не в полной мере согласуется с данными исследователей и материалами словарей, в которых отмечаются как наиболее употребительные 1) оттенок этого значения ‘язвительный, колкий намёк на какое-либо лицо’ и его нюанс ‘оскорбление лица’ [8. С. 142; 9. С. 133], или 2) значение ‘личное, субъективное отношение к кому- или чему-либо’ [1. С. 285; 2. С. 201; 4. С. 159; 16. Стлб. 582; 17. Стлб. 1318; 18. С. 259], или 3) значение ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’ [13. С. 205].

Зафиксированные нами значения различаются по объёму. Значение ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’ содержит оттенок ‘язвительный, колкий намёк на какое-либо лицо’, который имеет смысловой нюанс ‘оскорбление лица’. Значение ‘личное, субъективное отношение к кому- или чему-либо’ имеет нюанс ‘личное неприязненное отношение к кому-либо’ и включает оттенок ‘пристрастное отношение к самому себе, эгоизм’. В значении ‘объект правоотношений’ выделяются три оттенка: ‘личное достоинство’, ‘частные (гражданские) права человека’ и ‘социальное свойство лица, позволяющее его идентифицировать’. Значение ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’ не обладает сколько-нибудь выраженными оттенками и нюансами.

Первое употребление трёх значений из четырех (см. табл. 2): ‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’ (и, прежде всего, оттенка ‘язвительный, колкий намёк на какое-либо лицо’), ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’ и ‘объект правоотношений’ в оттенках ‘личное достоинство’, ‘частные (гражданские) права человека’, фиксируется практически одновременно с точки зрения развития лексико-семантической системы языка – в 80-е гг. XVIII в. К 90-м гг. XVIII в. начинается стабильное употребление лексемы *личность* во всех четырех зафиксированных значениях в текстах различных жанров.

Стабильность употребления данного слова, наличие у него изначально представленного широкого семантического объёма, а также реализация значений в контекстах, принадлежащих к рассчитанным на широкую аудиторию публицистическим и тяготеющим к терминологичности своего словарного состава официально-деловым текстам, позволяют сделать вывод, что лексема *личность* к 90-м гг. XVIII в. входит в литературный язык.

Все выделенные нами значения слова *личность* – производные. Исходным, которое обусловлено морфологическим строением (слово *личность* – отвлечённое существительное к прилагательному *личный* [1. С. 272, 285]), должно быть значение ‘свойства лица; то, что относится к лицу как передней части головы’. Оно не было нами зафиксировано, однако спорадическое употребление данной лексемы в этом значении, по данным В.В. Веселитского, могло осуществляться на протяжении всего XVIII в., поскольку суффикс *-ость* является весьма продуктивным, более того, слова с таким суффиксом «способны длительное время оставаться на положении незакрепившихся в литературном языке» [4. С. 80–81]. В самом деле, контекст, в котором слово *личность* употребляется в значении ‘свойства лица; то, что относится к лицу как передней части головы’, приводят А.В. Боброва и Г.В. Вечеслова из «Лечебника» середины XVIII в.: *Когда масла гвоздичного капли две или три укануть в воду... в которой умываются: от того подает благоухание лицу и рукам личность* (т.е. придать рукам свойство лица. – И.И.) [9. С. 133]¹.

¹ А.В. Боброва и Г.В. Вечеслова называют это употребление «окказиональным» [9. С. 133], но это не окказиональное, а исконное, морфологически обусловленное значение.

Производным от значения ‘свойства лица; то, что относится к лицу как передней части головы’ может быть такое же очень абстрактное значение ‘все связанное с лицом, относящееся к лицу <как индивиду>’, предложенное В.В. Веселитским и Ю.С. Сорокиным [2. С. 201; 4. С. 159], однако не обнаруживаемое в текстах¹. От него должны брать начало значения, зафиксированные нами.

Наличие развитой семантической структуры слова (для очень короткого периода стабильного употребления в языке), не содержащей значения-основы, но включающей сразу же производные лексико-семантические варианты, в том числе и второго порядка, факт фиксации одним из первых (в тексте 1783 г.) оттенка производного значения (‘язвительный, колкий намёк на какое-либо лицо’)² и, наконец, наличие аналогичных значений во французском языке³ [1. С. 284; 9. С. 133] наводят на мысль о том, что лексема *личность* несомненно является калькой.

Поскольку, как показывает изучение корпуса текстов XVIII столетия, первые частотные употребления слова *личность* относятся только к 80-м гг.⁴, то можно, вслед за В.В. Виноградовым, с высокой долей уверенности говорить о том, что до этого времени не было настоятельной необходимости в отдельном слове, выражающем отвлечённое понятие о личных, индивидуальных свойствах и, тем более, понятие человека как носителя этих

¹ Это же значение отмечает В.В. Виноградов [1. С. 285], приводя в качестве иллюстрации строки из стихотворения В.К. Тредиаковского:

Весна возбудит всяку личность:

Задор у петуха, у курицы яичность.

Однако у В.К. Тредиаковского ничего похожего нет. Это, вероятно, неточное цитирование В.Г. Бенедиктова.

Ср.: Все вспрянет – каждая чуть дышащая личность,

И бодрость петуха, и курицы яичность.

(Плач остающегося в городе... 1859)

² Обратим внимание, что этот оттенок употребляется достаточно часто – в четверти всех контекстов (24,3% от 103), а значение, к которому он относится (‘намёк, а также прямое указание на конкретное лицо’) в сравнении с другими значениями, употребляется свободно, без конкретизаторов (см. выше описание данного значения), а значит, легко идентифицировалось носителями языка, что невозможно для недавно образованного производного значения. Возможно, слово *личность* именно в этом значении и было заимствовано из французского языка.

³ Ср.: *Personnalité*, subst. fém. *Étymol. et Hist. I. ... 3. 1697 personnalités plur. «détails personnels»* (Bayle, *Lettre à Le Duchat*, 5 janv. ds Littré); ca 1720 «*trait piquant, injurieux et personnel lancé contre quelqu'un*» (La Chapelle ds Trév. 1752); 4. 1762 «*caractère propre à une personne en particulier*» (Ac.); ...5. 1767 «*attachement à sa propre personne*» (Marmon- tel, Bélisaire, VII ds Littré) [24].

⁴ В.В. Веселицкий утверждает, что слово *личность* встречается в лексиконе Ф.П. Поликарпова-Орлова 1704 г. [25], однако эта информация недостоверна: там можно встретить лишь прилагательное *личный*; А.В. Кокорев приводит примеры употребления слова *личность* в первой половине XVIII в. из дипломатических депеш А.Д. Кантемира. Эти примеры в высшей степени окказиональны и требуют отдельного рассмотрения.

свойств. В пользу этого свидетельствуют полученные в смежных с лингвистикой дисциплинах данные о развитии общества и общественной, философской мысли в рассматриваемый нами период.

Представление о личности как о личном отношении к физическому или социальному лицу, как об особенностях, затем – целокупности особенных, индивидуальных свойств человека, и наконец – носителя этих свойств: отдельном человеке, противопоставленном обществу, возникает и укрепляется в результате развития капиталистических отношений [23. С. 97]. Россия XVIII в. – страна преимущественно феодальной экономической формации, однако с начала XVIII в., под влиянием европейской идеологии, в результате укоренения европейского мышления в ней происходят преобразования общественной жизни, которые находят своё отражение в ряде отсутствующих в феодальном, средневековом обществе явлений, таких как социальная мобильность, автономизация человека [26. С. 100–101], специализация институтов частного права [27. С. 365–366; цит. по: 1. С. 279–280], идеи частной собственности [28] и т.д. Эти явления общественной жизни подготавливают появление понятия о личности, становление и развитие которого может объясняться двумя противоположными процессами.

С одной стороны, с 70-х гг. XVIII в., и особенно усиливаясь в период общеевропейской волны феодальных контрреволюций в 80–90-е гг., передовая русская общественная мысль выступала против феодально-крепостнического гнёта, основываясь на идеях Просвещения. Просветительство, в том числе и русское просветительство как антифеодальное, как буржуазное мировоззрение имело своей центральной установкой антропоцентризм [29. С. 64], который стремился согласовать индивидуальное и общественное начала [30. С. 92]. Эти идеи с 70-х гг. XVIII в. начинают транслироваться в периодических изданиях [31. С. 242–243].

С другой стороны, идея *личности* вызревает в рядах реакционного феодального движения, возникшего на базе масонства во второй половине 60-х – 80-е гг. XVIII в. (особенно в период реакции после поражения крестьянской войны 1773–1775 гг.) [31. С. 242] и взявшего на вооружение идеи европейского сентиментализма, из которого было вынута революционное жало. В соответствии с этим направлением сентиментализма, человек – «не просто... духовно богатая личность, но и частный человек... пребывающий в уединении и наслаждающийся своим неповторимым “Я”, иными словами, человек... нарочито противопоставляется не государству, а обществу, народу» [31. С. 241].

Как видим, появление слова *личность* в 80-х годах XVIII в. в значениях, которые передают в общем виде смысл особенного, свойственного лицу, уже не кажется случайным и неподготовленным явлением.

Итак, проведённое нами исследование позволяет уточнить историю развития семантики слова *личность*, выражающего значимое для культуры понятие. Это должно упростить дальнейшую работу над построением целостной структуры концепта ЧЕЛОВЕК. Особенности формирования семантики слова *личность* могут послужить и необходимой иллюстрацией

для дальнейшего изучения семантической системы русского литературного языка.

Список источников

1. *Виноградов В.В.* Личность // История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999. 1138 с.
2. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
3. *Кокорев А.В.* Из истории русского литературного языка первых десятилетий XVIII века // Виноградов В. В. История слов / отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999. 1138 с.
4. *Веселитский В.В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М. : Наука, 1972. 319 с.
5. *Веселитский В.В.* Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. М. : Наука, 1964. 176 с.
6. *Колесов В.В.* Личность // Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. Кн. 2: Добро и зло. СПб. : Филологический факультет СПб. гос. ун-та, 2001. 304 с.
7. *Колесов В.В.* Человек // Мир человека в слове Древней Руси: научно-популярная литература. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 311 с.
8. *Будагов Р.А.* Процессы дифференциации в лексике (личность, персона, гуманность) // История слов в истории общества. 2-е изд., доп. М. : Добросвет-2000, 2004. 256 с.
9. *Боброва А.В., Вечеслова Г.В.* Личность // Этимологический словарь русского языка. Вып. 9: Л / под общ. ред. А.Ф. Журавлева, Н.М. Шанского. М. : Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
10. *Калашиников М.В.* Понятие «личность» в дискурсивных практиках Н.М. Карамзина и его круга // Карамзинский сборник. Карамзин и карамзинизм в современном сознании : сб. материалов. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2016. С. 34–41.
11. *Левин В.Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в.: (Лексика). М. : Наука, 1964. 407 с.
12. *Степанов Ю.С.* Человек, личность // Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
13. *Коноплина Е.Д.* Личность // Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 11. (Крепость – Льяной). СПб. : Наука, 2000. 256 с.
14. *Национальный корпус русского языка.* URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.07.2022).
15. *Словарь Академии Российской.* СПб. : Императорская Академия наук, 1789–1794. URL: <https://runivers.ru/lib/book3173/> (дата обращения: 19.07.2022).
16. *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный* : в 6 ч. СПб. : Императорская Академия наук, 1814. Ч. III: К–Н. 1444 стлб. URL: <https://www.prlib.ru/item/365949> (дата обращения: 19.07.2022).
17. *Соколов П.* Общий церковнославянско-русский словарь : в 2 т. СПб. : Императорская Российская академия, 1834. Ч. I: А–Н. 1692 стлб. URL: <https://www.prlib.ru/item/354590> (дата обращения: 19.07.2022).
18. *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук.* СПб., 1847. Т. 2: З–Н. 471 с. URL: <http://elibrary.ru/nodes/8462-t-2-z-n-1847> (дата обращения: 19.07.2022).
19. *Полный французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей* : в 2 т. СПб. : Императорская типография, 1786. Т. II, ч. 2: От Л до Z. 1377 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/1307139> (дата обращения: 19.07.2022).

20. *Полный немецко-русский лексикон из большого грамматико-критического Словаря господина Аделунга составленной с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений* : в 2 ч. СПб. : Императорская типография, 1798. Ч. 2: M–Z. 1060 с. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=4350> (дата обращения: 19.07.2022).
21. Игнатов И.А. Семантика и функционирование слова личность в XIX в. // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 37. С. 380–391. EDN OEUMZC.
22. Левин В.Д. (рец.). Ю.С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М. ; Л., 1965 // *Вопросы языкознания*. 1966. № 2. С. 152–158.
23. Кон И.С. Социология личности. М. : Политиздат, 1967. 383 с.
24. Le projet de recherche TLF-Étym (mise à jour des notices étymologiques du TLF). URL: <https://www.cnrtl.fr/etymologie/personnalite> (дата обращения: 19.07.2022).
25. Полицарнов-Орлов Ф.П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное. М. : Типография царская, 1704. 806 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004091708/ (дата обращения: 19.07.2022).
26. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 335 с.
27. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев ; Санкт-Петербург : Изд. Книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1900. С. 365–366.
28. Правилова Е.А. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX века // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 484–499.
29. Пустарнаков В.Ф. Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе // *История философии*. 1999. № 4. С. 57–88.
30. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М. : ИФ РАН, 2002. 341 с.
31. Макогоненко Г.П. Радишев и его время. М. : Гослитиздат, 1956. 774 с.

References

1. Vinogradov, V.V. (1999) Lichnost' [Personality]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Tolk.
2. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30–90-e gody XIX veka* [The Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language in the 1830–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
3. Kokorev, A.V. (1999) Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka pervykh desyatiletii XVIII veka [From the history of the Russian literary language of the first decades of the 18th century]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Tolk.
4. Veselitskiy, V.V. (1972) *Otvlechnaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v.* [Abstract Vocabulary in the Russian Literary Language of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: Nauka.
5. Veselitskiy, V.V. (1964) *Razvitie otvlechennoy leksiki v russkom literaturnom yazyke pervoy treti XIX veka* [The Development of Abstract Vocabulary in the Russian Literary Language of the First Third of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
6. Kolesov, V.V. (2001) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove* [Ancient Rus': Heritage in the word]. Book 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
7. Kolesov, V.V. (1986) *Mir cheloveka v slove Drevney Rusi: nauchno-populyarnaya literatura* [The World of Man in the Word of Ancient Rus': Popular science literature]. Leningrad: Leningrad State University.
8. Budagov, R.A. (2004) *Istoriya slov v istorii obshchestva* [History of Words in the History of Society]. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet-2000.

9. Bobrova, A.V. & Vecheslova, G.V. (1999) Lichnost' [Personality]. In: Zhuravlev, A.F. & Shanskiy, N.M. (eds) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 9. Moscow: Moscow State University.

10. Kalashnikov, M.V. (2016) [The concept of "personality" in the discursive practices of N.M. Karamzin and his circle]. *Karamzinskiy sbornik. Karamzin i karamzinizm v sovremennom soznanii* [Karamzin Collection. Karamzin and Karamzinism in modern consciousness]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulyanovsk. 30 November – 1 December 2015. Ulyanovsk: Izd-vo "Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya". pp. 34–41. (In Russian).

11. Levin, V.D. (1964) *Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo yazyka k. XVIII – n. XIX vv.: (Leksika)* [Essay on the Stylistics of the Russian Literary Language of the End of the 18th – Early 19th Centuries: (Vocabulary)]. Moscow: Nauka.

12. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.

13. Konoplina, E.D. (2000) Lichnost' [Personality]. In: Sorokin, Yu.S. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vol. 11. Saint Petersburg: Nauka.

14. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: www.ruscorpora.ru (Accessed: 19.07.2022). (In Russian).

15. Imperatorskaya Akademiya nauk [Imperial Academy of Sciences]. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. [Online] Available from: <https://runivers.ru/lib/book3173/> (Accessed: 19.07.2022).

16. Imperatorskaya Akademiya nauk [Imperial Academy of Sciences]. (1814) *Slovar' Akademii Rossiyskoy po azbuchnomu poryadku raspolozhenny* [Dictionary of the Russian Academy in Alphabetical Order]. Pt. 3. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/365949> (Accessed: 19.07.2022).

17. Sokolov, P. (1834) *Obshchiy tserkovnoslavjansko-rossiyskiy slovar'* [General Church Slavonic-Russian Dictionary]. Pt. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya Rossiyskaya akademiya. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/354590> (Accessed: 19.07.2022).

18. Imperatorskaya Akademiya nauk [Imperial Academy of Sciences]. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences]. Pt. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk. [Online] Available from: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8462-t-2-z-n-1847> (Accessed: 19.07.2022).

19. Imperatorskaya Akademiya nauk [Imperial Academy of Sciences]. (1786) *Polnoy frantsuzskoy i rossiyskoy leksikon, s poslednego izdaniya leksikona Frantsuzskoy akademii na rossiyskoy yazyk perevedennyy Sobraniem uchenykh lyudey* [A Complete French and Russian Lexicon, translated into Russian from the latest edition of the lexicon of the French Academy by the Assembly of learned people]. Vol. 2. Pt. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/1307139> (Accessed: 19.07.2022).

20. Imperatorskaya Akademiya nauk [Imperial Academy of Sciences]. (1798) *Polnyy nemetsko-rossiyskoy leksikon iz bol'shago gramatikal'no-kriticheskago Slovarya gospodina Adelunga sostavlennoy s prisovokupleniem vsekh dlya sovershennago poznaniya nemetskago yazyka nuzhnykh slovoizrecheniy i ob'yasneniy* [A complete German-Russian Lexicon from the large grammatical-critical dictionary of Mr. Adelung compiled with the addition of all the necessary phrases and explanations for perfect knowledge of the German language]. Pt. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya. [Online] Available from: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=4350> (Accessed: 19.07.2022).

21. Ignatov, I.A. (2021) Semantika i funktsionirovanie slova lichnost' v XIX v. [Semantics and functioning of the word personality in the 19th century]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. 37. pp. 380–391. EDN OEUMZC.

22. Levin, V.D. (1966) (rets.). Yu.S. Sorokin. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka. M.-L., 1965 [(Review) Yu.S. Sorokin. Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830–1890s. M.–L., 1965]. *Voprosy yazykoznanija*. 2. pp. 152–158.

23. Kon, I.S. (1967) *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Personality]. Moscow: Politizdat.

24. CNRTL. (n.d.) *Le projet de recherche TLF-Étym (mise à jour des notices étymologiques du TLF)*. [Online] Available from: <https://www.cnrtl.fr/etymologie/personnalite> (Accessed: 19.07.2022).

25. Polikarpov-Orlov, F.P. (1704) *Leksikon treyazychnyy, sirech' recheniy slavyanskikh, ellinogrecheskikh i latinskikh sokrovishch iz razlichnykh drevnikh i novykh knig sobrannoe i po slavyanskomu alfavitu v chin raspolozhennoe* [The trilingual lexicon, in other words, sayings of Slavic, Hellenic-Greek and Latin treasures from various ancient and new books, collected and arranged according to the Slavic alphabet]. Moscow: Tipografiya tsarskaya. [Online] Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004091708/ (Accessed: 19.07.2022).

26. Kon, I.S. (1984) *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Oneself: Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat.

27. Vladimirovskiy-Budanov, M.F. (1900) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. 3rd ed. Kyiv; Saint Petersburg: Izd. Knigoprodovtsa N.Ya. Ogloblina. pp. 365–366.

28. Pravilova, E.A. (2018) “Chastnaya sobstvennost’” v yazykakh rossiyskogo obshchestva kontsa XVIII – nachala XIX veka [“Private property” in the languages of Russian society in the late 18th – early 19th centuries]. In: Atnashev, T. & Velizhev, M. (eds) *Kembridzhskaya Shkola: Teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe lit. obozrenie. pp. 484–499.

29. Pustarnakov, V.F. (1999) Eshche raz o sushchnosti filosofii russkogo Prosveshcheniya 1860-kh gg. i v pervye o ego krizise [Once again about the essence of the philosophy of the Russian Enlightenment in the 1860s and for the first time about its crisis]. *Istoriya filosofii*. 4. pp. 57–88.

30. Pustarnakov, V.F. (2002) *Filosofiya Prosveshcheniya v Rossii i vo Frantsii: opyt sravnitel'nogo analiza* [Philosophy of the Enlightenment in Russia and France: An Attempt in Comparative Analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of RAS.

31. Makogonenko, G.P. (1956) *Radishchev i ego vremena* [Radishchev and His Time]. Moscow: Goslitizdat.

Информация об авторе:

Игнатов И.А. – доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры экономики и управления Коми республиканской академии государственной службы и управления (Сыктывкар, Россия). E-mail: ivan.al.ignatov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ignatov, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, Komi Republican Academy of State Service and Administration (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: ivan.al.ignatov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022;
одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 01.08.2022;
approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 31.07.2023.

Научная статья
УДК 070 + 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/84/4

Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования

Елена Мухамедовна Хакимова¹

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, khakimova-elena@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты дискурсивного изучения подкастинга как феномена современной онлайн-реальности, который осмысливается в различных научно-исследовательских и методических источниках. Рассматриваются функции русскоязычных подкастов; технологические ресурсы для производства, распространения и потребления контента; участники коммуникативного процесса; типологические характеристики и структура поликодовых медиапродуктов; маркетинговые инструменты их продвижения и способы монетизации.

Ключевые слова: коммуникативная реальность, коммуникативистика, медиакоммуникации, медиапродукт, дискурсивная практика, подкаст, метаподкастинг, интегрированные маркетинговые коммуникации, продвижение, монетизация

Для цитирования: Хакимова Е.М. Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 72–95. doi: 10.17223/19986645/84/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/4

Russian-language podcasts as modern discursive practice and research subject

Elena M. Khakimova¹

¹ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation, khakimova-elena@yandex.ru

Abstract. Podcasting is the process of creating and distributing digital audio files, which, together with explanatory text and possible non-verbal materials, are posted on online platforms in the form of serial episodes for subsequent download to users' fixed and mobile devices. The aim of the article is to study Russian podcasting as an element of modern online reality and the subject of academic reflection. From a theoretical and methodological point of view, the study is based on academic publications

on the problems of podcasting, media research, teaching aids, as well as recommendations and cases of practicing podcasters. The study used the podcast chart on the popular streaming service Yandex Music as its empirical base. The research method is discourse analysis which studied: 1) the functions of podcasts; 2) communication channels; 3) authors and target audience; 4) typological and structural characteristics of media products; and 5) pragmatic context of communication. The study shows that podcasts perform a variety of functions (informing, consolidating, recreating, teaching, enlightening, creativity, pragmatic realization), thus satisfying a broad range of needs for contemporary users aimed at improving the quality of life. The technological aspect of podcasting includes the following: production of media products, their placement on online platforms, and the use of technical devices for listening. The study also considers sources which enable Russians to expand their knowledge in this sector of information literacy, as well as obtain up-to-date data on the conditions of audio content usage. A study of communicative actors has shown that at the present time a range of types of podcast producers are represented in the Russian media market. These include: media, production studios; organizations outside the media industry; and independent podcasters. They are involved in the creation of media products mainly for a young audience with a certain predominance of women, many of whom are located in Moscow and St. Petersburg. The systematization of Russian-language podcasts on Yandex Music allowed establishing a typology based on five criteria for the differentiation of media products: correlation with the news agenda; thematic categories; the number of subject lines; communication strategies; and genre characteristics. A structural study identified mandatory (title, cover, podcast description, audio tracks) and optional (trailer, episode description) podcast elements. These features were analysed for their semiotic organization. Special attention was paid to integrated marketing communications in the field of podcasting. This included project promotion tools (special communication techniques in audio tracks; social networks featured on streaming platforms; joint publications with other podcasts, online guest resources), as well as ways to monetize Russian-language podcasts (crowdfunding, advertising, exclusive paid content).

Keywords: communicative reality, communicative studies, media communication, media product, discursive practice, podcast, metapodcasting, integrated marketing communications, promotion, monetization

For citation: Khakimova, E.M. (2023) Russian-language podcasts as modern discursive practice and research subject. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 72–95. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/4

Введение

Статья посвящена осмыслению коммуникативного феномена, возникшего в начале XXI в. в связи с появлением информационной технологии RSS, аудиоформата MP3 и цифровых аудиоплееров. В 2004 г. Адам Карри и Дейв Винер разработали код программы iPodder, позволяющей внедрять мультимедиа контент в RSS-канал, и это положило начало подкастингу – процессу создания и распространения цифровых аудиофайлов, которые вместе с поясняющими текстовыми и возможными невербальными материалами размещаются на онлайн-площадках в виде серии эпизодов для последующей загрузки на стационарные и мобильные устройства пользо-

вателей. В отличие от радиопередач, подкасты доступны для отложенного прослушивания, когда адресат по собственному желанию определяет время и место потребления медиапродуктов. Этот формат преобразует хроно-топ, являющийся, по выражению М.М. Бахтина, теми воротами, через которые совершается всякое вступление в сферу смыслов [1]. В результате такой трансформации формируется новая дискурсивная практика, изменяющая отношения между участниками коммуникативного процесса, характеристики медиапродуктов и характер общения. Зона влияния пользователей расширяется: они получают возможность регулировать скорость воспроизведения треков, обращаться к ним неоднократно, скачивать, комментировать, распространять контент, совмещать прослушивание с другими занятиями и т. д. Технические опции отражаются на содержательной стороне медиакоммуникаций, делая их более разнообразными, свободными, доверительными в соответствии с информационными потребностями и вкусами целевой аудитории. Именно поэтому подкастинг сегодня охватывает множество социально значимых областей: образование, культуру, индустрию развлечений, маркетинг, государственное управление и др. О перспективности этой дискурсивной практики свидетельствует её динамичный рост: по оценкам экспертов IAB Russia, с 2022 по 2024 г. в России аудитория подкастов увеличится с 14 до 18 млн человек [2]. Наша работа направлена на исследование коммуникативной специфики подкастов и результатов её осмысления, и этим обусловлена её актуальность.

Цель статьи – изучение русскоязычного подкастинга как элемента современной онлайн-реальности и предмета исследовательской рефлексии. Задачи: 1) систематизация теоретических и прикладных аспектов подкастинга в российских и зарубежных публикациях; 2) сопоставление этой информации с русскоязычными проектами на подкастинговых сервисах.

Специфика нашей работы состоит том, что в ней теоретико-методологический обзор не представлен в качестве отдельного фрагмента. Стремясь эксплицировать заявленную в теме связь между рассматриваемой дискурсивной практикой и отражающими её концепциями, мы соотнесли результаты анализа отечественных и западных публикаций по проблемам подкастинга и эмпирические данные в едином информационном блоке.

Общая характеристика теоретико-методологической базы исследования: несмотря на то что подкастинг как дискурсивная практика появился недавно, его осмыслению посвящено множество работ, среди которых не только научные статьи, но и медиаисследования, учебные пособия, а также рекомендации и кейсы практикующих подкастеров на русском¹ и английском² языках.

Общую характеристику эмпирической базы исследования составили преимущественно подкасты, указанные в медийном источнике «Чарт под-

¹ Podcasts.ru. URL: <https://podcasts.ru>

² Podcraft Academy. URL: <https://www.thepodcasthost.com/academy>

кастов. Самое популярное на Яндекс. Музыке прямо сейчас» [3], дата обращения: 18.07.2022; в списке 50 позиций, 49 из которых занимают подкасты на русском языке, один медиапродукт (Daily Easy English Expression Podcast) является англоязычным. Выбор платформы «Яндекс. Музыка» обусловлен тем, что в 2021 г. она была наиболее популярной у российских пользователей [4].

Метод исследования – дискурсивный анализ, позволяющий оптимальным, с нашей точки зрения, способом выявлять и описывать структуру медийных феноменов в составе современной «коммуникативной реальности» [5]. Процедура дискурсивного анализа предполагает чтение текстов, всматривание и вслушивание в их аудиовизуальную составляющую [6] с последовательным осмыслением релевантных характеристик медиапродуктов и их прагматической рамки. При определении критериев дискурсивного анализа мы использовали адаптированную к нашему материалу коммуникационную пентаду Г.Д. Лассуэла [7]. Полученная схема включает в себя следующие блоки: 1) функции подкастов; 2) каналы коммуникации; 3) авторы и целевая аудитория; 4) типологические и структурные характеристики медиапродуктов; 5) прагматический контекст коммуникации.

Результаты исследования

Анализ указанных источников позволяет выявить в рассматриваемой области ряд значимых для современной коммуникативистики позиций.

Функциональное назначение подкастинга определяется при сопоставлении этой дискурсивной практики с журналистскими коммуникациями. Так, Е.А. Воинова и Е.В. Сивякова [8] рассматривают подкасты как площадку, на которой продолжается взаимодействие редакции СМИ с аудиторией, и приходят к выводу, что новый формат сохраняет свойственную традиционным медиа полифункциональность (информирование аудитории, формирование системы ценностей, социальная интеграция, организация публичного диалога, регуляция психического состояния коммуникантов). В исследовании Г.Л. Арсентьевой [9] внимание сосредоточено не столько на сходстве, сколько на различиях: автор, в частности, отмечает, что реализация информационной функции в радиопрограммах ограничивается цензурой, тогда как размещение подкаста в интернете обеспечивает ему более высокую степень свободы; эффективность интегративной и организаторской функций радиовещания связана с его массовостью, а социальная действенность подкаста, как более камерного формата, основана на индивидуальной авторской харизме; просветительская функция в настоящее время присуща скорее подкастам, чем радио и т.д. Статья Е.Д. Антроповой [10] раскрывает бизнес-потенциал подкаста как эффективного инструмента продвижения эфирного радиоконтента в онлайн-среде, что увеличивает срок жизни медиапродуктов и зону их распространения. Маркетинговая функция российского подкастинга реализуется не только в медиаиндустрии, но и других областях экономики (сфера телекоммуникацион-

ных услуг, банковский сектор и т.д.); результаты изучения этих практик зафиксированы в зарубежных и российских исследованиях [11–13].

Анализ материала в нашей эмпирической базе, подтвердив многозадачность изучаемых медиапродуктов, показал, что в топовых росскоязычных подкастах представлены следующие функции: информационная – реализуется прежде всего в новостных пабликах («Самые честные новости»); консолидирующая – осуществляется в подкастах для тех, кто осознает ценность сходного жизненного опыта («Дежавю»); рекреативная – актуализируется в подкастах с установкой на непринужденное, развлекательное общение («Шоу Stand Up на ТНТ»); аксиологическая – свойственна, в частности, научно-популяризаторским и культурно-просветительским проектам («Крупным планом»); образовательная – выполняется подкастами, направленными на формирование и развитие учебных умений и навыков («EnglishDom – онлайн-школа английского»); регулятивная – представлена в подкастах с психологической и педагогической проблематикой («Одно расстройство»); эстетическая – проявляется при преобразовании художественных произведений в подкастиговый формат («Чтение»); маркетинговая – интегрируется в подкасты, связанные с коммуникативной деятельностью корпораций («Ну как там с деньгами?»).

Поскольку подкастинг невозможен без специального *технологического сопровождения*, этой стороне дискурсивной практики уделяется значительное внимание. Она включает три составляющие: производство подкаста, его размещение на онлайн-площадках, использование технических устройств при прослушивании. В руководствах практикующих подкастеров представлено детальное описание продакшн-оборудования (микрофоны, звуковые карты, поп-фильтры, рекордеры, наушники и т.д.) и компьютерных программ для видеосвязи, записи и монтажа медиапродуктов (Skype, Zoom, Google Chat, Google Meet, Audacity, REAPER и др.), а также ценные рекомендации по их использованию [14–16]. Испанский исследователь D. García-Marín называет этот консультационный аспект деятельности коммуникативного сообщества метаподкастингом, подчеркивая его существенную роль в становлении и развитии новой медийной отрасли [17].

Что касается размещения, то при первичной интеграции процедура проходит в два этапа: сначала подкаст публикуют на хостинге (Simplecast, Podster.fm и пр.) для формирования RSS-ссылки, а затем отправляют её на несколько подкастовых платформ («Яндекс.Музыка», Apple Podcasts, Google Podcasts и т.д.); в дальнейшем каждый новый эпизод размещается только на хостинге и автоматически в течение нескольких часов распространяется по всей сети. Особенности функционирования этой системы рассматриваются в научных статьях [18], публикациях производителей подкастов [19], а также в различных аналитических обзорах и справках [4, 20]. Специалисты по маркетинговым коммуникациям рекомендуют размещать корпоративные медиапродукты не только на подкастовых платформах, но и на сайтах, и в соцсетях [21]. Следует, однако, отметить, что большое количество рассредоточенных ресурсов осложняет продвижение

подкастов. Для решения этой проблемы в 2020 г. был создан специальный сервис Podcast.ru, позволяющий пользователям создавать удобные страницы для своих проектов со ссылками на все популярные в России платформы¹. Статистика обращений (2,2 млн) свидетельствует о востребованности такого инструмента, мы также использовали его при работе с эмпирической базой в данном исследовании.

Значимым фактором в медиаиндустрии являются технические условия восприятия контента. Исследования показывают, что для прослушивания подкастов россияне предпочитают мобильные устройства (примерно 75% аудитории), им значительно уступают колонки «Яндекс.Станция» и компьютеры (почти 25%), минимальная доля (около 0,1%) приходится на бортовые компьютеры автомобилей и приложения для умных телевизоров [22].

Следующий важный аспект изучения подкастинга связан с **участниками коммуникативного процесса** – авторами подкастов и их адресатами. Наше исследование показало, что в настоящее время в России производством подкастов занимаются различные акторы: медийные структуры – радиовещательная компания «Маяк» («Много букв»), специальные студии – «Либо/Либо» («Хорошо, что вы это сказали»), продвигающие свой бренд корпорации – АО «Тинькофф Банк» («Ну как там с деньгами?»), образовательные организации – Высшая школа экономики («Лекторий ВШЭ»²), независимые продюсеры – Мария Новосад («Секс с Мари 18+»). Некоторые из них создают видеoversии своих медиапродуктов, размещая их на YouTube [23].

Характеристики целевой аудитории по данным сервиса Podcast.ru, мультимедийного холдинга РБК, ВЦИОМ: возраст – преимущественно до 44 лет (68,75%); пол – преобладание женщин (58 против 42%); место проживания – Москва (до 33%), Санкт-Петербург (до 13%), регионы (до 3%); условия потребления контента – дома (59%), в автотранспорте (57%), на прогулке (22%) [4, 24, 25].

Значительная часть исследований по проблемам подкастинга посвящена их **типологизации**. При классификации разнообразного и объемного материала (в августе 2021 г. в каталогах «Яндекса» числилось приблизительно 13 тысяч русскоязычных медиапродуктов [26]) целесообразно учитывать несколько оснований. Перспективные подходы к решению этого вопроса представлены в работах Е.А. Барашкиной, Л.А. Горшковой, В.В. Лабутиной [27], Е.А. Воиновой, Е.В. Сивяковой [8], А.А. Журавлевой [28], А.Г. Ибраимова [29], А.А. Лукирич [30], С. Gray [31]. Систематизация и интеграция полученных результатов позволяет получить типологию, в основе которой лежат следующие дифференциальные признаки:

¹ Podcast.ru. URL: <https://podcast.ru>

² В чарте платформы «Яндекс.Музыка» подкасты образовательных организаций отсутствуют. Возможно, это обусловлено тем, что рейтинг формировался в период каникул, а в течение учебного года контент таких производителей является более востребованным.

1. Наличие/отсутствие непосредственной связи с новостной повесткой: подкасты событийные («Живой гвоздь») и вневременные («Психология с Александрой Яковлевой»).

2. Тематические категории: подкасты о политике («Самые честные новости»), экономике («Купи слона»), науке, технике, технологиях («Запуск завтра»), образовании («EnglishDom – онлайн-школа английского»), культуре («Интроверт на кухне»), истории («Виват, история!»), криминальных происшествиях («True Crime на диване»), личностной реализации и отношениях («Ты – это важно», «Мы расстались») и др. Приведенный список не является общепринятым и закрытым, поскольку темы подкастов непосредственным образом связаны с континуальной и динамичной жизнедеятельностью социума.

3. Количество сюжетных линий в рамках заявленной проблематики: подкасты моносюжетные (Do you speak English? – сезоны 2 и 4 по книгам Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере¹) и полисюжетные («Подкаст Лайфхакера»). Прослушивание подкастов второго типа можно начинать с любого эпизода.

4. Коммуникативные стратегии:

– подкасты разговорные – диалог, значительная степень спонтанности, отсутствие специальных аудиальных средств усиления выразительности медиапродукта (KuJi Podcast);

– нарративные – монолог, подготовленность, отсутствие специальных аудиальных средств усиления выразительности медиапродукта («Закат империи»);

– художественные – диалог или монолог, подготовленность, наличие специальных аудиальных средств усиления выразительности медиапродукта («Много букв»).

5. Жанры – различаются внутри типов, выделенных по коммуникативной стратегии.

Разговорные подкасты: интервью – информационная функция, задача – задать вопросы социально значимому гостю, получив от него новые, интересные для слушателей сведения («Психология с Александрой Яковлевой»); кохостинг – информационная функция, задача – обсудить тему подкаста с соведущим на равных коммуникативных правах («У Холмов Есть Подкаст»); ток-шоу – рекреационная функция, задача – развлечь аудиторию в ходе свободного, непринужденного общения (LABELSMART); круглый стол – информационная функция, задача – обсудить тему подкаста с несколькими экспертами (такой жанр представлен в нескольких выпусках подкаста «СЛЫШ»²: «Круглый стол: Как говорить о материнстве в

¹ Этот подкаст представлен на платформе «Яндекс.Музыка», но не входит в рассматриваемый чарт.

² «СЛЫШ» – фестиваль подкастеров, которые обсуждают важные для отрасли проблемы и делятся профессиональными знаниями. Его аудиоверсия состоит из двух сезонов (2020 и 2022 гг.). Этот нишевый подкаст не входит в чарт, поскольку адресован узкой аудитории.

2020 году», «Круглый стол: Как монетизировать подкаст», «Круглый стол: Сложная судьба художественных подкастов» и другие от 15.08.2020).

Нарративные подкасты: лекция – просветительская функция, задача – передать аудитории экспертное знание («История русского секса»); соло-подкаст – экспрессивная функция без исповедальной интенции, задача – выразить мнение по обсуждаемой теме («Книги на миллион»); аудиоблог – экспрессивная функция с исповедальной интенцией, задача – рассказать личную историю максимально откровенно и субъективно («Секс с Мари 18+»).

Художественные подкасты: подкаст-аудиокнига – сериализованное художественное чтение, наличие вымысла («Чтение»); аудиоспектакль – сериализованная радиопостановка, наличие вымысла («Радиоспектакли»); документальная драма – сериализованная радиопостановка, отсутствие вымысла («Норд-Ост. 23.10.2002»)¹.

Типология подкастов предполагает системность их изучения в широком медийном контексте. Этот подход вполне логично дополняется **структурным аспектом**: в ходе семиотического анализа исследователи выявляют элементы, образующие подкаст как комплексный медиапродукт, и изучают характеристики каждой составляющей.

1. Название подкаста является разновидностью медианоминаций [32] и в этом качестве выполняет множество функций: информативную, дифференцирующую, воздействующую, аттрактивную, эстетическую. Создавая неймы подкастов, авторы используют отадресатную стратегию, т.е. учитывают информационные потребности, интересы, ценности, вкусы целевой аудитории и предпочитают оригинальные, эмоционально маркированные средства выражения концептуальных смыслов. Практикующие подкастеры, определяя требования к названию подкаста, указывают, что оно должно ассоциироваться с темой медиапродукта, оптимальным образом презентовать автора, легко запоминаться, быть кратким (до 3 слов) и уникальным [33]. Анализ медианоминаций в современном российском подкастинге позволил В.А. Гапутиной и В.А. Лавровой [34] сделать вывод о наибольшей популярности наименований-намеков («Я бы выпил»), описательных («Модный подкаст») и игровых (Newочем») неймов. Последняя группа стала предметом специального изучения в статье А.Г. Жуковой, С.Р. Синюхиной [35]: авторы выявили игровые имена фонетического, графического, морфологического, словообразовательного, семантического типов и установили, что самым распространенным приемом является творческое использование прецедентных феноменов («Дьявол носит худи»). Мы понимаем игровой принцип как мотивированное нарушение языковых стандартов и творческую трансформацию коммуникативных канон и отмечаем его реализацию в нашем материале («Туну40k Goblins», «Дневник Лоры Палны», «Живой гвоздь», «Купи слона», «Страшные? Истории» и др.).

¹ Платформа «Яндекс.Музыка» не включает подкасты двух последних жанров в группу топовых медиапродуктов.

2. Обложка подкаста – его логотип, визуальное воплощение, значимый имиджевый компонент. Специалисты рекомендуют при разработке этого элемента медиапродукта серьезно отнестись к выбору шрифтов и цветовой гаммы, обратить внимание на технические характеристики: размер (минимальный – 1400 × 1400, максимальный – 3000 × 3000 пикселей, не более 500 кб), форматы предоставления (RGB) и сохранения (JPEG или PNG с расширением .jpg, .png), оптимизированность под мобильные устройства, – а также учесть юридическую сторону дела, связанную с авторскими правами [36, 37]. На обложке размещается читабельное название или изображение, вызывающее релевантные ассоциации с содержанием подкаста, в ряде случаев авторы соединяют речевые и визуальные средства. В нашем материале 4 графические обложки («Самые честные новости», «Тыну40k Goblina», «Книги на миллион», «Русская кибернетика»), 9 текстовых («Живой гвоздь», «Дилетант», «Ну как там с деньгами?», TREND CHART и др.), 36 комбинированных («Закат империи», «Время и деньги», «Интроверт на кухне», «Мы расстались», «Дежавю», «Доминируй. Властвуй. Унижай» и т.д.).

3. Описание подкаста – его аннотация, назначение которой состоит в том, чтобы в лаконичной и привлекательной для адресата форме выразить концепцию медиапродукта. На платформе «Яндекс.Музыка» аннотации представлены в двух вариантах: 1) краткое описание отображается в списке подкастов, максимальная длина высказывания – 60 символов, включая пробелы [20]; 2) полное описание предназначено для страницы подкаста, оно не имеет жесткой количественной регламентации, но по умолчанию пользователь видит не более трех первых строк текста, а для получения доступа к остальной информации ему необходимо активировать ссылку «Читать полностью». Поэтому специалисты рекомендуют сразу писать о самом важном, учитывая информационные потребности адресата (Что нового, особенного, ценного получит слушатель при потреблении медиапродукта?) и специфику работы поисковых систем (Какие формулировки позволят подкасту стать видимым для пользователя в ответ на его запросы?) [38].

В нашем материале полные описания включают от 17 («Дилетант») до 765 («История русского секса») знаков. Лаконичные тексты возникают в двух случаях: во-первых, когда подкаст является аудиоверсией проекта, получившего широкую известность в другом медийном формате, – *Аудиоверсии популярных видеороликов от Goblina* («Тыну40k Goblina»); во-вторых, если его создает популярная медийная личность – *Беспристрастная политинформация от Артемия Лебедева Чики Пумс Йоу! Возрастное ограничение: 18+* («Самые честные новости»). Развернутые аннотации, кроме информации о проблематике подкаста, его производителе и возрастных ограничениях, могут включать в себя аспекты концепции медиапродукта, сведения о гостях, электронные адреса для маркетинговых коммуникаций, контактные данные («Запуск завтра», «Дневник Лоры Палны», «Купи слона», «Ты – это важно» и др.). Примечательно, что в подкасте

«Russian Cybernetics by 4Mal / Русская кибернетика» описание, как и название, приводится на двух языках – английском и русском.

4. Трейлер – краткая аудиопрезентация подкаста или его сезона, созданная для того, чтобы привлечь внимание потенциальной аудитории к проекту, размещается на его странице после описания. Мнения специалистов относительно тайминга расходятся: М. McLean указывает, что продолжительность стандартного трека может составлять от 0:30 до 1:00 [39], Л. Пикалёв – от 1:00 до 3:00 [15], И. Волченко – от 0:50 до 1:58 [40]. Как правило, в трейлер включаются следующие компоненты: джингл – звуковая заставка (музыкальная фраза, вокальный фрагмент и др.), которая вместе с обложкой обеспечивает узнаваемость медиапродукта; представление ведущих; название подкаста; лаконичное и эмоциональное описание содержания проекта; яркие фрагменты подготовленных выпусков; сообщение о месте и времени размещения эпизодов; динамичная музыка и другие элементы саунд-дизайна. В этом жанре, по мнению М. McLean, неуместны просьбы о коммерческой поддержке: «Это то, о чем вы можете говорить со своими реальными, а не потенциальными слушателями. Ваш трейлер должен быть только о них и о том, что они получают от прослушивания» [39]. Исследователь отмечает также, что трейлер следует размещать как на странице своего подкаста, так и на иных ресурсах (сайт автора, другие подкасты и т.д.).

В нашем материале трейлеры представлены в 17 подкастах, причем в некоторых из них аудиопрезентации открывают несколько сезонов («Время и деньги», «Ты – это важно», «Хорошо, что вы это сказали» и пр.), поэтому общее количество таких треков – 26. Авторы обозначают рассматриваемый элемент словами *трейлер* («Мы расстались»), *тизер* («Закат империи», третий сезон) и *пилот* («Книжная шаланда»), которые используют как синонимы; не все аудиопрезентации маркируются этими знаками, ср.: *Кто ты такой?* («Страшные? Истории»); *9 марта студия «Либо/Либо» запускает первый подкаст о психотерапии* («Хорошо, что вы это сказали»); *Студия «Либо/Либо» запускает подкаст, в котором лучшие технические специалисты человеческим языком рассказывают о своих проектах* («Запуск завтра»). Продолжительность роликов – от 0:33 («О наболевшем») до 6:06 («Страшные? Истории»). Их структуру образуют указанные исследователями компоненты, как в полном составе («История русского секса», «Крупным планом», «Хочу не могу», «Кинопрофессии» и др.), так и выборочно («О наболевшем», из всего набора здесь использованы название, джингл, описание концепции проекта). Форма выражения смыслов в 24 треках является стандартно-информативной (трейлеры-анонсы), в 2 – художественно-креативной (трейлеры-образы): авторы проекта «Хочу не могу» стилизовали трейлер 3-го сезона под телефонный разговор с операторами в службе секс-поддержки; аудиопрезентация подкаста «Страшные? Истории» обыгрывает особенности повествования в триллере. Для расширения целевой аудитории подкастеры используют дополнительные маркетинговые приемы: трейлер «Время и деньги» автор разместил и на странице другого своего медиапродукта «Закат империи», а в один из эпизодов

«Истории русского секса» включена аудиопрезентация похожего по тематике подкаста «Хочу не могу». Отметим также, что в трейлерах, открывающих очередной сезон длительного проекта, иногда появляются просьбы поддержать подкаст на Patreon («Закат империи»), подобные обращения рассчитаны на слушателей, которые уже знают медиапродукт и лояльны к нему; инициальные трейлеры при запуске подкастов в некоторых случаях содержат приглашение подписаться на канал в соцсетях.

5. Описание выпуска – краткое изложение его содержания, чтобы проинформировать слушателей о том, какие вопросы и каким образом будут освещаться в эпизоде. «Яндекс.Музыка» выделяет этот элемент маркером «О выпуске». Анализ нашего материала показывает, что не все авторы включают описание эпизодов в свой медиапродукт, ограничиваясь их названием: аннотаций выпусков нет в подкастах «Самые честные новости» и «Без души». В некоторых случаях текстовый блок формально присутствует, но фактически не выполняет свою задачу, поскольку воспроизводится от одного эпизода к другому: *Вспоминаем о том, как мы жили несколько десятилетий назад* («Дежавю»; см. также «Чтения», «Доминируй. Властвуй. Унижай»), а в подкасте TREND CHART описание каждого выпуска дублирует его название. В оставшихся 43 медиапродуктах рассматриваемый элемент используется по назначению. Мы изучили описания последних на момент исследования эпизодов и установили, что это высказывания разного объема: от 25 – *Виктор Комаров про свою семью* («Шоу Stand Up на ТНТ», 31.03.2022) до 2 174 («Russian Cybernetics by 4Mal / Русская кибернетика», 14.07.2022) знаков. Развернутые описания выпусков по своей организации напоминают описания подкастов: вопросы для обсуждения, авторы и гости, контакты, маркетинговый блок – с добавлением таких компонентов, как ссылки на упомянутые в аудиотреке источники, гайд с тайм-кодами, хештеги («Время и деньги», 21.06.2022; «Душевный подкаст», 06.02.2022; «Запуск завтра», 14.07.2022; «EnglishDom – онлайн-школа английского», 18.02.2022 и др.). Следует отметить, что в некоторых медиапродуктах эта информационная модель реализуется в редуцированном виде: так, аннотации подкастов «Мы расстались» от 12.07.2022 и «Секс с Мари 18+» от 06.07.2022, по сути, сводятся к маркетинговым сведениям – промокоды, рекламные предложения, призыв поддержать проект донатом и т.п.

6. Аудиотреки – базовый элемент подкаста, их количество не ограничивается техническими регламентами, а зависит только от творческой энергии авторов и информационных потребностей целевой аудитории. В исследованиях отмечается, что для подкастинга чрезвычайно важны медиапотребительские привычки, формированию которых способствует регулярность публикации эпизодов. Частотность обновления большинства развивающихся проектов колеблется от ежедневной до ежемесячной и обусловлена такими факторами, как ресурсы подкастеров, тип медиапродукта (ср., например, событийный и вневременной контент), алгоритмы подкастинговых площадок. L.H. Friel отмечает, что этот параметр, как правило,

связан обратной зависимостью с продолжительностью треков: многие высокочастотные подкасты состоят из коротких эпизодов, например, ежедневные выпуски успешных западных медиапроектов «Тысячи вещей, о которых стоит поговорить» и «Меркьюри: трансляция надежды» занимают не более нескольких минут [41]. Хронометраж влияет на характер медиапотребления: по данным платформы «Яндекс.Музыка», трек до 30 минут за один раз дослушивают в четырех случаях из пяти [22]. Однако не все эксперты считают это важным для современного подкастинга: «Вы можете отыграть 5 минут шоу, пока готовите завтрак утром, еще 15 минут по дороге на работу, а затем послушать остальное по дороге домой... я встречал немного слушателей, которые бы чувствовали необходимость потреблять всё за один присест» [42]. Вместе с тем опросы показывают, что, хотя более половины респондентов не обращают внимание на хронометраж при выборе новых, потенциально интересных для них подкастов, 32% отказываются от прослушивания, когда продолжительность выпусков составляет один час и более [43]. Следует также принять во внимание, что целевую аудиторию привлекает относительная соразмерность эпизодов и, как обязательное условие, соответствие их длительности характеру контента.

Подкасты в нашей эмпирической базе представляют собой медиапроекты, включающие в себя от 3 («Ну как там с деньгами?») до 1 267 («Подкаст Лайфхакера») выпусков. Чтобы структурировать объемный материал, авторы иногда делят его на сезоны («Психология с Александрой Яковлевой» – 2, «Дневники Лоры Палны» – 5, «Закат империи» – 8 и др.). Некоторые проекты существуют в течение длительного времени, например, первый выпуск подкаста «Виват, история!» был опубликован 18.09.2012. Есть медиапродукты, которые не пополняются новыми треками, но они до сих пор востребованы целевой аудиторией и входят в подкастинговый чарт: последний выпуск «ХВЗ. Школа рока» вышел 31.08.2019, «Шоу Talk на ТНТ» – 15.12.2020, «Одно расстройство» – 30.12.2020. Продолжительность эпизодов варьируется от 0:36 («Психология с Александрой Яковлевой», 29.11.2019) до 208:04 («Серёжа и микрофон. Подкаст», 30.12.2019). Частотность обновления контента на платформе «Яндекс.Музыка» составляет в среднем один раз в десять дней.

В ходе работы был произведен структурный анализ последних на момент исследования выпусков топовых подкастов, позволивший выявить в составе аудиотреков, кроме джингла, ряд относительно унифицированных компонентов, среди которых информация об ограничениях: *В силу тематики мы часто затрагиваем темы насилия, употребления и распространения запрещенных веществ, а также деятельность экстремистских или запрещенных организаций и отдельных личностей. Наш подкаст не рекомендуется к прослушиванию детям, а также слушателям и слушательницам с повышенной впечатлительностью* («У Холмов Есть Подкаст»); приветствие и презентация подкаста, его ведущих, героев: *Самцы и самочки! Всем привет! С вами Громов Роман. Это подкаст, в котором мы говорим о наболевшем* («О наболевшем»); маркетинговая информация: *Спасибо*

всем, кто нас поддерживает на Boosty, Patreon, «ВКонтакте», Apple Podcasts. Не забывайте, самое главное, ставить нам лайки в «Яндекс.Музыке» («Душевный подкаст»); прощание – *На этом я с вами прощаюсь. Пока* («Подкаст Лайфхакера»).

Основную часть каждого эпизода образует уникальный контент: её информационное наполнение определяется темой, а особенности речевой организации связаны с содержанием выпуска, индивидуальным стилем создателей подкастов и жанровыми характеристиками медиапродукта. Так, художественные жанры, продолжающие традиции радиопрограмм, используют выверенный интонационный рисунок высказываний, музыку, саунд-дизайн; эти средства обеспечивают эмоциональный эффект сопри-сутствия и сопереживания.

Для разговорных жанров интервью, кохостинга, круглого стола значима живая драматургия, когда главным инструментом ведущего становится активное слушание; его приемы – открытые вопросы, предполагающие развернутые ответы: *Филипп, ты часто про себя пишешь в соцсетях и на своем сайте, что ты директор по счастью. Можешь подробно рассказать, чем ты занимаешься и что вообще это значит?*; продолжение реплики собеседника: *То внешнее, что мы обычно – Принимаем вообще за счастье? – Да. Это 10%*; подведение итогов: *Эти 7 шагов <к счастью>, давайте я озвучу их еще раз: первое – это работа со смыслами, второе – оптимизм, третье – умение войти в состояние потока, четвертое – любовь, пятое – игра, шестое – развитие и седьмое – влияние*; сообщение о своем восприятии: *Расскажу, что я сейчас чувствую. У меня какое-то такое тепло и мне хочется подумать на эту тему* и т.д. («Хакни мозг»). Коммуникативной основой ток-шоу является атмосфера импровизационности, которую создает активное использование субстандарта и разговорного синтаксиса: *Когда они <волосы> начали выпадать, я сначала тоже типа: да ладно, чё там, я же крутой тип, чё я* («Шоу Talk на ТНТ»), а также широкий спектр паравербальных средств: паузы, вздохи, смех, фоновые шумы и т.д.

В нарративных жанрах лекции, соло-подкаста, аудиоблога работает логика сторителлинга: завязка, развитие, развязка какой-то личной, но вместе с тем узнаваемой истории героев [44]. Например, в эпизоде «Мама» подкаста «Одно расстройство» речь идет о ситуации, когда не выявленное по каким-то причинам психическое заболевание человека разрушает судьбы членов его семьи: сестры делятся воспоминаниями о жизни с матерью, которая страдала недиагностированным синдромом Мюнхгаузена, и в качестве завязки используются слова одной из героинь: *Они мне каждый раз ставили новый диагноз: реактивный психоз, биполярное расстройство... Так началась моя карьера психбольной*. Развитие сюжета связано с рассказом о тех многочисленных проблемах, с которыми сталкиваются люди в подобных обстоятельствах: в нейтральный нарратив ведущей включаются эмоциональные высказывания героинь, выразительность их реплик усиливается впечатляющими деталями: *Тебя просто забирали, как мешок с кар-*

тошкой, и попробуй только чего-нибудь вякни – санитары скрутят и на вязках привезут. Развязка описывает относительно благополучное разрешение конфликта, связанное с освобождением героини от травмирующей материнской опеки: *Я это уже пережила.*

Особое внимание следует уделить речевым проявлениям таких форматных характеристик подкаста, как персонификация и интерактивность [45, 46]. Принципиальный для подкастинга акцент на субъектности адресата приводит к диалогизации разговорных и нарративных текстов, которая направлена на аудиторию. Она может иметь как непосредственный, когда подкаст записывается во время встречи со слушателями (последний выпуск подкаста «Истории русского секса»), так и опосредованный характер. Во втором случае в речь ведущего включаются апеллятивные единицы с семантикой вокативности, побудительности, интеррогативности [47], в частности местоимения 2-го лица и глаголы в соответствующей форме, вводные слова, вопросительные конструкции: *И пожалуйста, выбросите это абсолютно детское поведение, когда ты жалуешься на какого-то человека: о, мы давно не виделись, ты мне давно не писал, ты мне давно не звонил. Повторите за мной: телефон работает в две стороны. И почему вы ожидаете от людей чего-то, чего не делаете сами в их сторону?* («Секс с Мари 18+»). Что касается голоса адресата, то он представлен в форме цитирования или пересказа полученных сообщений: *Кстати, у одной нашей слушательницы, её, если я не ошибаюсь, бабушка работала вместе с Освальдом на заводе в Минске, – она написала в комментариях* («У Холмов Есть Покаст»).

Речевая организация аудиотреков отличается сложностью и разнообразием, в рамках нашей работы представлен общий подход к изучению этого важного для современной коммуникативистики феномена. Мы полагаем, что его детальное описание по результатам системно-функционального анализа могло бы стать задачей дальнейших исследований в области русскоязычного подкастинга.

Развитие медийных коммуникаций тесно связано с их **прагматическим контекстом**, поэтому в литературе по проблемам современного подкастинга серьезное внимание уделяется продвижению медиапродуктов и их монетизации. Маркетинговая составляющая относительно новой для России дискурсивной практики детально исследована и описана в западных источниках.

Так, в публикации М. McLean рассмотрено множество способов продвижения подкастов: взаимодействие с целевой аудиторией в соцсетях; использование оптимизированных сайтов; сотрудничество с другими подкастерами, блогерами, печатными СМИ; финансовая поддержка сходных по проблематике проектов; подготовка вирусных видеоклипов; встречи с реальными и потенциальными слушателями в прямых эфирах и офлайн-формате [48]. Особое внимание уделяется такому значимому виду продвижения, как реклама: на западном медиарынке она представлена в поисковых системах и подкастинговых приложениях, на стриминговых сервисах,

агрегаторе новостей Reddit и видеохостинге YouTube, в электронной рассылке, а также в креативных формах партизанского маркетинга [49]. Работая с этими инструментами, необходимо обращать внимание на критерии их эффективности: количественные – статистика прослушиваний: «...если говорить о распределении прослушиваний на эпизод за месяц в русскоязычных подкастах, то... самые популярные шоу набирают в диапазоне 50 000–80 000 прослушиваний» [50]; качественные – вовлеченность аудитории, показателями которой являются обращение слушателей к подкасту в те периоды, когда контент не обновляется; их отзывы, комментарии, лайки, ретвиты; участие в опросах и личных встречах; готовность следовать рекомендациям при выборе товаров и услуг рекламодателей и др. [51]. Анализируя ситуацию на российском медиарынке, исследователи приходят к похожим заключениям: они указывают, что в России охват аудитории и её лояльность растут, когда применяется фичеринг – продвижение внутри стриминговой платформы через включение подкаста в тематические плейлисты и размещение на высоких позициях рейтингов; используются разные формы партнерства (обращение к ресурсам известных гостей, кросс-промо с другими проектами, публикация текстовых материалов на площадках со сходной проблематикой); настраивается таргетинг в соцсетях и т.д. [52].

Качественное продвижение обеспечивает успешность подкаста, создавая условия для его монетизации разными способами, среди которых рекламные интеграции, спонсорство, краудфандинг, эксклюзивный платный контент, продажа обучающих курсов и электронных книг, мерч [53–55]. В России этот рынок пока значительно меньше, чем на Западе, но он развивается, и это важно для отрасли, потому что монетизация, увеличивая ресурсы подкастеров, позволяет им создавать медиапродукты более высокого качества.

Изучение материала в нашей эмпирической базе показало, что продвижение российских подкастов осуществляется разными способами. Рассмотрим некоторые из них:

– специальные коммуникативные приемы в аудиотреках, направленные на усиление вовлеченности аудитории в интерактивный процесс. Так, в нескольких эпизодах подкаста «Психология с Александрой Яковлевой» ведущая приглашает слушателей принять участие в опросе и комментирует полученную информацию (см. «21 век против скромности. Куда исчезли тургеневские барышни?», 28.05.2022 и др.), а в выпуске «Почему мы боимся рака и почему врага надо знать в лицо?» от 04.06.2022 напоминает: «у нас есть почта, куда мы ждем отзывы»;

– соцсети. В описаниях к рассмотренным выпускам содержатся ссылки на аккаунты в Telegram и «ВКонтакте», а также в заблокированных на территории РФ Instagram, Facebook, Twitter. Информационное наполнение этих ресурсов зависит от авторских возможностей и предпочтений: здесь публикуются не только текстовые анонсы о новых эпизодах, но и другая полезная для пользователей информация в разных форматах: фотографии, актуальные мемы, музыкальные композиции, видеоклипы и т.д.; иногда подкастеры позволяют пользователям, непосредственно включаясь в об-

суждение, оставлять комментарии и вступают в диалог со своими подписчиками («Закат империи», «Мы расстались» и др.);

– фичеринг на стриминговых платформах. В частности, на сервисе «Яндекс.Музыка» продвижению подкастов способствуют рубрики «Актуальное» и «Подкасты: выбор редакции», плейлист «Только новые выпуски». Алгоритмы платформы ежедневно автоматически обновляют «Чарт подкастов» с учетом статистики прослушиваний;

– совместные выпуски. Это коммуникативный симбиоз, когда эпизод под разными названиями размещается сразу на двух каналах. В качестве примера можно привести сотрудничество проектов «Дневник Лоры Палны» и «Тариф: поболтать» (см. «Банда ГТА (в гостях у “Тариф: поболтать”»)» и «“Два прицельных выстрела, и пенсионер падает рядом с машиной!”»: (немного) криминальная поездка» от 01.06.2022);

– онлайн-ресурсы гостей. При таком подходе подкастеры повышают узнаваемость своего медиапродукта за счет публичного капитала приглашенных собеседников, получая доступ к их аудитории. Так, пост о том, что чемпион киберспортивного турнира The International 10 по компьютерной игре Dota 2 TORONTOTOKYO и менеджер команды Team Spirit Руслана Берест стали героями выпуска Kujі Podcast («TORONTOTOKYO: дота – это круто», 21.11.2021), был размещен на телеграм-канале CYBERSLOVO (<https://t.me/s/cyberslovo/11691>), имеющем более 12 тысяч подписчиков.

Изучение способов монетизации подтвердило выводы аналитиков: российские подкастеры используют краудфандинг на платформах Boosty и Patreon; эксклюзивный платный контент по подписке («Время и деньги», сезон 2; «Хочу не могу», сезон 4); рекламу в разных форматах (ср. нативную интеграцию в эпизоде «Почему отношения в паре могут усложниться в эпоху перемен?» от 12.07.2022 и партнерский выпуск «Дом нашей души. Как понимать сигналы тела и не копить в нём негативные эмоции» от 21.05.2022 подкаста «Психология с Александрой Яковлевой»).

Выводы

Проведенное нами исследование подтвердило, что подкастинг является динамично развивающимся медиаформатом с мощным творческим потенциалом, различные реализации которого осмысливаются в современных научных исследованиях и методических разработках. В нашей статье актуальные на сегодняшний день теоретико-прагматические положения и рекомендации соотнесены с российскими медийными реалиями по нескольким аспектам.

1. Функциональный анализ показал, что подкасты успешно решают разные задачи (информирование, консолидация, рекреация, обучение, просвещение, творчество, прагматическая реализация), что позволяет им удовлетворять множество потребностей современного человека, важных для

качественной жизни. Этим обусловлена привлекательность новой дискурсивной практики для слушателей и её перспективность.

2. Уровень технологической составляющей подкастинга высок и продолжает расти. В ходе нашей работы проанализированы источники, которые помогают россиянам пополнять знания в этом секторе информационной грамотности, осваивать оборудование, необходимое для производства подкастов, развивать навыки использования подкастинговых хостингов и платформ. Установлено, что по данным медиаисследований в России целевая аудитория оснащена принимающими устройствами, необходимыми для качественного потребления нового медиаформата.

3. Изучение информации о коммуникативных акторах показало, что в настоящее время на российском медиарынке разные типы производителей подкастов (СМИ, продакшн-студии, организации за пределами медиаиндустрии, независимые подкастеры) создают медиапродукты преимущественно для молодой аудитории с некоторым преобладанием лиц женского пола, значительная часть которой находится в Москве и Санкт-Петербурге.

4. Комплексный анализ русскоязычных подкастов на платформе «Яндекс.Музыка» позволил получить типологию, в основе которой пять критериев дифференциации медиапродуктов: соотнесенность с новостной повесткой, тематические категории, количество сюжетных линий, коммуникативные стратегии, жанровые характеристики. Нам представляется, что этот научный инструмент может использоваться для систематизации современных подкастов.

5. В ходе структурного изучения топовых русскоязычных медиапродуктов на стриминговой платформе «Яндекс.Музыка» установлено, что они включают в себя как обязательные (название, обложка, описание подкаста, аудиотреки), так и факультативные (трейлер, описание эпизода) элементы, и в статье рассмотрены особенности семиотической организации каждого из них.

6. Для современной медиаиндустрии чрезвычайно важен прагматический контекст, поэтому в нашей работе особое внимание уделено интегрированным маркетинговым коммуникациям в области подкастинга: рассмотрены используемые на российском медиарынке инструменты продвижения проектов (специальные коммуникативные приемы в аудиотреках, соцсети, фичеринг на стриминговых платформах, совместные с другими подкастами выпуски, онлайн-ресурсы гостей) и способы монетизации русскоязычных подкастов (краудфандинг, эксклюзивный платный контент, реклама).

Мы полагаем, что выявленные аспекты: функциональное назначение, технологические ресурсы, участники коммуникативного процесса, типологические характеристики, структура, маркетинговый инструментарий – создают дискурсивную модель подкастинга, которую можно использовать в дальнейших исследованиях этого значимого для цифрового общества коммуникативного феномена.

Список источников

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. *Audio Ad*: Кейсбук «Подкасты 2.0» / 2021. URL: <https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2022/05/iab-casebook-audio-ads-in-podcasts-2021.pdf> (дата обращения: 05.08.2022).
3. *Чарт* подкастов. Самое популярное на Яндекс Музыка прямо сейчас. URL: <https://music.yandex.ru/chart/podcasts> (дата обращения: 18.07.2022).
4. Где, кто и какие подкасты слушает в России? Данные сервиса Podcast.ru. URL: <https://vc.ru/media/341710-gde-kto-i-kakie-podkasty-slushaet-v-rossii-dannye-servisa-podcast-ru> (дата обращения: 18.07.2022).
5. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.
6. *Основы теории коммуникации* : учебник и практикум для вузов / под ред. Т.Д. Венедиктовой, Д.Б. Гудкова. М. : Юрайт, 2021. 193 с.
7. *Lasswell H.D.* The structure and function of communication in society // The communication of ideas. New York : Harper and Row, 1948. P. 37–51.
8. Воинова Е.А., Сивякова Е.В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 104–120.
9. Арсентьева Г.Л. Подкаст как форма радиожурналистики: функциональный аспект // Казанская наука. 2021. № 2. С. 26–28.
10. Антропова Е.Д. Подкастинговое вещание на радио: перспективы, тенденции развития // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов 20-й Междунар. конф. и финалистов XIV Междунар. конкурса. СПб., 2021. С. 14–22.
11. Климова Д.А. Практики использования подкастов в рекламной и PR-деятельности как эффективное средство коммуникации // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1. № 11 (28). С. 340–342.
12. Пономарева А.Н. Коммуникационная деятельность банка «Тинькофф» в социальных сетях // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 4. С. 28–35.
13. *Barbeito-Veloso M.-L., Perona-Páez J.-J.* Comunicación organizacional en clave sonora: el caso de Blink, los podcasts de BBVA // El profesional de la información. 2019. Vol. 28, № 5. e280511. doi: 10.3145/epi.2019.sep.11 (дата обращения: 14.09.2022).
14. Козинаки М., Птицева О., Спаценко Е., Степанова А., Христолюбов С. В голос! Нескучное руководство по созданию подкаста от создательниц подкаста «Ковен дур». М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 196 с.
15. Пикалёв Л. Пошаговое руководство по созданию подкаста. URL: <https://tilda.education/articles-podcast> (дата обращения: 25.07.2022).
16. *McLean M.* Choosing Your Podcast Equipment. URL: <https://www.thepod-casthost.com/academy/course-preview/choosing-your-podcast-equipment> (дата обращения: 25.07.2022).
17. *García-Marin D.* New Media, New Practices? A Study of the First Spanish Podcast Community and Its Pioneers // Social Sciences. 2022. № 11. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/11/7/308/htm> (дата обращения: 26.07.2022).
18. *Sullivan J.L.* The Platforms of Podcasting: Past and Present // Social Media + Society. 2019. Vol. 5, № 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305119880002> (дата обращения: 26.07.2022).
19. Дьяченко А. Как и где разместить свой подкаст? Список популярных площадок и ссылок на регистрацию в них. URL: <https://vc.ru/u/314206-dyachenko-aleksandr/201725-kak-i-gde-razmestit-svoy-podkast-spisok-populyarnyh-ploshchadok-i-ssylok-na-registraciyu-v-nih> (дата обращения: 26.07.2022).

20. *Подкастерам*. URL: <https://yandex.ru/support/music/podcast-authors.html> (дата обращения: 26.07.2022).
21. *Штейнберг О.* Buman Media: корпоративный подкаст? Да! URL: <https://www.sostav.ru/publication/olga-shtejnberg-buman-media-korporativnyj-podkast-da-39980.html> (дата обращения: 26.07.2022).
22. *Подкасты России*. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/podcasts> (дата обращения: 26.07.2022).
23. *Круглова Л.А.* Аудиовизуальное медиапотребление цифрового поколения: тренд на глубокое прослушивание в условиях пандемии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 241–249. doi: 10.17223/19986645/77/12
24. *Масленко Д.* Кто, где и как слушает подкасты на русском языке: инфографика. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60e5639e9a7947713a6ff6621> (дата обращения: 28.07.2022).
25. *Россияне полюбили слушать подкасты*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-polyubili-slushat-podkasty> (дата обращения: 26.07.2022).
26. *Первое исследование количества подкастов на русскоязычном рынке*. URL: <https://podcasts.ru/pervoe-issledovanie-kolichestva-podkastov-na-russkojazychnom-rynke/> (дата обращения: 28.07.2022).
27. *Баракинина Е.А., Горикова Л.А., Лабутина В.В.* Коммуникативные стратегии подкастинга // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 113–121.
28. *Журавлева А.А.* Подкастинговое вещание: структура, жанрово-тематическое разнообразие, особенности развития в социальной сети ВКонтакте // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 112–119.
29. *Ибраимов А.Г.* Развитие и классификация подкастов // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2021. № 1 (31). С. 140–147.
30. *Лукирич А.А.* «Аудиальный поворот» в современном медиaprостранстве: функции научно-популярных аудиоматериалов (на примере подкастов «Радио Arzamas») // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : статьи 19-й Междунар. конф. студентов и аспирантов и XIII Междунар. конкурса науч. работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей. СПб., 2020. С. 124–130.
31. *Gray C.* Best Podcast Format? Easiest, Most Popular, & Unique Options. URL: <https://www.thepodcasthost.com/planning/podcast-formats/#h-the-solo-podcast-format> (дата обращения: 29.07.2022).
32. *Новичихина М.Е.* Коммерческая номинация: теория и практика : учеб. пособие. Воронеж : Кварт, 2018. 246 с.
33. *Энциклопедия подкастера*. URL: <https://zen.yandex.ru/musicpodcasts> (дата обращения: 30.07.2022).
34. *Гапутина В.А., Лаврова В.А.* Языковые особенности названий подкастов (на материале социальной сети «ВКонтакте» и интернет-сайта «YouTube») // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра пед. наук, гл. ред. науч. журн. «Современная коммуникативистика», проф. Оскара Яковлевича Гойхмана. Калининград, 2021. С. 59–63.
35. *Жукова А.Г., Сиюхина С.Р.* Игровые номинации в сфере подкастинга // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (в рамках Международного Костомаровского форума (Москва, 26 мая 2021 года) / гл. ред. М.Н. Русецкая. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2021. С. 144–150.
36. *Царионов Э.* Как сделать отличную обложку для вашего подкаста. URL: <https://podcasts.ru/kak-sdelat-otlichnyu-oblozhku-dlya-vashego-podkasta/> (дата обращения: 30.07.2022).

37. *Your Perfect Podcast Logo: Crafting Podcast Cover Art to Grab Attention*. URL: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/how-to-create-your-podcast-logo-cover-art> (дата обращения: 30.07.2022).

38. *Misener D.* The art and science of podcast show descriptions. 20.02.2020. URL: <https://blog.pacific-content.com/the-art-and-science-of-podcast-show-descriptions-44d5ed81df24> (дата обращения: 31.07.2022).

39. *McLean M.* How to Create a Podcast Trailer: At-a-glance. 06.09.2021. URL: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/creating-a-promo-trailer/> (дата обращения: 01.08.2022).

40. *Волченко И.* Кейс: как придумать трейлер для подкаста. URL: <https://podcasts.ru/kejs-kak-pridumat-trejler-dlya-podkasta/> (дата обращения: 01.08.2022).

41. *Friel L.H.* How Often Should I Podcast? What's the Best Episode Release Schedule? 06.09.2021. URL: <https://www.thepodcasthost.com/planning/episode-frequency/> (дата обращения: 02.08.2022).

42. *McLean M.* How Long Should a Podcast Be? Data, Examples, & Tips. 24.09.2021. URL: <https://www.thepodcasthost.com/planning/podcast-episode-length/> (дата обращения: 02.08.2022).

43. *McLean M.* Podcast Discovery Stats | How Do Listeners Discover New Shows? 27.03.2020. URL: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/podcast-discoverability/> (дата обращения: 02.08.2022).

44. *Как рассказать историю в подкасте и удержать внимание слушателя*. URL: <https://zen.yandex.ru/media/musicpodcasts/kak-rasskazat-istoriiu-v-podkaste-i-uderjat-vnimanie-slushatelya-5f6afa84f42d42685a6ab26e?&> (дата обращения: 03.08.2022).

45. *Дорожук Е.С., Трифонова П.В.* Инновационный потенциал подкаста как интегрированной медиатеchnологии // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 92. С. 35–39.

46. *Sienkiewicz M., Jaramillo D.L.* Podcasting, the intimate self, and the public sphere // *Popular Communication*. 2019. Vol. 17. № 4. P. 268–272.

47. *Комлева Е.В.* Апеллятивность в языке и речи (на материале современного немецкого языка) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2008. Т. 1. № 5 (19). С. 152–164.

48. *McLean M.* Podcast Promotion: How to Promote a Podcast & Build an Audience. 17.12.2020. URL: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/podcast-promotion/> (дата обращения: 05.08.2022).

49. *McLean M.* Where to Advertise Your Podcast | The Guide to Podcast Advertising. 12.02.2022. URL: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/podcast-advertising/> (дата обращения: 05.08.2022).

50. *2021 / Audio Ad: Podcasts Advertising White Paper*. 05.05.2021. URL: https://interactivread.ru/wp-content/uploads/2022/05/iab21_wp_podcasts.pdf (дата обращения: 05.08.2022).

51. *McLean M.* 8 Ways to Measure Your Podcast Audience Engagement. 29.01.2018. URL: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/measure-audience-engagement/> (дата обращения: 05.08.2022).

52. *Как продвигать свой подкаст в соцсетях и медиа*. 09.11.2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/musicpodcasts/kak-prodvigat-svoi-podkast-v-socsetiah-i-media-5f895ec9ff07445a5c0d0453?&> (дата обращения: 05.08.2022).

53. *Круглова Л.А., Мамедов Д.З.* Проблемы подкастинга в России // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология*. 2021. С. 156–167.

54. *Как создать свой подкаст: пошаговое руководство от поиска темы до монетизации готового проекта*. URL: <https://netology.ru/blog/04-2022-podcasts> (дата обращения: 05.08.2022).

55. Gray C. How to Monetize a Podcast | 12 Tried & Tested Monetization Methods. 09.04.2021. URL: <https://www.thepodcasthost.com/monetisation/podcast-monetisation/> (дата обращения: 05.08.2022).

References

1. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
2. IAB Russia. (2021) *IAB Casebook: Audio ads in podcasts 2021*. [Online] Available from: <https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2022/05/iab-casebook-audio-ads-in-podcasts-2021.pdf> (Accessed: 05.08.2022).
3. YandexMuzyka. (n.d.) *Chart podkastov. Samoe populyarnoe na Yandeks Muzyke pryamo seychas* [Podcast chart. The most popular on Yandex Music right now]. [Online] Available from: <https://music.yandex.ru/chart/podcasts> (Accessed: 18.07.2022).
4. VC.ru. (2021) Gde, kto i kakie podkasty slushaet v Rossii? Dannye servisa Podcast.ru [Where, who and what podcasts do they listen to in Russia? Podcast.ru data]. *VC.ru*. 29th December. [Online] Available from: <https://vc.ru/media/341710-gde-kto-i-kakie-podkasty-slushaet-v-rossii-dannye-servisa-podcast-ru> (Accessed: 18.07.2022).
5. Issers, O.S. (2011) Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' [Discursive practice as an observable reality]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 4. pp. 227–232.
6. Venediktova, T.D. & Gudkov, D.B. (eds) (2021) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow: Yurayt.
7. Lasswell, H.D. (1948) The structure and function of communication in society. In: *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Row. pp. 37–51.
8. Voinova, E.A. & Sivyakova, E.V. (2018) Podkast kak novyy format publichnoy kommunikatsii v usloviyakh tsifrovoy mediasredy [Podcast as a new format of public communication in the digital media environment]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 12. pp. 104–120.
9. Arsent'eva, G.L. (2021) Podkast kak forma radiozhurnalistiki: funktsional'nyy aspekt [Podcast as a form of radio journalism: a functional aspect]. *Kazanskaya nauka*. 2. pp. 26–28.
10. Antropova, E.D. (2021) [Podcasting broadcasting on the radio: prospects, development trends]. *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovateley* [Modern Media Environment: Traditions, current practices and trends. View of young researchers]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 11–12 March 2021. Saint Petersburg: Mediapapir. pp. 14–22. (In Russian).
11. Klinkova, D.A. (2018) Praktiki ispol'zovaniya podkastov v reklamnoy i PR-deyatel'nosti kak effektivnoe sredstvo kommunikatsii [Practices of using podcasts in advertising and PR activities as an effective means of communication]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 11–1 (28). pp. 340–342.
12. Ponomareva, A.N. (2021) Kommunikatsionnaya deyatel'nost' banka "Tin'koff" v sotsial'nykh setyakh [Communication activity of Tinkoff Bank in social networks]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 4 (27). pp. 28–35.
13. Barbeito-Veloso, M.-L. & Perona-Páez, J.-J. (2019) Comunicación organizacional en clave sonora: el caso de Blink, los podcasts de BBVA. *El profesional de la información*. 5 (28). e280511. doi: 10.3145/epi.2019.sep.11 (Accessed: 14.09.2022).
14. Kozinaki, M. et al. (2021) *V golos! Neskuchnoe rukovodstvo po sozdaniyu podkasta ot sozdatel'nits podkasta "Koven dur"* [Out Loud! A fun guide to creating a podcast from the creators of the Koven Dur podcast]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
15. Pikalev, L. (n.d.) *Poshagovoe rukovodstvo po sozdaniyu podkasta* [Step-by-step Guide to Creating a Podcast]. [Online] Available from: <https://tilda.education/articles-podcast> (Accessed: 25.07.2022).

16. McLean, M. (n.d.) Choosing Your Podcast Equipment. *The Podcast Host*. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/academy/course-preview/choosing-your-podcast-equipment> (Accessed: 25.07.2022).

17. García-Marín, D. (2022) New media, new practices? A study of the first Spanish podcast community and its pioneers. *Social Sciences*. 11. [Online] Available from: <https://www.mdpi.com/2076-0760/11/7/308/htm> (Accessed: 26.07.2022).

18. Sullivan, J.L. (2019) The platforms of podcasting: past and present. *Social Media + Society*. 4 (5). [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305119880002> (Accessed: 26.07.2022).

19. D'yachenko, A. (2021) Kak i gde razmestit' svoi podkast? Spisok populyarnykh ploshchadok i ssylok na registratsiyu v nikh [How and where to place your podcast? List of popular sites and links to registration in them]. *VC.ru*. 28th January. [Online] Available from: <https://vc.ru/u/314206-dyachenko-aleksandr/201725-kak-i-gde-razmestit-svoiy-podkast-spisok-populyarnykh-ploshchadok-i-ssylok-na-registratsiyu-v-nih> (Accessed: 26.07.2022).

20. YandexSpravka. (n.d.) *Podkasteram* [To podcasters]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/support/music/podcast-authors.html> (Accessed: 26.07.2022).

21. Shteynberg, O. (2019) Buman Media: korporativnyy podkast? Da! [Buman Media: a corporate podcast? Yes!]. *Sostav*. 28th October. [Online] Available from: <https://www.sostav.ru/publication/olga-shteynberg-buman-media-korporativnyj-podkast-da-39980.html> (Accessed: 26.07.2022).

22. Yandex. (2021) *Podkasty Rossii* [Podcasts of Russia]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/company/researches/2021/podcasts> (Accessed: 26.07.2022).

23. Kruglova, L.A. (2022) Audiovisual media consumption of the digital generation: the trend towards deep listening in the pandemic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 241–249. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/77/12

24. Maslenko, D. (2021) Kto, gde i kak slushaet podkasty na russkom yazyke: infografika [Who, where and how listens to podcasts in Russian: infographics]. *RBK*. 7th July. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60e5639e9a7947713a6f6621> (Accessed: 28.07.2022).

25. Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). (2020) *Rossiyanе polyubili slushat' podkasty* [Russians grew to love listening to podcasts]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyanе-polyubili-slushat-podkasty> (Accessed: 26.07.2022).

26. Podcasts.ru. (2021) Pervoe issledovanie kolichestva podkastov na russkoyazychnom rynke [The first study of the number of podcasts in the Russian-speaking market]. *Podcasts.ru*. 28th September. [Online] Available from: <https://podcasts.ru/pervoe-issledovanie-kolichestva-podkastov-na-russkoyazychnom-rynke/> (Accessed: 28.07.2022).

27. Barashkina, E.A., Gorshkova, L.A. & Labutina, V.V. (2021) Kommunikativnye strategii podkastinga [Podcasting communication strategies]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 4 (42). pp. 113–121.

28. Zhuravleva, A.A. (2020) Podkastingovoe veshchanie: struktura, zhanrovotematicheskoe raznoobrazie, osobennosti razvitiya v sotsial'noy seti VKontakte [Podcasting broadcasting: structure, genre and thematic diversity, features of development in the social network VKontakte]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 1 (35). pp. 112–119.

29. Ibraimov, A.G. (2021) Razvitie i klassifikatsiya podkastov [Development and classification of podcasts]. *Informatsionno-komp'yuternye tekhnologii v ekonomike, obrazovanii i sotsial'noy sfere*. 1 (31). pp. 140–147.

30. Lukirich, A.A. (2020) [“Audial turn” in the modern media space: functions of popular science audio materials (on the example of Radio Arzamas podcasts)]. *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzgl'yad molodykh issledovateley* [Modern Media Environment: Traditions, Actual Practices and Trends. View of young

researchers]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 05–06 March 2020. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 124–130. (In Russian).

31. Gray, C. (2023) Best Podcast Format? Easiest, Most Popular, & Unique Options. *The Podcast Host*. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/planning/podcast-formats/#h-the-solo-podcast-format> (Accessed: 29.07.2022).

32. Novichikhina, M.E. (2018) *Kommercheskaya nominatsiya: teoriya i praktika* [Commercial Nomination: Theory and practice]. Voronezh: Kvarta.

33. *Entsiklopediya podkastera* [Encyclopedia of the Podcaster]. (n.d.) [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/musicpodcasts> (Accessed: 30.07.2022).

34. Gaputina, V.A. & Lavrova, V.A. (2021) [Linguistic features of podcast names (on the material of the social network “VKontakte” and the Internet site “YouTube”)]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire* [Humanitarian Technologies in the Modern World] Proceedings of the International Conference. Svetlogorsk. 03–05 June 2021. Kaliningrad: Poligrafych. pp. 59–63. (In Russian).

35. Zhukova, A.G. & Sinyukhina, S.R. (2021) [Game nominations in the field of podcasting]. *Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie. XXII Kirillo-Mefodievskie chteniya* [Slavic Culture: Origins, traditions, interaction. 22nd Cyril and Methodius Readings]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 26 May 2021. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute. pp. 144–150. (In Russian).

36. Tsarionov, E. (2021) Kak sdelat' otlichnuyu oblozhku dlya vashego podkasta [How to make a great cover for your podcast]. *Podcasts.ru*. 20th January. [Online] Available from: <https://podcasts.ru/kak-sdelat-otlichnuyu-oblozhku-dlya-vashego-podkasta/> (Accessed: 30.07.2022).

37. The Podcast Host. (n.d.) Your Perfect Podcast Logo: Crafting Podcast Cover Art to Grab Attention. *The Podcast Host*. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/how-to-create-your-podcast-logo-cover-art> (Accessed: 30.07.2022).

38. Misener, D. (2020) The art and science of podcast show descriptions. *Pacific Context*. 20th February. [Online] Available from: <https://blog.pacific-content.com/the-art-and-science-of-podcast-show-descriptions-44d5ed81df24> (Accessed: 31.07.2022).

39. McLean, M. (2021) How to Create a Podcast Trailer: At-a-glance. *The Podcast Host*. 6th September. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/creating-a-promo-trailer/> (Accessed: 01.08.2022).

40. Volchenko, I. (2021) Keys: kak pridumat' treyler dlya podkasta [Case: how to come up with a trailer for a podcast]. *Podcasts.ru*. 4th November. [Online] Available from: <https://podcasts.ru/keys-kak-pridumat-treyler-dlya-podkasta/> (Accessed: 01.08.2022).

41. Friel, L.H. (2021) How Often Should I Podcast? What's the Best Episode Release Schedule? *The Podcast Host*. 6th September. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/planning/episode-frequency/> (Accessed: 02.08.2022).

42. McLean, M. (2021) How Long Should a Podcast Be? Data, Examples, & Tips. *The Podcast Host*. 24th September. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/planning/podcast-episode-length/> (Accessed: 02.08.2022).

43. McLean, M. (2020) Podcast Discovery Stats | How Do Listeners Discover New Shows? *The Podcast Host*. 27th March. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/podcast-discoverability/> (Accessed: 02.08.2022).

44. *Entsiklopediya podkastera* [Encyclopedia of the Podcaster]. (2020) *Kak rasskazat' istoriyu v podkaste i uderzhat' vnimanie slushatelya* [How to tell a story on a podcast and keep the listener's attention]. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/musicpodcasts/kak-rasskazat-istoriyu-v-podkaste-i-uderjat-vnimanie-slushatelya-5f6afa84f42d42685a6ab26e?&> (Accessed: 03.08.2022).

45. Doroshchuk, E.S. & Trifonova, P.V. (2020) Innovatsionnyy potentsial podkasta kak integrirovannoy mediatekhnologii [Innovative potential of a podcast as an integrated media technology]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 92. pp. 35–39.

46. Sienkiewicz, M., & Jaramillo, D.L. (2019) Podcasting, the intimate self, and the public sphere. *Popular Communication*. 4 (17). pp. 268–272.

47. Komleva, E.V. (2008) Apellyativnost' v yazyke i rechi (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Appellativeness in language and speech (on the material of the modern German language)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 5–1 (19). pp. 152–164.

48. McLean, M. (2020) Podcast Promotion: How to Promote a Podcast & Build an Audience. *The Podcast Host*. 17th December. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/podcast-promotion/> (Accessed: 05.08.2022).

49. McLean, M. (2022) Where to Advertise Your Podcast. The Guide to Podcast Advertising. *The Podcast Host*. 12th February. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/podcast-advertising/> (Accessed: 05.08.2022).

50. IAB Russia. (2021) *IAB Russia Podcast Advertising White Paper*. [Online] Available from: https://interactivlead.ru/wp-content/uploads/2022/05/iab21_wp_podcasts.pdf (Accessed: 05.08.2022).

51. McLean, M. (2018) 8 ways to measure your podcast audience engagement. *The Podcast Host*. 29th January. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/promotion/measure-audience-engagement/> (Accessed: 05.08.2022).

52. Entsiklopediya podkastera [Encyclopedia of the Podcaster]. (2020) *Kak prodvigat' svoj podkast v sotsetsyakh i media* [How to promote your podcast on social networks and media]. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/musicpodcasts/kak-prodvigat-svoi-podkast-v-socsetiah-i-media-5f895ec9ff07445a5c0d0453?&> (Accessed: 05.08.2022).

53. Kruglova, L.A. & Mamedov, D.Z. (2021) Problemy podkastinga v Rossii [Problems of podcasting in Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. pp. 156–167.

54. Netologiya. (2022) *Kak sozdat' svoj podkast: poshagovoe rukovodstvo ot poiska temy do monetizatsii gotovogo proekta* [How to create your own podcast: a step-by-step guide from finding a topic to monetizing a finished project]. *Netologiya*. 12th April. [Online] Available from: <https://netology.ru/blog/04-2022-podcasts> (Accessed: 05.08.2022).

55. Gray, S. (2021) How to Monetize a Podcast. 12 Tried & Tested Monetization Methods. *The Podcast Host*. 9th April. [Online] Available from: <https://www.thepodcasthost.com/monetisation/podcast-monetisation/> (Accessed: 05.08.2022).

Информация об авторе:

Хакимова Е.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связи с общественностью Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск, Россия). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.M. Khakimova, Dr. Sci. (Philology), professor, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 21.09.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.

Original article

UDC 811.161.1'42:616-036.21:070:004.77

doi: 10.17223/19986645/84/5

Pragmatics of the coronavirus discourse (based on internet news articles about coronavirus)

Iryna A. Khorsun¹, Oksana N. Chalova²

^{1,2} *Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus*

¹ *ihorsun@gsu.by*

² *oksana-chalova@mail.ru*

Abstract. The article considers the problem of pragmatic characteristics of the COVID-19 discourse. It reveals and characterizes the main strategies and tactics of this type of communication. The lack of attention to the coronavirus discourse shown by linguists must be explained by an absolute novelty of this communicative and social phenomenon, its recent introduction into our communicative world. Just a few works on the problems of coronavirus communication can be found in linguistics and other social sciences. They sporadically concentrate on some issues concerning the coronavirus discourse without providing its overall pragmalinguistic or any other structure. Therefore, the relevance of our research aiming at finding and characterizing the communicative strategies and tactics of the coronavirus discourse is beyond argument. While the term “speech/communicative strategy” implies a person’s or people’s overall communicative behavior intended to achieve some goal, a speech tactic involves a particular technique used to achieve a certain goal. The object of our analysis is internet news articles about coronavirus (top news feeds in most popular search engines such as Google, Yahoo, MSN, Bing, AltaVista, etc.). Our choice of the object is predetermined by the highest degree of popularity of internet news articles among the population as well as their high pragmatic potential. The article shows that the system of strategies and tactics depends on a particular type of the COVID-19 discourse (statistical, socially oriented, and popular science discourse). Thus, the statistical discourse is characterized by just a few tactics (the generalizing tactics, the specifying tactics, etc.) which represent the strategy of fast reporting. The popular science discourse with its leading strategy of education is not exuberant in tactics either. This type of discourse is characterized by the tactics of presentation, argumentation, definition, etc. as there is no need to use a lot of tactical techniques to popularize objective knowledge. The only type of the COVID-19 discourse which has developed a well-disposed system of tactics is the socially oriented discourse (the tactics of showing care, shocking by statistics, direct recommendation, positive or negative forecasting, etc.), which is predetermined by the specific character of its main strategy of persuasion. A combination of several tactics in one context is a common feature of any type of the COVID-19 discourse.

Keywords: discourse, coronavirus, strategy, tactics, persuasion, pragmalinguistics

For citation: Khorsun, I.A. & Chalova, O.N. (2023) Pragmatics of the coronavirus discourse (based on internet news articles about coronavirus). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 96–105. doi: 10.17223/19986645/84/5

Whenever a new form of communication appears in some field of human activity, it immediately makes an object of linguistic analysis. Thus, modern linguistics focuses on such types of communication as videoconference communication, discourse of bloggers, fashion discourse, beauty discourse, cookery discourse, Brexit discourse, TED Talk discourse, discourse of immigrants [1–5], etc.

However, one very popular type of discourse – the COVID-19 discourse – is still a blind spot in modern linguistics. The **COVID-19 (coronavirus) discourse** can be defined as any speech (official reports, everyday dialogues, etc.) about coronavirus. This lack of attention to the coronavirus discourse shown by linguists must be explained by an absolute novelty of this communicative and social phenomenon, its recent introduction into our communicative world. Just a few works on problems of a coronavirus communication can be found in linguistics and other social sciences [6–12]. One of the most fundamental linguistic works [9] studies the lexical aspects of the coronavirus discourse (mainly Russian, but also Czech, Polish, English, German, etc.), in particular coronavirus neologisms and their derivational potential as well as common and individual metaphors that appeared in the time of coronavirus. This research also identifies the place of the coronavirus vocabulary in the system of modern paremiology. The tendency of the coronavirus lexicon internalization and the tendency of vocabulary contamination have been stated and justified [9; 10]. The results of the studies of the Russian coronavirus vocabulary have been reflected in a voluminous dictionary [11]. As one can clearly see, modern linguistic sources are chiefly about the lexical issues of the coronavirus communication. As for the other aspects of the coronavirus discourse, they are still to be investigated. Thus, we have found just one work on problems of syntax of the coronavirus communication [12], and no works about its overall pragmalinguistic structure.

Meanwhile, it is very important to study pragmatic aspects of the coronavirus discourse because knowledge of the functional aspects of the coronavirus communication can help us reveal and clarify people's attitude (which is definitely negative) toward the virus and the disease it can cause, and better understand the nature of the persuasive, informational and affective discourse.

Therefore, the **relevance** of our research **aiming** at finding and characterizing the communicative strategies and tactics of the coronavirus discourse is beyond argument. While the term "**speech/communicative strategy**" implies a person's or people's overall communicative behavior intended to achieve some goal, a **speech tactic** involves a particular technique used to achieve a certain goal.

Quite a number of authors have been interested in defining and describing the system of speech strategies and tactics, but mainly of political discourse [13–15]. For instance, the electoral discourse has been found to focus on developing the strategy of persuasion (to persuade the public to vote for a particular candidate) through using tactics like promising, positive self-presentation, criticizing the opponent, complement, allusion, joke, etc. [13–15]. Despite their merits, linguists have never managed to find a universal strategic and tactical repertoire that can be applied to different types of discourse, including the coronavirus communication, because it seems simply impossible: there is no and can hardly

ever be such a thing as a typical set of communicative tactics relevant to all varieties of institutional or non-institutional discourses. All of the aforesaid dictates the need for analyzing each type of modern communication individually. The coronavirus discourse is no exception. Thus, this research is timely.

The object of our analysis is internet news articles about coronavirus (top news feeds in most popular search engines such as Google, Yahoo, MSN, Bing, AltaVista, etc.). Our choice of the object is predetermined by the highest degree of popularity of internet news articles among the population as well as their high pragmatic potential. The main research method used is the method of contextual analysis, which is the basic way to achieve results in pragmatic linguistics. The method of contextual analysis suggests identification, sorting, systematization, and interpretation of linguistic data (in our case, strategies and tactics) found in a particular context (news about coronavirus) in order to understand the aspects of their functioning. As is known, this interpretation can be of a probabilistic character, but only up to a point.

Our observations show that internet English-language articles about coronavirus published as official news can be divided into three main types, each of which is characterized by its own set of communicative strategies and tactics: **statistical discourse**, **socially oriented (socially beneficial) discourse**, and **popular science discourse**. Below is the description of the system of their communicative strategies and tactics.

1. Statistical discourse

The **statistical coronavirus discourse** is represented by reports about infection cases, the number of the diseased and those recovered from the disease, which means that this subtype of the coronavirus discourse is of registration character and aims at transmitting breaking news about coronavirus: *The weekly rolling average for cases in the United States has nearly tripled in the last month. The pace of deaths also is up sharply – 24.7% from its low point two weeks ago; At least 1,025,826 people in North Carolina have tested positive for the coronavirus, and at least 13,535 have died since March 2020, according to state health officials.*

The leading communicative strategy of the statistical discourse is the **strategy of fast reporting** (immediate and intensive broadcasting of information), which is manifested through the use of the following tactics in the discourse under study: the **generalizing tactic** (ignoring particular and definite coronavirus cases and summarizing the information), the **tactic of time and space saving** (linguistics text compression involving ignoring excessive language elements like synonyms, epithets, metaphors, etc.), the **tactic of specification** (providing quantitative data, naming the exact date, country/state/city that the quantitative data refer to, etc.) and the like.

2. Socially oriented (socially beneficial) discourse

The **socially beneficial discourse** contains messages about restrictive and protection measures that can save human lives during the pandemic (about positives of vaccination, social distance, lockdowns, wearing safety facemasks, and so on). In other words, the aim of these articles is to encourage people to observe safety measures. Thus, the leading strategy of the socially oriented discourse is the **persua-**

sion strategy (the imperative strategy) that is revealed through a number of tactics most of which appeal to the feeling of fear of severe disease and death. Below you can see the *tactics* that make the persuasion strategy in the coronavirus discourse.

The tactic of shocking by statistics implies providing a great number of statistical data, quoting impressive figures that show the complexity of the epidemiological situation or the highly probable difficulties that one can encounter in a professional or any other sphere in the event the anti-coronavirus measures are not taken. (*The U.K. recorded more than 50,000 new cases in a day for the first time in six months; For 1,000 cases detected, the English variant causes 4.1 deaths, against 2.5 for the classic coronavirus, it found*).

The tactic of showing care can be found in news articles about the basic and extra measures that the authorities have taken for the nation to be safe and secure: *Costco Wholesale will continue to hold special operating hours for members 60 and older and vulnerable shoppers while the coronavirus pandemic continues; On March 2, the president pledged enough vaccine for every adult in the USA by May, thanks to a deal brokered between pharmaceutical giants Merck and Johnson & Johnson; Health workers aren't "throwing the kitchen sink" at patients anymore. They use ventilators more judiciously, finding that delivering oxygen to the throat rather than forcing air into the lungs with a ventilator can be safer and more effective for all but sickest patients. And doctors have one good tool to prevent death – the steroid dexamethasone – which is cheap, effective and easy to use.*

The tactic of direct recommendations is about giving direct advice and offering good things to people, thus stimulating people to keep up to safety regulations and norms. Such texts are characterized by deontic modality that is revealed through the following linguistics means: modal verbs of necessity and obligation, imperative forms, words of recommendation, etc.: ***Do not travel.*** *U.S. citizens should avoid travel to the United Kingdom because of a spike in coronavirus cases, two government agencies said Monday; The academy also "strongly recommends" in-person learning and urges all who are eligible be vaccinated to protect against COVID-19; With the delta variant surging in the United States, doctors are urging everyone who is eligible to get vaccinated – including the more than 30 million people who have already had COVID-19.*

The tactic of a positive forecast is represented through appealing to benefits of protection measures, providing assurances of the guaranteed positive impact of safety measures and stressing the positives of some actions: ***Vaccines are still offering significant protection against serious illness and death, including against the Delta variant.***

The tactic of a negative forecast is used to show possible disastrous consequences of ignoring precautions: ***"We only have two choices, we are either going to get vaccinated and end the pandemic or we are going to accept death, a lot of it, this surge and another surge and possibly another variant," infectious disease specialist Dr. Catherine O'Neal said during a state COVID-19 press briefing Friday.*** This negative forecast is usually of general character, which means that it is not about a particular person, but is mainly everyone's concern.

Very close to the tactics of positive and negative forecasts is **the tactic of comparison** which highlights similarities and differences, positives and negatives of two types of human conduct against the background of coronavirus – conduct fostering the spread of coronavirus and conduct slowing down the spread of the infection: *Not only is getting a vaccine far safer than being infected with the COVID-19 virus, but studies also show that vaccine-induced immunity may be superior to post-infection immunity. In fact, a recent study published in Science Translational Medicine demonstrated that antibodies induced by the vaccine may better combat a wider range of new viral variants when compared to antibodies induced by infection; <E>ven if the vaccine does cause GBS in a tiny fraction of recipients, the odds of getting GBS are much greater if you don't get vaccinated, because it makes you more likely to get flu, and to get GBS secondary to your flu infection,"* he said. As is evident from the given text fragments, comparison is made in favor of anti-coronavirus behavior.

The tactic of appealing to common sense is manifested through giving proofs for the significance of social restraints, via justifying the use of protective means, introduction of lockdowns as well as through patiently explaining some details, risks and consequences of particular actions: *"Because of the current situation in the United Kingdom, even fully vaccinated travelers **may be at risk for getting and spreading COVID-19 variants,**"* the CDC said in its update; *The procedure for getting a COVID-19 vaccine is similar to a regular vaccine, such as an influenza shot. **The difference is health professionals will keep you there for 15 to 30 minutes** after to monitor you for any serious adverse effects; Traveling on public transportation **increases a person's risk of getting and spreading COVID-19** by bringing people in close contact with others, often for prolonged periods, and exposing them to frequently touched surfaces.*

The illustrative (exemplifying) tactic reveals itself through providing true-life examples showing all the danger and severity of the infection and the gravity of the situation. Therefore, this tactics can also be referred to as **the tactic of appealing to people's positive/negative experience**: *Last week, an Arkansas mother who had avoided getting herself and her 13-year-old daughter vaccinated said she wished that she "would've made better choices for her" after her daughter was hospitalized with covid-19. She said that misinformation had stopped her from getting vaccinated; Hamdan fell ill in November. He spent five weeks at the hospital and thought he'd be released. But his health quickly deteriorated in a 24-hour-stretch, and he died Dec. 30. He is one of almost 25,000 New Jersey residents who died of COVID-19. As one can clearly see from the examples above, news articles about coronavirus, though focused on fast reporting, are of dramatic character and full of tension. It is mentioning real people and the form of narration which produce this right effect that COVID-19 can affect everyone and the infection can be terrible in its consequences; "Before this, I was singing, dancing and just running around the place. Now I can't really do that so it's very different," she said. In other words, journalists strive for personalizing the news, focusing on individuals, their sufferings and conflicts.*

The tactic of dramatizing a story can be used not only in combination with the illustrative tactics but also solely or with some other tactics. Dramatizing is delivering information in such a way that it becomes compelling. Presenting news just for the sake of news is not sufficient to encourage the public. So, journalists focus on the dramatic aspects of the event through emphasizing a human struggle with the infection, people's emotional state, thus making a story of tragedy and heroism: *Far fewer people are dying from COVID-19 today than in January, but more than 1,000 Americans die from the disease every day – alone at home or in hospitals, gasping for air, suffering heart attacks or slipping silently away.* In the given news fragment, the tactic of dramatization is combined with the tactic of shocking by statistics. The dramatic narrative which concentrates on the details of the situation and implies a lot of tension (often through the use of metaphors and other stylistic means: *gasping for air, slipping away*, etc.) should be differentiated from the tactic of a negative forecast (analyzed above) which is only a statement of prediction about the future.

The tactic of discredit aims at criticizing, disapproving (in a direct or implicit manner) the behavior of people neglecting safety regulations or norms or even accusing individuals whose actions can be harmful for the well-being of others. The tactic is not of wide use in news articles due to the code of ethics. Nevertheless, it still can be found in the socially oriented coronavirus discourse and focuses on lowering (at least indirectly and implicitly) the status of those refusing to observe protective measures, shifting all the responsibility for the situation in which we have found ourselves onto them, presenting them in an unfavorable way. It does not mean that the reporter strives to show the negative traits and intentions of people like those. Moreover, the journalist does not usually use vocabulary with a negative evaluative meaning. However, such accusations are tailored to sound grave and oppressive: *As top health officials warn that COVID-19 has become a “pandemic of the unvaccinated,” recent figures from states and cities throughout the United States reveal the extent to which the virus is impacting people who are not fully inoculated.* Through the words of “top health officials”, the author of the news article draws the reader's attention to the fact that the one to blame for the pandemic is an unvaccinated person. The tactic of disrespect is based on expressing reproach towards particular people and implicitly forming a positive image of people demonstrating socially desirable behavior.

The tactic of reference to an expert is about mentioning a highly competent specialist or some authority figure with regard to the information provided in a news article. It is used as a proof of the data and view points provided in an article, acknowledges the verity of some judgment. This tactic is revealed via using quotations and citations as well as through a direct or indirect mention of commissioned people: *The Centers for Disease Control and Prevention said on Thursday that people who are fully vaccinated no longer have to wear masks in many indoor situations. The new guidance reflects evidence that vaccines are highly effective in preventing serious and critical cases of COVID-19, the disease caused by the coronavirus; Walensky noted that the vaccines now being*

administered are effective against various circulating variants of the coronavirus, including some that are more transmissible and can cause more serious illness. As one can clearly see, using references can add weight to some point and bolster what the journalist is saying.

The tactic of unicalization is based on underlining and emphasizing a very special role and the utmost significance of precautionary measures in balancing and stabilizing the current situation and avoiding disastrous consequences. Typical linguistic markers of this tactic are lexical means with the semantics of limitation like “only/the only”, “nothing else but”, “just” etc., intensifiers like “very”, “highly”, etc. as well as adjectives and adverbs used in the superlative degree: *The COVID-19 vaccines are **the most effective and important** tool to reduce COVID-19 transmission and the spread of variants like the highly transmissible delta variant,*” Public Health Director Barbara Ferrer said in a statement.

The tactic of rewarding can be found in news articles promising some additional benefits to people observing safety precautions: *People who are **fully vaccinated** with an FDA-authorized vaccine or a vaccine authorized for emergency use by the World Health Organization **can travel safely** within the United States.*

The tactic of punishment is manifested through mentioning certainty of death or some other dramatic event, i.e. certainty to recompense for some people’s irresponsible behavior: *A man who refused a coronavirus vaccine was infected and needed a lung transplant, his mom said; Twitter suspends Marjorie Taylor Greene for spreading covid-19 misinformation.* On the one hand, this tactic resembles the tactic of a negative forecast described above. However, a closer look at contexts like above shows that the two are different tactics: the tactic of a negative forecast is a prediction or assumption about the future, while that of punishment informs us about particular cases of penalty that have recently taken place as a reaction to some actions or behavior seen as unacceptable or undesirable in the time of coronavirus. So, the tactic of punishment tells us about what has already happened to people neglecting the behavioral norms, whereas the tactics of a negative forecast shows us about what is expected to happen in case of coronavirus misbehavior.

The tactic of references to different countries’ experience in the fight against coronavirus is needed to gain the public over the protective measures being taken by the authorities. A mention of a different country seems to guarantee the correctness and reliability of the anti-coronavirus actions taken: *Spain’s government declared the state of emergency on March 14, 2020, three days after the World Health Organization said the spread of the coronavirus had become a pandemic; France has seen a jump in vaccinations since President Emmanuel Macron announced that passes showing proof of testing or immunization will be required in restaurants and cafes.* As the above examples show, references to different countries look like a reliable proof of the certainty of the national anti-coronavirus campaign. Thus, if some national campaign is suspected to be controversial to the audience, or seems to cause protest or doubts, a good way to make it look more reliable is to make reference to some country which is like a

third, but very respected party. This tactic saves the persuader from accusations of subjectivity and bias. Therefore, it is always advantageous for the persuader to seek help from a “third party”. Consequently, the communicative intention of the persuader can always be formed under the influence of a “third party”. The “third party” seems to the persuader to be more objective, less interested than the persuader himself.

The tactic of warning aims at informing people about some impending danger in advance for them to have enough time to take necessary actions: *Large parts of Europe are at the start of a third coronavirus wave, experts have said, with warnings that the decision to pause the use of the AstraZeneca vaccine over health concerns is likely lead to a rise in cases and a high number of deaths as more contagious new variants account for the majority of cases. This text can't be treated as simply news because it mainly focuses on what people should do to stop or decelerate the new wave.*

Thus, all the tactics that represent the strategy of persuasion are intended to presenting the situation in a tragic light in case to refuse to use preventive measures.

3. Popular science discourse

As you know, the purpose of any popular science discourse (including coronavirus) is to popularize objective knowledge, and its leading strategy is that of education/enlightening.

The ***popular science discourse*** on coronavirus topics is usually represented by Internet articles about the evolution, origin of the virus, strains of coronavirus, possible manifestations (symptoms) of the disease, the impact of coronavirus on the organisms of people of different ages, etc.: *Viruses continually mutate as tiny errors are introduced each time they replicate: The SARS-CoV-2 virus is no different, and has already undergone several thousand mutations since it emerged in humans in late 2019.* There are obviously many terms in popular scientific publications, but the form of delivering information is rather simple and entertaining compared to scientific texts.

The above-mentioned strategy of enlightenment is represented in a popular science discourse by a completely predictable and standard set of tactics, such as:

- ***presentation/enumeration of facts or statistics***: *People with COVID-19 have had a wide range of symptoms reported – ranging from mild symptoms to severe illness. Symptoms may appear 2–14 days after exposure to the virus. Anyone can have mild to severe symptoms. People with these symptoms may have COVID-19: Fever or chills, Cough, Shortness of breath or difficulty breathing, Fatigue, Muscle or body aches, Headache, New loss of taste or smell, Sore throat, Congestion or runny nose, Nausea or vomiting, Diarrhea;*

- ***the argumentative tactic*** that has to do with describing the procedure of the experiment or appealing to an expert (*Moderna announced in March that it was testing a new generation of vaccine in a clinical trial to evaluate their effectiveness against the South African variant*), generalizing/summarizing or, on the contrary, specifying the information;

- **the tactic of definition** (*The genetic material of coronavirus consists of ssRNA(+), that is single-stranded RNA of the positive sense*);

- **the tactic of a dosed and simplified manner to present information** (*Most scientists suspect the coronavirus originated in bats, but the exact route by which it first jumped into people—via an intermediary animal or in some other way—has not yet been determined. It typically takes decades to narrow down the natural source of an animal virus like Ebola or SARS*).

As can be seen, the pragmatics of the popular science discourse is very different from the pragmatic potential of the previously considered varieties of the COVID-19 discourse.

The main difference between the popular science discourse and the socially oriented one is the absence of an undisguised influence on the addressee, the absence of direct (energetic, offensive, assertive and imperative tone) ways to change the recipient's behavior in the former. The popular science discourse leaves the reader the right to make decisions independently.

CONCLUSION

The aforesaid helps us conclude about the dependence of the tactical and strategic structure of the coronavirus discourse on its type (statistical, socially oriented and popular science). Thus, the statistical discourse is characterized by the following set of tactics that implement the strategy of fast reporting: generalizing, compressing, and detailing. As for the popular science discourse, the number of its tactics can also be described as quite limited (argumentative, statistical, simplifying, and definitional tactics contributing to the actualization of the enlightenment strategy). The range of tactics of the socially oriented COVID-19 discourse turns out to be much wider (shocking, showing care, recommendation, forecasting, appealing, exemplifying, dramatizing, discredit, reference to an expert and different countries, rewarding, punishment, and warning), which is due to the specifics of the strategy of persuasion they represent – a strategy that requires a lot of speech efforts so as to be manifested.

References

1. Krairiwattana, J. & Poonpon, K. (2021) A discourse analysis of speech structure from Ted talks corpus. *KKU Research Journal of Humanities and Social Sciences*. 9 (2). pp. 59–72.
2. Shamne, N.L. & Pavlova, E.V. (2019) Linguistic pragmatics of English language restaurant online discourse. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 18 (3). pp. 182–194.
3. Berghe, S. (2010) The Language of Luxury. Opulence in Gastronomic Discourse, 1960–2000. In: Rittersma, R.C. *Luxury in the Low Countries. Miscellaneous Reflections on Netherlandish Material Culture*. Brussels: ASP Publishers.
4. Gracia-Arnaiz, M. (2001) Nutritional Discourse in Food Advertising: Between Persuasion and Cacophony. *Anthropology of Food*. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/aof/989> (Accessed: 12.04.2022). doi: 10.4000/aof.989
5. Sazhyna, E.V. (ed.) (2021) *Media discourse in the modern linguistic paradigm: A comparative aspect*. Gomel: GSU. (In Russian).
6. Chaiuk, T. & Dunaievskaya, O.V. (2020) Fear Culture in Media: An Examination on Coronavirus Discourse. *Journal of History Culture and Art Research*. 9 (2). pp. 184–194.
7. Neshlovska, S. & Trajkova, Z. (2020) Coronavirus-inspired Metaphors in Political Discourse. *Thesis: international research journal*. 9 (2). pp. 99–132.

8. Gayevska, O.V., Zhyhadlo, O.Y., Popivniak, O.O., Alyeksyeyeva, I.O. & Chaiuk, T. (2022) Beyond the Language of COVID-19: Transformation of Social Discourse and Reproduction of Cultural Capital. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 11 (1). pp. 43–55.

9. Priemysheva, M.N. (ed.) (2021) *Russian language of the coronavirus era*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. [Online] Available from: <https://rusexpert.ru/public/knigi/26.RusYazKornvirusEpic2021.pdf> (Accessed: 07.07.2022). (In Russian).

10. Priemysheva, M.N. (ed.) (2021) *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf> (Accessed: 07.07.2022). (In Russian).

11. Kreimenova, V.Y. (2021) Semantics of Covid-neologisms. *The semantic potential of linguistic units and its realization*. Abstracts of the International Conference. Minsk: MLSU. pp. 20–27.

12. Chalova, O.N. (2021) Pragmatics of the syntax of the COVID-19 discourse (based on news internet articles). *The semantic potential of linguistic units and its realization*. Abstracts of the International Conference. Minsk: MLSU. pp. 219–221.

13. Issers, O.S. (2017) *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. 8th edition. Moscow: LENAND. (In Russian).

14. Gimranova, T.A., Kolosova, E.I. & Semushina, E.Y. (2018) Indirect tactics of speech influence in the political discourse. *ИОАБЖ*. 9 (S2) [Online] Available from: https://iioab.org/ИОАБЖ_9_S2_40-43.pdf (Accessed: 12.04.2022).

15. Scurtulesku, A. (2006) “Positive” strategies in political discourse. *Synergy*. 2 (1). pp. 23–31.

Information about the authors:

I.A. Khorsun, Cand. Sci. (Philology), head of Theory and Practice of the English Language Department, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Republic of Belarus). E-mail: ihorsun@gsu.by

O.N. Chalova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Republic of Belarus). E-mail: oksana-chalova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 26.04.2022;
approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

*Статья поступила в редакцию 26.04.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161+82-221
doi: 10.17223/19986645/84/6

«Эта коллизия двух идей, двух прав, двух равнозаконных побуждений...»: трагедия Софокла «Антигона» в восприятии И.С. Тургенева

Иван Олегович Волков¹, Эмма Михайловна Жилиякова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *wolkoviv@gmail.com*

² *emmaluk@yandex.ru*

Аннотация. Ставится проблема восприятия И.С. Тургеневым творчества Софокла. С одной стороны, рассматривается читательская рецепция русским писателем трагедии «Антигона». Подвергаются анализу пометы И.С. Тургенева на немецком издании пьесы из его личной библиотеки. С другой – в научно-философском и критическом контексте исследуется творческое воплощение русским писателем трагического конфликта «Антигоны». В этом аспекте центральным оказывается роман «Отцы и дети», чья коллизия получила «античную огласовку».

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Софокл, «Антигона», «Отцы и дети», библиотека И.С. Тургенева, античная трагедия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00549, <https://rscf.ru/project/22-28-00549/>

Для цитирования: Волков И.О., Жилиякова Э.М. «Эта коллизия двух идей, двух прав, двух равнозаконных побуждений...»: трагедия Софокла «Антигона» в восприятии И.С. Тургенева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 106–140. doi: 10.17223/19986645/84/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/6

“This collision of two ideas, two rights, two equal motives ...”: Turgenev’s perception of Sophocles’ tragedy *Antigone*

Ivan O. Volkov¹, Emma M. Zhilyakova²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *wolkoviv@gmail.com*

² *emmaluk@yandex.ru*

Abstract. The article sets and develops the problem of Ivan Turgenev’s perception of the works of the ancient Greek tragedian Sophocles. The study of the writer’s

reception is carried out in two stages. Firstly, for the first time, the marks (nail and pencil marks) the Russian writer left on the pages of the tragedy *Antigone* are analyzed. Turgenev's personal library contained a collection of plays by the ancient Greek playwright in German (1839). However, while reading, Turgenev paid particular attention to *Antigone*, leaving on its pages two dozens of nail and pencil marks. These marks, made during his stay in Berlin and covering almost half of the play, are of a conceptual nature, since they very accurately show Turgenev's interest. The writer captures several moments fundamentally important for him: the outbreak of the conflict in the dialogue between Antigone and Ismene, a retrospection of the fratricidal war and, as a contrasting frame, a landscape sketch with a Bacchic appeal in the first parts of the choir, the reflexive figure of the guard and his violation of the ban, the angry reaction of Creon, the secondary appearance of the guard and the verbal confrontation between the king and Antigone. Turgenev stops commenting almost in the middle of the tragedy, thus focusing on the struggle of equally significant great patterns in the development of ancient Greek society, which were personified by the two opposing heroes of Sophocles. Secondly, the creative embodiment of the tragic conflict in *Antigone* by the Russian writer is investigated. In this aspect, the novel *Fathers and Sons* (1862) turns out to be central. Writing the life of his main characters, opposite in ideological orientation, Turgenev showed their moral complexity and inconsistency, which reflected the equally important principles of the existence of the present and future Russia. The principle of the tragic balance of characters, borrowed from the tragedy of Sophocles and determining the depth of historical analysis, with psychological certainty became for Turgenev a conflict-forming basis and provided material for constructing the central images of the novel. The modern scientific-philosophical and critical context connected with the understanding of the tragic collision of *Antigone* is involved in the comparative analysis. Of particular importance for Turgenev was the experience of interpretation presented in the works of Hegel, his university teacher Böck, and Belinsky.

Keywords: Ivan Turgenev, Sophocles, *Antigone*, *Fathers and Sons*, Ivan Turgenev's library, ancient tragedy

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00549, <https://rscf.ru/project/22-28-00549/>

For citation: Volkov, I.O. & Zhilyakova, E.M. (2023) "This collision of two ideas, two rights, two equal motives ...": Turgenev's perception of Sophocles' tragedy *Antigone*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 106–140. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/6

В конце мая 1855 г. в Спасском-Лутовинове состоялась уездная «премьер» классической трагедии. На подмостках домашнего театра в усадебном доме была разыграна сцена на древнегреческий мотив – диалог фиванского царя Эдипа и его дочери Антигоны. Однако спектакль являл собой пародию на двойную переделку и содержательно оказался очень слабо связан с первоисточником. Ссылный И.С. Тургенев, собрав в своем доме ближний круг друзей, решил проиллюстрировать возникшую в ходе оживленной беседы мысль о том, что привычка автора «усиливать всегда краски против того, что есть в действительности, часто ставит его в комическое положение» [1. Т. 1. С. 277]. Сначала был задуман только импровизиро-

ванный фарс, сразу составленный при общем участии, но писатель посчитал необходимым «разыграть что-нибудь классическое». Так появилась «пародия на сцену Эдипа и Антигоны из Озерова» [1. Т. 1. С. 228]¹, которую Тургенев собственноручно сочинил. Этот текст в полном виде, к сожалению, не сохранился, но Д.В. Григорович в своих воспоминаниях воспроизводит его конечный фрагмент:

Антигона (*сентиментально*).
Почто я зрю печали на лице твоём, родитель?
Эдип (*рыдая*).
Ах, я Эдип!..
Антигона (*целуя его в лысину*).
Родитель, полно нить..
Прекрасную тираду ты лучше прочитай,
Где в пламенных стихах
Ты сожалел о падших волосах...
Эдип (*внезапно одушевляясь*).
Изволь, о дочь моя, изволь..
Ты зри главу мою... главу... зри... зри...
Антигона (*в страхе и в сторону*).
Он роль свою забыл, несчастный старикашка..
Уйдем отсель скорей, папашка... [1. Т. 1. С. 228].

Как указал мемуарист, карикатура основана на произведении В.А. Озерова, а именно трагедии «Эдип в Афинах» (1804). Популярный в начале XIX в. русский драматург создал свою пьесу с опорой на переделку Ж.-Ф. Дюси «*Edipe à Colonne*» (1797), которая, в свою очередь, вольно восходила к трагедии Софокла «Эдип в Колоне». Судя по имеющемуся отрывку, Тургенев комически обыграл 4-е явление IV действия, где у Озерова дано объяснение Эдипа с изгнавшим его из Фив Полиником. Именно здесь слепец произносит: «Ты зри главу мою, лишённую волос» [2. С. 59]. При этом Озеров вслед за Дюси переносит в эту сцену сюжет, связанный уже с другой трагедией Софокла – «Антигона». В оригинале Эдип предугадывает судьбу сыновей, обречённых на погибель от рук друг друга, а во французской переделке также звучит мотив «лишения похорон» (*privés de funérailles*) [3. Р. 426]. Озеров же идет еще дальше Дюси и фактически вставляет в текст трагедии фрагменты из «Антигоны», соединяя их пересказом:

Без гроба будешь ты; тебя земля не примет,
От недр отвергнет труп, и смрад его обмыет,
И призовет зверей, птиц хищных из лесов,
И дома подданных твоих стрегущих псов [2. С. 59].

¹ В библиотеке И.С. Тургенева сохранилось собрание сочинений В.А. Озерова 1828 г. в трех частях, принадлежавшее В.Г. Белинскому. Трагедия «Эдип в Афинах» включена во вторую часть этого издания. Вероятно, именно им пользовался писатель при постановке домашнего спектакля.

Выбирая это место, Тургенев принципиально выводит на первый план не отца и сына-предателя, а отца и верную ему дочь, одновременно заимствуя реплику уже из другой части трагедии Озерова – действия II, явления 2: «Ах, я Эдип!». Так восклицает герой, когда Антигона выражает глубокое сочувствие, смешанное с ужасом, к постигшим его несчастьям. То есть, высмеивая высокопарность озеровского «классицизма» («сознательная деформация “второго плана”») [4. С. 71] и, как следствие, слезливую нелепость Дюси, Тургенев строит пародию на материале тройного трагизма в их градации (страдания Эдипа, горькая судьба Полиника и мучения Антигоны). Создаваемый переделками Дюси-Озерова контраст в сравнении с древнегреческим источником, который и стал достоянием домашней сцены, усилиями русского писателя одновременно обозначил глубину трагического конфликта у Софокла и подчеркнул его значительность. Интересна одна деталь, передаваемая Григоровичем: роль Эдипа в этой постановке исполнил сам Тургенев, но сделал это так, что был больше «похожим на короля Лира». Это сходство, хотя в контексте комического, древнегреческого и шекспировского окажется далеко не случайным.

С творчеством Софокла Тургенев, вероятно, познакомился в переводах на русский язык. В его личной библиотеке сохранилась подборка таких изданий за 1823–1825 гг. [5] – это переведенные И.И. Мартыновым в серии «Греческие классики» пять трагедий: «Антигона», «Аякс Неистовый», «Филоклет», «Эдип царь» и «Электра». Однако имеющиеся экземпляры достались писателю уже от В.Г. Белинского, чьим почерком на титульных листах проставлено название каждой пьесы. В тексте «Эдипа царя», вернее, в комментариях переводчика, критик даже сделал две однотипные пометы – подчеркнул строки: «*Пощади, в подл. не бей*» и «*Притекли к чертогам твоим. В подлиннике: сидим у дверей*» (курсив Мартынова. – И.В., Э.Ж.), а напротив на полях поставил знак «NB». Не исключено, что в 1853 г., когда Тургенев покупал у вдовы Белинского его библиотеку, или после он имел возможность видеть эти отметки. Русскоязычная часть тургеневского собрания особенно пострадала от изъятий и разграблений после смерти владельца, исчезли из него и переводы Мартынова, которые должны были принадлежать собственно писателю и могли дать ему первое представление о трагическом мире Софокла. Личность этого переводчика была оценена им позже очень высоко словами «человек чрезвычайно замечательный» [6. Т. 3. С. 72]. Такая характеристика высказана Тургеневым в контексте работы Е.Я. Колбасина над статьей «Ив. Ив. Мартынов, переводчик греческих классиков» (опубликована в журнале «Современник» за 1856, № 3-4), где ученый-классик назван «первым подвижником русским, отважившимся, несмотря на величайшие трудности в предпринятом деле, перенести богатство Эллады в горячо любимую им Россию» [7. С. 2–3].

Изучение творчества Софокла, как и Античности вообще, возымело у Тургенева постепенный и последовательный характер. В 1836 г., закончив обучение в Петербургском университете и усиленно готовясь к экзамену на степень кандидата, писатель приобрел или получил в подарок объемное

комментирование издание трагедии «Аякс» [8] на латинском языке. Книга имеет владельческую запись чернилами на переднем форзаце с указанием даты обретения: «Ex Bibliotheca J. Turgenevo MDCCCXXXVI». Тщательное издание (вернее, переиздание – первое появилось в 1809 г., третье вышло в 1866 г.) было подготовлено профессором Кёнигсбергского университета, специалистом по греческой мифологии К.А. Лобеком (Christian August Lobeck, 1781–1860).

Начав обучение в Берлинском университете, Тургенев пополнил библиотеку античной литературы однотомным собранием пьес Софокла на немецком языке 1839 г. [9]. Перевод с древнегреческого выполнил И.И.К. Доннер (Johann Jakob Christian Donner, 1799–1875), немецкий филолог-классик. Переложение трагедий Софокла на немецкий с сохранением размера оказалось самой известной работой Доннера и сделало его одним из авторитетнейших переводчиков античной литературы. Не случайно это издание в течение всего XIX в. было выпущено еще одиннадцать раз и стало (при всем критическом к нему отношении) текстовой основой для театральной постановки «Антигоны» (1841) и «Эдипа в Колоне» (1845) под руководством Л. Тика. Музыка для обеих пьес по заказу прусского короля Фридриха Вильгельма IV сочинил Ф. Мендельсон. При этом исполнение «Антигоны» в Потсдаме возымело историческое значение в плане возрождения греческой трагедии на немецкой сцене [10]. Кроме того, относительно метрического устройства пьесы Софокла Мендельсон получал консультации у Августа Бёка, который в Берлине преподавал Тургеневу историю греческой литературы. К моменту потсдамской постановки «Антигоны» русский писатель уже вернулся в Россию, однако ее известность вполне могла достичь и его слуха. Можно уверенно предполагать и то, что именно эта пьеса Софокла уже в заграничное студенчество Тургенева оказалась в пределах его особого осмысления.

Перевод Доннера был «новаторским для второй половины XIX в.», поскольку в нем «исчезли скованность и сухость, и язык чувства смог заявить о себе рядом со столь отчетливо выработанным, эпиграмматически ярким языком мысли» [10. Р. 74]. И Тургенев, по всей видимости, оценил старания переводчика, остановившись подробно в своем чтении именно на трагедии «Антигона». В пределах этой драмы он сделал два десятка помет в виде косых ногтевых (реже – карандашных) линий на полях, сопровождаемых карандашными точками. Эти отчеркивания и отточия, «обнимающие» практически половину пьесы, носят концептуальный характер, поскольку очень точно фиксируют интерес Тургенева, его сосредоточенность на совершенно определенных фрагментах текста и позволяют увидеть своеобразие писательского взгляда на трагедию Софокла. В каждой помете – личное тургеневское открытие, имеющее значение для понимания его собственного художественного творчества. Время чтения «Антигоны» приходится на период пребывания писателя в Берлине в конце 1830-х – начале 1840-х гг. Под влиянием немецкой философской мысли, в атмосфере идей Г. Гегеля, у Тургенева формируются важнейшие эстетические установки.

Жизнь Софокла совпадает с эпохой расцвета афинской демократии, а вершина его творчества относится ко времени правления Перикла, когда «началось возведение грандиозного архитектурного ансамбля на афинском акрополе, появился исторический труд Геродота, в Афинах стали возникать собственные философские школы» [11. С. 81]. Но укрепление и возвышение Афин среди других древнегреческих полисов, обретение ими статуса культурного центра и главы морского союза происходили в условиях нарастающего кризиса, явно обозначившегося с началом Пелопонесской войны. Рост индивидуализма, рождение новых сил, расцвет софистики при архаической наследственной вере в благосклонность богов делали картину общественно-политической и культурной жизни Афин неоднозначной и противоречивой. Софокл, будучи близким к интересам консервативно-демократических кругов и сподвижником Перикла, стоя рядом с грандиозными фигурами Анаксагора, Фидия и Геродота, явился выразителем возникших перед его современниками насущных вопросов и объективно представил в собственном творчестве жизнь своей эпохи.

Идейная и художественная специфика «Антигоны», принадлежащей к зрелому периоду творчества Софокла, тоже не могла не вобрать в себя проблемы времени, демонстрируя в основе своего конфликта «внутренние противоречия, свойственные общественному строю Афин в V в.» [11. С. 94]. Она была поставлена на сцене в 442 г. до н.э., в период расцвета афинской демократии, и явилась самостоятельной разработкой сюжета из фиванского цикла преданий о царе Эдипе, который в общем виде был известен уже из поэм Гомера. Приближаясь и словно продолжая содержание трагедии Эсхила «Семеро против Фив» о противостоянии и взаимной гибели фиванских братьев-царевичей Этеокла и Полиника, Софокл дает свое осмысление традиционному мифу. В основе его трагического сюжета лежит поступок дочери Эдипа Антигоны, которая, нарушив личный запрет правителя Фив Креонта, оплакала и похоронила брата Полиника, пришедшего с армией из Аргоса к стенам родного города.

Первую помету в виде наклонной черты Тургенев оставляет ногтем на второй же странице трагедии. Пропуская самое начало диалога вопрошающей Антигоны и недоумевающей Исмены, в котором уже задана главная коллизия – озвучен противоестественный и оскорбительный указ Креонта, писатель выделяет реплику старшей дочери Эдипа:

...sondern wer dess Eines tut,
Dem droht auf offnem Platze Tod durch Steinigung.
Also verhält sich dieses: zeige du sofort,
Ob edel, ob unedel du von Guten stammst¹ [9. P. 158].

¹ ...но тому, кто хоть что-то делает,
На открытой площади грозит смерть через побивание камнями.
Итак, это проявит себя: покажешь ты сразу,
Душой ты благородна или нет (здесь и далее перевод с немецкого наш. – И.В., Э.Ж.).

Тургенев выбирает именно эту – заключительную – часть речи Антигоны не случайно. Она распадается по своему смыслу на два аспекта: с одной стороны, озвучено смертельное наказание за ослушание, а с другой – брошен нравственный вызов сестре. Писатель прочитывает намечающееся здесь смешение лично-семейного права и надличностного произвола, связанного с деспотичной властью Креонта, индивидуально претендующего на силу всего государства. Уже в назначенной царем каре для ослушника, который должен осмелиться всего лишь похоронить врага, кроется серьезное несоответствие между необходимым и действительным, поскольку побивание камнями – это хорошо известный афинскому зрителю «древний способ наказания предателя или изменника» [12. С. 36]. То есть сострадание к Полинику неожиданно оказывается тягчайшим из преступлений, на которое, однако, сознательно и целенаправленно пойдет Антигона, руководствуясь собственным долгом. Именно мерой «подлинного благородства человека» [12. С. 61] она меряет свой поступок и точной такой же критерий предъявляет сестре. И Тургенев следом в принадлежащей Исмене реплике помечает карандашом заключительные стихи, которые не только все дальше углубляют общее противоречие, но и показывают последний сошедший раскол внутри семейного мира Эдипа:

Deshalb von ihnen, welche birgt der Erde Schoß,
Nachsicht erflehend, weil Gewalt mich solches heißt,
Werde ich den Herrschern Folge leisten: denn es zeugt
Niemals von Klugheit, über seine Kraft zu thun¹ [9. P. 159].

Исмена не выдерживает той пробы, что подвергает ее Антигона, оказавшись слабой в требовании самоотверженности и родовой чести: «она готова разделить участь своей сестры, но неспособна разделить ее подвига» [13. С. 218]. При этом Тургенев дополнительно коротким штрихом выделяет первую строку, которая связана с пониманием девушкой своего обязательства, облеченного в религиозную форму ответственности перед подземными божествами. Писатель делает акцент на том, что Исмена противоречит своей сути, идет против совести, подчиняясь не абстрактной силе, перед которой она еще будет держать ответ, а конкретной, которая грозит жестоким возмездием здесь и сейчас. Внимательный читатель Тургенев угадывает эту обостряющую конфликт разность в обращении к авторитетам: если Исмена, считая выпавшее сестрам бремя непосильным, бесильно же молит «сокрытых во чреве земли о снисхождении», то Антигона, именно «ссылаясь на вечные законы Аида» [12. С. 44], отстаивает свой долг в оплакивании и погребении брата.

Далее взгляд Тургенева переходит на партии хора. В пароде дана предыстория – рассказ о случившемся у стен Фив сражении. В пышной и

¹ Поэтому у тех, кто сокрыт во чреве земли,
Прошу о снисхождении, так мне сила велит,
Я буду подчиняться правителям: действовать
Не благоразумно сверх своих сил.

эффектной художественной образности хор воссоздаёт картину противостояния приведенного из Аргоса войска и защитников города. При этом он «не акцентирует внимание на предательской роли Полиника» [12. С. 89], а во второй строфе и вовсе уравнивает двух братьев в общей участи смерти. Тургенев оставил пометы в каждой части парода, выделяя по несколько строк. Очевидно, припоминая трагедию Эсхила «Семеро против Фив», писатель отмечает яркое сравнение нападающего войска с белокрылым орлом:

Wie ein Adler, daher flog über das Land,
Von der Schwinge gedeckt, hellglänzend, wie Schnee,
Mit der Rüstungen viel
Und mähnumflatterten Helmen¹ [9. P. 161].

Живописный образ, отсылающий также к поэмам Гомера, с одной стороны, интересует Тургенева сам по себе – как пример драматической поэтизации, погружающей зрителя в атмосферу героического мифа с высоко эстетическим обрамлением. Но с другой – писатель в своем читательском восприятии сталкивает этот фрагмент с последующим из первой антистрофы, где изящный образ ратоборца терпит изменения, превращаясь под влиянием всего воспоминания о жестоком нападении на Фивы в монструозно-отталкивающий. Тургенев короткой ногтевой чертой выделяет одну строку: «Mit blutlechzenden Speeren rings» (с кровожадными копьями вокруг) [9. P. 161]. Этой отметкой он проявляет заданный Софоклом контраст цветового изображения – белоснежный и кроваво-красный, который переходит в характеристику как описываемого сражения, так и собственно метафорического облика войска семерых. В той же логике авторского отождествления аргивян с хищной птицей, охотящейся за добычей, Тургенев отчеркивает далее сравнение уже фиванцев с мифическим змеем, которому сопутствует божественная сила:

Also tost' im Rücken ihm her
Ares Gewühl; schwer wurde sein Kampf:
Denn ihn drängte der Drache² [9. P. 161].

Снова писателя интересует представление легендарного сражения двух полисов с преимущественно иносказательной стороны – именно в качестве художественно обработанного предания с вкраплением народного воззрения. Тургенев опять же в русле контраста останавливается на архаическом противопоставлении дракона и орла – непримиримых врагов, при этом он прочитывает символику войны, осады Фив и как игру богов, в частности, подчиненную воле Ареса, хотя в песнях хора проходит мимо неоднократ-

¹ Как орел, отсюда пролетел над страной,
Прикрытый крылом, как снег сверкающим,
Со множеством доспехов

И шлемами с развевающимися гривами.

² Так за спиной у него бушевал

Хаос Ареса; его борьба трудной была:

Потому что его теснил дракон.

ного появления Зевса. В следующем отмеченном им фрагменте бранный бог показан практически решающей силой, которая отодвинула опасность от фиванских врат:

Niedergeschmettert zur dröhnenden Erde stürzt er,
Welcher, bewehrt mit der Fackel, in trunknem Wahnsinn,
In wuthschnaubendem Drang
Uns anblies mit feindlichem Hauch:
Doch es ging anders aus.
Andern verhängte andere Loose Ares, der wildwirrende Treiber,
Schaltend zur Rechten¹ [9. P. 161].

Это первая половина второй строфы, которая в целом излагает события в синтезе божественного присутствия и активности людей, что, в свою очередь, иллюстрирует сложившееся противоречие «в идеологии афинской демократии» [11. С. 84]. Но Тургенева как будто пока не интересует этот разрыв между верой и разумом, ему по-прежнему важно прояснить роль мифологического в драматическом повествовании. Старательно отчеркнутый им отрывок включает в себя также упоминание (без называния имени) о легендарном герое Капанее, принявшем участие в походе против Фив. Софокл говорит о нем еще в «Эдипе в Колоне», когда перечисляются предводители семи полков, подступивших к городу. Капаней – единственный, кто наделен конкретными намерениями: «Разрушить он и сжечь беретя Фивы!» [14. С. 125]. Как видно, эта характеристика в «Антигоне» переходит в развернутое описание. Герой погружен в семантику абсолютной враждебности, становясь в устах хора олицетворением зла, которое угрожает Фивам. В восприятии Тургенева фигура Капанея оказывается на первом плане по сравнению с сынами Эдипа, смерть которых дана в конце строфы.

Последним фрагментом в хронике сражения, попавшим во внимание русского писателя, оказывается метафорическое провозглашение победного итога. Тургенев дважды отчеркивает ногтем начальные строки второй антистрофы:

Aber die namenderleibende Nike kam ja,
Gnädig vergeltend der wagenberühmten Thebe² [9. P. 162].

Если совокупно и последовательно посмотреть на все выделенные в пародии отрывки, соединив их, то становится очевидна прослеживаемая чита-

¹ Поверженный на ревущую землю, он падает,
Тот, кто в пьяном безумии, вооружившись факелом,
В яростном порыве
подул на нас враждебным дыханием:

Но все вышло иначе.
Наложил другое решенье Арес,
Бурнодвижимый погонщик,
Идущий вправо.

² Но к нам пришла громкоименная победа,
Воздавая милость знаменитым колесницам Фив.

телем траектория. Взгляд писателя точно останавливается на основных моментах не столь объемного повествования: представление войска аргивян – сама борьба – перелом в сражении – победа фиванцев. Тургенев, очень тонко ориентируясь в этом материале, выстраивает из важных для него фрагментов более конкретную и концентрированную картину происходящего. А то, что в поле явного интереса писателя не попала обоюдная кончина Полиника и Этеокла, говорит о восприятии им парода не столько как предыстории сюжета Антигоны, сколько в качестве самостоятельного повествования, своеобразного лирического отступления в традиции гомеровского эпоса.

Важен еще один момент тургеневского чтения – образно-смысловая рамка, которую писатель выделяет в начальных и заключительных партиях хора. Во-первых, им отчеркнуты поэтически строки с описанием рассвета над Фивами:

Du strahlst endlich, des goldnen Tags
Ausblick, herrlich herauf, über
Dirke's stromende Fluten wandelnd¹ [9. P. 160].

Эта лаконичная пейзажная зарисовка, открывающая парод, в своем настроении резко контрастна содержанию пролога. После диалога Антигоны и Исмены душа зрителя «наполнена тревогой и ожиданием опасности» [12. С. 88], хор же меняет регистр на прямо противоположный, внося ноты радости и умиротворения. Однако для Тургенева эта часть важна, вероятно, именно как реакция фиванских старцев на избавление города от опасности и отсутствие новых потрясений, то есть гармония, которую полно способна передать первозданная природа. Во-вторых, в такой же логике им отмечен фрагмент во второй антистрофе:

Deßhalb denkt nach dem Kampf
Ihr auch nicht des Jezigen mehr:
Lasst in Nachtregen uns
Tanzend umher ziehn zu der Stadt Tempeln, voran hebe sich Bacchos,
Theben erschütternd!² [9. P. 162].

Здесь радость принимает уже иную форму – от эстетической к вакхической, но во все той же связанности с отрицанием войны и кровопролития вообще. Таким образом, хор начинает и заканчивает свое повествование о сражении у семи врат стихами с единым смыслом – воспевание жизни, и Тургеневу это кажется значительным: «старцы надеются на забвение прошлого и готовы предаться радостным хороводам» [12. С. 89]. Но трагедия в том, что счастье непостоянно и мир шаток, поэтому надеждам не сужде-

¹ Ты воссиял наконец, золотого дня
Взор, красотой ниспадающий,
Взошедший над устремлённым потоком Дирка.

² Поэтому не думайте после боя
Вы больше о настоящем:
Танцуйте в ночном хороводе к городу храмов, впереди пусть Вакх ведет,
Сотрясая Фивы!

но сбыться, что предсказывает последняя партия хора, словно указывая и на виновника нарушителя спокойствия – человека. Тургенев понимает это, дважды отчеркивая (и дублируя точками) весть о появлении Креонта, которое тяготит своей неизвестностью и заставляет думать о вновь грядущих тяготах:

Doch hier naht uns des Menökeus Sohn,
Kreon, der neu waltende Herrscher, erregt
Von dem neuen Geschick, das Götter verhängt;
Ihm wogt ein hoher Gedank' in der Brust,
Weil eben der Greif' ehrwürdigen Rath
Er hieher lud zum Versammlungsort,
Durch Heroldsruf sie bescheidend¹ [9. P. 162].

Как и в предыдущих партиях хора, писатель отмечает здесь скрытое проявление фиванскими старцами своего личного – сострадательного – отношения к родине. Но при всей их любви в этом патриотическом рadeнии за судьбу Фив дает о себе знать и готовность следовать воле правителя, которая осознается как всеобщая и беспрекословная, основанная на решении богов. К слову хора Тургенев в дальнейшем еще обратится, сейчас же он в сюжетной линии, обходя Креонта с его тронной речью, отмечает появление другого особого героя – стража, которому было поручено следить за непогребенным телом Полиника. Страж Софокла, вступая на сцену, произносит простую по содержанию и очень наивную речь, которая, на первый взгляд, напоминает комических персонажей Шекспира. Но его нелепо выглядящие колебания и сомнения оказывается важным личностным процессом «размышления и принятия решения» [12. С. 80]. В рефлексивной фигуре страшящегося за свою судьбу стража Тургенев отмечает два момента. Первый из них связан с противопоставлением себя царю и четким обозначением в этой антитезе необходимости Креонта быть справедливым. Ногтевой чертой и карандашной точкой писатель отчеркивает строки:

Denn bloss gebannt an diese Hoffnung komm ich her,
Nichts könne sonst mich treffen, als bestimmtes Loos² [9. P. 164].

Страж словно напоминает правителю о соблюдении справедливости и наказании, соразмерном провинности, т.е. о тех вещах, против которых царь скоро начнет активно действовать. Одновременно этот «смотритель», обращаясь непосредственно к Креонту, заявляет о самом себе как о лично-

¹ Но тут к нам приближается сын Менекея,
Креонт, новый правитель, взволнованный
Новой судьбой, которую определили боги,
В его груди рождается высокая мысль,
Потому что как раз созыв почтенного совета
Он сюда объявил, на место собрания,
Через призыв глашатая им велели прийти.

² И потому я прихожу, связанный лишь надеждой на то,
Что ничто другое не может меня постичь, кроме предначертанной судьбы.

сти, не сливающейся с общей массой раболепных подданных. Второй момент, интересующий Тургенева, уже непосредственно связан с сюжетом – это рассказ о нарушении неизвестным запрета на погребальный обряд:

Denn jener war verschwunden, nicht begraben zwar;

Leicht lag der Staub auf, wie den Fluch zu meiden nur¹ [9. P. 165].

И снова писатель оказывается внимателен к нюансам в словах стража, который совсем не случайно замечает, что на труп Полиника лишь «слегка осела пыль», т.е. он не погребен и оплакан в полном смысле этих слов. Как догадывается зритель (а с ним и Тургенев), Антигона все-таки совершила обещанное, но исключительно в той мере, в какой это требуется для исполнения долга. Сестра защитила тело убитого брата главным образом от растерзания псами и хищными птицами, что, «с точки зрения афинян V в., нарушало все возможные нормы» [12. С. 58]. Своим поступком в минимальном его проявлении Антигона соблюла нравственные и религиозные нормы.

Сообщению стража Тургенев противопоставляет гневную реакцию Креонта, которая становится практически лейтмотивом пьесы. Он отчеркивает строки со словами обвинения в подкупе:

Es fromme nicht, aus Allem sich Gewinn zu ziehn.

Denn mit dem Preis des Schlechten wirst du Mehrere

Unglücklich enden, als das Glück gewinnen sehn² [9. P. 167].

Царь подозревает стража во мздоимстве, поскольку не верит, что нарушитель запрета остался незамеченным. Эта неизвестность пугает его больше всего и заставляет чувствовать над собой скрытую опасность, которая от происков врагов возводится им чуть ли не до возможности народного мятежа. Важно, что Тургенев придал особое значение именно этим трем строкам, пропустив целую тираду Креонта «о вреде денег». Писатель отмечает завершающие стихи в реплике царя, которые вне контекста звучат как нравственная сентенция. Но в этом и заключается грубое противоречие, что, очевидно, и стало объектом тургеневской рефлексии. К морали взывает тот, кто самовластно пренебрегает «вечными нравственными законами» [12. С. 99].

В русле этого конфликта между словом и делом писатель останавливается на знаменитом первом стасиме, который много позже в обработке В.Я. Брюсова получил название «Хвала человеку» (1909). Действительно, практически вся песня хора оказывается гуманистическим гимном, в котором перечисляются достижения человеческих сил и разума. Уже с первой строки торжественно заявлено: «Vieles Gewaltige lebt, und Nichts / Ist gewaltiger, als der Mensch» (Есть много поразительного <в мире>, и нет ничего поразительней человека) [9. P. 168]. Как отмечает В.Н. Ярхо, прилагатель-

¹ Ибо он сокрыт, хотя не погребен;

Слегка осел прах, словно только избегая проклятия.

² Не благочестиво получать прибыль от всего.

Ибо ценой зла ты скорее

Окончишь несчастьем, чем счастье увидишь.

ное «δεινός», которым пользуется Софокл, своим первым и основным значением имеет «страшный», «внушающий страх» [12. С. 90], хотя русские переводчики нередко пользуются второстепенными «чудесный» и «дивный» (ср., например, у Ф.Ф. Зелинского: «Много в природе дивных сил, / Но сильней человека – нет») [15. С. 135]. Немецкий вариант трагедии, которым пользовался Тургенев, предлагает для определения человека слово «gewaltig» (сильный) в субстантивированной форме и сравнительной степени. Хотя для передачи этого смысла в числе первых чаще приводятся лексемы *stark* и *kräftig*. Кажется, что такой перевод не передает сути древнегреческого, но здесь важно обратиться к этимологии. «Gewaltig» восходит к «Gewalt», которое в немецком имеет практически равные значения *насилие* и *власть*. То есть Доннер прекрасно считывает идею оригинала, воссоздавая ее своими средствами и предоставляя Тургеневу возможность к ней приобщиться.

Заключенная в стасиме идея связана прежде всего с неоднозначностью человеческой природы, сотканной из противоположностей. Сложность, подвижность и противоречивость характера человека заставляют фиванских старцев высказать «удивление, граничащее со страхом» [12. С. 90], и вложить в последнюю строфу рассуждение о моральной двойственности природы. Эти строки в ходе чтения и отчеркивает ногтем чуткий читатель Тургенев:

Erfindungen listiger Kunst
Wohl über Verhoffen gewandt,
Neigt bald er zum Argen, zum Guten bald¹ [9. P. 169].

Представленная хором этическая дилемма закономерно накладывается на поведение главных героев трагедии, но без точного определения для каждого исключительно отрицательной или исключительно положительной роли. Антигона и Креонт по-прежнему остаются в неясности нравственной оценки, и именно это равенство позиций оказывается важным для Тургенева. При этом в первом стасиме он сделал еще одну помету – поставил ногтевой штрих и точку напротив стихов первой строфы:

Während die Pflüge sich wenden von Jahr zu fahr,
Mit der Rosse Stamm sie furchend² [9. P. 168].

Выделение этого фрагмента среди перечисленных многих других достоинств человека более чем симптоматично. Строки о величии земледельческого труда, конечно, не могли не напомнить студенту Берлинского университета о русском крестьянине, медленно и размеренно бредущем по пахотному полю за запряженной в плуг лошадь. Изображение аттического крестьянства в эпосе, трагедии и комедии вообще давало Тургеневу

¹ В изобретениях хитрого искусства
С надеждой, удобно вывернутой наизнанку,
Он склоняется иногда ко злу, иногда к добру.
² В то время, как плуги движутся из года в год,
Бороздя ее [землю] силой коня.

большое поле для рефлексии над проблемой жизни и положения этого соловья в России. И через Софокла он получил пример осмысления труда земледельца как высокого достижения цивилизации, но не без приложения к нему и оговоренной выше нравственной диалектики, которая художественно воплотится в книге «Записки охотника».

Последующая череда кратких, но емких помет Тургенева уже всецело связана с прямым столкновением Креонта и Антигоны. Во втором эпизоде писатель замечает новое появление стража, который в этот раз приводит с собой ослушницу указа. Четкой ногтевой линией выделен рассказ о собственно «преступлении» девушки:

Sofort mit Händen trug sie trocknen Staub heran,
Und krönte mit dreifachem Guß aus ehernem,
Kunstreich getriebenem Krüge dann den toten leib¹ [9. P. 171].

Воспроизводимая стражем картина возлияний над Полиником не лишена черт трагической живописности. В ней, с одной стороны, немое выражение человеческой скорби, а с другой – непреклонное исполнение нравственного долга. Достоинство, с которым Антигона, совершает обряд, передается в отмеченных внимательным стражем пластических и предметных деталях. Тургенев неслучайно соединяет в своем чтении этот фрагмент с последующей – после вопросов Креонта – репликой из дерзкого ответа девушки:

Auch nie so machtig achtete ich, was Du befehlist,
Und über ungeschriebnes, festes, göttliches
Gesetz hinauszuschreiten, eine Sterbliche² [9. P. 172].

Откровенная скорбь выливается в откровенное же возмущение, которое отстаивает свою правду и обличает неправоту противника. Тургеневу важен именно этот портрет Антигоны – борющейся в полном сознании того, что правда лежит на ее стороне, и бросающей тень сомнения на справедливость нового порядка. Свои силы и достоинство она черпает из преданности семейной чести и неписанному нравственному закону, против которых осмелился пойти простой смертный. Именно к положению рядового человека низводит Антигона всемогущего Креонта. Развивая эту логику развенчания тирана, Тургенев отмечает далее ее сомнения в справедливой сущности самой царской власти, которая при новом правителе выродилась в обыкновенный произвол:

Doch wie dem Herrscher andres Glück in Menge ward,
So darf er reden, darf er thun, was ihm beliebt³ [9. P. 173].

¹ Тут же руками принесла сухую пыль,
И венчала с троекратным возлиянием из медного
Тогда кувшина, искусно скрепленного, мертвое тело.

² Также никогда не почитала я всемогущим то, что ты повелел,
И пределы неписаного, твердого, божественного
Закона преступившего смертного.

³ Но в толпе возникло другое для правителя счастье,
Ему позволено говорить и делать то, что ему угодно.

Это очень серьезный упрек, который ставит под сомнение нахождение Креонта у власти, хотя еще в конце парода хором было заявлено, что «сын Менекеев» стал царем «по воле богов». То есть Тургенев в своей рефлексии снова сталкивает две позиции, каждая из которых имеет свое собственное право: Креонт – как наследный царь, Антигона – как хранитель и защитник семейной чести. И оба в глазах друг друга в равной степени видятся отступниками. Но Тургенев смотрит на происходящее глазами античного зрителя, поэтому позиция царя выглядит все более шаткой. Неслучайно из большой реплики Креонта, которая служит ответом на обвинения Антигоны в нарушении божественных законов (их подмене), писатель выбирает только два стиха:

Der trügerische Sinn verräth sich selbst zuvor,
Wenn Einer Arges ausgedacht im Finstern¹ [9. P. 173].

В них – продолжение уже намеченной Тургеневым линии в образе царя, связанной с чрезвычайной мнительностью правителя Фив, его необоснованной подозрительностью, что оказывается «постоянной характеристикой тирана в греческой литературе» [12. С. 43]. Однако читатель, акцентируя этот признак, на первый план выдвигает не столько саму деспотичную природу Креонта, сколько его мелочную сущность. Царь орудует пусть и средствами тирана, но в очень примитивных масштабах. Строки, выделенные писателем, адресованы Антигоне, но несут опасность Исмене, которая надуманно уличается в измене. Зритель же, как и Тургенев, «достоверно знает, что она всеми силами старалась отговорить сестру» [12. С. 44].

Еще одной – карандашной – пометой писатель выделяет новый выпад Креонта. Царь укоряет Антигону в том, что она устроенными Полинику похоронами бросает тень на другого брата:

Wie zollst du Gunst nun, die an Ihm ein Frevel ist?² [9. P. 174].

Ключевым в этом стихе является столкновение понятий *почитание* (*χάρις*) и *нечестивый* (*δυσσεβής*), что в целом указывает на еще одну категорию ценностного расхождения Антигоны и Креонта. Тургенев акцентирует трагическую разность определения героями человеческого *благочестья*. Царь стремится уязвить девушку, манипулируя ее чувствами к обоим братьям и признавая достойным только Этеокла. Полиник же, в его понимании, и после своей гибели остается врагом государства. А Антигона смотрит на юношей как на равных – и по праву рождения, и по праву смерти, поэтому оба оказываются достойны благочестья. Немецкий переводчик, грамматически выравнивая антитезу Креонта, передает ее двумя абстрактными существительными *Gunst* (*благоволение*) и *Frevel* (*святотатство*), но для Тургенева общий смысл оставался вполне прозрачным. Неслучайно он в пандан к этому отчеркивает не последующую, а пятую по счету и последнюю перед появлением Исмены реплику Антигоны:

¹ Ложный замысел сам первый себя выдает,
Когда кто-то задумал зло во тьме.

² Как можешь ты оказывать благоволение, которое для него – святотатство?

Nicht mitzuhassen pflege ich, mitzulieben nur¹ [9. P. 174].

Писатель придает особое значение тому, что бедная девушка противопоставляет предрассудкам царя самое позитивное начало жизни и этим превосходит его. При том что весь конфликт героев развивается в пределах антиномии *жизнь – смерть*, Антигона оказывается способна к тому, чтобы в собственном мироощущении уравнивать и взаимно сблизить «земное» и «подземное», Креонт же до последнего пренебрегает законами как Зевса, так и Аида.

Тургенев, следя за развитием этой антитезы, следующим своим читательским шагом отмечает две разные реплики Исмены и Антигоны, сопоставляя их друг с другом и словно соединяя в один диалог:

Ismene

In deinem Unglück aber acht ich's keine Schmach,
Die Mitgefährtinn durch das Meer der Noth zu sein.

<...>

Antigone

Du wähltest dir das Leben, ich das Sterben mir² [9. P. 175].

Эта словесная конструкция не может не вызвать параллели с рефлексией писателя в начале трагедии. Если в первом диалоге сестер Тургенев акцентировал моральный выбор, который Антигона предъявила сестре, то здесь он закрепляет или фиксирует непоколебимость ее этической позиции, которая прошла через испытание – нарушение запрета и арест – и предстала перед опасностью той самой казни, о которой сама же рассказывала Исмене. Ситуация как будто не просто повторяется, но переходит из плоскости вероятности в действительность. Исмена снова поставлена перед необходимостью нравственного решения, и в этот раз она оказывается готова на самопожертвование, но предмет и само значение искупления для нее навсегда утрачены, поэтому сестра отвергает этот благородный жест. Тургенев чередует ненужное и напрасное со-страдание Исмены с полным самоотречением по-прежнему уверенной в собственной правоте Антигоны, которая выполнила свой долг и с ним же потеряла (или исчерпала) для себя смысл дальнейшего существования. То, что именно эти слова о выборе в сторону смерти Тургенев сделал финальными в своей рефлексии над образом старшей дочери Эдипа, говорит о его интерпретации Антигоны как подлинно героической личности. При этом в том, как Тургенев выделяет реплику Исмены, есть одна особенность. Писатель ее не просто подчеркивает, но еще карандашом подчеркивает в ней глагол «sein» (быть) и ставит

¹ Забочусь я не о том, чтобы ненавидеть, но о том, чтобы любить.

² Исмена

В твоём несчастье, однако, я не считаю за позор
Быть тебе спутницей в море невзгод.

<...>

Антигона

Ты выбрала для себя жизнь, я для себя – смерть.

напротив знак вопроса. Если говорить о грамматике немецкого языка, то проблем с ней у Тургенева не могло возникнуть – здесь употреблена простая инфинитивная конструкция с частицей «zu», вполне доступная для перевода и понимания. Его вопрос связан именно с тем смыслом, что несет и вбирает в себя обозначенный глагол. В нем – отзвук «Гамлета», которого русский писатель читает практически одновременно, поскольку Антигона свое существование мыслит в пределах дилеммы *быть или не быть*, в нее же она заключила и судьбу сестры. Проблему жизни и смерти дочери Эдипа решают по-разному и на двух уровнях. Для Антигоны истинное бытие заключено в нравственном долге, что позволяет ей перед Креонтом без колебаний согласиться со смертью, т.е. *не быть*. Исмена обозначает себя в обратных координатах, и Тургенев акцентом на глагол «sein» отмечает ее невозможность разделить страдания сестры, которые определены именно целенаправленным движением в сторону физического небытия.

Вполне закономерно, что после короткой реплики Антигоны о жизни и смерти внимание Тургенева переходит к фигуре Креонта, устранивающего все возможные колебания и закрепляющего вынесенный приговор. Писатель одним штрихом подчеркивает первую строку в последней (для второго эпизода) речи царя:

Bei dir und mir. Nicht längre Zögerung denn!¹ [9. P. 175].

Этот стих – гневная реакция Креонта на вопрос хора о дальнейшей судьбе девушки. Фиванские старцы, испытывая жалость и сострадание, переспрашивают, действительно ли «смерть ее предрешена». Правитель оказывается неумолим, окончательно закрепляя за собой характеристику жестокого тирана. Важно, что Тургенева не заинтересовала произошедшая несколькими строками выше констатация того, что с казнью Антигоны сын Креонта лишится невесты, т.е. контрастная всему происходящему линия любви. Писатель останавливается именно на утвердительной форме рокового решения – неуклонном движении к смерти.

Свое комментированное чтение Тургенев останавливает практически на середине трагедии, не касаясь дальнейших событий, включая и раскаяние потрясенного Креонта. Сразу после ремарки «Antigone und Ismene werden in den Palast abgeführt» (Антигону и Исмену уводят во дворец) [9. P. 177] он карандашом рисует финальный знак в виде двух перекрещенных линий. Ставя для себя здесь своеобразную точку, писатель, таким образом, сосредотачивается в трагедии на борьбе равнозначимых великих закономерностей в развитии древнегреческого общества, олицетворением которых стали два противоборствующих героя Софокла. Такое прочтение конфликта «Антигоны» стоит в непосредственной близости от трактовки, предложенной Гегелем, чьи труды Тургенев упорно штудировал в Берлине.

Немецкий философ видел в столкновении Антигоны и Креонта выражение конфликта между семьей и государством. Уже в «Феноменологии

¹ У нас с тобой. Не продлевайте колебания!

духа» (1807) он скрыто развивает свою мысль о семье и общественности, божественном законе и человеческом сквозь призму этой трагедии. Показательно, например, его внимание к отношениям брата и сестры, в которых последней приписывается обладание «высшим предчувствием нравственной сущности» [16. Т. 4. С. 243]. В «Лекциях по философии религии», которые появились в печати уже в 1832 г., а в год тургеневского пребывания в Берлинском университете (1840) вышли дополненным изданием, Гегель называет «Антигону» «абсолютным образцом трагедии», где «пластически изображается коллизия двух высших нравственных сил». В качестве одной такой силы им приводится «семейная любовь, священное, внутреннее, принадлежащее к сфере чувства», а другой – «государственное право» [17. С. 155]. Принципиальным моментом для Гегеля является то, что каждая из этих двух сторон заключает в себе нравственное начало. Это указание он сделал еще в упомянутой «Феноменологии духа», неявно ссылаясь на трагедию Софокла. Нравственная сила Антигоны для философа очевидна, но с позиции морального равенства героев и Креонт тогда оказывается вовсе не тираном, он «не является неправым», поскольку «требует уважения к закону государства, к авторитету власти, оскорбление которой влечет за собой наказание». При этом Гегель правоту каждой стороны считает односторонней, так как обе они имеют «своим содержанием лишь одну из нравственных сил» – либо семейное право, либо государственное. Но даже односторонность не может помешать тому, что «значимость каждой из них взаимно *уравновешивается*» [17. С. 156] (курсив автора. – И.В., Э.Ж.). Наконец, в «Лекциях по эстетике» Гегель, подытоживая свои размышления об «Антигоне», лаконично и четко определяет силы трагического изображения: «...противоположность государства, нравственной жизни в ее духовной всеобщности, и семьи как естественной нравственности» [16. Т. 14. С. 378]. Действия Креонта и Антигоны снова уравниваются на основании их моральной принадлежности, при этом философ подчеркивает, что герои Софокла «сами по себе находятся во власти того, против кого они борются, и поэтому оскорбляют то, что они должны бы чтить согласно их собственному существованию» [16. Т. 14. С. 382]. То есть Антигона защищает семейное право, оставаясь дочерью царя и невестой царевича, а Креонт отстаивает интересы государства, будучи отцом и супругом.

Одновременно с Гегелем к интерпретации конфликта «Антигоны» обращается его коллега по Берлинскому университету, уже упомянутый преподаватель Тургенева по классической словесности Август Бёк. В 1824 г. он произнес в Королевской академии наук специальную речь о трагедии Софокла, которая спустя два года была опубликована. Можно не сомневаться, что Тургенев на лекциях по греческой литературе слышал из первых уст положение конфликта «Антигоны» именно в этой трактовке. Очевидно, испытывая влияние Гегеля, Бёк тоже смотрит на противостояние Антигоны и Креонта как на столкновение равновеликих сил. Но ученый не пошел по пути их оправдания и определения нравственной сущности поступка каждого, а остановился на идее «безмерного и страстного стремле-

ния, которое, возвышаясь, ведет к гибели» [18. Р. 72]. Его интересуют категории вины и наказания в пределах разыгравшегося в трагедии конфликта. По Бёку, каждый из героев повинен в том, что посягает на права другого, стремясь силой навязать свою собственную волю. Ключевым элементом в обоюдном разрушительном действии Антигоны и Креонта он называет бесконтрольно развившуюся в них страстную природу, которой каждый отдает полное преимущество: «страсть смущает человеческий разум и приводит к крушению» [18. Р. 76]. В соответствии с этим движущую силу всей трагедии Бёк находит не в нарушении семейных и общественных законов, божественных заповедей, а в «самонадеянности и опрометчивости» [18. Р. 80] самого человека. Кроме того, в интерпретации Бёка дочь Эдипа и царь Фив за непомерные гордость и эгоизм получают наказание, точно соответствующее их вине.

Пока студент Тургенев находился за границей, пьеса Софокла в русской культуре тоже стала предметом усиленной рефлексии. С выходом перевода Мартынова¹ «Антигона» нашла себе деятельного критика в лице Белинского, который (браня русский текст) серьезно занялся ею в начале 1840-х гг. и в собственной интерпретации не избежал уже распространившегося немецкого влияния. Размышляя в статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) об эпической сущности греческой трагедии, он по-гегелевски разводит Антигону и ее противника: «...в лице героини трагедии осуществлена идея естественного права семейственности, а в лице Креона – торжество государственного права, силы закона» [16. Т. 5. С. 28]. Отказывая героям в художественной индивидуальности, критик воспринимает их борьбу на уровне обобщения, т.е. как встречу народного и общественного (государственного) начал. Умозрительность Белинского далее немного приглушается, и через год он рассматривает Антигону как подлинно героическую личность, но конфликт (источник которого уже «внутренний и заключается в духовной натуре героя») по-прежнему понимается им в качестве столкновения «закона родственности» и «власти закона в гражданском обществе»: «...вся трагедия эта есть не что иное, как трагическая ошибка двух равно разумных и великих, но на этот раз враждебных начал» [16. Т. 6. С. 18]. Наконец, в 1843 г. во второй статье о пушкинских сочинениях критик придает трактовке новый оттенок: «страшная борьба романтического элемента с элементами религиозными, государственными и мыслительными». Романтической он называет любовь Антигоны к брату, «враждебно столкнувшуюся с законом гражданским» [16. Т. 7. С. 153].

Таким образом, Тургенев в момент осознанного чтения и глубокого восприятия трагедии Софокла имел в своем распоряжении две схожие в центральном положении, но развивающие самостоятельные линии научно-философские концепции. По возвращении же в Россию его контекст ин-

¹ 4 октября 1840 г. Белинский писал В.П. Боткину: «Я прочел все трагедии Софокла в гнусном переводе Мартынова, – и “Антигона” поразила меня больше всех» [19. Т. 11. С. 559].

терпретации расширился до бесед и тесного общения с Белинским. Из всего этого опыта он вынес твердую убежденность в том, что Антигона и Креонт представляют собой предельно самостоятельные характеры, соперничество которых происходит в равных для каждого условиях закономерности и целесообразности. Такого понимания трагического конфликта Тургенев придерживался на протяжении всей своей жизни. В 1881 г. писатель, как передает в своих воспоминаниях Я.П. Полонский, «развивая теорию трагического», сослался прежде всего на «Антигону» Софокла и определил ее конфликт как «коллизию двух идей, двух прав, двух равнозаконных побуждений». Тургенев спустя сорок лет, не забывая своих берлинских штудий, отдает должное и дочери Эдипа, и фиванскому царю:

«Она права, потому что весь народ точно так же, как и она, считает святым делом то дело, которое она совершила (погребла убитого брата). А в то же время тот же народ и Креона, которому вручил он власть, считает правым, если тот требует точного исполнения своих законов. Значит, и Креон прав, когда казнит Антигону, нарушившую закон» [1. Т. 2. С. 367].

Героев Софокла Тургенев ставит и оценивает перед лицом афинских граждан, в жизни которых семейное и общественное неразрывно связаны, составляют два равнозначных полюса существования. При этом русский писатель идет несколько дальше своих немецких учителей, противопоставляя поступку Антигоны не сам запрет на погребение Полиника, а именно роковое решение предать девушку смерти. То есть на первый план в трагическом конфликте для него выходит поступок, активное действие, задающее неразрешимое противоречие и обязательно нагруженное смертельной семантикой. Так же как и Гегель, он за каждым героем видит «высшую нравственную правду», но не «половинчатую», а целостную. В отличие от философа писатель их моральное достоинство обосновывает не опосредованно через отвлеченные категории, а в тесной соотнесенности с конкретностью жизни греческого народа.

По точному замечанию А.И. Батюто, в произведениях Тургенева «узловые конфликты русской действительности» нередко получали «античную огласовку» [20. С. 94]. В связи с трагедией Софокла, оказавшейся в поле его особой рефлексии в самом начале творческого пути, это утверждение более чем справедливо. «Антигона» послужила писателю важной конфликтообразующей основой при создании романа «Отцы и дети» (1862). Рисуя жизнь главных героев, противоположных по идеологической установке, Тургенев показал их нравственную сложность и противоречивость, в которых отразились равно важные принципы существования настоящей и будущей России. Принцип трагического равновесия характеров, определивший глубину исторического анализа, с психологической верностью стал основой построения центральных образов романа.

«Отцы и дети» вообще оказываются одним из самых антично насыщенных тургеневских произведений. Уже имена главных молодых героев – Евгений и Аркадий – несут знак древнегреческой культуры (Ευγενεΐς и Αρκάδος), а отец Базарова с первого своего появления на страницах романа

становится постоянным проводником древнеримского текста. Особенно же важно то, что главная идея произведения восходит к латинскому *nihil*, как это достоверно в самом начале устанавливает Николай Петрович. Если же говорить о собственно трагедии Софокла, то ее отзвуки можно слышать в романе на самых разных уровнях – как в центре, так и на периферии. Поколенческое соположение, заданное в названии, реализуется в произведении именно в логике античной трагедии как непримиримое, равнозначное и равнозначимое.

В период работы на «Отцами и детьми», когда дело близилось уже к завершению, Тургенев в контексте польского освободительного движения в письме к графине Е.Е. Ламберт накладывает на конфликт двух народов античную кальку: «...со времен древней трагедии мы уже знаем, что настоящие столкновения – те, в которых обе стороны до известной степени правы» [6. Т. 4. С. 346]. Это, конечно, «одно из характерных свидетельств творческих раздумий писателя над остропроблемным сюжетом своего романа» [20. С. 92]. «Антигона» Софокла оказалась для Тургенева необходимым средством осмысления противоречий современной действительности, плавно переходящего в ткань собственного художественного произведения. Заявленные в «Отцах и детях» «силы мнят себя исключительными носителями правды», они «неволью впадают в крайности и провоцируют катастрофу» [21. С. 96].

Если более конкретно примерить на тургеневский роман трагическую сетку Софокла, то можно обнаружить небезынтересное соответствие Евгения Базарова роли Креонта. Фиванский царь представлен человеком «строгого, неумолимо последовательного ума» [13. С. 225]. Олицетворяя собой закон и одновременно заключая в себе единоличную мощь, руководствуясь правовыми категориями, он вторгается в пределы семейного круга Антигоны, обрисованные четкими нравственно-религиозными нормами. Таким же образом молодой нигилист, всецело отдающий преимущество уму и мыслящий собственными категориями, являет свою колоссальную и вызывающую индивидуальность в уединенный мир семьи Кирсановых. Атмосфера и ход жизни в Марьино определены непрактичным, но чувствительным и добродушным нравом Николая Петровича. При этом существование провинциального дворянина лишено абсолютной гармонии, безмятежность была нарушена ранее процессами извне, к которым нужно было приспособиться (размежевание с крестьянами и устройство «фермы» ввиду подготовки крестьянской реформы). У Софокла хор рассказывает зрителю о несчастье братоубийственной войны, ставшей преддверием случившихся событий. Роковое знакомство и сближение Базарова с Аркадием находится вне рамок повествования, но именно к этому периоду последнего года обучения сына Кирсанова ведут истоки конфликта, что взорвет «единство живых сил национальной жизни» [21. С. 90]. Внесценическим же элементом в «Антигоне» являются похороны Этеокла и выставление тела Полиника для открытого осквернения. Дочь Эдипа, рассказывая обо всем в прологе, именно с этого момента отчитывает свое сознательное

противостояние вероломству Креонта. То есть Тургенев по канве античной трагедии не только укореняет главную коллизию, но представляет ее уже воплне способной к масштабному разрастанию, когда обстоятельства настоящего служат мощным катализатором. Внесценическую завесу в романе приоткрывает отец Аркадия, по которому новое знакомство сына ударяет сильнее всего. С появлением Базарова Николай Петрович впервые «ясно сознал свое разъединение с сыном» и «предчувствовал, что с каждым днем оно будет становиться все больше и больше» [22. С. 54]. Это разъединение отец мысленно не оставляет в качестве разрастания бреши только в лично-семейных отношениях, не ограничивает его лишь рамками «я и Аркадий», но проецирует на закономерность исторического развития как принадлежность «к двум различным поколениям» [22. С. 53] с их неперемнной последовательной сменяемостью. У Софокла конфликт тоже отнесен в более широкую плоскость, связанную как с судьбой рода Эдипа, так и с историко-культурной (в том числе мифологической) парадигмой древнегреческой цивилизации. При этом в античной трагедии показан и конфликт отца и сына на примере драматических отношений Гемона и Креонта.

Чрезвычайно примечательна сцена первой – утренней – словесной дуэли Базарова и Павла Петровича, в которой ярко обозначается «постоянный антагонизм взаимных воззрений» [22. С. 149]. Причем резкий диссонанс задается автором уже в своеобразном прологе к спору в главе V:

На террасе в течение нескольких мгновений господствовало молчание. Павел Петрович похлебывал свой какао и вдруг поднял голову.

– Вот и господин нигилист к нам жалуется, – промолвил он вполголоса.

Действительно, по саду, шагая через клумбы, шел Базаров. Его полотняное пальто и панталоны были запачканы в грязи; цепкое болотное растение обвивало тулью его старой круглой шляпы; в правой руке он держал небольшой мешок; в мешке шевелилось что-то живое. Он быстро приблизился к террасе и, качнув головою, промолвил:

– Здравствуйте, господа... [22. С. 26].

Здесь интересно то, каким образом Тургенев выстраивает противопоставление. Один небольшой отрывок содержит две симметричные по своему весу и внутренней сосредоточенности характеристики. Воцарившееся молчание отделяет этот эпизод от прошедшей неловкой ситуации при явлении Фенечки. Но возникшая пауза не остается только вынужденным промежутком, одновременно она встраивается в хронологию дворянской жизни в провинции. В этом молчании, в свою очередь, «господствует» Павел Петрович, который совершает обычный для него ритуал, медленно и размеренно попивая горячий шоколадный напиток – часть светских притязаний после возвращения из Петербурга. Его реакция на появление вдруг Базарова, сразу, как печатью, отмеченного им словом «нигилист», остается в рамках чувства дворянского достоинства. Павел Петрович обращает внимание на молодого гостя не без внешней снисходительности. Далее

автор делает уточняющее замечание, которое, обозначая середину, переносит акцент с фигуры аристократа на юного героя. В этом месте меняется не только объект, но и ритмика повествования. Если описание Павла Петровича укладывается в три коротких неразвернутых предложения, то представление Базарова дано в двух распространенных и осложненных, разделенных на относительно равные отрезки. В них всецело выражена натура нигилиста, связанная с вызывающей необычностью внешнего вида, которая намекает на неординарный же род занятий. Грязь на одежде, длинный зеленый стебель на шляпе и мешок с лягушками в руках – всё это приметы чуждого Павлу Петровичу мира, диссонирующего с его какао, но несколько не уступающего ему в своеобразии и значимости. Так Тургенев заявляет две «правды» русской жизни, емко воссоздавая разный образ поведения и сталкивая эти разности как по форме, так и по содержанию.

Само же словопрение на террасе стилистически напоминает допрос Креонтом уличенной в нарушении его приказа Антигоны (в немецком издании Доннера это стихи 506–521). Интересно, что и Базаров оценивает свой спор с Павлом Петровичем как допрос, но в случае Тургенева позиции противников зеркально противоположны. У Софокла эта часть второго эпизода построена в форме динамичного обмена короткими репликами объемом в один стих. При этом важную часть в нем составляют вопросы, большинство которых принадлежит Креонту. Царь здесь представляет позицию государственности, но не как ее защитник, а как само лицо Фив, персональное и единоправное их воплощение. Антигона выражает сторону семейной традиции, крепко сцепленную с божественным пантеоном. Ее положение оборонительное, но она ни на йоту не уступает предъявляемым претензиям Креонта. От начала и до конца это остается спор равных соперников. Чтобы склонить чашу весов в свою пользу, царь обращается к племяннице с тремя ключевыми вопросами, призванными указать на слабость и неправоту ее положения. Такими аргументами становятся расхождение с согражданами («Тебе не стыдно думать с ними розно?»), отрицание семейной связи с Этеоклом («А тот, убитый им, тебе не брат?») и, как следствие, пренебрежение к его памяти («За что ж его ты чтить непочитаньем?») [14. С. 165]. Каждое обвинение Антигона не просто отвергает, но перекрывает его контраргументами, содержащими собственную несомненную правоту. Функциональный смысл ее ответов Креонту в том, что она таким образом не обороняется и оправдывается, но парирует, сводя «удар» противника на нет, а точку спора возвращая в изначальное положение.

По такой же траектории строится и застольный диалог в доме Кирсановых. Аркадий уже сообщил отцу и дяде, какой формации принадлежит их гость. Братья пристально смотрят (в прямом и переносном смысле) на юного нигилиста, воображая перед собой человека без принципов, отрицающего авторитеты и всё подвергающего критике. Комплекс этих признаков явившегося к ним *homo novus* смущает и пугает Николая Петровича, а в Павле Петровиче вызывает гневное раздражение с четкой установкой на непримиримость. И именно последний вступает с Базаровым в

схватку, защищая свои верования и убеждения, наследственные и приобретенные, в которых не допускается и тени сомнения. Стратегия Павла Петровича – вызвать собеседника на противоречие с помощью череды коротких вопросов и попытаться опрокинуть возможную аргументацию. Но, как и Антигона у Софокла, Базаров легко парирует эти выпады предельно емкими фразами. Ответы юноши столь же точны, заключенная в них истина столько же проста, сколь и в трагедии Софокла. Он высказывает свое воззрение с неумолимой личной правотой и естественностью, которые сделали бы честь античной героине. Перебрасываясь репликами, Павел Петрович и Базаров поступательно развивают преимущественно одну тему: спор начался с вопроса о занятии физикой и заканчивается (обрывается) он на переходе от науки к «другим, в людском быту принятых, постановлениям» [22. С. 28]. При этом, как и следует ожидать, диалог движется неравномерно, разбиваясь на короткие вопросно-ответные промежутки. Такая отрывочность связана, с одной стороны, с нетерпением и раздражением Павлова Петровича, а с другой – с внутренней спокойностью Базарова, родственной внутренней же убежденности Антигоны, которая реагирует на допрос без лишних эмоций. Сдержанность нигилиста, особенно в первой половине спора, граничащая с равнодушием (Тургенев не случайно отмечает его «короткий зевок»), производит на «атаку» Павла Петровича затухающее действие. Кирсанов получает преимущественно односложную реакцию, не позволяющую крепко за себя уцепиться, и поэтому всякий раз ему приходится как будто заново обращаться к своему оппоненту. Характерны в его репликах междометия «вот как», «так, так», «так-с, так-с», которые выражают удивление и одновременно служат своеобразной точкой остановки, укрощающей стремительность возникающих вопросов.

Еще показательней выглядит вечерняя схватка аристократа и демократа (от др.-гр. ἀριστοκρατία и δημοκρατία), произошедшая две недели спустя. Уже более не формально, а содержательно она соотносится с началом упомянутого допроса Антигоны (стихи 439–506 в издании Доннера). Креонт спрашивает о причинах дерзкого поступка, и девушка отвечает ему тем, что самой жизнью своей подчиняется воле богов – универсальному закону для всех смертных, уходящему в незапамятную древность. Она утверждает приоритет нравственно-религиозного над правовой формальностью, которая кажется ей чистым произволом. Именно эта бескомпромиссная и беспримесная приверженность Антигоны своим убеждениям и верованиям, оказавшимся сильнее страха смерти, позволяет провести параллель с содержанием нового спора представителей двух поколений в Марьино, предметом которого становится русский народ.

Эта сцена полно обнажает существующие противоречия между героями, здесь они в наибольшей степени высказывают себя, свои убеждения, а сам их конфликт переходит на новый уровень – с индивидуально-личного на социокультурный. Павел Петрович и Базаров сходятся особенно жестоко в том месте, где выясняется польза их деятельности для *bien public*. Первый отстаивает аристократизм, проявляющийся в «чувстве собственного

достоинства» и «уважении к самому себе» [22. С. 47–48], как необходимость развития самосознания человека, а отсюда, по его мнению, проистекает и очевидное – фундаментальное – значение в устройстве всего общества. Базаров же противопоставляет всему этому отрицание и деконструкцию, необходимость отказа от прежних принципов и установившихся традиций. Тургенев сталкивает две крайности в их высшем проявлении, делая в итоге аренной решающего сражения судьбу русского крестьянства. Павел Петрович отказывает Базарову в преимуществе: «...я не хочу верить, что вы, господа, точно знаете русский народ, что вы представители его потребностей, его стремлений!» [22. С. 49]. И главным аргументом его становится патриархальная основа жизни – свято чтимые предания и верования, которые со всей очевидностью идут в разрез с новой «философией» («...прежде были гегелисты, а теперь нигилисты») [22. С. 25]. На порывистое возражение своего оппонента нигилист не отвечает несогласием – напротив, он сходится с ним в том, что для народа вековые традиции имеют определяющее значение. Базаров вновь на первый план своей позиции выдвигает отрицание, которое должно быть беспощадно и к вековым нравственно-религиозным обычаям: «Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним?» [22. С. 49–50]. Юноша, таким образом, противопоставляет себя древнему складу народного сознания, при этом «с надменной гордостью» подчеркивая, что сам корнями принадлежит к старорусскому простонародью: «Мой дед землю пахал» [22. С. 50]. Павел Петрович же предостерегает Базарова, презирающего русского мужика («Что ж, коли он заслуживает презрения!») [22. С. 50], он говорит ему, что народ не позволит «попирать ногами свои священнейшие верования» [22. С. 52] и даст сокрушительный отпор на такое посягательство. Эти верования и патриархальные традиции русского народа, ставшие камнем преткновения в споре провинциального дворянина и провинциального же нигилиста, очень точно по своей роли в идейном конфликте соответствуют благочестию Антигоны. Героиня Софокла отстаивает свою духовную культуру в рамках семейного существования, защищает ее священные устои от посягательств человеческого индивидуализма и эгоизма, представленные Креонтом. Хотя у Тургенева Павел Петрович не наделен такой непосредственной связью с народной средой, даже наоборот, его аристократизм в обращении с крестьянами и в отношениях к крестьянству приобретает весьма причудливые формы («говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон», «на письменном столе у него находится серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя») [22. С. 34, 187], но для него именно на патриархальности русского быта прочно стоит благочестие уже собственно дворянское. И эта парадоксальность тоже имеет глубокие основания в историко-культурном прошлом, поэтому старший Кирсанов и защищает так рьяно с дворянским сентиментализмом народные верования от «покушений» нигилизма, сознавая зависимость одного от другого. Патриархальность низших здесь крепко сцеплена с консерватизмом высших. Вполне закономерно, что в качестве примеров того, что «бы не вызвало полного и беспощадного отрица-

ния» [22. С. 53], он называет Базарову сначала общину, а затем семью, «как она существует у наших крестьян».

Как и у Софокла, прения Павла Петровича и Базарова заканчиваются тем, что каждый остается при своем мнении и равно правым, хотя эта правда и оказывается, словно по Гегелю, односторонней. Страстно высказываемая самоуверенность обнажает в обоих одноплановость воззрений. Правда Павла Петровича в том, что «жизнь, с ее готовыми, исторически возвращенными формами может быть умнее отдельного человека или группы лиц» [21. С. 98]. Подобно Антигоне он настаивает на уважении к издревле сложившимся формам народного сознания. Громовержец Зевс и Илья-пророк в колеснице олицетворяют у Софокла и Тургенева одну и ту же тенденцию значимости народного верования в национальных масштабах, определенности ею жизни большинства. Не случайно русский дворянин особо отмечает, что нигилисту придется бороться с миллионами людей. Но обратная сторона в словах Павла Петровича, одержимого «словной спесью и гордыней», заключается в том, что он в безусловном доверии к опыту прошлого не предполагает «проверки его жизнеспособности» [21. С. 98] для настоящего и будущего. Эта позиция отличает Тургенева от точки зрения древнегреческого трагика, который выделяет индивидуализм Антигоны, но авторски не подвергает сомнению ее внутреннюю убежденность, религиозно-нравственное содержание ее речей, что для античной драмы вполне естественно. Сила и слабость Базарова в возникшем словопрении тоже ясно проявлена писателем. Юный нигилист прав в своем требовании действия («все только болтать о наших язвах не стоит труда») [22. С. 50] и недоверии к затверженным истинам, замедляющим развитие как жизни, так и самой истории. Но его отрицание принимает кардинальные формы, грозящие при их непосредственном воплощении смести на своем пути и те основы, что составляют непреходящие ценности. И в этом плане интуитивного отказа – «я придерживаюсь отрицательного направления – в силу ощущения» [22. С. 121] – от существующих норм Базаров очень сходен с Креонтом, точно так же единолично заявляющим о своем праве поступать по велению собственного *ощущения*. Отличие только в том, что чувство закона у него неразрывно связано с царской властью и ею же деформировано, тургеневский же герой исходит из естественно-научного направления, которое, однако, тоже в своем абсолютном применении приводит к искажению и непониманию природно-человеческих явлений.

Презрение к русскому мужику, в котором Базаров откровенно и не без гордости признался перед Кирсановым («...мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке») [22. С. 49], позже обернется для героя неутешительным следствием. В XXVII главе, где описаны последние дни Базарова, Тургенев дает небольшую интермедию – разговор нигилиста и мужика в деревне. Он подтрунивает над представителем «всей силы и будущности России», с которого «начнется новая эпоха в истории», и задает ему очень важный вопрос: «Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир? – перебивал его Базаров, – и тот ли это самый мир, что

на трех рыбах стоит?» [22. С. 172]. На первый взгляд, здесь, конечно, звучит неприкрытая насмешка над примитивностью все тех же патриархальных верований и вековых заблуждений. Но в то же время этот вопрос в самой своей форме не случаен, в нем серьезный интерес к бытийной сфере, к тем самым цивилизации и основам человеческой личности, которые горячо защищал Павел Петрович. Базаров формулирует его именно так, поскольку собственное представление о мире пошатнулось и «вышло из пазов», как у шекспировского Гамлета. И ответ мужика для героя вполне очевиден, так как содержит все те же старозаветные истины, не позволяющие переменить пренебрежительное к нему отношение: «Это, батюшка, земля стоит на трех рыбах, а против нашего, то есть, миру, известно, господская воля; потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику». Поэтому, «выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся» [22. С. 172]. Но важна ремарка, которой автор сопровождает глубокомысленное изречение мужика. Крестьянин объясняет барину устройство своего существования «успокоительно, с патриархально-добродушною певучестью». И эти достоинства снисходительного и кроткого мудрствования проходят мимо Базарова. При этом короткая беседа с нигилистом, в свою очередь, далее оказывается достоянием мужицкого разговора, принявшего уже противоположную тональность:

– О чем толковал? – спросил у него другой мужик средних лет и угрюмого вида, издали, с порога своей избы, присутствовавший при беседе его с Базаровым. – О недоимке, что ль?

– Какое о недоимке, братец ты мой! – отвечал первый мужик, и в голосе его уже не было следа патриархальной певучести, а, напротив, слышалась какая-то небрежная суровость, – так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает? [22. С. 172–173].

В полном и настоящем виде Базаров получает презрение в ответ, хотя оно до него не доходит, но даже если бы и коснулось его уха, то вряд ли произвело бы какое-то серьезное действие. «Небрежная суровость» крестьянина служит проявлением той самой силы, о которой говорил и предостерегал нигилиста Павел Петрович.

Вся эта сцена может служить аллюзией на разговор Креонта и стража, мимо которого Тургенев не прошел еще во время чтения. Царь Фив проявляет подобное же небрежение к надзирателю, не принимая во внимание сложность и неоднозначность его природы. Страж оказывается много выше своего звания, ему доступно осмысление меры собственной вины и невиновности, равно как и пределы царской справедливости и неправоты. Его душевные колебания и попытку разобраться в происходящем, четко обозначив личную степень участия, Креонт с презрением отвергает, выдвигая подозрения в подкупе и считая всю рефлексию лишь пустой болтовней. Диалог не лишен и комичности, создаваемой, например, уточняющим вопросом стража о том, что больше тревожит весть о погребении Полиника: «Душе она противна иль ушам?» [14. С. 158]. Сам по себе его вопрос

вполне серьезен, так как это способ растолковать царю, что принесший дурные известия и нарушитель запрета – это абсолютно разные лица, из которых наказание следует только последнему: «Душе виновник мерзок, я – ушам» [14. С. 158]. Но возникающий вдруг вслед гневной тираде Креонта, он производит эффект иронии, которой, например, будет искусно мучить своего хозяина шут короля Лира. Однако страж таким образом надеется лишь уберечься от царского гнева, при этом он позволяет себе высказывание, способное в один миг своей двусмысленностью поставить его на край пропасти: «Увы! / Как плохо, коль судья неправо судит» [14. С. 158]. Намек на жестокое заблуждение и надменный самообман, кроющийся в этой фразе, отзывается в реплике русского мужика, касающейся до барина: «...разве он что понимает?». И у Софокла, и у Тургенева это знак трагического разрыва между титанической личностью и «маленьким человеком», который ударяет именно по главному герою и оборачивается для него полной катастрофой.

При всем несходстве Павла Петровича и Базарова Тургенев наделяет их характеры одной общей чертой – страстью. Именно этим гипертрофированным чувством Август Бёк определял глубину заблуждений и конфликта Антигоны и Креонта. В одиннадцатой главе романа, противопоставляя чувствительности Николая Петровича «шегольски-сухую» душу его брата, которая «не умела мечтать» [22. С. 57], писатель называет страсть одним из присущих ей качеств. Именно страстно Павел Петрович влюбился в таинственную княгиню Р., что заставило его испытать как наслаждение, так и тяжелые муки, терзания, ревность («сердце всё ныло») [22. С. 31]. Примечательно, что в истории этой любви появляется примета другой трагедии Софокла. Кирсанов подарил княгине «кольцо с вырезанным на камне сфинксом» [22. С. 31], добавив, что она и есть этот сфинкс. Изображение отсылает ко встрече Эдипа с мифическим животным¹, имеющим тело льва и голову женщины. Роковая дама петербургского света сравнивается с препятствием на пути будущего царя Фив. Преподнося княгине Р. кольцо, Павел Петрович чувствует себя побежденным, в отличие от Эдипа, которому удалось разгадать загадку сфинкса и сокрушить его. Но после ее смерти Кирсанов получает обратно кольцо, по которому возлюбленная провела «крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка» [22. С. 32]. Княгиня-сфинкс, казалось бы, повержена временем, поэтому изображение перечеркнуто – у Софокла мифический зверь бросился

¹ Образ сфинкса из трагедии Софокла интересовал И.С. Тургенева на протяжении всего творчества. Характерна проведенная им параллель между мифическим животным и Россией в письме к П. Виардо от 16 мая 1850 г.: «Россия – эта мрачная громада, неподвижная и окутанная облаками, словно Эдипов сфинкс, – подождет. Она меня поглотит позднее. Мне кажется, что я вижу ее неподвижный взгляд, остановившийся на мне с угрюмой пристальностью, подобающей каменным очам. Будь покоен, сфинкс, я к тебе еще вернусь, и ты сможешь пожрать меня в свое удовольствие, если я не разгадаю твоей загадки. Оставь меня еще ненадолго в покое! Я возвращусь в твои степи» [6. Т. 2. С. 337].

в пропасть, – но Кирсанову, как и Эдипу, нет покоя до конца его дней. Над героем трагедии довлеет рок, у Тургенева разгоревшаяся страсть огнем прошла по душе Павла Петровича («обжегся» – так говорит про него Базаров). Но страстная природа все еще дает о себе знать, отсюда – ожесточенность в споре («перебил», «возопил», «воскликнул», «закричал») и ненависть к нигилисту, ревность из-за Фенечки и дуэль в качестве кульминации.

Страсть Базарова тоже символизирует неугасимое пламя, вспыхивающее ярко и молниеносно. Ее выражение происходит преимущественно в двух других чувствах – гордости и любви. Первая составляет одно из главных свойств натуры Базарова, именно она так претит (соперничая с его собственной) Павлу Петровичу, который называет ее «почти сатанинской». Самолюбие нигилиста развилось чрезвычайно, опора на собственные силу и правоту составляет фундамент всего существования. Оскорбленная гордость ведет к ответному взрыву, сметающему противника с пути. Такое действие воображается Базаровым, когда последовал вызов на поединок от Павла Петровича. После его ухода он размышляет о том, что было бы, если бы ему пришлось отказаться от дуэли: «...ведь он меня, чего доброго, ударил бы, и тогда...» [22. С. 142]. Тургеневское многоточие не просто передает паузу в мыслях героя, а указывает на внутренний процесс разрастания его горделивой природы, когда она готовится отомстить за потенциально испытанное унижение: «вся его гордость так и поднялась на дыбы» [22. С. 142]. Итогом же раздумий Базарова в атмосфере грозного чувствования становится безусловная решимость: «Тогда пришлось бы задушить его, как котенка» [22. С. 142]. А когда в душе Базарова рождается и развивается любовь, она вступает в острое противоречие с его самонадеянностью: «...что-то другое в него вселилось, чего он никак не допускал, над чем всегда трунил, что возмущало всю его гордость» [22. С. 87]. Реакцией на новое для него чувство делается попытка сдержать себя: «топал ногою или скрежетал зубами и грозил себе кулаком» [22. С. 88]. Анатомия глаза, прежде единственно определяющая «отношения между мужчиной и женщиной», после встречи с Одинцовой оборачивается презренным романтизмом. Базаров, как и Креонт, не мыслит себя в зависимости от противоположного пола. Герой Софокла во что бы то ни стало не желает допустить того, чтобы Антигона имела перед ним хоть малейшее преимущество: «И женщине не должно уступать. / Уж лучше мужем буду я повергнут, / Но слыть не стану женщины рабом» [14. С. 172]. Слова Базарова в этом же русле звучат как будто измененной цитатой из трагедии: «...лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца» [22. С. 104].

Непримиримые противоречия, которые обнаруживаются в Базарове после встречи с Одинцовой, по точному замечанию Ю.В. Лебедева, переносят конфликт романа из внешнего во внутренний план [21. С. 103]. Герой начинает задаваться вопросами о смысле жизни, своем месте в большом мире и границах, возможностях притязания на него. Но вопросы остаются без ответов, что и мучает Базарова, который уже не может совладать с «философией», насильно раздвинувшей его горизонты. Совершающаяся в герое перестановка делает

сходными его трагические переживания с перипетиями души софокловой Антигоны. Особенно это касается феномена смерти, которая как никогда начинает волновать нигилиста. Если ранее он не видел в ней ничего выдающегося, признавая лишь физиологическим процессом прекращения жизнедеятельности человеческого организма, то в новых обстоятельствах она открывается загадочным, пугающим и непознаваемым явлением. Характерно размышление Базарова о бездне, что может ежеминутно разверзнуться под человеком, который «на ниточке висит» [22. С. 104]. Конечность собственной жизни и потому ограниченность личных усилий наполняют его прежде безмятежное мироощущение подлинным трагизмом: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...» [22. С. 119]. Так же как и Антигона, Базаров проходит путь обретения и принятия смерти в качестве неизбежной участи. Но для дочери Эдипа это движение с самого начала совершается в полной готовности и без затруднений философского характера. В герое же Тургенева смерть вызывает масштабную рефлексию, сопоставимую с аналитизмом Гамлета, который задается практически теми же вековечными вопросами.

Особое значение Софокл придал последнему явлению Антигоны, осужденной на заточение в пещере. Ему было важно, чтобы зритель, «независимо от ее правоты или виновности», проникся «состраданием к девушке, уходящей из жизни, когда она еще только начинается» [12. С. 63]. Антигона выходит с песнями-жалобами, в которых тема преждевременной смерти осмысливается через мотивы одиночества и тоски безбрачия. Искренние и трогательные в своей простоте причитания открывают перед зрителем уже не героическую личность, которая самоотверженно идет на жертву, но человека из плоти и крови, чьи лишения и страдания хорошо понятны и доступны. Она сетует на горькое сиротство и покинутость, которые лишают ее последнего утешения в сочувствии родных и друзей. И единственное, что ей остается, это обратиться к согражданам и окружающей природе:

Ты, о мой город! И вы,
Знатные города люди!
О источник Диркейский, о роша
Знаменитых ристаньями Фив! [14. С. 179].

Но если афиняне, страшась царского гнева, не могут оказать ей поддержку, то вечная природа безмолвно отвечает ей торжеством и великолепием. Еще более тяжело ей сознавать свой уход «в обитель мертвых» в пору полноты жизненных сил и совсем не реализованных возможностей. Отбранную у нее будущность Антигона связывает с естественными для древнегреческой культуры обстоятельствами – брак и материнство как наиболее важные в женской судьбе: «Безбрачную, без свадебных напевов, / Младенца не кормившую» [14. С. 181]. Ведомая стражей к своей последней участи, она получает окончательное понимание того, что «перед лицом богов с их непостижимыми замыслами» [12. С. 66] активность человека ограничена. Однако даже в отчаянии дочь Эдипа не отказывается от той личной правды, которая

и привела ее на казнь: «Я соблюла закон...» [14. С. 181]. Хотя совсем сдерживать ропот в сторону богов, допускающих несправедливость, она тоже не в силах: «...но коль ошиблись боги, / Не меньше пусть они потерпят зла, / Чем я сейчас терплю от них неправды» [14. С. 182]. Окончательную же точку, по ее мнению, должно поставить время, и будущее само определит и обличит того, кто жестоко заблуждался.

Приговоренный к смерти из-за случайного пореза герой Тургенева обьят похожими переживаниями. Прежде всего его мучает сознание того, что воплотить себя, свою амбициозную природу он уже не сможет: «И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта – как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет...» [22. С. 183]. Так же, как и в случае Антигоны, смерть является герою в самый расцвет его сил, обрывает развитие перед той порой, когда должно начаться главное строительство жизни. Утрата тщеславной позиции «гиганта», о которой он прежде мыслил вполне серьезно и о которой так уверенно заявлял перед Павлом Петровичем, заставляет его зло иронизировать над самим собой. При ясном сознании неотвратимости гибели Базаров делает доминантой в размышлениях последних дней оппозицию «я и смерть»: «Со мной кончено. Попал под колесо. И выходит, что нечего было думать о будущем. Старая штука смерть, а каждому внове» [22. С. 182]. Это снова не просто обособленное философствование, связанное с отвлеченным обращением к вечным вопросам, или умозрительные построения в направлении конечного и бесконечного. Как и Антигона, оплакивающая потерянное будущее, Базаров предельно конкретен в собственных неутешительных думах, обязательно вписывая себя и свою судьбу в общую парадигму *жизнь – смерть*. Он даже провел «научный опыт», когда взял «за ножку тяжелый стол, стоявший возле дивана, потряс его и сдвинул с места» [22. С. 178]. Ему трудно или почти невозможно согласиться с тем, что этот крепкий и полнокровный сосуд, вмещающий такой могучий дух, должен разбиться, а жизнь вместе с ним – оборваться: «Сила-то, сила, – промолвил он, – вся еще тут, а надо умирать!» [22. С. 178]. Подобно Антигоне Базаров в своей смерти видит жестокую несправедливость, а также находит в ней какое-то искусственное, противоестественное уравнивание молодости и старости, сопоставляя себя с тем мужиком, от которого он и заразился тифом: «Старик, тот, по крайней мере, успел отвыкнуть от жизни, а я...» [22. С. 178]. Антигону познать собственное бессилие заставляет рок, Базаров же ограниченность человеческих чаяний и предположений усваивает в столкновении со стихией русской жизни. Но, как античный герой, нигилист не отбрасывает в страхе и отчаянии основу своего мировоззрения, не предаёт то, что считал своей истиной, а сохраняет стойкость и верность себе: «Все равно: вилять хвостом не стану» [22. С. 183]. В то же время, если Софокл представляет плачущую Антигону зрителям в естественно-обыкновенном, непосредственном виде, снимая с нее героический ореол, то Тургенев позволяет Базарову, которому недопустимо сочувствие природы, последние сентиментальные проявления –

свидание с Одинцовой. Именно в финальном объяснении с женщиной своей несчастной любви он разоблачается, метафорически снимает тот «длинный балахон с кистями», в котором его увидел читатель в начале романа, и является человеком с бьющимся сердцем. Заключительные слова Базарова, обращенные к Одинцовой исполнены глубокой поэзии:

– Прощайте, – проговорил он с внезапной силой, и глаза его блеснули последним блеском. – Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет... [22. С. 183].

И для высоты их звучания, особой выразительности Тургенев прибегает к строкам А.С. Пушкина. Ранее это никем не было отмечено, но здесь писатель скрыто цитирует стихотворение «К Морфею» (1816): «Приди, задуй мою лампаду, / Мои мечты благослови!» [23. С. 217], и строит аллюзию на его лирический сюжет. У Пушкина поэт призывает временное забвение для встречи с любимой, Тургенев же вечный сон Базарова предвдвывает милым образом и дает ему благословение: «Анна Сергеевна приложила губами к его лбу» [22. С. 183]. Однако гармония лишь мгновенна, поэтические линии вновь сменяет трагедия, и последними из уст героя звучат чуть измененные слова умирающего Гамлета: «Теперь... темнота...» (см.: [24. С. 21]).

В смерти Базарова нельзя не заметить действие трагической иронии, которая тоже имеет античную природу. У Софокла в ее власти оказывается судьба Креонта. На примере царя Фив ирония доказывает бессилие человеческого разума – даже такого властного и всеобъемлющего – перед высшими силами, которые в трагедии олицетворяют предопределение, фатум. Креонт, «руководясь благовидными мотивами» [25. С. 237], защищая государственность от посягательств одной личности, сам неуклонно стремится к своей гибели. В его действиях и решениях – от приказа предать тело Полиника поруганию до смертельного приговора Антигоне – сквозит другая тайная сила, «насмехающаяся над человеком, ловящая его на приманку его собственного разума и ведущая его туда, куда ей угодно» [25. С. 238]. В этом плане свою закономерность имеет случайная гибель Базарова, вернее, та неосторожность, что привела к ней. Самоуверенный колосс при обычном и привычном для его мастерства вскрытии умершего мужика допускает непростительную оплошность. Его презрительно-надменное убеждение в том, что «мы с тобой те же лягушки, только что на ногах ходим» [22. С. 21–22], оборачивается против него самого. Оказывается, препарировать лягушек и анатомировать человека – это две большие разницы, теория терпит крушение перед природой. Смеется над героем и русская действительность в лице уездного лекаря, у которого не оказалось адского камня. Гигант Базаров становится в положение совершеннейшей беспомощности перед лицом русской жизни. Трагическое заблуждение относительно глубины и неоднозначности человеческого мира приводит героя к трагическому же исходу. «Перед лицом смерти слабыми оказались опоры, поддерживающие некогда базаровскую самоуверенность: медицина и естественные науки, обнаружив свое бессилие, отступили, оставив Базарова наедине с самим собой» [21. С. 112]. При этом очень важно, что крушение нигилиста происходит не в столице,

где, казалось бы, его теория могла бы получить достойного соперника в том же естественно-научном роде, но именно в провинции, которая встретила его «людьми низшими» («...он никогда не потакал им и обходился с ними небрежно») [22. С. 21] – двумя дворовыми мальчишками, а последним ему на пути встречается русский мужик, «тот самый таинственный незнакомец, о котором некогда так много толковала госпожа Ратклифф» [22. С. 147].

Соблюдая софоклово правило трагического равновесия, Тургенев противопоставляет реальной кончине Базарова символическую смерть Павла Петровича, который – подобно Креонту – уже после дуэли смиряется, признает неправоту своих аристократических амбиций и даже начинает «думать, что Базаров был прав» [22. С. 153]. Повествователь замечает о нем, что его «красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца» [22. С. 154]. И если бы на этом речь остановилась, то можно было бы считать слова о мертвеце лишь обычным сравнением, касающимся только внешнего вида Павла Петровича, еще не оправившегося от болезни вследствие ранения. Но после многоточия следует авторская ремарка: «Да он и был мертвец» [22. С. 154]. И эта деталь символически указывает уже не на временное состояние Кирсанова, а констатирует его гибель как человека, окончательно утратившего смысл существования, чья дальнейшая судьба будет подобна бесцельной жизни Креонта или даже безжизненным странствиям слепого Эдипа.

После публикации «Отцов и детей» Тургенева продолжает занимать выстроенное Софоклом противоречие, и он развивает его с помощью другого трагического героя – короля Лира Шекспира. Как и Бёк, писатель на первый план выдвигает категорию вины, но делает это не с тем, чтобы указать на отрицательный полюс в характере или поступках действующих лиц, а для дополнительной акцентуации амбивалентности человеческого положения. Тургенев берет формулу короля Лира «нет в мире виноватых» и превращает ее в антиномию, дополняя собственными словами «но нет и правых» (курсив мой. – И.В.) [26. С. 20, 271–273]. Такой аспект осмысления трагического равновесия, очевидно, зарождался еще в недрах романа, поскольку в очень похожих координатах шекспировской неопределённостью воспользовался Базаров, когда на вопрос Аркадия о правде («Да правда-то где, на какой стороне?») отвечал: «Где? Я тебе отвечу, как эхо: где?» [22. С. 120].

Список источников

1. *И.С. Тургенев* в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Худож. лит., 1983.
2. *Озеров В.А.* Эдип в Афинах. СПб., 1823. 72 с.
3. *Oeuvres de J.F. Ducis.* Paris, 1826. Т. 2. 473 p.
4. *Мельникова Т.В.* Идеино-художественные функции литературной пародии в творчестве И.С. Тургенева и классицизм XVIII–XIX вв. // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. 2014. № 8 (2). С. 69–71.
5. ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 393–397.
6. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982 (издание продолжается).
7. *Колбасин Е.Я.* Иван Иванович Мартынов, переводчик «Греческих классиков» // Современник. 1856. № 3. С. 1–46.

8. *Sophoclis Ajax* / Commentario perpetuo illustravit Ch.A. Lobeck. Lipsiae, 1830. 506 p. // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1957.
9. *Sophokles* / Hrsg. von J.J.C. Donner. Heidelberg, 1839. 492 S. // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1596.
10. *Boetius S.* Die Wiedergeburt der griechischen Tragödie auf der Bühne des 19. Jahrhunderts. Tübingen : Niemeyer, 2005. 366 p.
11. *Ярхо В.Н.* Собрание трудов. Древнегреческая литература: трагедия. М. : Лабиринт, 2000. 350 с.
12. *Ярхо В.Н.* Трагедия Софокла «Антигона». М. : Высш. школа, 1986. 109 с.
13. *Зелинский Ф.Ф.* Софокл и его трагедийное творчество. СПб. : Алетейя, 2017. 414 с.
14. *Софокл.* Трагедии / пер. с др.-гр. С.В. Шервинского. М. : ГИХЛ, 1958. 463 с.
15. Софокл. Драмы. М. : Наука, 1990. 605 с.
16. *Гегель Г.* Сочинения : в 14 т. М. : ИСЭЛ, 1929–1958.
17. *Гегель Г.* Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1977. Т. 2. 578 с.
18. *Voeckh A.* Über die Antigone des Sophokles // Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften in Berlin. Auf dem Jahre 1824. Berlin, 1826. P. 41–88.
19. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1953–1959.
20. *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л. : Наука, 1972. 387 с.
21. *Лебедев Ю.В.* В середине века. М. : Современник, 1988. 382 с.
22. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1981. Т. 7. 557 с.
23. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. М. : АН СССР, 1962. Т. 1. 534 с.
24. *Волков И.О.* Поэтика образа Гамлета в романном творчестве И.С. Тургенева // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 14–26.
25. *Краузе А. и М.* История греческой литературы. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 700 с.
26. *Волков И.О.* Уильям Шекспир в художественном мире И.С. Тургенева («Гамлет» и «Король Лир») : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2019. 369 с.

References

1. Petrova, S.M. & Fridlyand, V.G. (eds) (1983) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov* [Ivan Turgenev in the Memories of His Contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Ozerov, V.A. (1823) *Edip v Afinakh* [Oedipus in Athens]. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Ducis, J.F. (1826) *Oeuvres de J.F. Ducis*. Vol. 2. Paris: [s.n.].
4. Mel'nikova, T.V. (2014) Ideyno-khudozhestvennye funktsii literaturnoy parodii v tvorchestve I.S. Turgeneva i klassitsizm XVIII–XIX vv. [Ideological and artistic functions of literary parody in the work of Ivan Turgenev and classicism of the 18th – 19th centuries]. *Naukoviy visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Seriya: Filologiya*. 8 (2). pp. 69–71.
5. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 393–397.
6. Turgenev, I.S. (1982–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow: Nauka.
7. Kolbasin, E.Ya. (1856) Ivan Ivanovich Martynov, perevodchik “Grecheskikh klassikov” [Ivan Ivanovich Martynov, translator of the “Greek Classics”]. *Sovremennik*. 3. pp. 1–46.
8. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 1957. Lobeck, Ch.A. (ed.) (1830) *Sophoclis Ajax*. Lipsiae: [s.n.].
9. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 1596. Donner, J.J.C. (ed.) (1839) *Sophokles*. Heidelberg: [s.n.].
10. Boetius, S. (2005) *Die Wiedergeburt der griechischen Tragödie auf der Bühne des 19. Jahrhunderts*. Tübingen: Niemeyer.

11. Yarkho, V.N. (2000) *Sobranie trudov. Drevnegrecheskaya literatura: tragediya* [Collected Works. Ancient Greek Literature: Tragedy]. Moscow: Labirint.
12. Yarkho, V.N. (1986) *Tragediya Sofokla "Antigona"* [Antigone, a Sophocles' Tragedy]. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Zelinskiy, F.F. (2017) *Sofokl i ego tragediynoe tvorchestvo* [Sophocles and His Tragedies]. Saint Petersburg: Aleteyya.
14. Sophocles. (1958) *Tragedii* [Tragedies]. Translated from Ancient Greek by S.V. Shervinskiy. Moscow: GIKhL.
15. Sophocles. (1990) *Dramy* [Dramas]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Nauka.
16. Hegel, G. (1929–1958) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Moscow: ISEL.
17. Hegel, G. (1977) *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
18. Boeckh, A. (1826) *Über die Antigone des Sophokles. Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften in Berlin. Auf dem Jahre 1824*. Berlin: [s.n.]. pp. 41–88.
19. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: USSR AS.
20. Batyuto, A.I. (1972) *Turgenev-romanist* [Turgenev the Novelist]. Leningrad: Nauka.
21. Lebedev, Yu.V. (1988) *V seredine veka* [In the Middle of the Century]. Moscow: Sovremennik.
22. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
23. Pushkin, A.S. (1962) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. Vol. 1.
24. Volkov, I.O. (2019) The image of Hamlet poetics in I.S. Turgenev's novels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 444. pp. 14–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/444/2
25. Krauze, A. & Krauze, M. (2008) *Istoriya grecheskoy literatury* [History of Greek literature]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
26. Volkov, I.O. (2019) *Uil'yam Shekspir v khudozhestvennom mire I.S. Turgeneva ("Gamlet" i "Korol' Lir")* [William Shakespeare in the artistic world of Ivan Turgenev (Hamlet and King Lear)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Информация об авторах:

Волков И.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Жилыкова Э.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.O. Volkov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

E.M. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 29.05.2022;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 821.133.1
doi: 10.17223/19986645/84/7

Способы социальной адаптации в романе Стендаля «Красное и черное»

Наталья Владимировна Кузнецова¹

¹*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
nataly-journ@yandex.ru*

Аннотация. Изучается вопрос о способах приспособления в романе «Красное и черное», сходного с адаптацией живых организмов в дикой природе. Приводятся доказательства того, что Стендаль, наряду с психологизмом и рационализмом, интересовался телесной стороной человеческого существования. Выделяются три основных способа адаптации: партнерство («симбиоз») – взаимовыгодное сотрудничество; приспособление («мимикрия») – подражание или маскировка; борьба («хищничество») – соперничество за право доминирования.

Ключевые слова: Стендаль, «Красное и черное», французская литература, телесность, адаптация, социальное поведение

Для цитирования: Кузнецова Н.В. Способы социальной адаптации в романе Стендаля «Красное и черное» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 141–158. doi: 10.17223/19986645/84/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/7

The modes of social adaptation in Stendhal's novel *The Red and the Black*

Natalia V. Kuznetsova¹

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
nataly-journ@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the problem of human adaptation in society on the example of Stendhal's novel *The Red and the Black*, which is similar to the adaptation of organisms in the wild nature. First of all, it was necessary to prove Stendhal's interest in the natural and corporeal elements in human beings. A lot of critics associated Stendhal's works exclusively with psychological and rational aspects. Émile Zola accepted Stendhal's influence on the formation of naturalism in literature, but he also criticized Stendhal's portrayal of people and the environment: in particular, he claimed the "mechanicalness" of his characters as well as the disconnection between the individuals and the external (natural) environment, and excessive rationality. The article proves the categorical and wrong character of such a view. Among the ways of adaptation to the external environment, which is shown life-threatening, literally, the author of the article managed to distinguish: 1) partnership ("symbiosis");

2) imitation (“mimicry”); 3) struggle (“predation”). Julien Sorel’s relationship with Mme de Rênal and l’Abbé Pirard is considered as a partnership. The relationship begins with a rejection (caused by excessive mental or conscious activity). Subsequently, however, with the help of a tactile connection (a handshake, a kiss, a hug), a strong bond is established, the basis of which is mutual benefit and equality. The result of such connection is self-improvement, as well as the development of unique, individual character traits. An important theme for Stendhal is “patterned” behavior, reflected in the imitative actions when the hero tries to pretend to be someone else. One of the main modes of such behavior is the regular change of costumes and “masks”, which Julien Sorel changes most often during his studies at the seminary in Besançon. With the “mimetic” mode of adaptation comes the threat of losing one’s own identity, and the superficial nature of this mode of adaptation creates the precarious position and a high risk of exposure. The third mode of adaptation is struggle which forces the protagonist to take the dominant position of “master” or “predator”. Otherwise, if he loses his dominant position, he himself becomes a victim and is literally torn apart by other “predators” – for example, by the mayor Valenod, or l’Abbé de Frilair. The relationship between the protagonist and Mathilde de la Mole also has similarities to the predator–prey relationship in the wild nature. Matilda’s feelings are escalated at the moment of the most intense struggle, when the heroine is threatened with physical death or when she “torments” the hero herself.

Keywords: Stendhal, *The Red and the Black*, *Le Rouge et le Noir*, French literature, corporeality, adaptation, social behavior

For citation: Kuznetsova, N.V. (2023) The modes of social adaptation in Stendhal’s novel *The Red and the Black*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 141–158. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/7

Сюжет о том, как герой попадает в чужеродную, незнакомую, опасную для него среду и пытается к ней приспособиться, – один из магистральных в творчестве французских писателей реалистического и натуралистического направления – Стендаля, Бальзака, Флобера, Золя, Мопассана. Так, композицию романа Стендаля «Красное и черное» определяют последовательные попытки Жюльена Сореля адаптироваться¹ к жизни в доме де Реналей,

¹ В настоящей работе речь идет именно об *адаптации*, а не о *сопротивлении* среде, как, к примеру, считал Ауэрбах («Каждого отдельного человека Стендаль рассматривает не как продукт исторической ситуации, к которой он причастен, а как атом внутри нее; человек *как бы случайно заброшен* в среду, в которой живет: человек всегда только противится среде, и никогда она не бывает для него питательной почвой, с которой человек связан органически» [1. С. 460] (здесь и далее курсив мой, за исключением отдельно указанных случаев. – Н.К.). В этом вопросе нам ближе идея о *последовательном и намеренном* приспособлении своего организма к внешним обстоятельствам – к примеру, в работе М. Дармон [2], где речь идет об изменении героем своих телесных качеств при переходе из одной среды в другую, или о монографии М. Скотт, где исследовательница задается вопросом о том, кто же такой Жюльен Сорель – лицемер или лицедей (*hypocrite or player*), говорит о том, что Жюльен имитирует благочестие, чтобы продвинуться в церковной карьере, по той же причине притворяется невежественным в Безансонской семинарии и демонстрирует безоговорочное *принятие* реакционных ценностей в домах де Реналей и де Ла-Молей [3. Р. 47–83].

Безансонской семинарии, доме де Ла-Молей. Интересно, что во всех локусах для него существует угроза если не погибнуть (хотя нередко Жюльен максимально близок к физической гибели), то как минимум выпасть из той среды, в которой он находится, утратить с трудом завоеванное общественное положение. Именно угроза физической гибели указывает на особенные механизмы, необходимые для адаптации (выживания) в социуме. Помимо рациональных операций, которые совершает герой, чтобы приспособиться к жизни в опасной среде, помимо глубинных психологических факторов, которыми определяются те или иные поступки и решения, появляется еще один важный механизм: особенное *поведение*, т.е. деятельность, нацеленная на *приспособление* к новым условиям и ориентированная, в первую очередь, на *телесные* метаморфозы. Внимание исследователей и критиков Стендаля, как правило, привлекали первые два фактора: рациональность и психологизм героев¹.

Не в последнюю очередь это было продиктовано теоретическими работами самого Стендаля, а именно его знаменитым трактатом «О любви», в котором писатель детально разбирает психологические стадии зарождения любовного чувства. Ярый критик Стендаля Эмиль Золя называет всех его персонажей «великолепно смонтированн[ыми] машин[ами], наделенн[ыми] способностью мыслить и чувствовать» [7. С. 405]: «его романы – это произведения рассудочные, он изображает квинтэссенцию человечества, извлеченную философским путем». Золя бранит Стендаля за отрыв от физиологии, за его концентрацию исключительно на рациональной и этической сторонах жизни: «Кроме того, он редко учитывает среду, – я подразумеваю ту атмосферу, в которую погружены его персонажи... [7. С. 401]. «В общей сложности его метод можно определить так: изучение механизма души из любопытства к этому механизму; изучение человека с чисто философской и нравственной точки зрения, только со стороны его способности мыслить и чувствовать, но взятого отдельно от природы» [7. С. 401–402].

Однако обвинения Золя в «механистичности» стэндалевских героев, в установке исключительно на рационально-психологический аспект в рас-

¹ О попытке описать *механизм* человеческих отношений в виде *математической формулы* упоминает в своей диссертации М.Е. Ерышева [4. С. 149]. Э. Ауэрбах пишет: «Стендаль занят не исследованием исторических сил и не предвосхищением их сущности, а “анализом человеческого сердца” – l’analyse du cœur humain – в духе классической моральной психологии; у него можно найти мотивы *рационализма, эмпиризма, сенсуализма*» [1. С. 458–459]. Пьер Глод, анализируя характеры героев, которые руководствуются в своих эмоциях и действиях литературными и историческими образцами, называет роман «Красное и черное» «руководством по эстетике» [5. Р. 27]. При этом Н.Я Берковский в своих лекциях, называя Стендаля великим мастером и создателем психологического романа, указывает на поверхностный характер рационального в «Красном и черном» («Все дело в том, что эта аналитика, раскладка – они лежат только на поверхности и совсем не исчерпывают его романы. *Стендаль менее кого бы то ни было склонен был трактовать человека как рациональное существо, как существо в рациональном ключе*» [6].

крытии характера и поведения, кажутся нам несколько категоричными. Во-первых, как раз чрезмерная рациональность и изоциренный психологизм приводят героя не к социализации, а, напротив, к девиации – искажению мировосприятия, отходу от общепринятых норм и, как следствие, к отрыву от социума, а не к адаптации в нем¹.

Во-вторых, в романе «Красное и черное» видится не столько декламированная Эмилем Золя механистичность работы мозга и абстрактность души, сколько, напротив, интерес к форме и пластике человеческого тела. Так, в портретах, поступках, чувствах своих героев Стендаль постоянно демонстрирует телесное начало: вспомним, как Жюльен два месяца проходил с подвязанной в неудобном положении рукой, чтобы наказать себя за внезапно проявленные эмоции; как он с риском для жизни взбирался по приставной лестнице в окна к любовницам; как, рискуя жизнью, на головокружительной высоте украшал интерьеры церкви; как он неудачно наступил на ногу маркизу де Ла-Моллю, тем самым чуть не загубив свою карьеру; его (не)умение держаться в седле, сражаться на дуэли, отражать натиск врагов – во всех случаях успех или неудача в социальной адаптации, карьерном росте или любовных отношениях определяется не столько

¹ Например, как только Жюльен начинает следовать своему плану по соблазнению г-жи де Реналь, он едва не лишается ее расположения («он весь этот день вел себя как последний дурак» [12. С. 106]; «Он ломал себе голову, придумывая разные искусные маневры, которые спустя несколько секунд казались ему совершенно нелепыми; словом, он чувствовал себя совершенно несчастным» [12. С. 108]; «И в самом деле... то неожиданное впечатление, какое произвели на него ее прелести, даровали ему победу, коей он никогда не достиг бы всеми своими неуклюжими хитростями» [12. С. 109]). В Безансоне именно вид *человека мыслящего* (выделено Стендалем) не дает Жюльену стать «своим» среди семинаристов; в Париже постоянно выделяется умозрительный – и потому искусственный – характер влюбленности Матильды и Сореля («Жюльен превеличивал значение этого открытия, подозревая в Матильде чуть ли не макиавеллиевское двуличие. Это предполагаемое коварство придавало ей в глазах Жюльена какое-то очарование... Он больше возбуждал свое воображение, чем был увлечен любовью» [12. С. 362]; «С той минуты, как она решила, что любит Жюльена, она перестала скучать» [12. С. 359]). Пьер Глод отмечает клишированный характер таких рациональных операций: «Вот почему в романах Стендаля герои так часто реализуют свои страсти, опираясь, сознательно или бессознательно, на “романные шаблоны” (*schèmes romanesques*)». В «Красном и черном» они “рассуждают не как философы или историки, а как любители романов”: их поведение определяется прочитанным, а наблюдающие за ними пытаются расшифровать их действия, вдохновляясь литературными моделями <...>. С самого начала не желая проникнуться истиной чувства, Матильда видит в “страстной любви” скорее “модель” для подражания, чем “реальность”: она играет роль, которую определяет в соответствии с литературными реминисценциями <...> рискуя разочароваться, если испытываемые ею эмоции отличаются от «того, что пишут в романах» [5. Р. 19]. Хосе Ортега-и-Гассет, критикуя стендалевскую теорию кристаллизации, указывает в качестве несостоятельности ее исключительную умозрительность: «В сущности говоря, любовь, согласно этой теории, не что иное, как порождение фантазии <...>. Это еще определеннее, чем объявить по обыкновению любовь слепой. Для Стендаля она больше чем слепая – придуманная. Она не только не видит реальности – она ее подменяет» [8. С. 360].

рациональным расчетом, сколько природной ловкостью, выносливостью и гибкостью.

И в женских, и в мужских портретах также довольно сильно телесное начало: в Жюльене автор отмечает хрупкое телосложение, а также стройность и гибкость стана; в г-же де Реналь – «наивную грацию, полную невинности и живости», в облике Матильды – высокий рост, белокурые волосы, громадные голубые глаза. Психологические переживания тоже часто выражаются на внешнем – телесном – уровне: посредством плача, болезни, обморока, тяжелого сна (кстати, казнь Жюльена и особенно последующее захоронение также показаны максимально телесно). Наконец, в трактате «О любви», наряду с тончайшими психологическими и рациональными нюансами, можно наблюдать опору на природные и телесные аспекты: сам Стендаль называет свой трактат «физиологией любви» (*physiologie de l'Amour*); любовь он сравнивает с физической слабостью: лихорадкой (*la fièvre*), болезнью (*la maladie que l'on appelle amour*), раной (*Une plaie si douloureuse ne doit jamais se cicatriser entièrement*), агонией (*Il faut que l'amour meure, et votre cœur sentira avec d'affreux déchirements tous les pas de son agonie*), т.е. состояниями, вызванными, прежде всего, реакциями тела; эффект психологической «кристаллизации» навеян природным явлением – веткой дерева, брошенной в соляные копи.

Такой интерес Стендаля к телесному и природному началу в человеке определяет задачу настоящей работы: показать, что способы адаптации человека в социальном мире во многом сходны с поведением животных в дикой природе. Поиск и определение повторяющихся нарративных схем (паттернов) и основанное на них последующее структурное моделирование сюжета позволяют опираться на метод структурализма, разработанный в трудах Р. Якобсона, К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ц. Тодорова. Для настоящей статьи особенно важна идея Леви-Стросса о системе *родства* (типологического сходства), при котором общие законы между различными дисциплинами вырабатываются на бессознательном уровне.

Из полуавтобиографической «Жизни Анри Брюлара»¹ мы узнаем, что в разные годы Стендаль обращался к математике, астрономии, химии, минералогии, геологии, зоологии, ботанике. Среди его знакомых и кумиров физиолог Генри-Милл Эдвардс, астрономы Жан-Доминик Кассини и Джованни Плана, ученые-ботаники Адриан-Анри де Жюссье и Жак Камбессед, зоолог Ашиль Валансьен, орнитолог и энтомолог Жан-Виктор Одуэн и, конечно, знаменитый ученый Жорж Кювье, салон которого он посещал с 1826 г., где познакомился с большинством натуралистов того времени. В романе «Люсьен Левен» (1834) Стендаль пишет: «Господин Кювье в Ботаническом саду говорил нам, что если мы хотим избавиться от отвращения, которое внушают нам черви, насекомые, уродливые морские крабы и прочее и прочее, мы должны *методически их изучать*, старательно отме-

¹ Также об этом см.: [9. Р. 231–242].

чая их сходства и различия». Таким образом, Стендаль опережает Бальзака, который только в 1842 г. в своем «Предисловии к “Человеческой комедии” напишет: «Создатель пользовался одним и тем же образцом для всех живых существ» и «Общество подобно Природе»¹.

Помимо авторского интереса к естественным наукам, существуют также исторические причины обращения Стендаля к законам природы. В романе «Красное и черное» изображается период Реставрации, когда все общественные сословия ощущают тревогу, непостоянство, хрупкость своего положения². Провинциальному дворянину г-ну де Реналю мерещатся ужасы грядущей революции и расплаты за убийство крестьянина; против аббатов Шелана и Пирара разворачивается кампания с целью их устранения; маркиз де Ла-Моль и все ультраправое столичное дворянство настолько озабочены сохранением монархии, что даже готовы просить помощи у соседней, еще совсем недавно вражеской Англии. Таким образом, всегда находится кто-то более сильный и опасный, готовый присвоить себе с трудом завоеванное положение и – нередко – уничтожить его истинного обладателя.

Жюльен Сорель, переходящий из одной социальной среды в другую и по рождению не принадлежащий ни к одной из них, с первых до последних страниц романа ощущает угрозы: потенциальные, которые с ними никогда не произойдут, но которые он постоянно проигрывает в голове, и реальные, о которых он зачастую даже не догадывается. Каждый новый дом, в его представлении, кишит шпионами, предателями и хитроумными капканами, каждый встречный человек – враг, над которым необходимо одержать победу. Даже за противоположным полом он наблюдает «словно за врагом, с которым ему предстояла схватка» [12. С. 74]. В таких условиях действовать рационально, продумывая каждый шаг и составляя план действий, неэффективно – хотя бы в силу того, что юный Сорель не знает спе-

¹ Добавим к этому выдержки из публицистической книги Р. Андрие: «В стендалевских дневниках и письмах множество ссылок на Кондильяка, Гельвеция <...> Траси и Кабаниса <...>. От них он берет тезис, что предмет философии – человек как биологическая и социальная реальность <...>. Стендаль приветствует положение Траси, что философия – это часть зоологии <...>. Существует лишь одна философия – философия, рассматривающая человека в природе и в обществе» [10. С. 35–36].

² Аллан Паско связывает эпоху Реставрации с кризисом власти, с которой пришел и кризис личности: «“Красное и черное” повествует о сугубо личной истории целого общества. Это история о ненадежности [существования], страхе, меланхолии и неуверенности <...>. Люди перестали понимать, кто они такие. Результатом стал постоянный стресс и его вечный спутник – депрессия» [11. Р. 175]. Похожее состояние общества описывает и Ауэрбах: «Теперь об опасностях знали, жизнь была парализована страхом, что события 1793 года повторятся. Сами не веря в то дело, которое они представляют, и не видя возможности защитить его в споре, они предпочитают говорить о погоде, о музыке, пересказывать придворные сплетни; к тому же еще приходилось мириться со своими союзниками – представителями разбогатевшей буржуазии, со снобами и спекулянтами, которые окончательно портят общественную атмосферу, – они бессовестны и низки, полны страха, дрожат за нечестно нажитые состояния» [1. С. 452].

цифических законов той среды, к которой он пытается приспособиться. К тому же различия между сословиями настолько велики, что герои, действующие рационально, в буквальном смысле слова не понимают друг друга, неверно интерпретируют те или иные намерения, действия и поступки.

Вспомним, к примеру, первую сцену встречи Жюльена и г-жи де Реналь, разделенных не только сословными, но и гендерными и возрастными различиями: именно чрезмерная фантазия, а также «острота чувств» нарисовали г-же де Реналь Жюльена как «отвратительного, грубого, вздохмаченного субъекта, которому разрешается орать на ее детей только потому, что он знает латынь» [12. С. 45]. В свою очередь, Жюльен поначалу думает о г-же де Реналь как о представительнице богачей, которые «втопчут тебя в грязь, а потом думают, что все это можно загладить какими-то ужимками». В романах Стендаля неслучайно привлекает внимание разнообразие способов коммуникации, среди которых вербальная – прямой разговор – занимает далеко не главенствующее место.

Напротив, в «Красном и черном» много комических сцен, в которых Жюльен не может найти общего языка с собеседником: «В первый раз, когда г-жа де Реналь попробовала завязать с ним разговор... он стал рассказывать ей о хирургических операциях; она побледнела и попросила его перестать» [12. С. 64]; «стоило им только остаться вдвоем, между ними воцарялось глубокое молчание» [12. С. 64]; «Они остались одни, разговор явно не клеился» [12. С. 365]; «М-ль де Ла-Моль не пожелала его слушать и исчезла. Жюльен был в восторге, ибо он не знал, что ей сказать» [12. С. 373]. На смену вербальной коммуникации приходит знаковая, жестовая, зрительная, тактильная, т.е. сближающая с общением не в социальной, а в природной среде: касания, взгляд, движения выдают истинный характер, мысли и намерения собеседника точнее, чем слова.

Итак, из-за социального расслоения и, как следствие, расхождений в воспитании, образовании, образе жизни, мировосприятии и т.д. главному герою необходимо найти такое положение, при котором все различия сотрутся и две противоположные стороны окажутся в одинаковых (внесловных) условиях, при которых успех будет зависеть не от богатства, образования, остроты мысли или изысканности манер, а от природных инстинктов физической формы¹. В связи с этим сложно согласиться с иссле-

¹ Отметим, что Жюльен Сорель, не считая исключительных случаев, не обладает выдающейся физической силой, что отличает его от многих других мужских персонажей романа, например, его братьев – «настоящих исполинов, которые, взмахивая тяжелыми топорами, обтесывали еловые стволы» [12. С. 35], или г-на Вально – «рослого мужчины в цвете лет, могучего телосложения, с румяной физиономией и пышными черными бакенбардами». Однако в его внешности имеются качества, которые идеально подходят, во-первых, для привлечения внимания противоположного пола («за последний год его красивое лицо стало привлекать сочувственное внимание кое-кого из юных девиц» [12. С. 37]), а также для адаптации, возможности меняться, приспосабливаться к различным условиям среды. Он гибкий, ловкий, невысокий, но стройный, т.е. его тело

дователями¹, которые в романе «Красное и черное» видят исключительно тему построения карьеры.

В приоритете у Жюльена, даже вопреки его собственным замыслам, – процесс ухаживания и победы над противоположным полом – ключевая потребность организмов в дикой природе (кстати, продолжение рода – задача сохранения потомства – становится чуть ли не главной заботой героя перед смертью). В отличие от заглавного героя констановского «Адольфа», досадовавшего на излишнюю жертвенность возлюбленной, которая не позволяла ему развивать профессиональную карьеру, Сорель настолько увлекается любовной интригой, что забывает о первоначальных честолюбивых планах («Но для него теперь все высокие чаяния словно заслонились какой-то завесой. Если они иной раз и рисовались его воображению, то как-то весьма смутно и отдаленно. Любовь сделала из него маньяка, *переввернула все его жизненные интересы*: все, о чем бы он теперь ни думал, стояло в тесной связи с тем, как сложатся его отношения с м-ль де Ла-Моль» [12. С. 454]). Материальные блага, полученные Жюльеном от женщин (место в почетной страже, которое обеспечила г-жа де Реналь, титул и земли, подаренные де Ла-Модем), являются не целью, а скорее вознаграждением за успехи.

В романе «Красное и черное» мы выделяем три основных способа адаптации к социальной среде: 1) партнерство («симбиоз»); 2) подражание («мимикрия»); 3) борьба («хищничество»)². Последовательный анализ каждого из них позволит определить механизм адаптаций.

обладает идеальной соразмерностью, пропорциональностью. Такая телесная пластичность героя позволяет Мюриэль Дармон рассмотреть роман «Красное и черное» с точки зрения постоянного *перестраивания тела* при переходе из одной социальной среды в другую. Именно умение адаптировать свое тело к различным условиям становится залогом успеха Жюльена (*il s'agit de «faire» son corps pour faire sa fortune*) [2. P. 178]. Здесь же нужно отметить андрогинность героя – сочетание мужских качеств (ловкость, отвага, честолюбие, рациональный склад ума) с женскими (сверхчувствительность, эмоциональность, «тонкие, почти женственные черты», забота о потомстве). Как правило, исследователи видят в андрогинности сильную сторону Жюльена, поскольку чистой воды «мужественность» упрощает индивида, связывается Стендалем с грубостью манер, вульгарностью и даже уродством (*la laideur*) [2. P. 182]. На грубый и разрушительный характер исключительно «мужского» мира указывает Жан-Мари Рулан, в качестве примера приводя вступительный эпизод с принадлежащей мэру гвоздильной фабрикой, где чахнут «цветущие, хорошенькие девушки» [13. P. 110].

¹ См., например: Кабанова И.В. Роман карьеры: «Красное и черное» Стендаля // Зарубежная литература : пособие для учащихся старших кл. и студентов гуманитар. специальности вузов. Саратов, 2002; Берковский Н.Я. Лекция 26. Стендаль // Лекции по зарубежной литературе. СПб. : Азбука-классика, 2002. 480 с.

² Здесь необходимо оговориться, что учения о симбиозе и мимикрии появились лишь во второй половине XIX в., так что Стендаль, умерший в 1842 г., осознавая общий смысл природных явлений и их отражение в социальной среде, не мог знать эти термины. По этой причине в настоящей работе они даются в кавычках и имеют в большей степени метафорический, а не буквальный смысл. Однако в поддержку нашей гипотезы об уместности употребления названных терминов можно сослаться на уже упо-

Под «симбиотическим» поведением понимается сосуществование индивидов, принадлежащих к *различным* социальным группам и приводящее к взаимной *выгоде*. В качестве показательного примера можно привести не только связь Сореля и г-жи де Реналь, но и отношения героя с духовными отцами, в особенности с Пираром, который покровительствует Жюльену, а тот, в свою очередь, готов отплатить ему поддержкой, работая секретарем у де Ла-Молей. Оказавшись в незнакомой среде, Жюльен, страдающий от множества комплексов, прежде всего ищет себе опору. Не в последнюю очередь это стремление диктуется меркантильными соображениями, как пишет автор: «И отнюдь не любовь берет под свое покровительство и ведет к успеху молодых людей, одаренных, подобно Жюльену, кое-какими способностями: они *прилепляются крепко-накрепко (ils s'attachent d'une étreinte invincible)* к какой-нибудь клике, и когда этой клике везет, все блага общественные сыплются на них в изобилии». Однако в большей степени герою, лишенному поддержки матери и отца, необходимо каким-то образом компенсировать отсутствие родительской заботы (неслучайно и г-жа де Реналь, и аббат Пирар называют его «дитя мое»)¹, так что выбор «партнера» с самого начала имеет достаточно крепкое основание.

Отношения строятся не сразу, а постепенно: и к г-же де Реналь, и к Пирару Жюльен поначалу не только не испытывает симпатии, но, напротив, настроен враждебно и недоверчиво, так что первая встреча с де Реналь вызывает у него слезы, а с Пираром – и вовсе глубокий обморок. Исходным шагом к адаптации является не столько действие интеллекта: безупречная память и великолепное знание Жюльеном латыни скорее придает ему уве-

мянутую ранее монографию М. Скотт [2], где идет речь о разнице между «игрой» (role-play) и «мимикрией» (mimétisme, imitation); Ж.-М. Рулан, который говорит о мимикрии (*élan mimétique*) как об одном из способов «обучения» (*Le deuxième mode de l'apprentissage est l'imitation de modèles qui surgissent au gré de l'expérience*) [13. P. 113]. О «хищничестве» писал Поль Бурже, называвший Сореля «своего рода диким зверем, хищником» (*une sorte de fauve, un prédateur*): «Беспредельная грусть и смутное отчаяние разрешаются в нем (Сореле. – Н.К.) необузданным аппетитом к разрушительным наслаждениям <...>. И вот из-под условных понятий, которыми обременен наш мозг, из-под житейских принципов, внушенных нам воспитанием, из-под наследственной осторожности, делающей из нас прирученных домашних животных, вновь проявляется первобытное плотоядное, дикое, живущее особняком животное, руководимое лишь своей природой, т.е. борьбой за существование. Вы воображали себе, будто оно приручено, но оно только спало; вы считали его побежденным, но оно было только связано. Но узы можно порвать, спящее животное может проснуться, – и вы ужасаетесь при виде того, что столько веков цивилизации не в состоянии были заглушить хотя бы одного зародыша прежней свирепости» (цит. по: Пантеонь литературы. Поль Бурже. Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях нашего времени, с приложением статьи о П. Бурже Жюля Леметра / пер. Э.К. Ватсона. СПб.: Типография Н.А. Левицина, 1888. № 8) [14. P. 320–321].

¹ Ж.-М. Рулан говорит о том, что «путь героя можно рассматривать как поиск источника власти: отречение от папаша Сореля и последовательную смену приемных отцов» [13. P. 105].

ренности, но не содействует установлению *связи* («Да, сударыня, – ответил он, стараясь принять *как можно более холодный вид*. – Я знаю латынь не хуже, чем господин кюре» [12. С. 48]; «Разговор продолжался по-латыни. Выражение глаз аббата постепенно смягчалось; к Жюльену понемногу возвращалось *присутствие духа* [12. С. 204]).

По-настоящему крепкая связь между индивидами наступает в результате *тактильного* контакта, когда Жюльен касается рук или подносит к губам руки г-жи де Реналь и аббата Пирара: после первого – машинального – отторжения («Это еще что такое?» – сердито закричал ректор [12. С. 230]; «он... взял г-жу де Реналь за руку – она тотчас же отдернула ее» [12. С. 75]) «партнер» принимает такой образ действий – и отвечает взаимностью («еще одно, последнее усилие вырваться – и наконец ее рука затихла в его руке» [12. С. 76]; «Аббат Пирар обнял его и привлек к своей груди» [12. С. 231]). Взавшись за руки либо обнявшись, герои и на телесном, и на духовном уровне являют собой как бы единый организм, испытывают одинаковые чувства («Голос у него заметно изменился, *а вслед за этим* сейчас же задрожал голос и у г-жи де Реналь); «сладостен был этот миг *для них обоих*» [12. С. 231]).

Эмоциональный порыв г-жи де Реналь написать разоблачающее и губительное письмо моментально порождает ответный импульс в действиях Жюльена; раскаяние и прощение у обоих также происходит одновременно. Единство двух душ настолько сильно, что даже смерть одного может повлечь смерть другого. При этом изначальные различия в характерах снимаются, поскольку «партнеры» для укрепления связи заимствуют качества друг друга: г-жа де Реналь после свершившегося адюльтера становится более хитрой, находчивой, циничной (вспомним эпизод с «анонимными письмами»), характер аббата Пирар смягчается, Жюльен (в тюрьме) утрачивает свои эгоистичные качества – тщеславие, лицемерие, честолюбие, гордость.

Какие преимущества у такого «партнерского» образа действий? Прежде всего, это объединение сил: два индивида действуют как одно целое (недаром одна из глав, описывающих сближение Сореля и г-жи де Реналь называется «избирательное сродство» – *les affinités électives*) – отсюда глагол «привязаться» (*s'attacher*) в обозначении их отношений: «Да, да, дитя мое, я привязался к тебе» [12. С. 230]; «А вы... даже не представляете себе, до чего я к вам привязан» [12. С. 164]. Такой альянс значительно усиливает обоих, они начинают координировать свои действия, и в результате добиваются успеха в адаптации к опасностям внешней среды – в доме г-на де Реналья, Безансонской семинарии и доме де Ла-Молей. Еще одним важным условием и преимуществом крепких «симбиотических» отношений становится саморазвитие, самосовершенствование личности. Для привлечения внимания достаточно использовать свои сильные врожденные качества, такие как исключительная память или красота, однако для последующего удержания «партнера» и создания крепкой связи этого недостаточно.

В своих действиях Жюльен стремится выделиться из общей массы, используя для этого оригинальные решения: прийти посреди ночи в комнату к г-же де Реналь или залезть к ней в окно, рискуя при этом жизнью или, по меньшей мере, репутацией; выбрать в наставники бунтаря и янсениста Пирара, а не конформиста Кастанеда.

Эти решения не продиктованы хитростью или изобретательностью, то есть, изощренной работой сознания, напротив: подчеркивается их «безумный», «опротечивый» характер, который идет вразрез с законами, обеспечивающими выгодное карьерное и финансовое положение («У него не было никакого плана, а если бы даже и был, он чувствовал себя сейчас до такой степени растерянным, что все равно не мог бы его выполнить») [12. С. 109]. Зато в таком оригинальном поступке обнаруживается индивидуальность (мышления, образа действий, мировосприятия), искренность и полнота чувства, полностью очищенного от тщеславия, гордыни, и лицемерия («И тут у Жюльена вылетели из головы все его тщеславные бредни, и он просто стал самим собой») [12. С. 109]; «Жюльен, к великому своему стыду, почувствовал, что глаза его наполняются слезами; ему так хотелось броситься на грудь своему другу» [12. С. 275]). Таким образом, отношения, которые начинались с отторжения и имели под собой практический характер взаимовыгоды, усложняются и утончаются, переходя с «телесного» уровня на духовный.

Другой способ выживания, который Жюльен пытается использовать, находясь в Безансонской академии, а также среди аристократической знати в Париже, – это «**мимикрия**», механизм *маскировки* и *подражания*. Этот способ противоположен «партнерскому», при котором герою нужно было как-то выделиться, обнаружить индивидуальные качества, чтобы привлечь внимание. В Безансоне он встречает более трехсот семинаристов – сильных деревенских парней, «в [чьих] хмурых взорах Жюльену не удавалось прочесть ничего, кроме чувства удовлетворенной физической потребности после обеда и предвкушения физического удовольствия перед едой» [12. С. 209].

Последующий опыт покажет, насколько опасно выделяться среди «собратьев»: малейшее отличие со стороны начальства – и герою угрожает массовый бойкот вплоть до физической расправы. В таких обстоятельствах необходимо найти какой-то *образец, шаблон* поведения и постепенно приспособлять под него свою натуру («В глазах [семинаристов] он был повинен в страшном грехе: “Он думал, он судил сам, вместо того, чтобы слепо подчиняться авторитету и следовать примеру”»¹ [12. С. 212]). Здесь стоит отметить некоторую непоследовательность в описании характера Сореля, который никак не может приспособиться и из-за недостатка опыта постоянно выдает себя в мелочах. До этого читатель видел героя, обладавшего даром лицемерия чуть ли не с детства; который в особняке де Реналей выдавал себя за ярого ненавистника Наполеона, при этом пряча его портрет в своей

¹ Выделено Стендалем. – Н.К.

постели; который еще до поступления в Безансон с восхищением смотрел на молодого епископа Агдского, *репетировавшего* перед зеркалом разгневанный, суровый вид и старавшегося казаться старше своих лет.

С таким же восхищением он будет впоследствии смотреть на шевалье де Бовуази («Так, например, кавалер немного заикался только потому, что имел честь часто встречаться с одним важным вельможей, страдавшим этим недостатком. Никогда еще Жюльену не приходилось видеть, чтобы в одном существе соединялись такие забавные странности с совершенством манер, *которому бедный провинциал может только пытаться подражать*» [12. С. 310]). То есть, готовность выдавать себя за другого, надевать и снимать ту или иную «маску» в зависимости от обстоятельств является неотъемлемой чертой Сореля с самых юных лет («Он решил, что ему следует подкрепиться в своем ханжестве (*hypocrisie*) и для этого неплохо было бы зайти в церковь. Вас удивляет это слово? Но прежде чем он дошел до этого ужасного слова, душе юного крестьянина пришлось проделать немалый путь» (*l'âme du jeune paysan avait eu bien du chemin à parcourir*) [12. С. 41]).

Нужно отметить, что тема шаблонного поведения – как и в целом проблема истинного и видимого – проходит лейтмотивом через весь роман. Жюльен и Матильда одинаково ведут себя по отношению к (героическому) прошлому: находят «шаблон» и подгоняют под него свой характер и свои действия. Матильда находит образец поведения, прежде всего, в истории своих предков, а также в исторических хрониках и многочисленных романах («Она стала припоминать про себя все описания страсти, которые читала в “Манон Леско”, в “Новой Элоизе”, в “Письмах португальской монахини” и т.д.» [12. С. 352]). Автор доводит до абсурда тему шаблонности в образе и действиях князя Корозова, который не только сам, как все русские, «старательно копиру[е]т французские нравы, только отставая лет на пятьдесят», но и обучает Жюльена искусству оболъщения, прописывая буквально каждый шаг («Эти письма надо отвозить лично: верхом, в черном галстуке, в синем сюртуке. Письмо вручают швейцару; вид при этом следует иметь сокрушенный, глубочайшая меланхолия во взоре» [12. С. 456]).

Жюльен собирает и накапливает различные «маски» по ходу всей жизни: сам с собой он разыгрывает образ мыслей и действий своего кумира Наполеона; в Безансоне он надевает маску безгрешности, лик «образцы которого оставил нам Гверчино в своих религиозных картинах» [12. С. 214] – когда «вся внешность семинариста, его *походка, манера двигать руками, поднимать глаза* и так далее свидетельствуют о полном отрешении от всего мирского» [12. С. 213–214]; в доме де Ла-Молей он – «настоящий денди», вполне овладевший «*искусством жить*» (*comprenait l'art de vivre*). Впрочем, чуткая Матильда все же замечает в безупречных манерах Сореля едва заметный изъян, который выдает искусственность поведения: «В его фигуре, в манере держаться теперь уже не было ничего провинциального, а вот в манере говорить что-то было не совсем так: в его разговоре все еще чувствовалось *слишком много серьезности, положительности*» (on y remarquait encore *trop de sérieux, trop de positif*).

Главным средством «мимикрии» служит костюм – знак, определяющий положение в обществе¹, способствующий маскировке или, напротив, привлекающий внимание (в дикой природе сходную функцию выполняет животный окрас). Костюм в романах Стендаля влияет также на мировосприятие и самоощущение индивида и на отношение к нему других: к примеру, господин де Ла-Моль по-разному относится к Жюльену в синем и черном костюмах «[Этот дар] предназначается отнюдь не человеку в черном костюме и совершенно испортит ту непринужденность обращения, которая столь милостиво разрешается человеку в синем фраке» [12. С. 315]).

Показательно, что выбирая свою судьбу, Жюльен прежде всего выбирает костюм: военный мундир или сутану. Костюм в романах Стендаля служит для создания иллюзии: имея возможность притвориться другим, человек перестает быть самим собой, утрачивает свою личность. Ярким примером является сцена, в которой Сорель выступает в роли стража королевского почетного караула: «...первый всадник в девятом ряду был очень красивый, стройный юноша, которого сначала никто не мог узнать. И вдруг со всех сторон послышались негодующие возгласы, на всех лицах изобразилось возмущение, изумление... В этом молодом человеке... люди узнали мальчишку Сореля, сына плотника... Как! Только из-за того, что этот мальчишка-мастеровой, *вырядившийся* аббатом, состоит гувернером при его детях, позволить себе наглость назначить его в почетный караул» [12. С. 125].

Стендаль в этой сцене показывает зыбкое положение человека, надевшего костюм не по рангу: первое – обманчивое – восхищенное впечатление моментально сменяется возмущением и гневом, когда за блестящим, сверкающим костюмом различают его истинного обладателя. В этой же сцене герой в ужасной спешке, буквально на ходу переодевается, однако «из-под долгополой сутаны Жюльена выглядывали шпоры почетного стража» [12. С. 128]. Таким образом, «мимикрирующее» поведение, в отличие от «симвиотического», не отличается надежностью, а скорее напоминает маскарад, пеструю смену костюмов и масок, когда человек пытается представить себя не тем, кто он есть на самом деле. Костюмы и знаки отличия легко подделываются и перестают символизировать прежние смыслы, особенно в эпоху Реставрации, когда все, у кого есть деньги, могут купить себе любой титул. Эта условность подчеркивается неразличимостью «слуг» и «господ», когда Жюльен принимает кучера за важного господина, а самому ему даруют титул шевалье с фальшивой дворянской фамилией.

¹ Я.В. Быстрова в работе, посвященной символике костюма, пишет о репрезентации человеческой *телесности* как ключевой функции костюма: «Костюм можно рассматривать только в связи с конкретным образом человека, его манерой носить одежду, в связи с его пластикой и характерными жестами. Можно также сказать, что основное отличие концепта “костюм” от концепта “одежда” состоит в том, что первый содержит в себе психологические и социокультурные характеристики человека, другими словами, это отображение его телесности» [15. Р. 88].

Чем выше поднимается Жюльен по карьерной лестнице, тем более опасной становится вокруг него внешняя среда («Итак, значит, я теперь в самом центре всяких интриг и лицемерия!»). В доме де Ла-Молей он находится в наиболее уязвимом положении, поскольку маркиз использует его таланты в своих политических целях и практически отправляет его на смерть, вручив секретную ноту о коалиции с Англией; Матильда, грезившая романтической историей своего предка, копирует поведение Маргариты Наваррской и (бессознательно) подбирает претендента на роль обезглавленной жертвы¹. В ряд грозных «хищников», готовых на убийство, попадают и новый мэр Верьера г-н Вально, отомстивший Жюльену за давнее соперничество из-за г-жи де Реналь; и аббат де Фрилер (чей благородный профиль напоминает лисью морду), «отыгравшийся» на де Ла-Молях, с которыми вел многолетнюю тяжбу; и все присяжные, вынесшие Жюльену смертельный приговор и таким образом в буквальном смысле растерзавшие его тело. Однако наиболее пристально автор изучает отношения Жюльена с Матильдой, которые в основных своих событиях практически зеркально отражают любовную линию с г-жой де Реналь (зарождение любви – эпизод с лестницей – тайная связь – разлука).

Отношения с Матильдой отличаются от связи с г-жой де Реналь, главным образом, отсутствием равноправия («Но в своих размышлениях о Жюльене она представляла его себе как бы каким-то низшим существом, которое можно осчастливить, когда и как тебе заблагорассудится, и в любви которого даже не могут возникнуть сомнения» [12. С. 400]). Речь идет не столько о союзе, сколько о **борьбе** двух сил с целью обрести доминирование: один из противников должен занять место «хищника» («господина», «повелителя»), второй – место «жертвы» («раба»).

На «хищнический» характер семьи де Ла-Молей – и в особенности – Матильды – указывает множество намеков: Жюльен в своем воображении представляет ее Екатериной Медичи и наделяет ее «таким непостижимым характером, которому было под стать любое злодейство, любое черное вероломство» [12. С. 362]; когда Матильда приходит к Жюльену, заключенному в крепости, он спросонья принимает ее за палача; перед захоронением она целует голову Жюльена в губы, чем приводит в ужас Фуке – этого «здоровенного малого с грубыми чертами лица», который даже не может без содрогания смотреть на это зрелище; древний аристократический род де Ла-Молей известен своей давней дружбой с пьемонтским дворянином Аннибале де Коконассо – одним из самых жестоких убийц во времена событий

¹ Пьер Глод также обращает внимание на то, как «по мере развития второй части романа становится все более явным отождествление [Матильды и Жюльена] с историческими фигурами Маргариты и Бонифация. Жюльен соблазняет Матильду, когда отождествление с обезглавленным любовником становится наиболее очевидным – при обращении к прошлому, “к древним глубинам первобытной отваги» [5. Р. 25]. А. Паско (с опорой на XIV главу романа) сравнивает Матильду с Медеей, и в связи с этим говорит не только об угрозе смерти «мужа», но и о неминуемой гибели его ребенка [11. Р. 173–174].

Варфоломеевской ночи. К Жюльену Матильда успеваешь испытать весь спектр чувств: от отвращения, презрения и ненависти до восхищения и преклонения. Соответственно, его роль постоянно меняется: то он – самый ничтожный из ее слуг, то – единственный полноправный повелитель.

В какой момент Матильда признает власть Жюльена и покоряется ему? Как и в природе, этому способствует два главных качества «мужской особи»: внешняя привлекательность, которая отличает Сореля «от всех этих господ де Круазенуа, де Келюсов, де Люзов и прочих», и выражение силы – например, в эпизоде с лестницей, когда помимо ловкости потребовалась «сверхчеловеческая сила» (*une force surhumaine*). (Заметим, что г-жу де Реналь, напротив, привлекала «женственность», а также слабость и уязвимость Жюльена, бессознательное желание по-матерински защитить его: чувство вспыхивает, когда она видит его слезы или крайнюю скудость гардероба. «Сильные» стороны Жюльена – феноменальная память, безупречное знание латыни, а также гордость и высокомерие – наоборот, смущают и пугают ее.)

Интересно, что сексуальная близость (*контакт*) совершенно не интересует и даже отвращает Матильду от Жюльена: ее чувство усиливается в самые острые мгновения *борьбы*, особенно когда любовник намеревается нанести ей физическое увечье, вплоть до убийства: «Мадемуазель де Ла-Моль в совершенном упоении только и думала о той восхитительной минуте, когда ее чуть было не убили. Она уже едва ли не говорила себе: «Он достоин быть моим господином: ведь он готов был убить меня. Сколько понадобилось бы сплавить вместе этих прелестных великосветских юношей, чтобы добиться такого взрыва страсти?» [12. С. 394].

В таких отношениях необходимо постоянно быть начеку, не поддаваться излишней чувствительности, не поощрять чрезмерным вниманием и заботой, а напротив: «Держать ее в *страхе!*.. *Мой враг* только тогда будет *повиноваться* мне, когда он будет *страшиться* меня» [12. С. 476]. В отличие от «симбиотических» отношений, основой которых были союз и привязанность, в отношениях с Матильдой основанием служит причинение боли и страдания, раздирающее натуру¹: «Почему любовь, которую пробу-

¹ Добавим еще несколько примеров из текста: «Его страдания доставляли ей явное удовольствие» (*Ses douleurs étaient une vive jouissance pour elle*) [12. С. 397]; «Да, ты мой повелитель!.. Властвуй надо мною всегда, карай без пощады свою рабыню, если она вздумает бунтовать» (*Règne à jamais sur moi, punis sévèrement ton esclave quand elle voudra se révolter*) [12. С. 406]. В этих сценах бросается в глаза опора Стендаля на философские взгляды маркиза де Сада, с творчеством которого писатель определенно был знаком (в трактате «О любви» он, к примеру, ссылается на «Жюстину»). Исследователи, отмечая общую привлекательность философии де Сада, почему-то практически не замечали этот мотив в «Красном и черном». К примеру, А. Голдшлегер [16. Р. 612–627] пишет о мотивах садизма в образе Дон Жуана («Ченчи») и в «Пармской обители» – и лишь однажды упоминает «Красное и черное»: «Стендаль с удовольствием описывает ужасные сцены... Невозможно забыть обезглавливание предка Матильды де Ла-Моль, а также странную похоронную процессию Жюльена Сореля» [16. Р. 620]. Д. Марион также пишет о влиянии де Сада на европейскую литературу начала XIX в. в целом

дила во мне эта сумасбродка, все еще *терзает* меня (*tourmente*)»? [12. С. 416]; «Он и сам не знал, он чувствовал только, что в его *истерзанной* душе (*dans son âme bourrelée*) Матильда властвует безраздельно, – *владычица* его счастья и его воображения» (*Mathilde maîtresse absolue de son bonheur comme de son imagination*) [12. С. 440]; «Жюльен никогда не представлял себе, что можно дойти до такого ужасного *отчаяния* (*intensité de malheur*) [12. С. 399]; он готов был кричать; эта стойкая душа была *истерзана* вконец; *в ней не осталось живого места*» (в оригинале – менее экспрессивно: *cette âme si ferme était enfin bouleversée de fond en comble*) [12. С. 399].

Если в «партнерских» отношениях необходимо было использовать свои исключительные (творческие) навыки; если в «подражательном» способе социальной адаптации рекомендовалось, наоборот, надеть «маску», скрыть индивидуальность, то во время «борьбы» необходимо активизировать «свирепую», «страшную», «огненную» сторону сущности, которая в обычных обстоятельствах глубоко запрятана и может проявляться лишь какими-то случайными вспышками («Жюльен вдруг выдал себя внезапной вспышкой того огня, который пожирал его душу»; «но тон, каким все это произносилось, и сверкавший в его очах огонь, который он не умел скрыть, пугали отца Шелана»). В момент торжества над «противником» в лицах любовников появляется холодность, жестокость, они уродливо искажаются: в глазах Матильды – злость/жестокость (*méchanceté*), ее выражение лица – «черствое и злое» [12. С. 389]. Лицо Жюльена, когда он осознал свою власть, становится отвратительным, безобразным, чудовищным (*hideuse, atroce*). «В ее чувство к Жюльену прокралось что-то *смутное, безотчетное, что-то похожее на ужас*» [12. С. 499]. В своих мыслях Матильда с трудом проводит различие между понятиями «изверг» и «мудрость»/«доброта» (*Mais que dis-je, monstre ! il est sage, prudent, bon*).

Проведенный анализ показал, что наряду с психологическими и рациональными операциями в попытках приспособления к опасной внешней среде героями романа «Красное и черное» движут также чувства и действия, близкие к природным инстинктам. Такой способ адаптации как партнерство, или «синтез», нацеленный на равноправие и взаимопомощь, усиливает индивида, усложняет его натуру, превращает телесную (меркантильную) привязанность в чистое, духовное чувство. Напротив, поведение, в основе которого лежит подражание («мимикрия») или борьба («хищничество») хоть и совершенствует телесные качества, однако грозит потерей индивидуальности и даже физической гибелью.

(«Первая половина XIX века отмечена определенной садистской модой, благодаря которой эстетизация крови и смерти проникла в серьезную, “элитарную” литературу» [17. Р. 128]) и на новеллу «Ченчи» в частности, отмечая в качестве двух главных аспектов садизма убийство и инцест [17. Р. 132]. Голдшлегер связывает де Сада и Стендаля общим желанием обрести истинную свободу, бесстрашную перед любыми социальными предрассудками и клерикализмом [16. Р. 613–614], другими словами, отходу от социальных институтов и обращению к природе.

В заключение вновь обратимся к словам Золя: «Но если Стендаль не дошел до признания человека как явления физиологического, человека, живущего всеми органами, действующего под влиянием общественной среды и природы, то все же надо сказать, что метафизика Стендаля – это уже не метафизика Расина или даже Вольтера; она пропущена через философию Кондильяка, в ней уже брезжит позитивизм, чувствуется, что мы находимся на пороге научного века» [7. С. 409]. Полностью отрицая физиологический, природный аспект в раскрытии характеров, обвиняя Стендаля в механизации героев, Золя все же называл Стендаля «одним из наших учителей, одним из зачинателей натуралистического движения» [7. С. 409].

Список источников

1. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе : пер. с нем. М. : Прогресс, 1976. 557 с.
2. Darmon M. Le corps de l'anatomiste : socialisation et espace corporels chez Stendhal // Ce qu'ils vivent, ce qu'ils écrivent. Mises en scène littéraires du social et expériences socialisatrices des écrivains, Editions des archives contemporaines. 2011. P. 173–196.
3. Scott M.C. Stendhal's Less-Loved Heroines: Fiction, Freedom and the Female. Routledge, 2013. 44 p.
4. Ерышева М.Е. Психологическая проза Стендаля (генезис и традиция) : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2018. 193 с.
5. Glaude P. Les passions au miroir des arts dans *Le Rouge et le Noir* // Nouvelle revue d'esthétique. 2014. Vol. 2 (n° 14). P. 17–29.
6. Берковский Н.Я. Лекции по зарубежной литературе. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/berkovskij-lekcii/index.htm>
7. Золя Э. Собрание сочинений : в 26 т. М. : Худож. лит., 1966. Т. 25. 767 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991. 588 с.
9. Théodoridès J. Stendhal du côté de la science. Aran (Suisse). Éditions du Grand Chêne, 1972. 304 p.
10. Андрие Р. Стендаль, или Бал-маскарад : пер. с фр. М. : Прогресс, 1985. 288 с.
11. Pasco A.H. Sick Heroes: French Society and Literature in the Romantic Age, 1750–1850. University of Exeter Press, 1997. 272 p.
12. Стендаль. Красное и черное / пер. с фр. С.П. Боброва и М.П. Богословской. М. : Правда, 1984. 676 с.
13. Roulin J.-M. Masculin et pouvoir dans *Le Rouge et le Noir*. Presses Universitaires de Rennes, 2013. P. 105–120.
14. Bourget P. Essais de psychologie contemporaine. Paris : A. Lemerre, 1883. 322 p.
15. Bystrova Y.V. Costume symbols: typology of functions // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Культурология. 2016. Вып. 4. С. 85–90.
16. Goldschläger A. L'image sadienne dans l'oeuvre de Stendhal. // Revue belge de philologie et d'histoire. 1979. Т. 57. № 3: Langues et littératures modernes – Moderne taalen letterkunde. P. 612–627.
17. Marion D. Vue de Sade sous le manteau: l'image du sadisme de Stendhal à Huysmans, entre mythe et figuration. Hiver, 2017. Vol. 12. № 1. P. 127–152. URL: www.revue-analyses.org

References

1. Auerbach, E. (1976) *Mimesis. Izobrazhenie deystvitel'nosti v zapadnoevropeyskoy literature* [Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature]. Translated from German. Moscow: Progress.

2. Darmon, M. (2011) Le corps de l'anatomiste: socialisation et espace corporels chez Stendhal. In: Lahire, B. (ed.) *Ce qu'ils vivent, ce qu'ils écrivent. Mises en scène littéraires du social et expériences socialisatrices des écrivains*. Paris: Éditions des archives contemporaines. pp. 173–196.

3. Scott, M.C. (2013) *Stendhal's Less-Loved Heroines: Fiction, Freedom and the Female*. Routledge.

4. Erysheva, M.E. (2018) *Psikhologicheskaya proza Stendalya (genezis i traditsiya)* [Psychological prose of Stendhal (genesis and tradition)]. Philology Cand. Diss. Nizhniy Novogorod.

5. Glaude, P. (2014) Les passions au miroir des arts dans *Le Rouge et le Noir*. *Nouvelle revue d'esthétique*. 14 (2). pp. 17–29.

6. Berkovskiy, N.Ya. (2002) *Lektsii po zarubezhnoy literature* [Lectures on Foreign Literature]. [Online] Available from: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/berkovskij-lekcii/index.htm>

7. Zola, E. (1966) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 25. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

8. Ortega y Gasset, J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Translated from Spanish. Moscow: Iskusstvo.

9. Théodoridès, J. (1972) *Stendhal du côté de la science. Aran (Suisse)*. Éditions du Grand Chêne.

10. Andrieu, R. (1985) *Stendal', ili Bal-maskarad* [Stendhal, or Masquerade Ball]. Translated from French. Moscow: Progress.

11. Pasco, A.H. (1997) *Sick Heroes: French Society and Literature in the Romantic Age, 1750–1850*. University of Exeter Press.

12. Stendhal. (1984) *Krasnoe i cherno*e [The Red and the Black]. Translated from French by S.P. Bobrov & M.P. Bogoslovskaya. Moscow: Pravda.

13. Roulin, J.-M. (2013) *Masculin et pouvoir dans Le Rouge et le Noir*. Presses Universitaires de Rennes. pp. 105–120.

14. Bourget, P. (1883) *Essais de psychologie contemporaine*. Paris: A. Lemerre.

15. Bystrova, Y.V. (2016) Costume symbols: typology of functions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Kul'turologiya*. 4. pp. 85–90.

16. Goldschläger, A. (1979) L'image sadienne dans l'oeuvre de Stendhal. *Revue belge de philologie et d'histoire*. 3 (57). pp. 612–627.

17. Marion, D. (2017) Vue de Sade sous le manteau: l'image du sadisme de Stendhal à Huysmans, entre mythe et figuration. *@analyses. Revue de littératures franco-canadiennes et québécoise*. 1 (12). pp. 127–152. [Online] Available from: www.revue-analyses.org

Информация об авторе:

Кузнецова Н.В. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: nataly-journ@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataly-journ@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022;
одобрена после рецензирования 29.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 02.09.2022;
approved after reviewing 29.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/19986645/84/8

Визуальный римский дневник В.А. Жуковского

Ольга Борисовна Лебедева¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, obl25@yandex.ru*

Аннотация. Сравняются дневниковые записи В.А. Жуковского за период его пребывания в Риме в декабре 1838 – январе 1839 г. и римские рисунки поэта, представляющие собой своего рода имагологическое описание Вечного города. За это время Жуковский создал более 40 рисунков города и его окрестностей, которые в статье рассматриваются как своего рода визуальный римский дневник поэта, в большей мере, чем вербальный, отражающий его восприятие Рима и формирующий целостный и концептуальный образ топоса в сознании Жуковского. Римские рисунки поэта интерпретированы как визуальный вариант римского текста Жуковского, отличающийся от крайне скупого и номинативного вербального образа топоса в дневниковых записях поэта очевидным единством типологии сюжетов, особенностями композиции и своеобразием точки зрения художника. Кроме того, некоторые рисунки дают возможность реального комментария к текстам русской литературы о Риме – в частности, отрывку Н.В. Гоголя «Рим». Статья сопровождается публикацией 22 римских рисунков Жуковского.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, римский текст, рисунки поэта, вербальный и визуальный дневник, Н.В. Гоголь, отрывок «Рим»

Для цитирования: Лебедева О.Б. Визуальный римский дневник В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 159–183. doi: 10.17223/19986645/84/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/8

The visual Roman diary of Vasiliy Zhukovsky

Olga B. Lebedeva¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, obl25@yandex.ru*

Abstract. In each of his journeys through European countries and Russia, Zhukovsky made not only travel notes and diary entries, but also drawings. The documentary heritage of the Russian poet includes two types of diaries – verbal and visual. They do not always coincide chronologically, but Roman diaries are an exception in this sense: During a two-month stay in the Eternal City (December 1838 – January 1839), Zhukovsky made a whole series of clearly dated drawings, and periodically

these dates match the corresponding dates of diary entries. However, Zhukovsky in Rome and Zhukovsky's Rome in verbal and visual diaries are completely different images of the poet and the city. The typology of diary entries during the poet's stay in Rome is determined by the fact that the poet was in Rome as an official, a mentor of the Russian heir to the throne, and his daily routine included many official events. In addition, he did not miss the opportunity to meet famous contemporaries and see the sights of the city and chat with old friends: all these items of his daily routine were reflected in his diary entries. As a result, Roman diary entries create the impression of an extraordinary density of the daily routine of each Roman day: an image of an active, mobile, sociable person grows out of them – but not a romantic poet, and the image of Rome appears as a kind of a Russian version of Baedeker. Rome and Zhukovsky himself appear quite differently in his Roman drawings. Zhukovsky's Roman views are not only Roman views, but also the space of the soul, recreated using the same artistic techniques. Roman drawings do not differ from other Zhukovsky's drawings only in one way: this is his characteristic graphic manner "au trait". As for the choice of the object, the influence of Gogol is obvious here. The typology of the plot of Roman drawings, their composition and the artist's point of view, represented in them by a very special technique, deserve special attention. If we talk about the typology of the plot, it is obvious that Zhukovsky is most attracted by a wide panoramic view: looking at a distance, the outlines of which are lost in the depths of space, most of all corresponds to a romantic duality, the state of a person peering not only into the vague outlines of the distance, but also into the depths of his own soul. In the absolute majority of Zhukovsky's Roman drawings, especially panoramic ones, one recurring detail catches the eye: this is the figure of a man depicted from the back or half-turned, whose whole pose indicates that he is immersed in self-forgetful contemplation: in most cases, this is Gogol – in his company Zhukovsky learned Rome. The pose of Gogol frozen in contemplation embodies what the artist cannot capture in his drawing: the artist himself, his position, point of view and mood. In Zhukovsky's drawings, Gogol, immersed in the contemplation of the Eternal City, is not only Gogol, but also Zhukovsky himself, who thus captures in his drawing the state of gazing simultaneously into the beauty of the Eternal City and into the depths of his own soul. Among Zhukovsky's Roman drawings, which depict Gogol contemplating Rome, one deserves a special conversation: "Aqua Paulina" (Fig. 22). It depicts Gogol contemplating the panorama of Rome against the background of the chimera of the Aqua Paola fountain, crowning the top of the Janiculum Hill and lying on the way to the Church of San Pietro in Montorio on the Janiculum. As is well known, the panorama of Gorda described by Gogol in the finale of the passage "Rome" does not correspond to what can actually be seen from this observation point. From San Pietro in Montorio, it is impossible to see the Pantheon, the Capitol and the Colosseum at the same time – therefore, it is believed that this panorama was either created by Gogol from memory, or has an ideal character, combining the iconic points of the Roman urban landscape. However, here it is appropriate to recall Zhukovsky's drawing depicting Gogol next to the chimera, on the upper platform of the tall building of the fountain "Aqua Paola": this observation point should be raised no less than 30 meters above San Pietro in Montorio. This significantly expands the horizon of the review, smoothing the protruding bend of the Janiculum, on which the church is located and which prevents one from covering the entire panorama of the city at a glance, as it happens in Gogol's story with its hero; however, it is quite possible that the all-encompassing panorama of Rome described in the excerpt was seen by Gogol from this spot, the highest on the Janiculum. Thus, Zhukovsky's drawing becomes a kind of a nonverbal commentary on the excerpt "Rome", certifying the topographic accuracy and objectivity of Gogol's vision of the Eternal City.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Roman text, drawings of poet, verbal and visual diary, Nikolai Gogol, excerpt “Rome”

For citation: Lebedeva, O.B. (2023) The visual Roman diary of Vasily Zhukovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 159–183. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/8

Посвящается Рите Джулиани

В 1838 г. П.А. Плетнев писал в журнале «Современник» о рисунках Жуковского: «Знатоки всегда удивлялись верности его взгляда, умению выбирать точки, с которых он представляет предметы, и мастерству схватывать вещи характеристически в самых легких очерках» [1. С. 8]. Сам Жуковский обозначил истоки своей страсти к рисованию в письме к великой княгине Александре Федоровне от 2/14–7/19 октября 1821 г.: «...здесь должен я признаться Вашему Высочеству, что со вступления моего в Швейцарию открылась во мне болезнь рисованья; я рисовал везде, где только мог присесть на свободе, и у меня теперь в кармане почти все озера Швейцарии, несколько долин и полдюжины высоких гор» [2. Т. 16. С. 129]. В 1823 г., вскоре после своего возвращения из первого заграничного путешествия по Германии и Швейцарии с коротким заездом в Северную Италию, Жуковский в письме к своей сводной сестре А.П. Зонтаг от 11 января повторил почти то же самое: «Путешествие сделало меня и рисовщиком – я нарисовал *au trait* около 80 видов, которые сам выгравирову также *au trait*. Чтобы дать Вам понятие о моем искусстве, посылаю Вам гравюры павловских видов. Так же будут сделаны и швейцарские, только при них будет описание» [2. Т. 16. С. 176]. Между этими письмами Жуковский посвятил несколько месяцев – с мая по декабрь 1822 г. – усердным занятиям гравированием офортов по собственным рисункам.

Начиная с этого момента каждое путешествие Жуковского по европейским странам и России сопровождалось не только путевыми заметками и дневниковыми записями, но и рисунками. Пожалуй, можно сказать, что для Жуковского его путевые рисунки были тем же, чем для современного странствующего люда являются любительские фотографии – способом удержать в памяти и запечатлеть во времени быстротекущее мгновение, визуальный образ прекрасного, любопытного, поразившего воображение и внимание. С той только разницей, что любительская фотография очень редко обладает способностью генерировать эмоцию у того, кто ее видит – а авторский рисунок насыщен ею всегда: эмоциональное состояние художника запечатлено в рисунке так же непреложно, как эмоция поэта – в его стихотворном тексте. Во время пребывания Жуковского в Риме, 30 декабря 1838 г., П.А. Плетнев написал ему: «Я живо воображаю, сколько для Вас наслаждений в этой Италии <...> и, увы! сколько Вы накидаете карандашом собственных видов, потому увы, что в эти минуты могли бы Вы переводить Тасса или хоть Манцони, а еще бы лучше – писать собствен-

ные стихи» [3. С. 531]. Стихов Жуковский в Риме так и не написал, но их место полноценно заняли его римские рисунки – по степени эмоциональной насыщенности и выразительности, по несомненности запечатленного в них настроения эти рисунки совершенно эквивалентны стихам.

Таким образом, документальное наследие русского поэта включает в себя два типа дневников – вербальные и визуальные. Они не всегда совпадают в хронологическом отношении, но римские дневники в этом смысле представляют собой исключение: двухмесячное пребывание Жуковского в Вечном городе (декабрь 1838 – январь 1839 г.) озаменовано целой серией четко датированных рисунков, и периодически эти даты точно соотносятся с соответствующими датами дневниковых записей. Однако Жуковский в Риме и Рим Жуковского в вербальных и визуальных дневниках – это совсем разные образы поэта и города.

Если говорить о типологии дневниковых записей за время пребывания поэта в Вечном городе, то, во-первых, Жуковский был в Риме в качестве официального лица, наставника русского престолонаследника, сопровождающего своего воспитанника в его ознакомительном путешествии по Европе, – и в этом качестве его распорядок дня включал в себя множество официальных мероприятий. Во-вторых, как это было и в 1821 г., когда Жуковский впервые посетил Германию тоже в качестве официального лица в свите великой княгини Александры Федоровны, поэт и в Риме не упускал случая познакомиться со знаменитыми современниками и осмотреть достопримечательности города: главным образом это были памятники античной древности и архитектуры, картинные галереи, музеи и мастерские художников. Наконец, в-третьих, в Риме русский поэт был и частным человеком в кругу старых друзей и новых знакомых, с которыми он достаточно интенсивно общался и проводил немало времени. И все эти пункты его распорядка дня находили свое отражение в его дневниковых записях – пусть в краткой и номинативной форме, которую образно определил П.А. Вяземский, уподобив эти номинативные записи «колям, которые путешественник втыкает в землю, чтобы обозначить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться <...>» [4. Т. 7. С. 481].

В результате римские дневниковые записи создают впечатление если не мирской суеты – это как-то не очень применимо к Жуковскому, то все же необыкновенной плотности распорядка каждого римского дня русского поэта. И это впечатление вызывает у читателя его ежедневных заметок представление о стремительно-динамичной жизни их автора, не оставляющей ему времени на то, чтобы «остановиться, оглянуться», задуматься или погрузиться в медитативно-созерцательное состояние перед лицом тысячелетней истории европейской цивилизации, которая так наглядно и эмоционально-заразительно воплощена в римском пространстве, органично соединяющем в себе живую память обо всех эпохах европейской истории от Античности до современности. Вот лишь два типичных примера

подобных записей, дающих представление о том, как плотно насыщен был почти каждый римский день Жуковского:

9/21 декабря, пятница. **Утром у меня наши русские живописцы:** Иванов, Живаго и декоратор Никитин. Потом Шевырев. **К Кривоцову**, у которого завтрак; от него **к Броуну** на Ripa Tagreja; **к княгине Голицыной и к княгине Волхонской.** **К Гоголю**, замасанная служанка. **В рабочую Торвальдсена:** новый барельеф Аполлон пастух, pendant Иоанна; начатый барельеф Аполлон, грации, музы и поэты; Молодая плясунья. Гомер, поющий пред толпою. Суд Соломонов, проект барельефа. **В дом Торвальдсена:** картины новейших. Публичный писец, пишущий письмо и читающий ответ на него; Нерлиевы *Буйволы*; Грек Роберта; *портрет Торвальдсена* Гораса Вернета; *Мадонна* Овербека. *Положение во гроб* Корнелиуса; *Спящий младенец в колыбели на солнце* Кателя; *Песчаный берег* Гюдена. Рисунки Кестнера. Маски Наполеона и Геге и еще многие другие. **За обедом** разговор о гвардии и Петербурге, главный оратор Челищев. **Вечер у посланника.** Кестнер, Шпаур, посол австрийский, монсиньор, Висконти, Нибби, Броун, Бух, Палацкий, Тиле, Лудольф, Литта [2. Т. 14. С. 141].

17/29 января, вторник. **У меня Минарди и Нибби.** С Гоголем **к Камучини.** Прекрасная галерея. Пристань морская Клод Лоррена. Рафаеля Мадонна, и св. Екатерина с св. Варварой. Эскиз Магдалины Корреджия. Жиотто. Замечательная картина Жан Беллино Боги на земле в пьянстве (Плутон и Прозерпина, Бахус и Венера, Юпитер и Геба, Аполлон, Геркулес, фавны. Ландшафт к ней Тицианов). Христос и беснующийся Гарофало. Эсфирь Гверчино. Ферарская красавица в виде Юдифи Гарофало. Praesepio de Garofalo. Распятие – Гвида. Портрет Павла III – Тициана. – **В Maria sopra Minerva** повидаться с несравненно Мадонною Фьезоле. Замечательная библиотека. – **В Palazzo Braschi** дивная лестница, гранитные колонны, пилястры из драгоценного мрамора, пол мозаика, балюстрада белого мрамора; **в Palazzo Mattei** замечательный двор. **На Pinetmu** рисовать. **У Вьельгорского. Дома.** Ввечеру **у умирающего Агафонова.** Потом **чтение Гоголево «Коробочка»** [2. Т. 14. С. 151]¹.

Из этих записей вырастает образ необыкновенно деятельного, подвижного, динамичного человека, обладающего широким эстетическим кругозором и более чем обширной эрудицией, человека в высшей степени коммуникабельного и имеющего невероятно широкий круг самых разнообразных знакомств – какого угодно замечательного человека, но только не поэта-романтика. Разумеется, все перечисленные черты личности были Жуковскому свойственны, но ими далеко не исчерпывается его духовный облик: главное в поэте – это поэтическая душа, а ее-то и нет в дневниковых записях.

Что же касается образа города, то он в римском дневнике Жуковского предстает своего рода русским вариантом Бедекера и в этом смысле – не очень-то изобильным источником для имагологического исследования и реконструкции индивидуального римского текста поэта: римские досто-

¹ Полу жирным курсивом выделены те записи, которые свидетельствуют о передвижении Жуковского в течение одного дня; светлым курсивом обозначены подчеркивания в оригинальном тексте Жуковского. – О.Л.

примечательности, которые он посетил и отметил в своем дневнике, – это все те же римские достопримечательности, которые на протяжении уже нескольких веков неизменно манят к себе весь странствующий люд независимо от фоновых знаний и априорного культурного багажа путешественника. И если бы мы не знали визуального римского дневника русского поэта, это впечатление было бы абсолютно доминирующим фактором в наших представлениях о том, как Жуковский чувствовал себя в Риме, каким он увидел и воспринял Вечный город, каким сложился и остался образ города в сознании поэта. Эти представления были бы если не совсем неадекватными, то все же, безусловно, односторонними. Хотя в перечислительных дневниковых записях и зафиксировано множество эстетических впечатлений Жуковского – можно даже сказать, превосходящее множество, поскольку некоторые записи выглядят просто как каталоги картинных галерей, – они все же не передают того, что для поэта было главным: настроения путешественника и эмоциональной насыщенности увиденного его глазами и пережитого его душой образа городского пространства в его доминантах. Перефразируя слова самого поэта, можно сказать, что в вербальном римском дневнике Жуковского нет того самого «невыразимого», которое неподвластно выражению. Зато оно, это невыразимое, сохранилось в его визуальном дневнике, в его рисунках, может быть, именно потому, что пластический код описания топоса по-иному насыщен эмоциями и смыслами, нежели вербальный. Во всяком случае, выбор объекта, композиция рисунка, точка зрения художника, общая манера письма и самое главное – типология сюжета, способны генерировать эмоцию не менее интенсивную, чем поэтический текст и гораздо более интенсивную, чем документальное свидетельство о топосе. Однако тут же следует отметить, что в лаконичных дневниковых записях периодически присутствует слово «рисовать»:

11/23 января, среда. К Потемкину. В картинную галерею. В S. Agostino. Рафаелев Исаия, бледные фрески. К Мещофанги. В Ватикан, рисовал в галерее, сверху и снизу.

12/24 января, четверг. С Гоголем и Викулиным у Минарди. В Villa Mills. Рисованье.

17/29 января, вторник. На Рипетту рисовать.

22 января/3 февраля. Утром рано в ясный, но весьма холодный день в Villa Volchonsky для рисованья

29 января/10 февраля, воскресенье. У обедни. Рисовал. В S. Pietro in Montorio [2. Т. 14. С. 150–153].

Даты некоторых записей и рисунков совпадают; в других записях нет слова «рисовал», но дневниковая запись и рисунок, датированные одним и тем же числом, совпадают по своему сюжету. Историю римских рисунков Жуковского убедительно реконструировала Л.И. Вуич: «На страницах маленького альбома темно-зеленого сафьяна, служившего Жуковскому за-

писной книжкой¹ <...> путевые заметки чередуются» [5. С. 684] со стремительными эскизными набросками разных видов Рима: как писал в письме к А.С. Данилевскому от 5 февраля 1839 г. римский чичероне Жуковского Н.В. Гоголь, поэт рисовал их «на лету», «в одну минуту <...> по десяткам и чрезвычайно верно и хорошо» [6. Т. 11. С. 197]. О Гоголе и его роли в римских рисунках Жуковского мы еще вспомним далее. Как справедливо считает Л.И. Вуич, «заниматься отделкой натуральных зарисовок во время поездки было бы невозможно из-за невероятной насыщенности каждого дня, о которой свидетельствует дневник поэта. Манера исполнения и одинаковое оформление позволяют сделать вывод, что Жуковский работал над рисунками в одно и то же время, создавая альбом на память о своих путешествиях. В одной из папок (№ 62) на последних листах можно увидеть членов семьи Рейтернов, которых Жуковский рисовал в 1840–1842 гг. Следовательно, завершённые рисунки появились не раньше этого времени, т.е. уже после женитьбы, когда он поселился в Германии» [5. С. 684–685]².

Визуальный римский дневник Жуковского со всей наглядной очевидностью свидетельствует о том, что даже в эти сравнительно поздние годы своей жизни и своего творчества (а 29 января 1839 г., когда поэт был в Риме, ему исполнилось 46 лет, он практически перестал писать лирические стихотворения и очень недалеко уже было то время, когда он окончательно отдаст себя стихотворному эпосу) он остался романтиком – не столько в терминологически-литературном смысле, хотя и это тоже неопровержимый факт, а в смысле экзистенциально-мировоззренческом, предполагающем в основе мирозерцания концепт двоимирия: реально-бытовое «здесь», в котором живет земной человек, и «очарованное Там», где в основном обитает душа поэта и которое она стремится рассмотреть за видимыми очертаниями материального мира:

С тех пор – необожатель
Подсолнечных сует –
Стал верный обитатель
Страны духов поэт,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпе дороги нет [2. Т. 2. С. 189].

Общий эмоциональный настрой римских рисунков Жуковского, как кажется, можно определить именно этим самому Жуковскому принадлежащим словом «страна неоткровенная»: в его рисунках, как это может показаться на первый взгляд, запечатлен просто реальный топос (как правило, рисунки поэта отличаются практически фотографической точностью и

¹ Этот альбом хранится в ОР РНБ (Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 59).

² Римские (и вообще итальянские) рисунки Жуковского сосредоточены в папке № 63 (ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2).

очень верны в топографическом отношении). Но это только на первый взгляд. Уже второй убеждает в том, что римские виды Жуковского – это не только римские виды, но и пространство души, воссозданное при помощи одних и тех же художественных приемов. От других рисунков Жуковского римские не отличаются только по одному признаку: это его характерная графическая манера «au trait». Что касается выбора объекта, то здесь очевидно влияние Гоголя: Жуковский бродил по Риму именно в его обществе, и римские маршруты двух русских писателей были составлены именно Гоголем, о чем прекрасно написала в своей книге Рита Джулиани [7. С. 35–39, 60]. Но особенного внимания заслуживают типология сюжета римских рисунков, их композиция и точка зрения художника, представленная в них совершенно особенным приемом.

Если говорить о типологии сюжета, то очевидно, что Жуковского более всего привлекает широкий панорамный вид: это ландшафтное предпочтение выявилось у русского поэта очень рано, и причины его обозначены самим Жуковским в самые первые годы его творчества с предельной внятностью:

1 июля 1805, вечером. Я нынче в каком-то приятно-унылом расположении. Не думая ни о чем, задумчив. Мне приятно было смотреть на отдаления, покрытые вечернею тенью. Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неясственно за прозрачным занавесом. Ничего не может быть приятнее этих трогательных минут, когда сердце полно – чем? не знаешь! Всё тогда действует на тебя гораздо живее. Глядишь с чувством на небо; хотел бы всякую минуту броситься на колена! Любишь Бога, то есть сильно Его чувствуешь [2. Т. 14. С. 14].

Именно этот взгляд на отдаление, очертания которого теряются в глубине пространства, более всего соответствует романтическому двомирию, острому переживанию тайны бытия, взволнованному состоянию человека, погрузившего свой взгляд не только в неясные очертания дали, но и в глубины собственной души, – и очень характерно то, что подобное медитативное состояние переживается как религиозное чувство, ср. в стихотворении «Невыразимое», написанном в 1819 г.:

Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье –
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит [2. Т. 2. С. 130].

Поэтому понятно, что семихолмный Рим с его избытком высоких обзорных точек, с которых открываются широкие виды на Римскую Кампанию и панораму города, замкнутую в туманном отдалении легкими очерками Альбанских и Сабинских гор, панораму всегда разную и всегда зача-

ровывающую, должен был очаровать Жуковского. Он его и очаровал, по свидетельству Гоголя, его неизменного спутника в прогулках по Риму: Жуковский «весь упоен Римом», он «весь влюбился в него» [б. Т. 11. С. 195, 197]¹. И молчаливые, тихие² римские рисунки Жуковского говорят очень понятно – и об образе Рима в сознании поэта, и о состоянии его души, всматривающейся в тайну вечности Вечного города.

Абсолютное большинство римских рисунков – это панорамные виды, запечатленные, как правило, с высокой обзорной точки: вид с балкона Сан Джованни ин Латерано (рис. 1), вид на Фраскати с Латинских гор (рис. 2), парный рисунок с видами Тиволи и виллы Д'Эсте (рис. 4), вид с кровли собора Святого Петра (рис. 7), парный рисунок, запечатлевший вид с кровли Святого Петра на Сант Онофрио и вид с террасы Сант Онофрио (рис. 8), вид из виллы Милльс на руины дворца Цезарей и Циркус Максимум (рис. 10), вид от Санта Бибиана на термы Каракаллы (рис. 12), Вилла Маттеи (рис. 14), вид на Альбанское озеро и Капель Гандольфо (рис. 15), вид с высоты Колизея на Рим (рис. 19). Но даже на рисунках, основной сюжет которых замкнут в пределах ограниченного пространства, непременно найдется уголок дальнего плана, в котором взгляд наблюдателя легко может потеряться в бездонности перспективы – как это характерно и для дальних планов на картинах итальянских художников Высокого Возрождения (см., например, вторую часть двойного рисунка, посвященного вилле Адриана – Печиле, где вид сквозь арку акведука заставляет глаза зрителя погрузиться в туманные отдаления почти за пределами изображенного пейзажа (рис. 3), или рисунок, изображающий надгробие Полины Вяземской (рис. 6), где ритм четких линий древесных ветвей уводит взгляд созерцателя к далекому и еле заметному центру перспективы всей композиции – к чуть виднеющимся между деревьями куполам собора). Пожалуй, исключениями из этого правила нельзя назвать и те рисунки, которые изображают замкнутое городское пространство: даже на таких рисунках, как Колизей (рис. 5), Форум Романум (рис. 11), Ла Рипетта (рис. 16), Пьяцца Минерва (рис. 21) акцентированы или проемы арок, или изгибы улиц, или направление движения фигурок пешеходов, точно так же уводящие взгляд зрителя за пределы пространства или в глубину графического листа.

На абсолютном большинстве римских рисунков Жуковского, особенно панорамных, бросается в глаза одна повторяющаяся деталь – фигура человека, изображенного со спины или вполоборота, вся поза которого свиде-

¹ Письма к В.Н. Репниной от 18 января 1839 г. и к А.С. Данилевскому от 5 февраля 1839 г.

² По точному замечанию Н.В. Самовер, «рисунки Жуковского подчеркнута тихи»; тишина же «связана с понятием жизни, точнее, с ее божественной сущностью», тишина «несет в себе образ вечности». И далее исследовательница замечает: «Мир Жуковского – мир непреходящей жизни, воплощенной не в событиях, а непосредственно в самом бытии. Все живое для него – прежде всего бытийственно, и всякое бытие – живо. Отсюда и свойственный ему образ Италии – идеально прекрасной, но молчаливой, сосредоточенной, проникнутой чуть заметной светлой печалью» [8. С. 359, 360, 370].

тельствует о том, что он погружен в самозабвенное созерцание: в большинстве случаев это Гоголь, в компании с которым Жуковский познавал Рим.

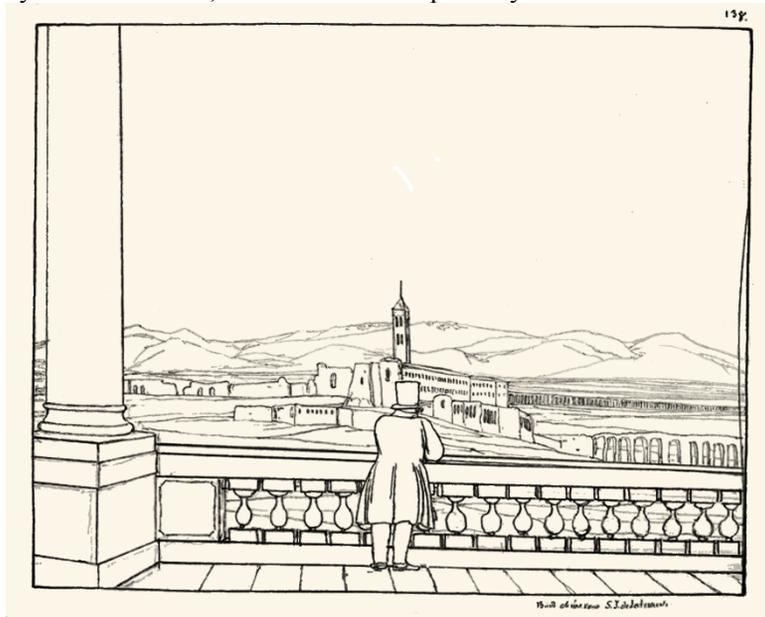

Рис. 1. 1 / 13 января. Вид с балкона S.<an> G.<i>iovanni> di Laterano

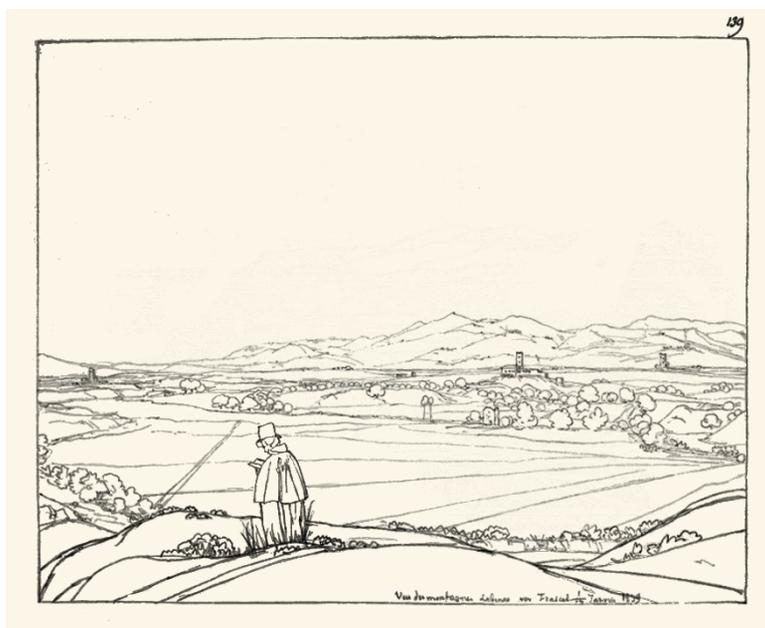

Рис. 2. 2 / 14 января. Vue des montagnes Latines vers Frascati
[Вид на Фраскати с Латинских гор]

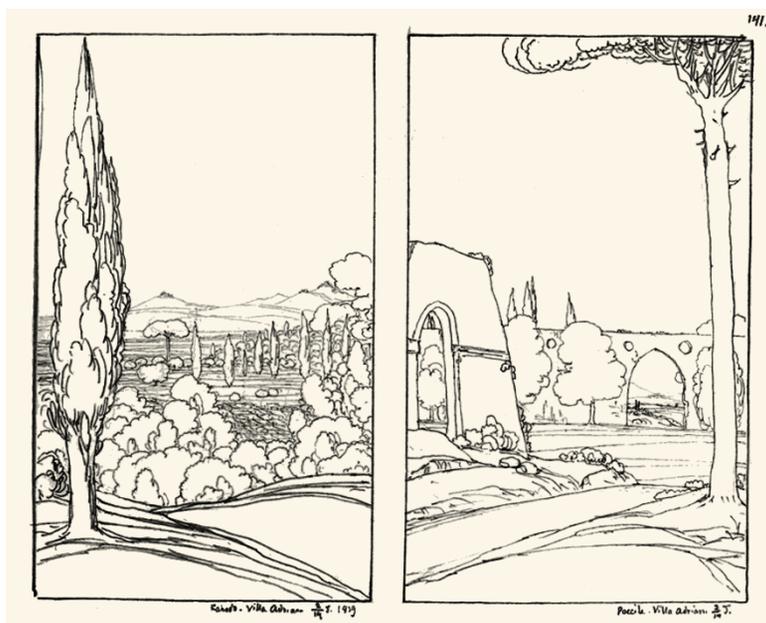

Рис. 3. 2 / 14 января: а – Каноб. Villa Adriana [Канопус. Вилла Адриана]; б – Pecile. Villa Adriana [Печиле. Вилла Адриана]. «1 / 13 января. <...> Вход в виллу Адрианову. Обошли виллу Пизонову» [2. Т. 14. С. 149]

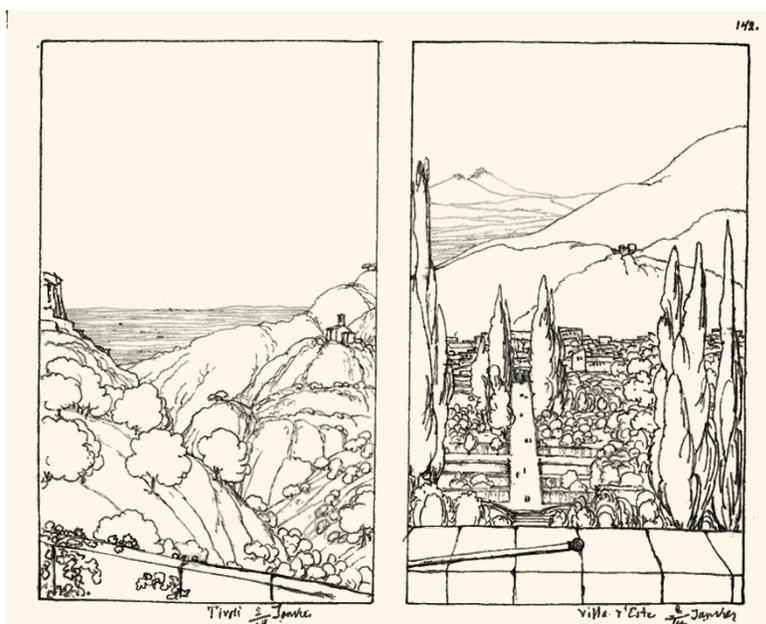

Рис. 4. 2 / 14 января: а – Tivoli [Тиволи]; б – Villa D'Este [Вилла Д'Эсте]. «2 / 14 января. В Тиволи» [2. Т. 14. С. 149]

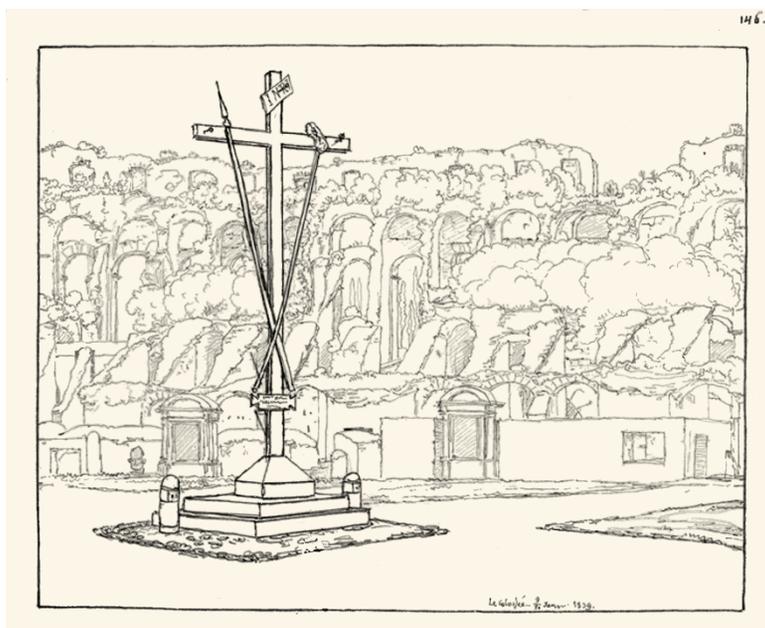

Рис. 5. 9 / 28 января. Le Colossée [Колизей]. «9 / 21 января, понедельник.
<...> В Колоссей» (XIV. 149)

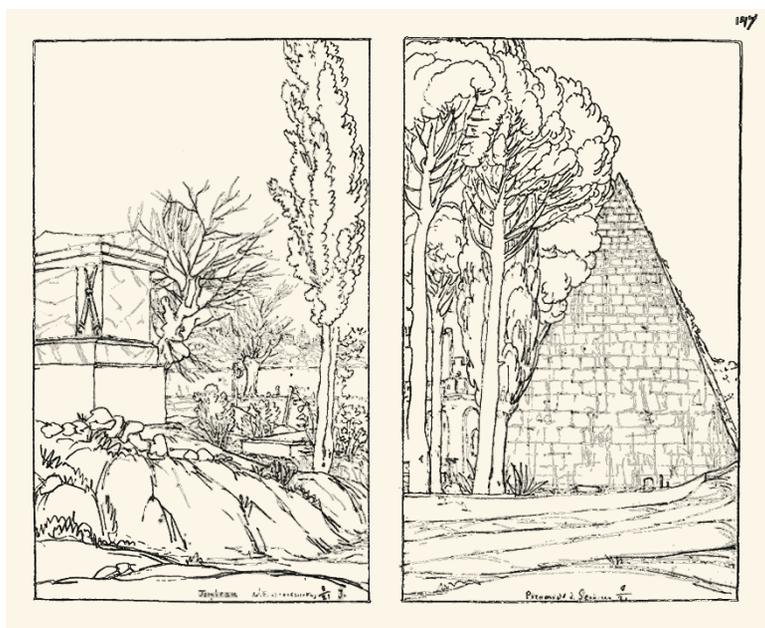

Рис. 6. 9 / 21 января: а – Tombeau de P.<auline> Viazemsky [Надгробие Полины
Вяземской]; б – Pyramide de Sestio [Пирамида Цестия]. «9 / 21 января, понедельник.
<...> К Сестиевой пирамиде» [2. Т. 14. С. 149]

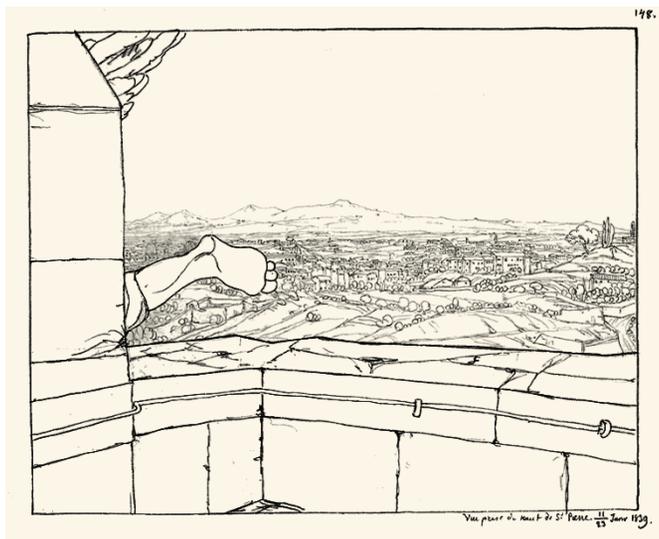

Рис. 7. 11 / 23 января. Vue prise du haut de St. Pierre [Вид с кровли собора Святого Петра]

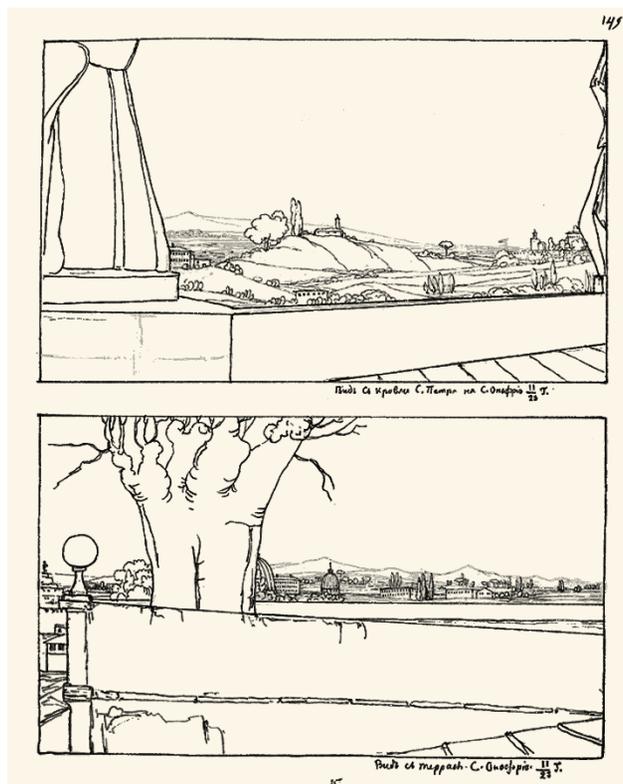

Рис. 8. 11 / 23 января: а – вид с кровли Св. Петра на С. Онофрио; б – вид с террасы С. Онофрио. «11 / 23 января, среда. <...> В Ватикан, рисовал в галерее сверху и снизу. В S. Onofrio» [2. Т. 14. С. 150]

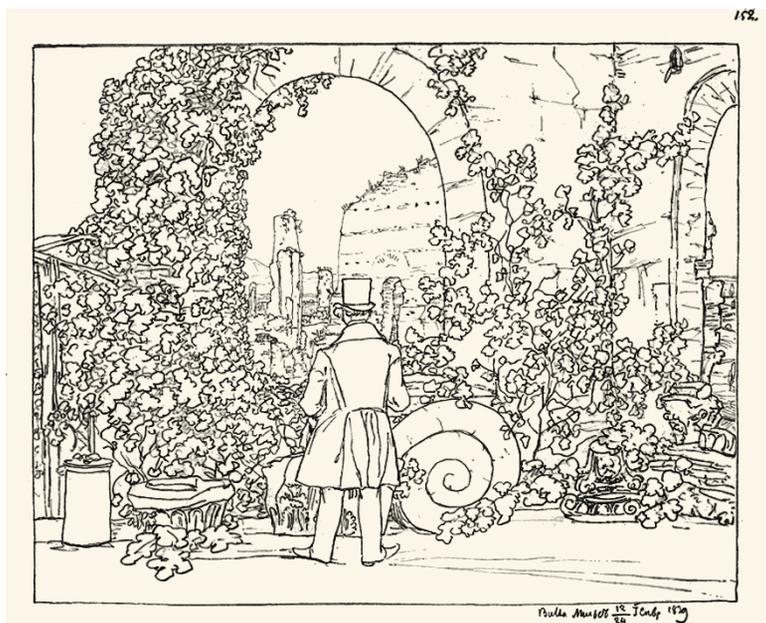

Рис. 9. 12 / 24 января. Вилла Милльс

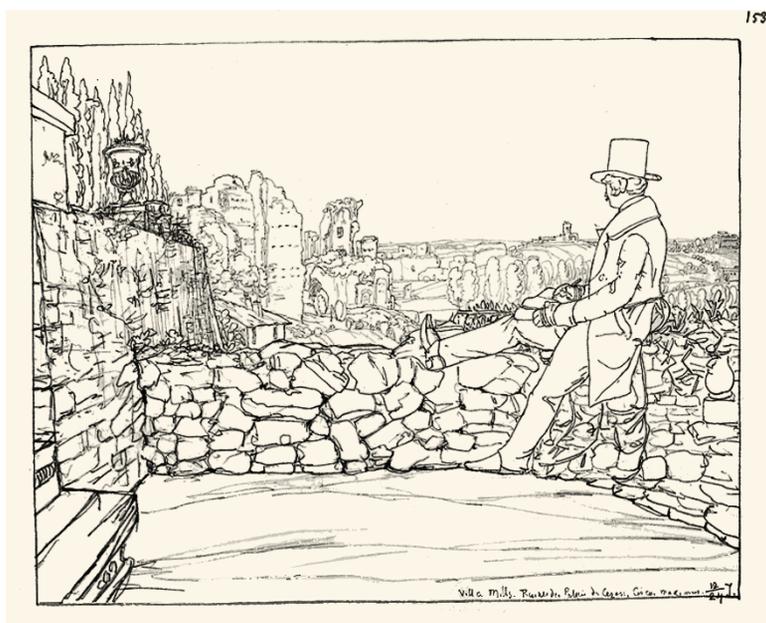

Рис. 10. 12 / 24 января. Villa Mills. Ruines du Palais des Césars, Circus Maximus
[Вилла Милльс. Руины дворца Цезарей, Циркус Максимус]. «12 / 24 января, четверг.
В Villa Mills. Рисованье» [2. Т. 14. С. 150]

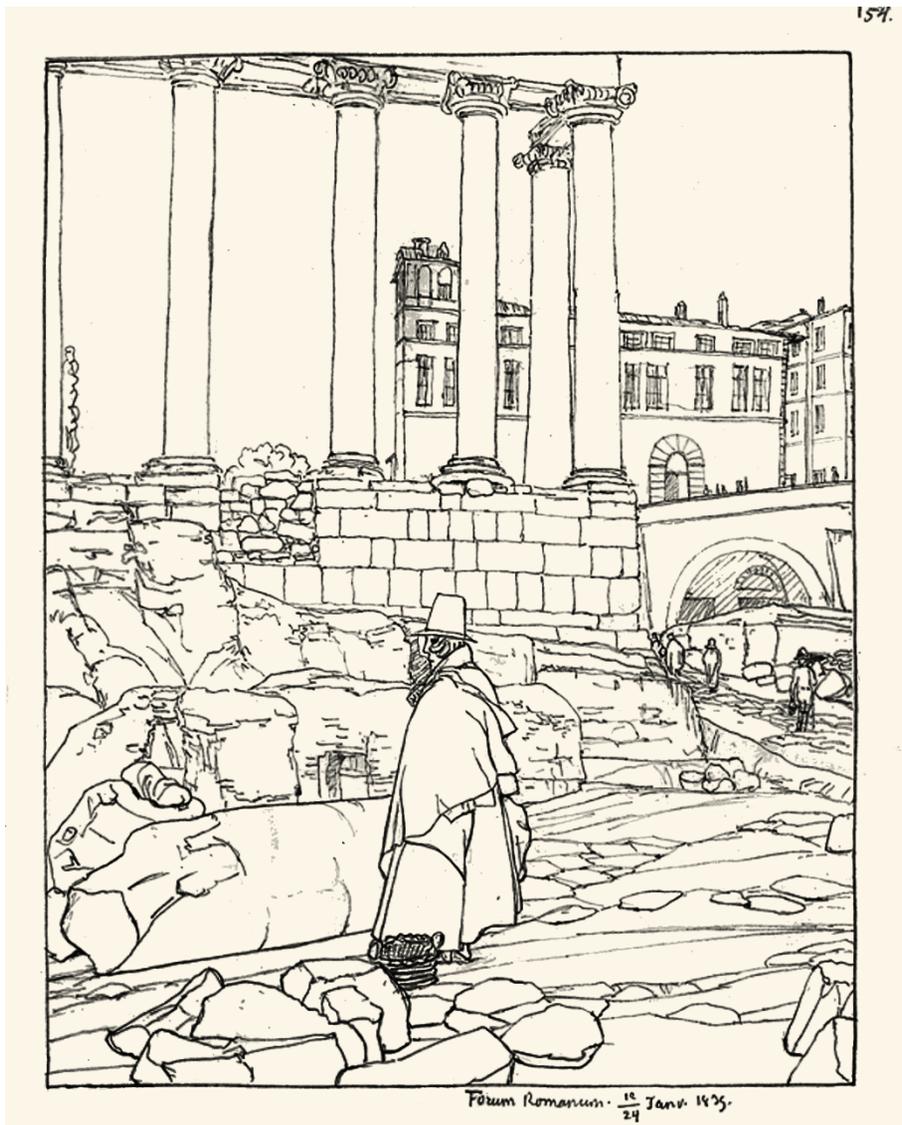

Рис. 11. 12 / 24 января. Forum Romanum [Римский Форум]. «12 / 24 января, четверг. В Forum» [2. Т. 14. С. 150]

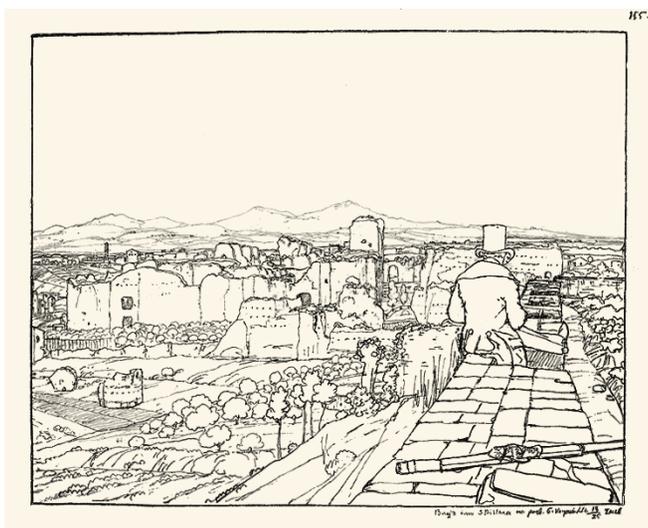

Рис. 12. 13 / 25 января. Вид от S. Bibiana на разв.<алины> Б.<ань> Каракаллы.
«13 / 25 января, пятница. В S. Bibiana»; к «С. Metella, в villa Mattei» [2. Т. 14. С. 150]

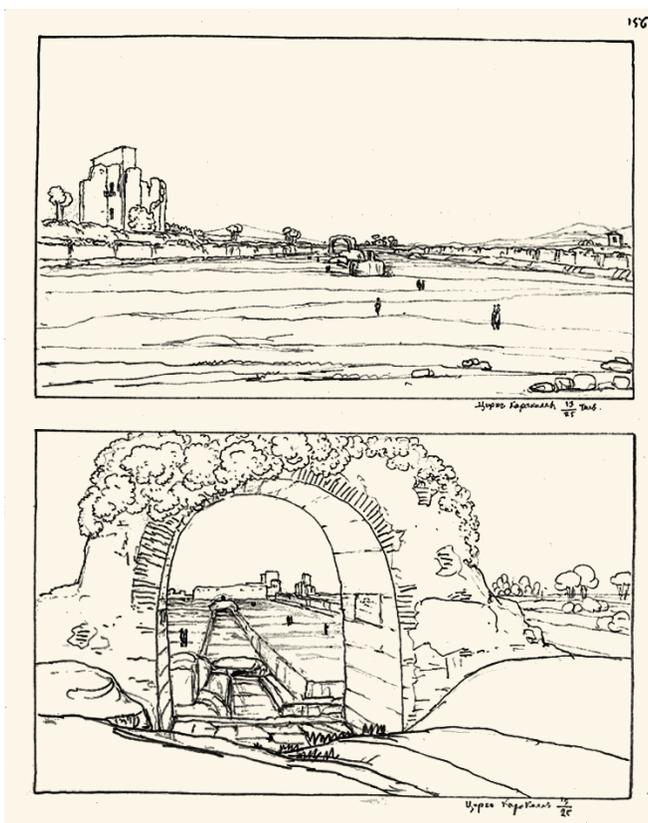

Рис. 13. 13 / 25 января. Цирк Каракаллы

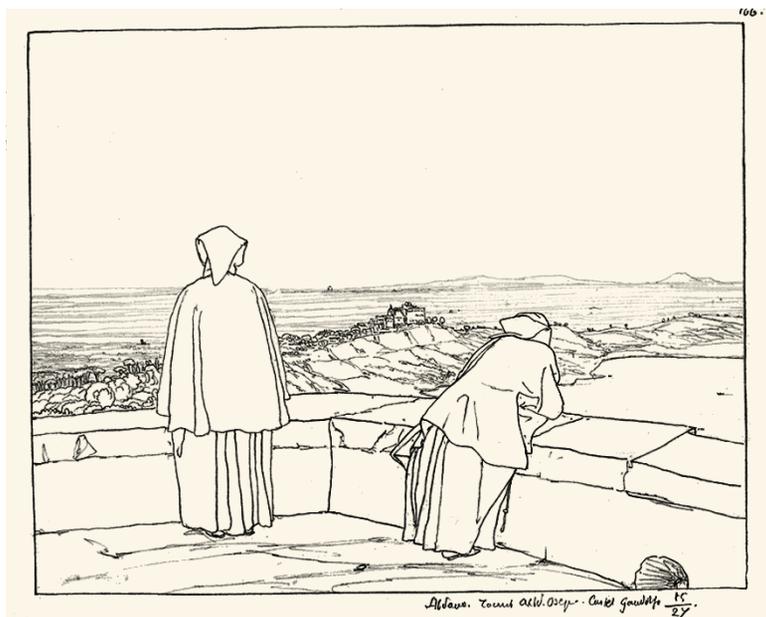

Рис. 14. 15 / 24 января. Альбано. Часть Альбанского озера. Castel Gandolfo.
«15 / 27 января, воскресенье. Поездка в Альбано. <...> Вид с горы. Оттуда через город
и через аллею дубов Castel Gandolfo и в Villa Barberini» [2. Т. 14. С. 150]

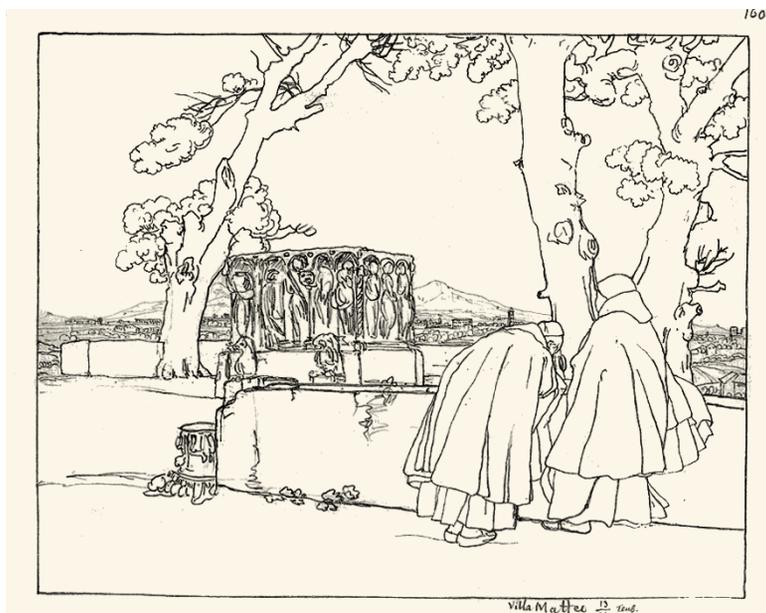

Рис. 15. 13 / 25 января. Villa Mattei. «15 / 27 декабря, четверг. <...> La villa Mattei.
Саркофаг под тенью зеленых дубов. Вид на Circus Maximus. С одной стороны –
бани Карагаллы, с другой – развалины дворца кесарей. За цирком горы. Луна»
(XIV. 143); «13 / 25 января, пятница. <...> в villa Mattei» [2. Т. 14. С. 150]

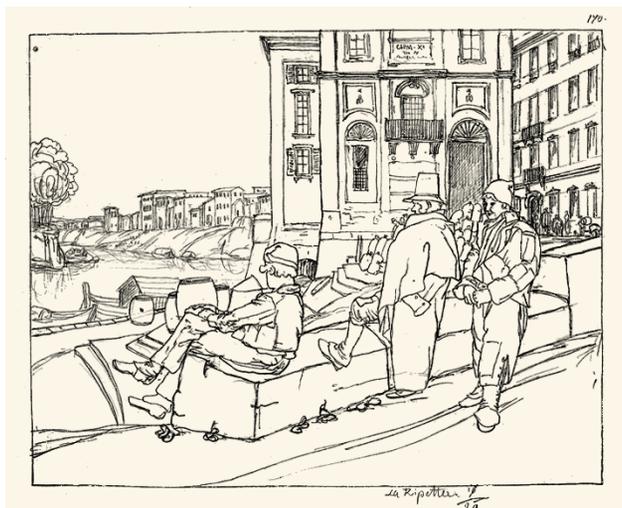

Рис. 16. 17 / 29 января. La Ripetta [Ла Рипетта]. «17 / 29 января. <...>
На Рипетту рисовать» [2. Т. 14. С. 151]

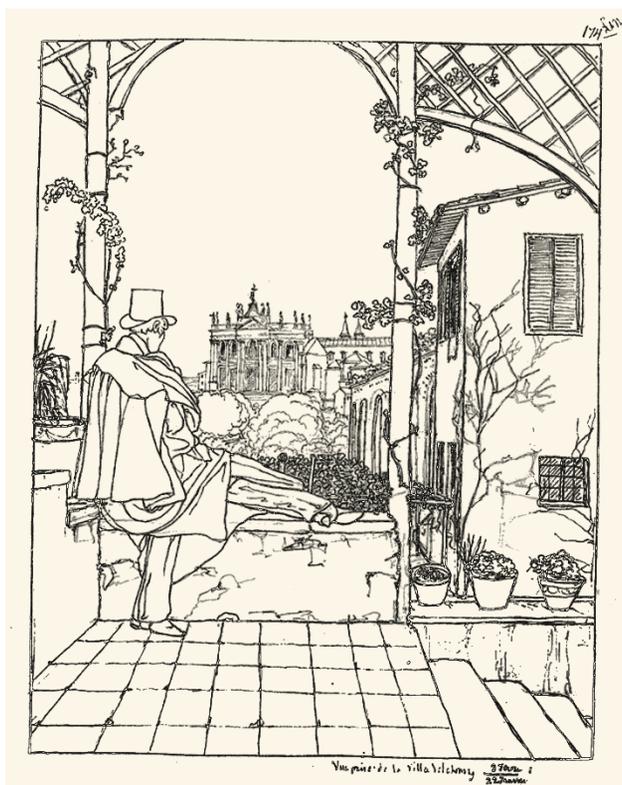

Рис. 17. 22 января / 3 февраля. Vue prise de la Villa Volchonsky
[Вид с виллы Волконской]. «22 января / 3 февраля. Утром рано в ясный, но весьма
холодный день в Villa Volchonsky для рисования» [2. Т. 14. С. 151]

Рис. 18. 22 января / 3 февраля. Vue prise du haut du Colisée [Вид с высоты Колизея].
«22 января / 3 февраля. <...> Потом в Колоссей» [2. Т. 14. С. 151]

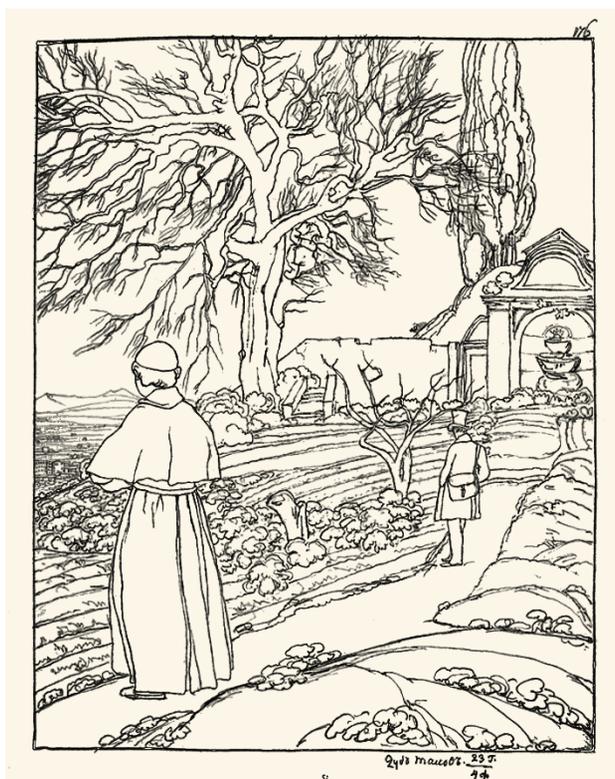

Рис. 19. 23 января / 4 февраля. Дуб Тассов. «23 января / 4 февраля, понедельник.
Начало карнавала. <...> В Сант Онофри, где слышал колокол» [2. Т. 14. С. 151]

Рис. 20. 28 января / 9 февраля. Villa Wolchonsky [Вилла Волконской].
«28 января / 9 февраля, суббота. <...> К княгине Волконской. Завтрак на вилле»
[2. Т. 14. С. 152]

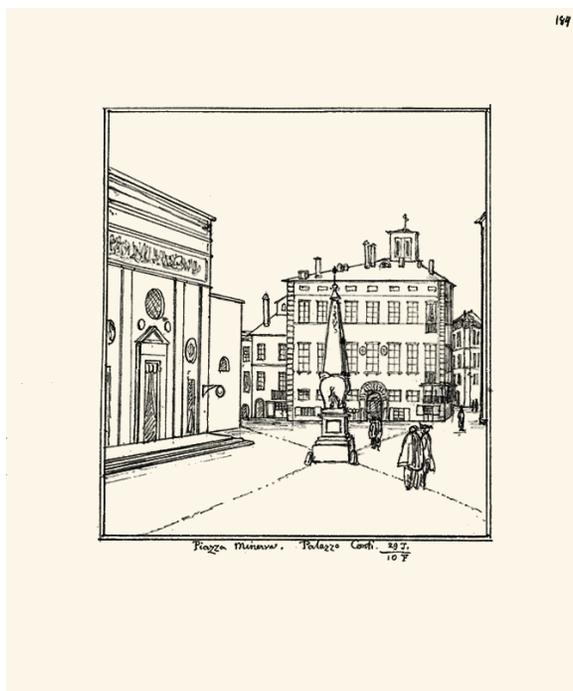

Рис. 21. 17 / 29 января. Piazza Minerva. Palazzo Conti [Пьяцца Минерва. Палаццо Конти].
«29 генваря, вторник. <...> В Мариа sopra Minerva повидаться с несравненною
Мадонною Фьезоле» [2. Т. 14. С. 151]

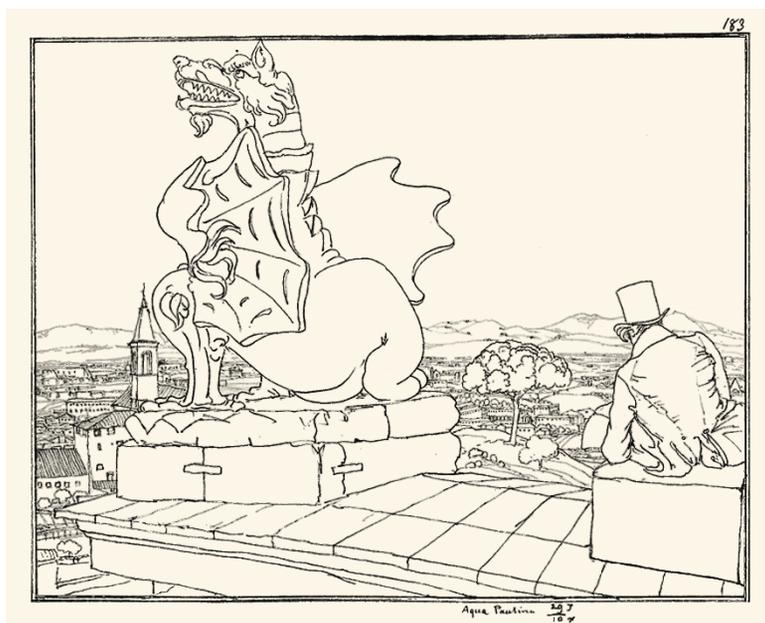

Рис. 22. 29 января / 10 февраля. Aqua Paulina [Аква Паулина]. «29 января / 10 февраля, воскресенье. <...>. Рисовал. В S. Pietro in Montorio» [2. Т. 14. С. 153]

Однако это могут быть и монахи, как, например, на рисунках Вилла Маттеи (рис. 14), Альбано (рис. 15), Дуб Тассов (рис. 20), или римские оборванцы, глазеющие на течение Тибра (Ла Рипетта, рис. 16), или, наконец, просто условные фигуры прохожих, чье движение направлено вглубь, от наблюдателя (Цирк Каракаллы, рис. 13; Пьяцца Минерва, рис. 21), что также ведет за собой взгляд зрителя за пределы графического листа. Среди этих фигур, отвернутых от зрителя и обращенных к Риму, конечно, особенного разговора заслуживает именно фигура Гоголя (Гоголь изображен со спины или вполборота на рис. 1, 2, 9–12, 16–20, 22), но не столько потому, что это друг Жуковского и великий русский писатель, сколько потому, что именно поза Гоголя, застывшего в созерцании и погруженного в своего рода экстатическую медитацию, как представляется, воплощает в себе то, чего художник по определению не может запечатлеть на своем рисунке, не прибегая к формальным ухищрениям типа своего собственного отражения в зеркале, введенного в композицию, – а именно его, художника, позицию, точку зрения и настроение. Рискну высказать предположение, что на рисунках Жуковского Гоголь, погруженный в созерцание Вечного города, – это не только Гоголь, но и сам Жуковский, который таким образом запечатлевает в своем рисунке то состояние всматривания одновременно в красоту Вечного города и его окрестностей – и в глубины собственной души, погруженной в высокую тишину экстатического, почти религиозного свойства: «сие присутствие создателя в созданье»... Как кажется, именно этим настроением невыразимости насыщен визуальный римский дневник поэта, который за 20 лет до того, как

увидеть Рим и запечатлеть его в своих рисунках, выразил это состояние-настроение вербальным способом в стихотворении «Невыразимое»: «и лишь молчание понятно говорит...».

Среди римских рисунков Жуковского, на которых запечатлен созерцающий Рим Гоголь, один заслуживает специального разговора: «Аква Паулина» (рис. 22). На нем писатель изображен погруженным в созерцание панорамы Рима на фоне химеры фонтана Аква Паола, венчающего вершину Яникульского холма и лежащего на пути к церкви Сан Пьетро ин Монторио по Яникулу. О совместных прогулках Жуковского и Гоголя по Риму в свое время прекрасно написал А.С. Янушкевич. Позволю себе заключить обзор визуального римского дневника Жуковского обширной цитатой из этой статьи; в ней обнаруживает себя со всей очевидностью еще одна функция визуального римского дневника Жуковского, а именно его способность служить комментарием к художественным текстам и более того – доказательством, что тексты эти не погрешают против истины:

Этот рисунок [Аква Паулина] заслуживает нашего особенного внимания. Прежде всего, он является «типично романтическим рисунком-экспериментом» [8. С. 371] – для Жуковского это символ борения души, внутреннего зрения, с химерами житейской суеты и минутных радостей – то, что с такой силой поэт выразил в известном своем стихотворении «Теон и Эсхин»:

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои –
Ты жизнь презирать научился... [2. Т. 1. С. 383].

Образ химеры в этой метафорически-аллегорической функции достаточно устойчив в дневниковой прозе и эпистолярной Жуковского как выражение суетности и бесцельности существования. Так, в письме к Ф.Г. Вендриху от 19 декабря 1805 г., определяя свою этико-философскую позицию периода самоусовершенствования, Жуковский замечает:

В свете обыкновенно смеются мечтам и чувствам пылких молодых людей; называют их понятия о добродетели химерами; в самом деле, они химеры в большом свете, для которого они существуют и который привык обращать все в смешное; но они не химеры для того человека, который заключает свое счастье меньше в грубой чувственности, нежели в наслаждениях духовных <...> [2. Т. 15. С. 35].

Но сам сюжет этого рисунка в контексте отзвуков римского паломничества двух русских писателей в творчестве Гоголя неожиданно делает его (рисунок) документальным свидетельством, которое позволяет пролить новый свет на одно доселе темное место в гоголевских текстах, созданных в Риме (отрывок «Рим»).

Особенного внимания заслуживает в этом отношении заключительный эпизод повести: тот самый, в котором римский князь погружается в созерцание панорамы Рима, открывшейся ему – в повести Гоголя – с площадки перед церковью S. Pietro in Montorio:

...там плоский купол Пантеона; там убранный верхушка Антониновской колонны с капителью и статуей апостола Павла; еще правее возно-

сили верхи capitoлийские здания с конями, статуями; еще правее, над блещущей толпой домов и крыш величественно и строго поднималась темная ширина Колизейской громады [б. Т. 3. С. 258].

Как хорошо известно, описание Гоголя не соответствует тому, что в реальности можно увидеть с этого обзорного пункта, даже учитывая то обстоятельство, что за более чем 160 лет общая композиция римского пространства, при неизменности перечисленных Гоголем опорных пунктов, могла измениться за счет разросшихся деревьев и новых сравнительно высоких зданий, заслонивших отдельные секторы панорамы. От San Pietro in Montorio невозможно одновременно увидеть Пантеон, Капитолий и Колизей, поэтому считается, что панорама Рима, описанная Гоголем в отрывке, или создана им по памяти, или имеет идеальный характер, соединяя в себе знаковые точки римского урбанистического ландшафта. Однако же здесь-то и уместно вспомнить рисунок Жуковского, изображающий Гоголя рядом с химерой, венчающей высокое здание фонтана «Aqua Paola».

Мало того, что фонтан расположен на одной из самых высоких площадок Яникульского холма, он и сам по себе очень высок (не менее 20 м), и карнизы с химерами высоко подняты даже над шпилем церкви San Pietro in Montorio, что хорошо видно на рисунке Жуковского. В целом над уровнем обзорной площадки у церкви химеры возвышаются метров на 30, что существенно расширяет горизонт обзора, сглаживая выступающий изгиб Яникула, на котором расположена церковь и который препятствует охватить всю панораму города одним взглядом, как это происходит в повести Гоголя с ее героем; однако вполне возможно, что всеохватная панорама Рима, описанная в отрывке, была увидена Гоголем именно с этой, высочайшей на Яникуле обзорной точки. Таким образом, рисунок Жуковского становится своего рода невербальным комментарием к отрывку «Рим», удостоверяя топографическую точность и объективность гоголевского видения Вечного города [9. С. 76, 78–80].

Всеохватная панорама Рима, воссозданная Гоголем в финале отрывка, предельно эмоционально насыщена: она «чудная и сияющая», она «покрыта ослепительным блеском солнца», ее замыкают «прозрачные горы, легкие, как воздух, объятые каким-то фосфорическим светом», ее нельзя передать «ни словом, ни кистью»: «Боже, какой вид! Князь, объятый им, позабыл и себя, и красоту Аннунциаты, и таинственную судьбу своего народа, и всё, что ни есть на свете» [б. Т. 3. С. 258–259], совершенно так же, как это происходило с Гоголем и Жуковским в их прогулках по Риму. Знаменитая гоголевская панорама Рима, завершающаяся констатацией абсолютного самозабвения ее созерцателя, в свете римских рисунков Жуковского выглядит чуть ли не их экфрасисом – если не сами рисунки, то пронизывающее их непередаваемое «ни словом, ни кистью» настроение высокой тишины души, самоуглубленной, но в то же время распахнутой навстречу красоте и вечности мира, воспроизведено в гоголевском слове с той же силой эмоциональной убедительности, как и в стихотворении Жуковского «Невыразимое».

Время с сентября 1839 г. по май 1840 г. Гоголь провел в России, в основном в Москве, но с 30 октября по 17 декабря он жил в Петербурге, поселившись у Жуковского в Шепелевском дворце [10. С. 555]. Возможно, римские рисунки Жуковского к этому времени были уже готовы и друзья их рас-

сматривали вместе? Сделать это предположение позволяет одна из ноябрьских дневниковых записей поэта: «9, четверг. Утро дома, приводил в порядок альбомы» [2. Т. 14. С. 190]. Вполне возможно, что в ней говорится именно об альбомах дорожных (в том числе и римских) зарисовок Жуковского. Но даже если это не так, о римских днях, проведенных вместе, Жуковский и Гоголь не могли не вспомнить, увидевшись впервые после встречи в Риме. И, вероятно, эти воспоминания тоже сыграли свою роль, окрасив настроением тех римских дней финал гоголевского отрывка «Рим».

Творческая история отрывка «Рим» доподлинно неизвестна: предположительно, это произведение Гоголя было написано весной 1838 г. или осенью 1839 г. [6. Т. 3. С. 707–708]. В этих пределах весна 1839 г., наступившая после встречи Жуковского и Гоголя в Риме и их совместных прогулок, наиболее вероятна: известно, что ко времени пребывания Гоголя в России в 1839–1840 гг. повесть уже была хотя бы вчерне готова: 4 февраля 1840 г. (старого стиля) Гоголь читал первую главу «Аннунциаты» у Аксаковых [7. С. 151]. И, не вдаваясь в превратности творческой истории гоголевского «Рима», заключу еще одной цитатой из вышеупомянутой работы А.С. Янушкевича:

«Отрывок» под названием «Рим» был опубликован в журнале «Москвитянин» (1842. Ч. II. № 3. С. 22–67), а в июне 1842 г. Гоголь послал Жуковскому «<...> статью мою “Рим”, помещенную в “Москвитянин”, которую я для Вас отпечатал отдельною брошюрою» [6. Т. 12. С. 70]. Эта брошюра сохранилась в библиотеке Жуковского с карандашной надписью: «В.А. Жуковскому» [11. № 2503]. Лаконизм инскрипта, видимо, подчеркивает то, что было понятно и без слов: возможно, эта акция Гоголя была своего рода посвящением повести Жуковскому, воспоминанием об их совместном «чтении» Рима, а раз так – ее творческая история тесно связана с пребыванием Жуковского в Риме, и документы этого пребывания – римские рисунки поэта, запечатлевшие Гоголя на фоне римских панорам, являются своего рода невербальными комментариями к ее тексту [9. С. 77].

Список источников

1. [Плетнев П.А.] Путешествие Жуковского по России // Современник. 1838. Т. 12. 94 с.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 1–16. М., 1999–2019.
3. Плетнев П.А. Сочинения и переписка : в 3 т. СПб., 1885. Т. III. 757 с.
4. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
5. Вучич Л.И. О картине Жуковского, известной под названием «Campagna di Roma» // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск : Изд-во ТГУ. 2013. С. 681–687.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : АН СССР, 1952.
7. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 283 с.
8. Самовер Н.В. Графика В.А. Жуковского // Искусствознание: Журнал по истории и теории искусства. 1998. М., 1998. С. 356–377.
9. Янушкевич А.С. Н.В. Гоголь в Риме: по материалам дневника и рисунков В.А. Жуковского // Образы Италии в русской словесности. Томск, 2011. С. 70–101.

10. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. 812 с.
11. Библиотека В.А. Жуковского (Описание). Составитель В.В. Лобанов. Томск, 1981. 416 с.

References

1. [Pletnev, P.A.] (1838) *Puteshestvie Zhukovskogo po Rossii* [Zhukovsky's travels in Russia]. *Sovremennik*. 12.
2. Zhukovskiy, V.A. (1999–2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1–16. Moscow: Yazyki russkoy literatury.
3. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska* [Works and correspondence]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. Imp. Acad. Nauk.
4. Vyazemskiy, P.A. (1878–1896) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1–12. Saint Petersburg: Izdaniye grafa S. D. Sheremeteva.
5. Vuich, L.I. (2013) О картине Жуковского, известной под названием “Campagna di Roma” [About the painting by Zhukovsky, known as “Campagna di Roma”]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 681–687.
6. Gogol', N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Giuliani, R. (2009) *Rim v zhizni i tvorchestve Gogolya, ili Poteryannyi ray* [Rome in the Life and Work of Gogol, or Paradise Lost]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Samover, N.V. (1998) *Grafika V.A. Zhukovskogo* [Graphics of Vasily Zhukovsky]. *Iskusstvoznanie: Zhurnal po istorii i teorii iskusstva*. 1. pp. 356–377.
9. Yanushkevich, A.S. (2011) N.V. Gogol' v Rime: po materialam dnevnika i risunkov V.A. Zhukovskogo [Nikolai Gogol in Rome: based on the diary and drawings of Vasily Zhukovsky]. In: Pecherskaya, Y.I. (ed.) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti* [Images of Italy in Russian Literature]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 70–101.
10. Mann, Yu.V. (2004) *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow: Aspekt-Press.
11. Lobanov, V.V. (ed.) (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo (Opisanie)* [Library of Vasily Zhukovsky (Description)]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Лебедева О.Б. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: obl25@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.B. Lebedeva, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obl25@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 06.09.2022;
approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 821.16.1-992.09 (Грибоедов)
doi: 10.17223/19986645/84/9

Зачем А.С. Грибоедова приглашали в Бердичев в 1825 г.

Сергей Сергеевич Минчик¹

¹ *Институт филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, serserminch@gmail.com*

Аннотация. В науке утвердилось мнение, что идея показать А.С. Грибоедову некую ярмарку на Волыни, о которой тот напишет своему другу В.Ф. Одоевскому 10 июня 1825 г., принадлежала кругу лиц, имевших намерение свести его с начинающим беллетристом и приятелем польского поэта Адама Мицкевича Генрихом Ржевуским. Однако факты указывают на то, что организаторы данного плана могли руководствоваться иными мотивами. Цель исследования – выяснить, для чего Грибоедова приглашали в Бердичев и как этот город был связан с происходящим на Украине в разгар подготовки антиправительственного мятежа.

Ключевые слова: грибоедоведение, декабристы, биографическое комментирование, польско-русские связи, украинофильство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

Для цитирования: Минчик С.С. Зачем А.С. Грибоедова приглашали в Бердичев в 1825 г. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 184–197. doi: 10.17223/19986645/84/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/9

Why Alexander Griboyedov was invited to Berdychiv in 1825

Sergey S. Minchik¹

¹ *V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, serserminch@gmail.com*

Abstract. On 10 June 1825, Alexander S. Griboyedov wrote from Kyiv to his friend Vladimir F. Odoyevsky: “I am constantly invited to the market in Berdichev, which starts the day after tomorrow; they want to introduce me to Rzhevutskii there; and what’s more, the Muravyov family are preparing me a very warm welcome in Liubara; I’m afraid to surrender to their faith, one wouldn’t break free soon”. Since the 19th century, when these lines became public, researchers of Griboyedov attributed the name of the figure, for whose sake the author of *Woe from Wit* was called to

Volyn, to Henryk Rzewuski. This representative of ancient nobles owned lands in Ukraine, but was known primarily as a friend of the Polish poet Adam Mickiewicz. In the 20th century, researchers also associated Griboyedov's words about Berdychiv with Rzewuski – without changing the rhetoric to present day. However, there are enough reasons to comment otherwise on the letter to Odoyevsky, and an example of an appropriate interpretation was demonstrated in Soviet times. For instance, the Polishist Semeon S. Landa supposed that the Russian writer and diplomat was asked to leave Kyiv in order to become acquainted with the famous adventurer Waclaw Rzewuski, who lived in the East and was engaged in fiction, which is why he could attract Griboyedov's friends. In the USSR, this hypothesis was disregarded, as well as the sources allowing for clarity in the discussion of the two relatives. Eventually, the personality of Henryk Rzewuski was simplified, and his economic activities in 1825 were ignored. The facts that allow understanding the logic of the organizers of the Russian classic's trip to Berdychiv were also canceled. Among the facts are Waclaw Rzewuski's unknown experiences in the genre of travelogue, his successes in the state and military spheres and activities in business and politics. The latter made this man closer to the Kyiv Decembrists, including the Muravyov-Apostol family, whom Griboyedov mentioned to Odoyevsky on 10 June 1825. As for Waclaw Rzewuski's management experiments, they concerned to horses. Being a brilliant rider and being engaged in stallion breeding, he spent much time on compensating expenses for his favorite project and could not miss markets where his herd had a chance to attract a buyer. The biggest of them was held annually in Berdychiv on June 12, the day of St. Onufry – about which Griboyedov would write from Kyiv, naming the place and time of the event, to which he was “constantly invited”.

Keywords: Griboyedov studies, Decembrists, biographical commenting, Polish-Russian relations, Ukrainophilism

Acknowledgments: The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under the Priority 2030 program, Project No. 075-15-2021-1323.

For citation: Minchik, S.S. (2023) Why Alexander Griboyedov was invited to Berdychiv in 1825. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 184–197. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/9

1

Вольнодумец, отдавший жизнь во имя родной страны, Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829) не мог не мифологизироваться в СССР. Силами сотен публикаций марксистская наука создавала ему образ борца, который верил в необходимость переустройства России и много делал для народа. Такая установка на интерпретацию личности Грибоедова определила трактовку множества аспектов его жизни и творчества, одним из которых стало и писательское окружение.

От того, с кем связывать создателя «Горя от ума», по-прежнему зависит, как именно понимать систему его взглядов. Потому вопрос о характере грибоедовских контактов не потерял остроту и в наши дни, но и не стал

предметом устойчивого интереса¹. Ныне его если и решают, то изредка и в основном в литературном измерении. Политический же подтекст встреч и общения Грибоедова с современниками при этом остается вне поле зрения исследований. Так ученые компенсируют избыток внимания, которое в советскую пору уделялось роли заговора в его судьбе. Но продуктивность избранного ими подхода сомнительна. Дистанцируясь от проблемы деятельности декабристов, грибоедоведение тем самым обходит стороной и массу заблуждений, которые десятилетиями накапливались в нем. А без их выявления и устранения осмыслить личность классика по-новому нельзя.

Предметом работы определено взаимодействие Грибоедова с тайными обществами, цель – выяснить, кто и с кем хотел свести его в Бердичеве в июне 1825 г.

2

Крупнейшим выразителем теории о вовлеченности сочинителя-дипломата в революционный процесс являлась академик АН СССР М.В. Нечкина. Свои взгляды она аргументировала десятками жизнеописаний, фрагменты которых пересеклись с темами мятежа на Сенатской площади и восстания Черниговского полка. В свете же поездки Грибоедова на юг внимание Нечкиной привлекут всего две категории лиц – относящиеся к его пребыванию в Киеве и Крыму. В первой значатся лидеры Северного и Южного обществ М.П. Бестужев-Рюмин, А.З. Муравьев, С.И. Муравьев-Апостол и С.П. Трубецкой. Вторую группу составляют штабс-ротмистр Н.Н. Оржицкий и генерал М.Ф. Орлов, а также тройка поляков, включавшая помещика Г.Ф. Олизара, поэта Адама Мицкевича и его спутника Генриха Ржевуского [1. С. 518–543]. Последнего Нечкина впишет и в контекст писательской жизни на Украине – в противовес мнению, что в ходе странствия создатель «Горя ...» будто бы сосредоточился лишь на художественных опытах [1. С. 537]. Сошлется при этом историк на следующий фрагмент из письма Грибоедова В.Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г.: *«Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевуским»* [2. С. 96]. И хотя в данных словах Нечкина увидит указание на приятеля Мицкевича, в действительности они могли касаться другого человека.

Вацлав Ржевуский (1785–1831) войдет в историю как личность неординарная. Знакомый с генералом А.П. Ермоловым, грибоедовским начальником, этот человек занимался меценатством и педагогикой, увлекался азиатской культурой. Проживая на Востоке в одно время с автором «Горя ...»,

¹ Основной упор в грибоедоведении ныне сделан всего на один аспект – комедию «Горе от ума». Жизнь же ее автора если и изучается систематически, то в основном в свете проблем писательского рождения и борьбы России за влияние на Востоке (М.Г. Альтшуллер, С.Н. Дмитриев, Ф.И. Мелвилл, Р.М. Степанова, М.В. Строганов, Н.А. Тархова, А.А. Филиппова, С.А. Фомичев, А.С. Хачатрян, Е.Н. Цимбаева и др.).

он прославился военными подвигами и приобрел деловой опыт, а вернувшись на родину, попробовал себя уже как переводчик, литератор и музыкант [3. С. 90–92, 98–120, 157–252, 324–331]. Неслучайно полонист С.С. Ланда выскажет мысль, что на Волынь Грибоедова приглашали именно ради Вацлава Ржевуского – два деятеля были слишком похожи друг на друга, чтобы их приятели, видя это, не хотели обоих свести [4. С. 149]¹. Но в отличие от эпохи романтизма, советское время расставит свои акценты в письме к Одоевскому, отнеся к грибоедовскому ономастикону именно Генриха Ржевуского, а не его однофамильца и дядю [3. С. 22–87; 7. С. 464–466]². Хотя поводов не делать этого достаточно.

¹ Объясняя, почему в тексте грибоедовского письма В.Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г. фигурировал не Генрих Ржевуский, а Вацлав, последнего С.С. Ланда назовет глубоким знатоком азиатской культуры, авантюристом и популярным сочинителем [4. С. 149]. Но похоже, что этот человек мог привлечь внимание создателя «Горя ...» еще и богатым опытом лидерства в общественной, политической и военной сферах. В полной мере оно выразится во время его пребывания на землях Османского султаната. Посетив их примерно в одно время с визитами на Ближний Восток Грибоедова, В. Ржевуский, сын «польного» гетмана Речи Посполитой, якобы займется выполнением секретных поручений царя Александра I, примкнув же к арабам и бедуинам, завоеует их уважение и получит прозвище Tadz el-Faher («Венец славы»), а также титулы шейха и эмира [3. С. 163–220, 256]. В данной связи показателны свидетельства С.Н. Бегичева, утверждавшего, что Грибоедов мечтал «явиться в Персию пророком и сделать там совершенное преобразование» [5. С. 29]. Однако и это не все. В свете неучтенных Ландой соответствий в биографиях двух деятелей также примечательно творчество В. Ржевуского-путешественника [3. С. 358]. У Грибоедова оно должно было вызывать повышенный интерес, поскольку незадолго до приезда в Киев и Крым им обнаружится тяга именно к жанру травелог, позволявшему совмещать увлеченность искусством со службой [6. С. 171–177].

² Традицию связывать грибоедовский пассаж о Бердичеве с приятелем Адама Мицкевича заложили издатели архива Одоевского, назвавшие «Ржевуцкого» из письма от 10 июня 1825 г. «известным польским романистом» [8. Стлб. 812]. Эту версию впоследствии поддержит Н.К. Пиксанов, подготовивший первую публикацию ПССГ под грифом Академии наук: «Вероятно, граф Генрих Адамович Ржевуский (1791–1866), писатель-беллетрист» [9. С. 332]. Вплоть до конца столетия данные слова с большей или меньшей степенью точности продублируют собрания грибоедовских сочинений под редакцией В.Н. Орлова, главного эпигона М.В. Нечкиной в литературоведении, и С.А. Фомичева [2. С. 663; 10. С. 758; 11. С. 740]. В том же духе будут выдержаны и другие труды, посвященные создателю «Горя ...» [12. С. 270; 13. С. 311–312; 14. С. 218; 15. С. 264, 496]. Иной вид характеристика «Ржевуцкого» примет в «Летописи...» Н.А. Тарховой. Заявленная как переиздание одноименного проекта Пиксанова, многие перипетии 1825 г. она представит в свете находок, которые позволяют по-новому переосмыслить жизнь Грибоедова [6. С. 29, 94]. Но делает это Тархова, не согласовав свое повествование с первоисточниками и не снабдив его, как следовало бы, ссылками на использованную литературу [16. С. 253, 258, 539]. В итоге в ее комментариях к фразе Грибоедова о Бердичеве найдется место путанице – их автор отнесет одновременно и к спутнику Мицкевича, и к его родственнику: «Ржевуский (Ржевуцкий) Генрих Адамович, гр. (1791–1866), польский писатель, путешественник, знаток восточных языков» [16. С. 539].

Источники, позволяющие в разборе событий 1825 г. предпочесть одного Ржевуского другому, на сегодняшний день не выявлены. И с учетом специфики перемещений двух шляхтичей ясно, что в Бердичеве накануне грибоедовского приезда в Крым, в сущности, могли оказаться оба¹. Но исключить из предполагаемого круга общения русского классика проще именно Г. Ржевуского.

Во-первых, высока вероятность причастности окружения Мицкевича к деятельности тайной полиции, которая следила за его вояжами по России и наверняка повлияла бы на судьбу Грибоедова в ходе следствия по делу о

¹ Называя Г. Ржевуского фигурантом слов Грибоедова о Бердичеве, исследователи не объясняют, что могло привести на запад России путника, сопровождавшего Мицкевича в поездках по югу. Но ответить на этот вопрос можно. В Центральном историческом архиве Украины хранится документ, который сообщает о конфликте Г. Ржевуского с неким Гейбой Вайнштоком. Это выписка из книг Главного суда Киевской губернии. Она помечена 1825 г. и посвящена расторжению контракта между обоими на строительство дома в г. Житомир (ЦГИАУ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 122). К ряду обстоятельств, нарушивших покой Г. Ржевуского в канун приезда Грибоедова в Крым, также можно отнести смерть его отца Адама. Датируемое 12 января 1825 г., данное происшествие заставит его сына прибыть сначала на Киевщину, а оттуда перебраться к сестре в Одессу [17. С. 167; 18]. Оно же приведет к бытовым и правовым хлопотам, которые определяли судьбу сразу нескольких поместий наследодателя [18; 19. С. 8, 12–13, 22]. Жил отец графа Генриха в местечке Погребиче, на расстоянии в $74 \frac{3}{4}$ версты от Бердичева [18; 20. Л. 26]. От этого города до еще двух имений А. Ржевуского, в Староконстантинове и Верховне, было $100 \frac{1}{2}$ и приблизительно 63 в. [19. С. 8, 13; 21. Л. 26; 20. Л. 3]. В свою очередь, Чуднов, где Г. Ржевуский поселится после смерти родителя, располагался еще ближе к Бердичеву – всего в $40 \frac{1}{2}$ верстах. [19. С. 12; 20. Л. 3; 18]. Неподалеку от него находился и Любарь (куда Грибоедова также пригласят, о чем он сообщит все тому же Одоевскому [2. С. 96]): расстояние между ними составляло всего 31 в. [20. Л. 3]. Связывали два населенных пункта, упомянутых в эпистолярной авторе «Горя...», и другие дороги. Южная, через Янушполь, имела протяженность 64 в., северная была немного длиннее, на $7 \frac{1}{2}$ в., зато пролегла она через Чуднов [20. Л. 3]. Все это доказывает, что в действительности встреча Г. Ржевуского с Грибоедовым могла состояться как в Бердичеве, так и в Любаре – при условии, если 10 июня 1825 г. тот, разумеется, говорил именно о спутнике Мицкевича. Ведь факты свидетельствуют, что жителем Волынской губернии также являлся и В. Ржевуский, после возвращения из Азии в 1820 г. много времени проводивший в имении своей матери Кузмин [3. С. 106, 220, 223, 242, 308]. Соседствовало оно с Проскуровым, откуда шла прямая дорога на Хмельник (77 в.), лежавший на пересечении путей из Любаря (47 в.) и Бердичева ($59 \frac{1}{2}$ в.) [20. Л. 2, 3]. Оба относились к Волынской губернии, центр которой Житомир В. Ржевуский, в свою очередь, также посещал не единожды [3. С. 258, 262, 263, 330]. Отсюда же шли прямые дороги на Любарь (73 в.) и Бердичев ($74 \frac{1}{2}$ в.) [20. Л. 2, 3]. И хотя добраться до них из Кузмина, как показывают приведенные цифры, было тяжелее, чем из Погребича, Верховни или Чуднова, расстояния для В. Ржевуского в 1825 г. вряд ли являлись помехой. Слыл этот представитель шляхты виртуозным наездником, а в распоряжении у него имелись десятки привезенных им с Востока скакунов, которые славились на всю округу быстротой, отменным здоровьем и неприхотливостью [3. С. 112, 115, 116, 237–239, 247, 251, 266].

декабристах, попадись он на глаза спутникам первого поэта Польши [6. С. 43]¹. Во-вторых, в 20-е гг. XIX в. Г. Ржевуский (впоследствии – влиятельный беллетрист) еще не был известен читателю, ввиду чего создатель нашумевшего «Горя ...» вряд ли бы стал сообщать о нем своим адресатам [4. С. 149]. Тогда как его дядя Вацлав к 1825 г., напротив, уже считался знаменитостью, о которой знал даже Мицкевич [3. S. 218, 251; 4. С. 149]. И должен был слышать Одоевский – сочинитель, мелодист и, в первую очередь, один из деятельнейших романтиков страны [22. С. 393–394]. В-третьих, образ жизни Г. Ржевуского в год приезда Грибоедова на юг не особо выделял его среди современников. Познакомившись с Мицкевичем благодаря сестре Каролине (жившей в Одессе, где некогда гостил и ссыльный поляк), он, как принято считать, занимался лишь тем, что проводил все время в их компании, развлекая ее мастерством рассказчика [23. S. 86; 24. S. 473–474]². Притом что В. Ржевуский в ту пору, напротив, делами был перегружен: после возвращения из Азии пребывая в имении Саврань на Подолье, ведя там хозяйство и участвуя в общественно-политическом процессе [3. S. 237–259].

В том либо ином виде сказанное переключается с доводами Ланды [4. С. 149, 180–181]³. Но комментарий к письму Одоевскому от 10 июня 1825 г.,

¹ Ланда должен был понимать, что связь Г. Ржевуского с осведомителями правительства не позволила бы утаить от следствия факт его встречи с Грибоедовым. Потому, видимо, о слежке за Мицкевичем ученый напишет, но в примечаниях к главной из своих публикаций о нем, а не в основном тексте – явно не желая исключать важную для СССР и ПНР возможность контактов польского шляхтича с русским литератором-дипломатом [4. С. 180–181].

² Польский критик и поэт Л.Н. Гомолицкий считал, что Г. Ржевуский был связан с Грибоедовым именно благодаря Одессе (куда последний «чуть было не попал» [2. С. 98] во время поездок по югу), а также Артеку (где жил «приятель» графа Генриха Г.Ф. Олизар, в свою очередь, упоминаемый в дневнике сочинителя «Горя ...») [23. S. 80].

³ Согласиться с комментарием Ланды относительно письма Одоевскому от 10 июня 1825 г. можно не во всем. «Грибоедов не приехал в Бердичев» [4. С. 150], – заявит он в своей статье. Однако здесь следует отметить, что факты, которые позволили бы сделать такой вывод, науке пока не известны. То же касается и догадок относительно грибоедовской встречи с В. Ржевуским на полуострове (ввиду отсутствия документальных свидетельств говорить о ней некорректно даже в порядке предположения). Впрочем, данное обстоятельство Ланду не остановит. Потому свою позицию по поводу произошедшего в Крыму он повторит дважды. Сначала – отрицая возможность приезда Грибоедова в Бердичев: «Можно предполагать, что его знакомство с В. Жевуским состоялось позже, в конце августа в Крыму» [4. С. 150]. И еще раз – рассуждая о встречах шляхтича-авантюриста в 1825 г. К участникам одной из них исследователь отнесет Мицкевича, локализовав ее на полуострове, и напишет: «Возможно, что и Грибоедов познакомился тогда с “эмиром Тадж-Уль-Фехром”, о котором слышал в Петербурге и Киеве» [4. С. 150]. Правда, возможность контактов русского и польского классиков в Артеке, в отличие от той же Нечкиной, Ланда исключит. Хотя сделает это двусмысленно: с одной стороны, доказав, что оба не могли встретиться в Крыму, поскольку посетили его в разное время [4. С. 129–131], с другой же – процитировав книгу полониста С.С. Советова. Последний утверждал: «У графа Густава Олизара 29 мая 1824 года под

основанный на польскоязычной литературе, позволяет усилить их – обогатив грибоедовиану новыми фактами и доказав необходимость обратить ее к дискуссии о В. и Г. Ржевуских.

4

Бердичев, чье население в первой трети XIX в. преимущественно составляли евреи, занимал одно из ключевых мест в экономике России. Свой вес и широкую известность он приобрел благодаря ярмаркам, приуроченным к религиозным датам и проводившимся четыре раза в год. Судя по времени появления грибоедовского письма Одоевскому и его содержанию (10 июня 1825 г. автор подчеркнет, что мероприятие с участием «Ржевуцкого» [2. С. 96] начнется «послезавтра»), пригласили его на торжище, которое считалось самым крупным на Волыни. Каждый год оно проходило в день памяти святого Онуфрия (как раз 12 июня) и называлось в его честь [26. С. 282]. Но главным отличием этой ярмарки от других были не масштабы, а специализация, ежегодно в первый месяц лета превращавшая Бердичев в центр конной торговли страны [26. С. 282; 27. С. 214–215]. В этом же городе, что примечательно, находилась известная по тем временам школа наездничества, на его окраинах регулярно организовывались скачки, местные жители массово разводили лошадей [3. С. 136, 152, 334; 28. С. 449]. Все это подчеркивает в пассаже о Бердичеве иппологический аспект и вынуждает установить, кому из грибоедовских современников он был более близок.

Об интересе Г. Ржевуского к лошадям на сегодняшний день исследователям не известно ничего. Зато имя его дяди, напротив, связано с ними большим количеством ассоциаций.

Страсть к верховой езде охватит В. Ржевуского в детстве. На это повлияют его увлеченность Востоком и принадлежность к роду, представители которого возвели конное дело в культ. Недалеко от Кузмина, имения матери В. Ржевуского в Подольской губернии, жили известные на всю округу заводчики, с чьей помощью будущий авантюрист узнает о тонкостях разведения лошадей и приобретет себе первый табун. Здесь же животные будут пережидать зиму в сооруженных для них шикарных конюшнях, а летом их будут перегонять в Саврань, в окрестностях которой они чувствовали себя свободнее и могли лучше питаться [3. С. 106–107]¹. Много вре-

Аюдагом Вацлав Жевуский и Мицкевич встретились с А.С. Грибоедовым» [25. С. 87]. И еще: «Для этого они тайно выехали из Одессы в Крым еще до поездки туда Каролины Собаньской – сестры Генриха Жевуского» [25. С. 87]. При этом ошибки Советова в датировке событий на даче Олизара, равно как и отсутствие каких-либо аргументов в пользу приведенных им высказываний, Ланду не смутят. Версию мицкевичеведа в части хронологии он сопроводит знаком вопроса (не более), а домыслы, выданные в его книге за факты, попросту оставит без оценок [4. С. 181].

¹ На Подолье в первой трети XIX в. было два населенных пункта с названием Кузмин: один из них располагался вблизи Саврани, другой – на расстоянии трех сотен

мени проводя со своими питомцами, В. Ржевуский станет не только искусным наездником, способным оседлать и приручить даже дикую особь. Также он примется обучать этому мастерству всех желающих, включая молодежь, а получив признание среди местных жителей, решит попробовать свои силы на чужбине [З. С. 111, 115]. В 1815 г. на Венском конгрессе, куда съедутся делегаты стран – участниц антинаполеоновской коалиции, В. Ржевуский выступит с идеей восстановить и перестроить конное хозяйство Европы, разрушенное войной [З. С. 116–115]. Любитель-ориенталист, он также обоснует необходимость импорта лошадей из Азии для скрещивания с оставшимся в живых поголовьем и производства популяции, которая отвечала бы требованиям нового времени. В итоге, предложив свои услуги руководителя экспедиции на Восток, В. Ржевуский получит два серьезных заказа и в 1817 г. отправится в путь [З. С. 118–120]. Проведя же несколько лет в разъездах по арабским странам, отличится и здесь – как европеец, постигший премудрости конного дела [З. С. 166–167]. Поставленную цель он также сможет выполнить: найдя чистые образцы породы (включая кохейлана, являвшегося потомком кобылы Мухаммеда), организовав их покупку (у хозяев, которые отказывались продавать свою собственность, считая ее бесценной) и, наконец, выведя приобретенный табун из полной сюрпризов пустыни [З. С. 177–179, 184, 186–188, 195]. После злключения, связанных с транспортировкой живого груза в Европу, где его часть, вопреки чаяниям В. Ржевуского, так и не была продана, лошадей перевезут в Саврань [З. С. 216–220]. В данном имении, начиная с 1821 г., они и будут жить, вместе с прежними обитателями. Из ста тридцати семи купленных особей себе граф оставит семьдесят восемь, а остальных отберет для заказчиков. Но поскольку себестоимость животных окажется слишком высокой, сбывать их сразу и по достойной цене он не сможет. Это заставит его поменять свой образ жизни: отдавшись уходу за своими питомцами, перевоплотившись в бедуина, предпочтя дворцовому уюту жизнь под открытым небом и занявшись решением проблемы с финансами, вызванной издержками и давлением кредиторов [З. С. 237–240].

Если «Ржевуцкий» [2. С. 96], о котором писал Грибоедов в Киеве, был коневодом, пытающимся решить проблему содержания своих табунов за счет поиска богатых покупателей, кому и для чего понадобилось сводить обоих в Бердичеве? Ответ на этот вопрос требует рассуждений, которые исключают из круга мотивов указанной затеи хозяйственный подтекст.

5

10 июня 1825 г. Грибоедова напишет: «Итак, прощайте журналы до Тифлиса. – Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевуцким, притом в Лю-

верст к северу (близ границы с Волынской губернией). Последний, если верить источником, и принадлежал семье Ржевуских [З. С. 248; 20. Л. 2].

баре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием, боюсь сдать на их веру, не скоро вырвешься. – Прощай, милый мой» [2. С. 96]. Как видно, высказывание о Бердичеве в тексте письма объединено с упоминанием Любаря и выделено с обеих сторон тире. Таким способом автор, осознанно или нет, подчеркивает цельность своей мысли о намерении именно декабристов задержать его на материке – и показывает связь между названными людьми.

Если Грибоедовым подразумевалась семья Артамона Муравьева (1793–1846), здесь следует учесть, что последний отличился в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. В Любаре стоял Ахтырский полк, которым он командовал, а в Бердичеве, где его впоследствии арестуют, располагался дивизионный штаб [29. С. 118, 287–289]. Вдобавок к сказанному в гости к Муравьеву в июне 1825 г. приедет жена. Следовательно, слово «*семейство*», использованное Грибоедовым в письме Одоевскому, и упоминание Бердичева в одном ряду с Любарем в случае с этим заговорщиком выглядят логично [1. С. 518, 522]. Равно как и появление в одном контексте с его фамилией В. Ржевуского, который, подобно Муравьеву проявив себя в боях против армии Наполеона (в Европе), также получит опыт участия в антиправительственном мятеже (в Азии), примкнув к деятельности арабских повстанцев [3. С. 102–104; 196–214; 29. С. 118].

Рассматривая фразу Грибоедова о «*семействе*» из письма Одоевскому, целесообразно вспомнить еще двоих людей. Сергей Муравьев-Апостол (1795–1826) являлся одним из основателей Союза спасения и Союза благоденствия¹. В 1825 г. он состоял в Черниговском полку, в Любаре бывал по долгу службы и имел родного брата Матвея (1793–1886), также связанного с этим местом. Что примечательно, оба наравне со своим родственником Артамоном участвовали в наполеоновских войнах и считались видными членами Южного общества [29. С. 121, 122, 287, 288].

Интересно в Муравьевых-Апостолах и следующее. В начале 1825 г. в Житомире пройдет совещание представителей революционных кругов, на котором будут обсуждаться планы переустройства России и судьбы подвластных ей территорий. Помимо К.Ф. Рылеева (друга Грибоедова и еще одного лидера декабристов) посетит данное мероприятие С. Муравьев-Апостол, прибывший сюда с братом-вольнодумцем Ипполитом [29. С. 288; 30. С. 232–233]. Но будет здесь и В. Ржевуский, к тому времени вовлеченный в деятельность Патриотического общества Польши. Причем главным героем для него, как и для большинства присутствовавших на Славянском собрании, окажется начинающий поэт Фома Падура [3. С. 258–259]. Восторг у публики вызовут заявления этого человека о праве народов на самоопределение, а Муравьев-Апостол настолько впечатлится услышанным,

¹ В показаниях следствию Грибоедов называет С.И. Муравьева-Апостола без второй части фамилии – как и Артамона [5. С. 284, 287]. Стало быть, в его письме Одоевскому под словами о Любаре в целом мог подразумеваться любой из этих декабристов.

что даже подарит ему символ братства русских и польских заговорщиков в виде железного перстня [30. S. 232–233].

Тронут мысли Падуры и В. Ржевуского. Продолжив видеться и после знакомства в Житомире, оба попадут под следствие по делу о событиях на Сенатской площади, а после этого переедут в имение Саврань. Здесь молодой литератор решит поселиться на правах хозяйского друга и примется за воплощение давней мечты – вернуть независимость Польше, разбудив в жителях Украины страсть к бунту. Но найдется в планах Падуры место и для самого В. Ржевуского. Лидер по духу, последний возглавит местных почитателей традиции казачества и, открестившись от дворянского происхождения, начнет новую жизнь под прозвищем «атаман Ревуха» [3. S. 262–267].

Как далеко зашла эволюция политических взглядов В. Ржевуского к моменту приезда на юг Грибоедова, сказать непросто. Поскольку же Падура, как и предводители подполья, сошелся с ним в начале 1825 г., можно предположить, что возможность его появления в Бердичеве привлекала внимание декабристов по меньшей мере в свете набиравших тогда силу идей украинофильства и попыток спровоцировать национально-освободительное движение на Волыни и в Подолье¹. Неслучайно в цитируемом письме к Одоевскому, помимо слов о Ржевуском и Муравьевых, Грибоедов напишет: «Как они мыслят и что творят русские чиновники и польские помещики, Бог их ведает» [2. С. 95].

6

Сказанное позволяет сформулировать следующие выводы. Первые попытки прокомментировать пассаж Грибоедова о Бердичеве предпримут в XIX в. публикаторы его письма к Одоевскому от 10 июня 1825 г. Они же заявят, что, рассказывая своему адресату о несостоявшейся поездке на Волынь, автор «Горя ...» имел в виду свидание с другом Мицкевича Г. Ржевуским. В XX в. вышеназванная гипотеза найдет сторонников в лице таких авторитетов, как академики Пиксанов и Нечкина, и потому станет традиционной. Более того, ученые называют Г. Ржевуского лишь мицкевичским спутником донныне, тогда как в действительности его деятельность в 1825 г. была разноплановой.

Похоронив отца за полгода до визита сочинителя-дипломата на юг, граф Генрих погрузится в заботы о недвижимом имуществе на Украине и начнет посещать места неподалеку от Бердичева и Любаря, который Грибоедов назовет Одоевскому в контексте высказываний уже о «семействе Муравьевых». Однако вблизи от этих населенных пунктов также находи-

¹ На Славянском собрании в Житомире в 1825 г., где присутствовали К.Ф. Рылеев и Муравьев-Апостол, Фома Падура выскажет уверенность в существовании украинцев как отдельного от других славян этноса. Также он пообещает сделать все, чтобы привить им национальную идею – с целью ослабить позиции России на бывших землях Польши [3. S. 259; 30. S. 232–233].

лись земли еще одного представителя рода Ржевуских – Вацлава. Любитель приключений и верховой езды, в 1825 г. он посетит Вольнь много раз. Тем не менее в грибоедовском ономастиконе имя В. Ржевуского отсутствует и по сей день – притом, что связать их наука все же попытается. Сделает это полонист Ланда, изучавший подробности жизни в России Мицкевича. Размышляя о возможной встрече двух классиков в Крыму, более вероятными он признает контакты Грибоедова не с Генрихом Ржевуским, предполагаемым осведомителем правительства, а с его дядей Вацлавом. Но о политической деятельности последнего Ланда не знал. Вот почему, анализируя письмо к Одоевскому от 10 июня 1825 г., исследователь выдвинет предположение, что декабристы хотели свести его с Грибоедовым из-за любви обоих к эпатажу, Востоку и поэзии. Дополнить аргументы Ланды можно, учтя амбициозность двух деятелей и их увлеченность литературой путешествий. Впрочем, желание подполья познакомить создателя «Горя ...» с «Ржевуцким» вряд ли объяснялось приведенными аналогиями – что подтверждает писательская реплика о Любаре.

Жили в этом местечке на Житомирщине и бывали сразу несколько «Муравьевых», о семье которых Грибоедов напишет Одоевскому: Артамон, Матвей и Сергей. Все трое участвовали в войне с наполеоновской армией – равно как и В. Ржевуский. Его близость к С. Муравьеву-Апостолу, в свою очередь, засвидетельствует еще одно событие. В 1825 г. в Житомире оба примут участие в Славянском собрании «революционеров» России и Польши, где отметится ярким выступлением и пропагандист украинофильства Фома Падура. Высказанные им мысли о праве потомков казачества на самоопределение настолько впечатлят присутствующих, что С. Муравьев-Апостол преподнесет ему ценный дар, а В. Ржевуский предложит дружбу. В течение года двое поляков будут поддерживать тесный контакт, следствием которого станет вовлечение шляхтича-авантюриста в планы Падуры поднять антироссийский мятеж на Украине.

Собственно, причастность графа Вацлава к деятельности сепаратистов и должна будет обратить на него внимание киевских заговорщиков. Бердичевым же он интересовался в свете других обстоятельств. Будучи одним из центров экономического роста в России, в первой трети XIX в. этот город в основном привлекал людей, желавших заработать на конном деле и любивших кататься верхом. Причиной тому послужили промыслы местных жителей и проходящая здесь же каждый год ярмарка. Проводили ее 12 июня, в День святого Онуфрия, а важнейшим товаром на ней были лошади. Всерьез увлекался ими и В. Ржевуский, за пять лет до приезда в Киев Грибоедова пригнавший из Азии табун породистых скакунов. Большие издержки потребуют от него ускорить продажу приобретенных питомцев, но поскольку их себестоимость окажется высокой, реализовать поголовье быстро ему не удастся. Хотя попытки исправить ситуацию он также вряд ли оставит – тем более в свете перспектив, которые открывала перед ним специфика Онуфриевского торжища.

В целом, приведенных фактов достаточно, чтобы заключить: мотивов посетить Волынь у В. Ржевуского было немало, а идея свести его с автором «Горя ...» могла принадлежать именно декабристам. Стало быть, грибоедоведение совершает ошибку, игнорируя личность этого человека, ввиду чего считать решенной проблему слов о бердичевской ярмарке в письме Одоевскому от 10 июня 1825 г. преждевременно.

Список источников

1. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М. : Худож. лит., 1977. 735 с.
2. Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова : в 3 т. Т. 3 / подгот. текста, ком. О.Ф. Акимускина [и др.]. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 686 с.
3. Kucera F. Waclaw «Emir» Rzewuski (1784–1831) : podróżnik i żołnierz. Praca doktorska. Poznań, 2016. 376 s.
4. Литература славянских народов. Вып. 4. Из истории литератур Польши и Чехословакии / ред. Д.Ф. Марков [и др.]. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 283 с.
5. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и подгот. текста С.А. Фомичева ; ком. : П.С. Краснов, С.А. Фомичев. М. : Худож. лит., 1980. 448 с.
6. Минчик С.С. Грибоедов и Крым. Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. 276 с.
7. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 4. СПб. : Тип. К. Вингебера, 1857. 482 с.
8. Русский архив. Историко-литературный сборник. 1864. Вып. 1–12 / ред. П.И. Бартенева. М. : Тип. В. Грачева и К^о. 862 с.
9. Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова : в 3 т. Том 3 / под ред. и с примеч. Н.К. Пиксанова. Пг. : Изд. Разряда изящной словесности Акад. наук, 1917. 396 с.
10. Грибоедов А.С. Сочинения / подг. текста, предисл. и коммент. В.Н. Орлов. М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. 782 с.
11. Грибоедов А.С. Сочинения / вступ. ст., коммент., сост. и подгот. текста С.А. Фомичева. М. : Худож. лит., 1988. 750 с.
12. Грибоедов : энциклопедия / авт.-сост. С.А. Фомичев. СПб. : Нестор-История, 2007. 393 с.
13. Мецержаков В.П. Жизнь и деяния Александра Грибоедова. М. : Современник, 1989. 478 с.
14. Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова, 1791–1829 / отв. ред. А.Л. Гришунин ; примеч. П.С. Краснов. М. : Наследие, 2000. 239 с.
15. Фомичев С.А. Александр Грибоедов : биография. СПб. : Вита Нова, 2012. 511 с.
16. Тархова Н.А. Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829. М. : Минувшее, 2017. 604 с.
17. Русский биографический словарь. Т. XVI: Рейтерн – Рольцберг / ред. А.А. Половцев. СПб. : Изд. Императорского Русского Исторического Общества, 1913. 438 с.
18. Głębocki H. Rzewuski, Henryk // Polski Petersburg. Encyklopedia. URL: <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/rzewuski-henryk> (дата обращения: 30.05.2020).
19. Український археографічний щорічник. Нова серія : зб. наук. пр. / гол. ред. П.С. Сохань. Вип. 18. К. : Український письменник, 2013. 852 с.
20. Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского / сост. В.П. Пядышев. СПб., 1834. 83 л.
21. Подробный атлас Российской империи с планами главных городов / авт.-сост. А.А. Ильин. СПб. : Изд. картографического заведения А. Ильина, 1876. 6 с., 72 л.
22. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 4: М–П. М. : БРЭ ; НВП «Фанит», 1999. 703 с.

23. *Gomolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824–1829. Warszawa : Książka i Wiedza, 1949. XXVII, 379 s.
24. *Mickiewicz.* Encyklopedia / red.: J. Rymkiewicz, D. Siwicka, A. Witkowska, M. Zielinska. Warszawa : Horyzont, 2001. 687 s.
25. *Советов С.С.* Адам Мицкевич. Л. : Изд-во ЛГУ, 1956. 186 с.
26. *Jelowicki A.* Moje wspomnienia. Księga 1. Paryż : Wydanie Alexandra Jełowickiego i Spółki, 1839. IV, 301 s.
27. *Записки графа Е.Ф. Комаровского* / ред. П.Е. Щеголева ; вступ. заметка Е.А. Ляцкого. СПб. : Огни, 1914. XII, 279 с.
28. *Киевская старина.* 1893. Т. XLI, апрель–июнь / ред. В.П. Науменко. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого. 671 с.
29. *Декабристы:* биографический справочник / ред. М.В. Нечкина ; подгот. С.В. Мироненко. М. : Наука, 1988. 446 с.
30. *[Rolle] A.J.* Opowiadania. Serya czwarta. Т. 1. Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1884. 415 s

References

1. Nechkina, M.V. (1977) *Griboedov i dekabristy* [Griboyedov and the Decembrists]. 3rd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Akimushkin, O.F. et al. (eds) (2006) *Polnoe sobranie sochineniy A.S. Griboedova* [Complete Works of Alexander Griboyedov]. Vol. 3. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Kucera, F. (2016) *Waclaw "Emir" Rzewuski (1784–1831): podróżnik i żołnierz*. Praca doktorska. Poznań.
4. Markov, D.F. et al. (eds) (1959) *Literatura slavyanskikh narodov* [Literature of the Slavic Peoples]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.
5. Fomichev, S.A. (ed.) (1980) *A.S. Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov* [Alexander Griboyedov in the Memories of his Contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Minchik, S.S. (2011) *Griboedov i Krym* [Griboyedov and Crimea]. Simferopol: Biznes-Infom.
7. Dolgorukov, P.V. (1857) *Rossiyskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym* [Russian Family Tree Book, Published by Prince Peter Dolgorukov]. Pt. 4. Saint Petersburg: Tip. Karla Vingebera.
8. Bartenev, P.I. (ed.) (1864) *Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik* [Russian Archive. Historical and literary collection]. Vols 1–12. Moscow: Tip. V. Gracheva i Ko.
9. Pikanov, N.K. (ed.) (1917) *Polnoe sobranie sochineniy A.S. Griboedova* [Complete works of Alexander Griboyedov]. Vol. 3. Petrograd: Izd. Razryada izyashchnoy slovesnosti Akad. nauk.
10. Griboedov, A.S. (1959) *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
11. Griboedov, A.S. (1988) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
12. Fomichev, S.A. (ed.) (2007) *Griboedov: entsiklopediya* [Griboedov: Encyclopedia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Meshcheryakov, V.P. (1989) *Zhizn' i deyaniya Aleksandra Griboedova* [The Life and Deeds of Alexander Griboyedov]. Moscow: Sovremennik.
14. Pikanov, N.K. (2000) *Letopis' zhizni i tvorchestva A.S. Griboedova, 1791–1829* [Chronicle of the Life and Work of A.S. Griboedova, 1791–1829]. Moscow: Nasledie.
15. Fomichev, S.A. (2012) *Aleksandr Griboedov: biografiya* [Alexander Griboedov: Biography]. Saint Petersburg: Vita Nova.
16. Tarkhova, N.A. (2017) *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Sergeevicha Griboedova. 1790–1829* [Chronicle of the life and work of Alexander Sergeevich Griboyedov. 1790–1829]. Moscow: Minushee.

17. Polovtsev, A.A. (ed.) (1913) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 16. Saint Petersburg: Izd. Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva.

18. Głębocki, H. (2018) Rzewuski Henryk. In: *Polski Petersburg. Encyklopedia*. [Online] Available from: <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/rzewuski-henryk> (Accessed: 30.05.2020).

19. Sokhan', P.S. (ed.) (2013) *Ukrains'kiy arkhеografichniy shchorichnik. Nova seriyam* [Ukrainian Archaeographic Yearbook. New series]. Vol. 18. Kyiv: Ukrains'kiy pis'mennik.

20. Pyadyshеv, V.P. (ed.) (1834) *Geograficheskiy atlas Rossiyskoy imperii, Tsarstva Pol'skogo i Velikoy Knyazhestva Finlyanskogo* [Geographical Atlas of the Russian Empire, the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland]. Saint Petersburg: Voenno-topograficheskoye depo.

21. Il'in, A.A. (ed.) (1876) *Podrobnyy atlas Rossiyskoy imperii s planami glavnykh gorodov* [Detailed Atlas of the Russian Empire with the Plans of the Main Cities]. Saint Petersburg: Izd. kartograficheskogo zavedeniya A. Il'ina.

22. Nikolaev, P.A. (ed.) (1999) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917 Biographical Dictionary]. Vol. 4. Moscow: BRE; NVP "Fianit".

23. Gomolicki, L. (1949) *Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824–1829*. Vol. 27. Warszawa: Książka i Wiedza.

24. Rymkiewicz, J. et al. (eds) (2001) *Mickiewicz. Encyklopedia*. Warszawa: Horyzont.

25. Sovetov, S.S. (1956) *Adam Mitskevich*. Leningrad: Leningrad State University. (In Russian).

26. Jełowicki, A. (1839) *Moje wspomnienia. Księga I*. Vol. 4. Paryż: Wydanie Alexandra Jełowickiego i Spółki.

27. Shchegolev, P.E. (ed.) (1914) *Zapiski grafa E.F. Komarovskogo* [Notes of Count E.F. Komarovsky]. Vol. 12. Saint Petersburg: Ogni.

28. Naumenko, V.P. (ed.) (1893) *Kievskaya starina* [Kievan Antiquity]. Vol. 41. Kyiv: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo.

29. Nechkina, M.V. (ed.) (1988) *Dekabristy: biograficheskiy spravochnik* [Decembrists: Biographical guide]. Moscow: Nauka.

30. [Rolle], A.J. (1884) *Opowiadania. Serya czwarta*. Vol. 1. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa.

Информация об авторе:

Минчик С.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: serserminch@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Minchik, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: serserminch@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.05.2021;
одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 22.05.2021;
approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья

УДК 82-3

doi: 10.17223/19986645/84/10

Штрихи к портрету парижанки: документализм М. Алданова в очерке «Зигетт в дни террора»

Станислав Константинович Пестерев¹,
Светлана Анатольевна Иванова²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ s.k.pesterev@urfu.ru

² s.a.ivanova@urfu.ru

Аннотация. Рассмотрены принципы отбора материала для очерка М. Алданова «Зигетт в дни террора» (1939). Архивная переписка используется Алдановым для создания очерка о способах существования в политически неспокойные времена. Изображая макросторию, автор пренебрегает раскрытием образа главной героини очерка. Определяется принадлежность анонимной Зигетт к семейству Броньяров. Поднимается вопрос оправданности и осознанности авторского смещения акцентов, а также о границах авторской осведомленности.

Ключевые слова: Великая французская революция, Алданов, очерк, документ, Броньяр, террор

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта фонда Фулбрайта – Visiting Scholar 2021. Авторы благодарят В.В. Шадурского, А.И. Пантюхино и Г.Р. Вырву за ценные комментарии.

Для цитирования: Пестерев С.К., Иванова С.А. Штрихи к портрету парижанки: документализм М. Алданова в очерке «Зигетт в дни террора» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 198–212. doi: 10.17223/19986645/84/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/84/10

Restoring the portrait of a Parisian lady: Documents in Mark Aldanov's essay "Zigett v Dni Terrora"

Stanislav K. Pesterev¹, Svetlana A. Ivanova²

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ s.k.pesterev@urfu.ru

² s.a.ivanova@urfu.ru

Abstract. The article dedicated to Mark Aldanov's essay "Zigett v Dni Terrora" [Ziguette in the Days of Terror] has two distinct aims. First, the authors highlight principles of selecting materials for portraying characters of the essay. The primary

source for Aldanov's essay was Louis de Launay's archival publication of a French maid's diary, illustrating the private life during the French Revolution. The diary focuses on the life of "citoyenne C" and her family, which included Ziguette, a fourteen-year old daughter. The diary describes their daily life with dinners, theatres and private lessons. People surrounding them include A.-D. Chaudet, D.-J. Garat, P. D.É. Lebrun (Lebrun-Pindar), J.-A. Houdon and other representatives of culture. The diary does not portray them in detail or pay any special attention to them. Aldanov's approach exploits the archival documents to create a totally different text. Instead of family-centered narration of the diary, Aldanov suggests a group of portraits dedicated to the family's artistic entourage. The key persons in the essay are Jacques-Louis David, Lebrun-Pindar, Hubert Robert and Jean-Honoré Fragonard. Their lives illustrate different approaches to surviving in a dark time of the French Revolution. Some may try to conform to a new reality – successfully (David) or not (Lebrun-Pindar), while others live their lives as if nothing has happened (Robert, optimistically enduring the difficulties and Fragonard, succumbing to despair). The author suggests no reasons why some people may succeed, while others do not – that goes well with Aldanov's philosophy of chance. The shift of the author's attention from private to public life indicates Aldanov's narrative values. Most of his texts highlight the episodes of great historic importance e.g. revolutions and assassinations, and therefore prominent historic figures are the most frequent in his works. They are well documented and their stories seem more appealing and recognizable to a reader. Aldanov's distance from "feminine" and "domestic" realities can be another reason for filtering out many archival details. The second aim of the article is to unveil the identity of Ziguette. The author misses information about her family and adult life and regrets that. Meanwhile, Ziguette belonged to the Brogniart family. Her childhood portrait (by Elisabeth Vigée Le Brun) is exhibited at the National Gallery in London. She married Louis-Andre Pichon, French ambassador involved in the Louisiana purchase by the United States. Her father, Alexandre-Théodore Brogniart, was an architect and made a project of the Père Lachaise cemetery and Palais de la Bourse (now Palais Brogniart) in Paris as well as many other sights. Her brother, Alexandre Brogniart, was a profound specialist in natural sciences and the director of the Sèvres porcelain factory. These facts correct the author's statement about "average family" and raise a question of author's awareness about his characters' background.

Keywords: French Revolution, Aldanov, essay, documents, Brogniart, terror

Acknowledgments: The study was carried out as part of a grant provided by the Fulbright Visiting Scholar Program (2021). The authors thank V.V. Shadursky, A.I. Pantyukhina, and G.R. Vyrva for valuable comments.

For citation: Pesterev, S.K. & Ivanova, S.A. (2023) Restoring the portrait of a Parisian lady: Documents in Mark Aldanov's essay "Zigett v Dni Terrora". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 198–212. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/10

Большинство очерков Марка Алданова относится к жанру «портретных» и изображают личность, внесшую значительный вклад в историю, однако «Зигетт в дни террора» держится несколько особняком. Очерк опубликован летом 1939 г. в газете «Последние новости»¹; ко времени этой публикации большинство «портретов» уже было написано Алдановым, и в

¹ № 6688, 6691, 6698 и 6702.

1940-е гг. он начал осваивать жанр рассказа, поэтому очерк можно воспринять как форму перехода к собственно художественному произведению. Несмотря на заголовок, выделяющий конкретного персонажа, образ Зигетт лишь связывает «террористическую», «гастрономическую», «артистическую», «театральную» и другие части текста.

Пожалуй, все очерки Алданова имеют документальную основу, однако в этом случае принцип работы автора с документами отличается от тех, что использованы в большинстве его текстов. Алдановский текст как бы «прорастает» из архивной находки профессора де Лоне¹. Поводом для обращения Алданова к данному документу послужила 150-летняя годовщина Великой французской революции. Писатель комментирует публикацию дневниковых записей гувернантки парижской семьи С., предназначенных для отца семейства, архитектора на королевской службе, отправившегося работать в провинцию. Записи отражают мирный и незамысловатый буржуазный быт, который контрастирует с эпохой Террора.

Первая задача, которую мы ставим перед собой, сопоставляя публикацию де Лона с очерком Алданова, – уточнить алдановские принципы отбора документального материала. Это позволит точнее понять аксиологию Алданова. Мы сравним публикацию профессора де Лоне [1, 2] с очерком «Зигетт в дни террора»² с точки зрения композиции, состава персонажей и создания их образа. Другая задача – идентифицировать Зигетт и ее семью, этому будет посвящена вторая половина статьи.

I

Очерк Алданова состоит из семи пронумерованных частей и небольшого заключения. I часть – история документа и семьи С., влияние Великой французской революции на современные политические биографии, II – повседневность эпохи Террора, III – перемены в быту с акцентом на гастрономии и появление самой Зигетт в повествовании, описание ее обычного дня. Следующие части фокусируются на различных формах искусства: в центре IV части – художник Давид и его школа живописи, которую посещала Зигетт, в V части – поэт Пиндар-Лебрэн, VI часть посвящена театру, а VII – снова живописи, с упоминанием Юбера Робера и Фрагонара. Прокомментировав празднование 20 прериала в честь Верховного Существа, в финале очерка автор сожалеет, что более никаких данных о семье и дальнейшей судьбе Зигетт не сохранилось.

Несмотря на заголовок, Зигетт не является центральным персонажем. Да и «дни террора» насыщены далеко не террором. Очерк строится вокруг

¹ Отметим удивительное созвучие личности Луи де Лоне (1860–1938) самому Алданову. Профессиональный ученый-геолог, с книгами и статьями об истории науки (биографии Андре-Мари Ампера, Гаспара Монжа, семьи Броньяров), истории быта Французской революции и работой, посвященной Декарту.

² Первая публикация – «Последние новости», июль-август 1939 г., цит. по: [3].

четырёх увлечений юной парижанки и ее учителей. В его начале повествователь переводит фокус от личностей, современных ему (Франко, Гитлер, Сталин), к прохожим и обывателям, которые не меняются с течением времени. Провожающие колесницу с осужденными на казнь уподобляются читателям газет, равнодушно впитывающим в себя цифры жертв авианалетов. Образ толпы отсылает к формуле «Panem et circenses!», и Алданов начинает с хлебов, которые «гораздо важнее зрелищ». Автору многочисленных «портретов» важен фокус на отдельной личности, поэтому для иллюстрации кулинарного изобилия берется экстравагантный и даже слегка раблезианский образ Гримо де ля Реньера¹. Подобное внимание к личности характерно и для дальнейшего текста. Так, сама композиция очерка отдаленно напоминает «Мертвые души»: вслед за главным героем, юной Зигетт, связующей произведение, следует «монографическое» и преимущественно персонифицированное представление живописи, поэзии и театра периода революции. Если у Гоголя души помещиков в той или иной степени мертвы², то души парижан конца XVIII в. в первую очередь одержимы идеей приспособления к резко меняющейся ситуации. Возникающий в финале очерка образ Зигетт и ее семьи содержит больше догадок, чем фактов – повествователь сожалеет, что ему более ничего не известно о дальнейшей судьбе главной героини и ее семьи.

Профессор де Лоне опубликовал 30 дневниковых записей. Приведем роспись их содержания по хронологическому принципу: 16.01.1794 – утренние сборы, урок у Шоде, домашний обед, чтение римских поэтов; 20.01 – почасовой распорядок домашнего быта; 21.01 – покупка черного

¹ Отметим, однако, что у самого Реньера находятся свидетельства влияния революционных событий на культуру еды: «Беседы за табльдотом велись по большей части увлекательные и веселые. Посвящены они были новостям литературы и театра, а поскольку политика в те благословенные времена мало занимала умы, можно было говорить обо всем откровенно, ничего не опасаясь. За общим столом нередко завязывались знакомства приятные и полезные, а порой там даже брала начало крепкая дружба. Весь этот порядок переменяла Революция. С первых ее дней все общественные собрания превратились в самые настоящие арены; высказывать мнение о чем бы то ни было сделалось опасно, ибо все очень быстро сводилось к политике. Поскольку все порядочные люди были в большей или меньшей степени недовольны новым порядком вещей, у них порой вырывались жалобы и пени, о которых патриоты немедленно доносили как о преступлениях против Революции тысяче и одному сыскному комитету, алчущему подобных разоблачений. Чтобы избежать доноса, следовало обедать, не произнося ни слова, и безропотно сносить оскорбления, которыми патриоты, проникшие во все общественные заведения и распоряжавшиеся там по-хозяйски, осыпали всякого, кто думал не так, как они. С этого времени самые прославленные гостиницы уже ничем не отличались от трактиров; учтивость покинула табльдоты, и трапеза за общим столом превратилась в форменный грабеж; порядочные люди за такой стол сесть не осмеливались, прочие не могли поладить, и табльдоты пришлось закрыть» [4. С. 552].

² «И иначе он не мог назвать; не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу» [5. С. 220].

платья и обед у Узо; 22.01 – утренние занятия историей, урок у Гара в Лицее; 27.01 – лекция Гара, учеба; 28.01 – обед у Лебрена в компании Жерара; 29.01 – урок Прадера, оперы *Laure et Zulme* и *Michel Cervantes*; 10.02 – дамы собираются в театр на трагедию «Нерон и Эпихарис», перечисляются наряды; 11.02 – чтение «Британика» Расина; 12.02 – Шоде дает урок Зигетт, визит нарядной поварихи, сборы в театр; 14.02 – визит Пармантье; 16.02 – посещение лица, прослушивание речей и стихов; 18.02 – визит Лебрена, чтение стихов, поздний уход; 24.02 – уроки, театр, опера; 05.03 – день рождения матушки, Зигетт поет и играет на фортепиано; 06.03 – завтрак у С., ее посетители; 08.03 – посещение Лебрена, ужин и поход в театр; 10.03 – поездка в Отей и прогулка обратно домой; 14.03 – Гудон оценивает рисунки Эмили; 16.04 – гражданка С. читает Поупа; 25.04 – Зигетт наряжается на день рождения гражданки Прадер и поет там; 29.04 – лекция о сценических нарядах и танцах в Обществе Искусств; 09.05 – Зигетт рассказывает о поездке в Отей и о том, как не попала на спектакль.

После этого следует комментарий де Лоне, подчеркивающего жизнерадостность этой семьи, продолжавшей посещать концерты и спектакли в самый разгар эпохи Террора. В качестве иллюстрации одного из развлечений того времени публикуется объемное письмо от 09 июня 1974 г., в котором описывается новоизобретенный праздник Верховного Существа. Завершают публикацию размышления де Лоне о способности «добропорядочной публики» избегать революционных волнений. Красноречива завершающая фраза «Ураган обрушился на дуб, а затем небо прояснилось. Птицы в своем гнезде ничего этого не заметили!»¹.

Существует множество свидетельств бережного обращения Алданова с документами. А.А. Кизеветтер в рецензии на роман «Чертов мост» аттестует автора как «добросовестнейшего и прилежнейшего в исторических изысканиях эрудита», которому присуща «скрупулезная историческая точность» [6. С. 478]. А.В. Бахрах замечает, что «Алданов долго работал в архивах и библиотеках, заполнял свои рабочие тетради выписками и, таким образом, располагал почти необъятным материалом» [7. С. 17]. Но очерк Алданова, несмотря на заявленную документальность («Об этом документе <...> позволительно вспомнить в юбилейные дни»), разительно отличается от записей гувернантки. Архивные материалы пригодились Алданову как мотив для создания характеристик известных личностей.

Портрет Зигетт и ее повседневные заботы обрисованы на полутора страницах текста: «очень хороша собой, умница, имела разные таланты», «знала наизусть чуть ли не всего Расина, пела, рисовала», «посещала курсы по разным предметам знания», «живопись была главным талантом и главной страстью Зигетт» [3. Р. 222]. В публикации де Лоне образ Зигетт пред-

¹ L'ouragan s'est déchaîné autour du chêne, puis le ciel s'est rasséréné. Les oiseaux dans leur nid ne s'en sont pas émus (здесь и далее перевод с фр. С.А. Ивановой. – С.П., С.И.) [2. Р. 242].

ложен в предисловии: «Очень умная, очень красивая, очень живая молодая особа»¹. Несложно обнаружить парафраз этой формулы в очерке Алданова. Однако замечание о степени знакомства с творчеством Расина не находит подтверждения в источнике, оба упоминания французского драматурга, «Стихи Расина, которые заучиваются наизусть»² и «Они повторяют со мной несколько строк из Расина или Буало»³, не столь детальны, как алдановская характеристика. Гиперболизация – не самый типичный прием Алданова, так что за ней можно усмотреть как стремление к идеализации персонажа, так и особенность авторского восприятия первоисточника. Сам же образ Расина вызывает к памяти покорных чужому произволу людей. Однако если герои драматурга все же добиваются, иногда пусть и посмертного, но торжества, то алдановские персонажи лишены таких амбиций, их стратегия – не видеть зла, совершающегося вокруг них.

Впрочем, большинство деталей Алдановым выпускается. Сборы Зигетт, при которых тщательно описывается ее наряд: «Большой яркий головной платок, так аккуратно когда-то свернутый матушкой; папильотки в и без того вьющихся волосах; белоснежная баска с рукавами и глубоким декольте, серьги... зеленые, ремешок – все, что можно себе представить необходимым для женщины, которая занимается своим туалетом. А над всем этим – милое личико, присутствие которого придает значимость происходящему вокруг. Такова гражданка Зигетт»⁴, игнорируются автором, и это не единичный случай. Равнодушие к женскому гардеробу демонстративно передается фразой «какое-то платье, купленное за 22 франка на рю де Бак, занимает в переписке немало места» [3. Р. 223].

Публицистами и исследователями неоднократно подчеркивалось «слабое место» Алданова – недостаточное внимание к женским персонажам, отсутствие психологической их глубины и правдоподобности [8, 9]. В данном очерке это проявляется с особой силой – письма написаны гувернанткой и изображают в первую очередь «женский мир» и быт Парижа⁵. Зигетт и ее матушка посещают занятия, принимают гостей, женщин рисуют и им читают стихи. В очерке Алданова акценты в значительной мере переносятся на учителей Зигетт. Даже в распорядке дня Зигетт упоминание каждого из ее педагогов (Шоде, Пиндар-Лебрэн) влечет за собой связанное с ним отступление. Более того, эти имена притягивают другие имена – за Шоде следует Давид, а Юбер Робер оказывается товарищем Фрагонара. Вторая половина очерка – бенефис учителей Зигетт и, соответственно, выход к знаменитым мужчинам.

¹ *Petite personne très intelligente, très jolie, très vivante* [1. Р. 44].

² *Des vers de Racine qu'on apprend par cœur* [1. Р. 52].

³ *On répète avec moi quelques vers de Racine ou de Boileau* [1. Р. 52].

⁴ *Le beau madras arrangé avec tout le goût possible par la maman; les cheveux en papilotes, tout bouclés, tout frisés; un pierrot tout blanc, des pendants d'oreille... verts, une ceinture, tout ce qu'on peut imaginer de parures; et, par-dessus tout cela, une petite physionomie qui fait valoir ce qui l'entoure* [2. Р. 227].

⁵ О значительной роли женщин в событиях Французской революции см.: [10].

Архивная переписка пронизана упоминаниями различных артистов, однако их значимость для текста не столь высока: это не фундамент, на котором держится материал, а лишь яркие детали. О роли искусства в жизни сказано в предисловии де Лоне: «Это были мирные люди, сдержанные в речах и более занятые литературой или искусством»¹. Гувернантка предлагает емкую характеристику творческого окружения семьи Зигетт: «Гражданин Лебрэн, гражданин Депре, Прадер – все эти добропорядочные республиканцы наблюдают за образованием Вашей Эмили. Они приходят два раза в неделю. Вы знаете, насколько талантливы все трое. Итак, мой друг, Вы можете судить о том, какое наслаждение испытываешь, слушая каждого из них. Один касается струн моей души, другой питает мой разум, третий же своим исполнением пробуждает все мои чувства. Добряк Шоде и его жена вторят им хором»².

Последующие эпизоды, в которых фигурируют эти персонажи, не предполагают их детальной портретизации. На ужин заходят Лебрэн и Жерар, художник (не только талантливый, но и чрезвычайно мягкий и скромный) хвалит рисунки Эмили (Зигетт), а поэт читает свою новую (полную поэтической теплоты) республиканскую оду на взятие Тулона. В другой раз он читает стихи «о черных глазах и о голубых глазах». Ригель неоднократно заходит поиграть на фортепиано. Шоде оказывается большим любителем варенья. Гардель проявляет сыновние чувства в Доме Искусств. Гудон хвалит рисунки Зигетт. Пожалуй, наиболее объемным фрагментом, содержащим художественную рефлексию, можно назвать визит к Лебрэну: повествовательница удивляется отсутствию беспорядка, который она ожидала обнаружить у творческого человека, и даже возмущается тому, что Лебрэн в быту не соответствует стереотипному образу творца. На этом упоминания артистов заканчиваются: отцу семейства важнее читать в письмах, как живет его семья, а не лица, ее окружающие.

В очерке М. Алданова совсем иная расстановка сил. Вторая половина очерка целиком посвящена деятелям различных искусств. Интерес к ним повествователя неподделен: переход к Давиду происходит через формулу «к сожалению (курсив наш. – С.П.), в переписке ничего не сообщается о школе живописи, в которой училась Зигетт» [3. Р. 223]. Для Алданова это не проблема: «но тут у нас есть другие источники» [3. Р. 223]. Выход к излюбленному алдановскому жанру, «портрету», невозможен без использования документальных свидетельств, и в случае с Давидом таковых гораздо больше, чем у анонимной ученицы. Рамку портрета образует его школа

¹ Il s'agissait là de gens paisibles, réservés dans leurs paroles et plus occupés de littérature ou d'art [1. P. 45].

² Le citoyen Lebrun, le citoyen Després, Pradère, tous ces bons républicains suivent l'éducation de votre Émilie. Je les ai deux fois par semaine. Vous connaissez le talent de ces trois citoyens. Eh bien, mon ami, vous pouvez juger de mes jouissances à les entendre chacun dans leur genre. L'un touche mon âme, l'autre mon esprit et l'autre, par ses accents mélodieux, s'empare de tous mes sens. Le bon Chaudet et sa femme font chorus [1. P. 50].

в Лувре: открывается портрет интерьером и заканчивается его взаимоотношениями с учениками, а в центре фрагмента оказываются его влияние, моральные качества и взаимоотношения с властью. Одним из основных приемов поэтики Алданова можно назвать параллели между эпохами, чаще всего прошлым и настоящим; советским аналогом Давида, ключевой фигуры во французском искусстве конца XVIII в., становится М. Горький: «По положению это был Горький Французской революции» [3. Р. 224]. Впрочем, в масштабах таланта Давид, разумеется, выигрывает у советского писателя. Место Давида в мире искусства определяется также упоминанием Рафаэля и Тициана, с которыми современники сравнивали художника (как следует из ироничной ремарки автора, при «очень к нему благосклонном строе»).

Литература в образе поэта Пиндара-Лебрена получает в тексте Алданова гораздо меньше внимания. Среди причин можно выделить отсутствие на тот момент влиятельных авторов: эпоха Просвещения уже закончилась, посеяв, впрочем, революционные зерна в души людей, а романтизм еще не сформировался. Динамика революции способствовала малой форме, – памфлету, эпиграмме, статье, – поэтому именно журналист Марат оказался на гребне волны.

Кроме того, образ поэта Лебрена во французской литературе достаточно скомпрометирован его образом жизни и вынужденными политическими метаниями. Критик Лагарп заметил, что Лебрен за всю жизнь написал много хороших строк, но ни одного хорошего стиха [11. Р. 472]. Его роль в жизни семьи Зигетт, однако, значительнее, чем у Давида. Алданов полагает, что Лебрен был влюблен в хозяйку дома, и мы склонны согласиться с тем, что подобный сценарий не исключен¹. Это обстоятельство могло бы направить авторское внимание на Зигетт, но для него это все так же ребенок, окруженный взрослыми разной степени влиятельности. А предположение «Может быть, Зигетт в самом деле хорошо рисовала» служит лишь поводом вспомнить об эпизоде во взаимоотношениях Давида и Жерара. Дистанция к предмету изображения позволяет автору поразмышлять о причинах, толкающих людей на смену своих взглядов.

В этом мы видим переход к одной из основных тем, интересующих Алданова как политического мыслителя, – механизмы осуществления и принятия массами революции. И вывод, который он делает, носит оправдательный характер: люди меняются либо из чувства человеческой стадно-

¹ Le citoyen Lebrun est venu nous voir et nous a dit ses vers sur les yeux noirs et les yeux bleus. Il est resté assez tard, quoique son dessein fût de s'en aller de bonne heure. Mais que voulez-vous? La citoyenne C... a quelque charme, quelque secret magique. On ne peut s'attacher d'auprès d'elle [2. Р. 229]. «Гражданин Лебрэн пришел к нам в гости и прочитал нам свои стихи о черных глазах и о голубых глазах. Он пробыл у нас допоздна, хотя изначально хотел уйти раньше. Но что уж тут поделаешь? Гражданка С... прелестна, есть в ней какая-то чарующая тайна. Попадаешь под ее обаяние и не можешь отвести от нее глаз».

сти – так безопаснее, и никто не осудит, либо из патриотических соображений – закрывая глаза на безусловные проблемы, они небезуспешно пытаются найти и достоинства нового режима. В случае с Францией, пишет Алданов, равенство классов и возможностей служило поводом примирения с преступлениями. Что же могло быть в случае с советскими гражданами, читатель способен решить уже самостоятельно.

Часть, посвященная театру и опере, связывает сценическое увлечение семьи Зигетт со знакомством с Пиндаром-Лебренем. Однако в публикации де Лоне мы не находим подтверждения этому. Более того, сожаление автора: «В письмах почти ничего не сообщается о тех пьесах, которые они видели. Упомянут “Нерон”. А то указания краткие: были в драме, были в опере» – также не соответствует истине, так как еще в пяти случаях приводятся названия постановок, на которых побывали родные Зигетт. Вместо этого Алданов рассматривает реформы, произошедшие в театре революционной Франции, и приводит несколько исторических анекдотов. Аналитика «от первого лица» также присутствует, автор выявляет причины интереса к театру во время революционных бурь. Среди причин опять называются две: апеллирующее к растворению, потере контроля «желание забыть» и снова – патриотизм, ведь искусство способно вызывать и подъем гражданских чувств в народе.

Перемещение последней части очерка «Зигетт в дни террора» из пространства города в Отей, пригород Парижа, не меняет авторской стратегии. Оттолкнувшись от того, что у семьи Зигетт там находилась дача, и отметив высокую историческую значимость этого поселения, повествователь «обнаруживает» художника Юбера Робера в соседях у Зигетт. Архивная публикация упоминает его мимоходом, сразу же переходя к другим дачным заботам и развлечениям, но для Алданова его фигура становится гораздо более интересной, чем подруги или крестные матери семейства. Юбер Робер представлен образцом стойкого жизнелюбия, кажущимся повествователю сверхъестественным, так как описание его злоключений в тюрьме Сент-Пелажи пропитано ироничной легкостью стиля: «...ну посадили в тюрьму, скоро дело выяснится, выпустят» [3. Р. 236].

Иная реакция на революционные события показана у Фрагонара. Товарищ Робера оказывается морально раздавленным переменой настроений заказчиков, и его позиция – подавленное бездействие. Значение семьи С. в этом фрагменте несущественно: «У них были там и другие приятели, известности не имеющие. Дачники жили как дачники, ходили друг к другу в гости, играли, пели, иногда молодежь танцевала» [3. Р. 239]. Автор постоянно пытается вырваться из повседневности в мир примечательных событий («Как-то у соседей была свадьба – веселье необыкновенное») [3. Р. 239] или людей («Забавно, что Робеспьера она просто не заметила: не упоминает даже его имени») [3. Р. 240].

Отталкиваясь от текста де Лоне про обывателей, проживающих в переломную эпоху, но как будто не замечающих ее, Алданов пытается проанализировать различные стратегии поведения творческой личности во время

террора. Это может быть как успешное (Давид) или не слишком успешное (Пиндар-Лебрен) приспособление, так и попытка вести прежнюю жизнь (Робер, с оптимизмом проходящий через беды, и Фрагонар, опускающий перед ними руки). Какой-то закономерности, почему у одного человека что-то получается, а у другого нет, повествователь не выявляет. Причинно-следственную связь определить невозможно как вследствие алдановской философии случая, так и по причине создания очерка, не претендующего на глубину анализа. Однако сюжеты времен Великой французской революции неизбежно проецируются на ситуацию эмиграции как факты личной и общественной трагедии.

II

Завершается алдановский очерк словами: «К сожалению, профессор де Лоне, опубликовавший эту интересную переписку, ничего нам не сообщил о дальнейшей судьбе Зигетт. Мы ведь не знаем и ее фамилии» [3. Р. 240]. Попробуем исправить эту ситуацию, так как жизнь Зигетт сложилась более замысловато, чем у простой парижской обывательницы. Да она и не была таковой с самого начала.

Профессор Луи де Лоне опубликовал дневник гувернантки Зигетт за четыре года до появления очерка Алданова. Ученый-геолог и спелеолог, член Академии наук, де Лоне был также увлечен историей, в частности и науки [12–14], и быта [15]. Внимание к Зигетт и ее семье как раз стало следствием этих двух интересов.

Одним из ученых, интересовавших де Лоне, был Александр Броньяр. Это неудивительно: они оба являлись геологами, а также учеными крайне широкого профиля, в круг интересов последнего входили также химия, зоология, палеонтология и многое другое. Однако широта интересов была свойственна не одному представителю семьи Броньяров. Обратимся к предисловию книги де Лоне: «Но хитросплетения наследственных признаков привели кроме всего прочего, согласно законам Менделя, к любопытному чередованию в этой династии представителей сферы искусства и научных областей, в результате чего появилась так называемая фамильная черта. После нескольких поколений юристов у аптекаря и химика по совместительству родился будущий известный архитектор: Теодор Броньяр, автор здания Биржи и планировки кладбища Пер-Лашез, друг Юбера Робера, Гудона, Клодиона, Куаснона, Давида, Жерара, мадам Виже-Лебрен и т. д. Среди детей Теодора Броньяра: сын, Александр Броньяр, один из основателей стратиграфии и руководитель-новатор фабрики в городе Севр (с 1800 по 1847 г. – директор фарфоровой фабрики в Севре, при которой организовал знаменитый Музей керамики. – *С.И.*), и дочь, баронесса Пишон, ученица Давида, талантливая художница¹» [14. Р. 5].

¹ Mais les lois complexes de l'hérédité ont amené, en outre, chez eux, par l'application de quelque formule Mendélienne, une bien curieuse alternance d'artistes et de savants qui suffi-

Выясняется, что у Александра-геолога был отец архитектор (Александр-Теодор Броньяр), а также сестра – ученица Давида и будущая баронесса Пишон.

Уточняя личность баронессы, мы обнаружили письмо Луи-Андре и Эмили Броньяр Пишионов Томасу Джефферсону [16], примечание к которому содержит множество деталей, проясняющих дальнейшую судьбу юной Зигетт. Приведем его перевод: «Александрин Эмили Броньяр Пишон родилась в 1780 и вышла замуж за Луи-Андре Пишона в 1800 году. Лафайет характеризовал ее как “очень любезная юная леди”. Младшая дочь в семье Луизы д’Эгремон Броньяр и архитектора Александра-Теодора Броньяра Эмили выросла в интеллектуальном и творческом парижском кругу, включавшем их родственника химика Антуана Франсуа де Фуркуа и нескольких художников. Жан Антуан Гудон вылепил бюсты старших брата и сестры Эмили, когда они были детьми. Другой скульптор, Жан-Луи Куаснон, изваял бюст четырехлетней Эмили (или Зигетт, как ее называли в семье). Элизабет Виж-Лебрен нарисовала очень живой портрет восьмилетней Эмили¹. Портрет пятнадцатилетней же Эмили в исполнении Франсуа Жерара привел в восторг критиков Салона в 1795 г. Она развивала свои творческие навыки под руководством Антуана-Дени Шода, а также Давида, предоставившего ей доступ в свою студию для копирования его работ. Она знала латинский язык, изучала музыку и посещала публичные лекции. По семейной традиции она отклонила предложение о замужестве друга своего брата, Жоржа Кювье. За несколько недель до своего отъезда в Америку в статусе генерального комиссара к ней посватался Луи-Андре Пишон², старше ее на девять лет. Через неделю после свадьбы и за два дня до отъезда Талейран пригласил к себе на ужин их и ее семью. Лафайет писал Александру Гамильтону об Эмили: “Я предсказал ей, что она очень сильно понравится американцам”. В США они поселились в Джорджтауне, где Эмили подружилась с Долли Мэдисон³ и Маргарет Смит⁴. Во время пребывания в США у Эмили родился сын, который вскоре умер. По приезде во Францию у пары со временем появилось еще трое детей. В 1830 г. Луи-

rait pour leur conférer une physionomie toute particulière. Après des générations de légistes, un pharmacien-chimiste engendre un architecte célèbre : Théodore Brongniart, l’auteur de la Bourse et du Père-Lachaise, l’ami de Hubert Robert, de Houdon, de Clodion, de Couasnon, de David, de Gérard, de Mme Vigée-Lebrun, etc. Celui-ci a parmi ses enfants : un fils, Alexandre Brongniart, l’un des fondateurs de la géologie stratigraphique et le rénovateur de la fabrique de Sèvres et une fille, la Baronne Pichon, élève de David qui eut un véritable talent de peintre.

¹ Сейчас портрет находится в Лондонской национальной галерее.

² О роли Пишона в продаже американцам Луизианы см.: [17. P. 257–270].

³ Долли Пэйн Тодд Мэдисон (1768–1849), супруга 4-го президента США Джеймса Мэдисона.

⁴ Маргарет Байар Смит (1778–1844), писательница, автор политических мемуаров, знакомая Томаса Джефферсона.

Андре получил титул барона, и Эмили стала баронессой» (перевод с англ. С.К. Пестерева. – С.П., С.И.).

К этому можно добавить, что отец Эмили, «архитектор на королевской службе», Александр-Теодор Броньяр, до своего отъезда в Бордо спроектировал множество парков и особняков для парижской знати, включая особняк Бурбонов-Конде, и привлекался к работе над зданиями Военной школы и Дома инвалидов. Уже в XIX в. он станет автором проекта кладбища Пер-Лашез (1804), а также дворца Броньяра, ранее Биржевого дворца (1807). Во время революции Броньяр уехал в «провинцию» (Бордо) для «постройки какого-то театра» (Théâtre de la Montagne), чтобы скрыться от возможных преследований как представитель старого строя. Однако при этом известно, что он участвовал в организации парижских церемоний празднования IV и V годов республиканского календаря, а также превратил собор в Бордо и церковь в Ла-Реоле в храмы Разума.

В этой деятельности проявились одновременно как его либерально-демократические убеждения, так и необходимость слиться с революционным течением, чтобы не пострадать от возможных репрессий. Точность анализа Алданова проявляется в определении идеологического фундамента Броньяра и его близких: «Думаю, что по общему своему облику члены семьи С. были довольно близки именно к Юберу Роберу. Его политическая мудрость нам более или менее известна: террор отвратителен, власть попала в руки злодеев, но от этого идеи 1789 года не теряют ни смысла, ни ценности. <...>. По-видимому, так думала и семья С.» [З. Р. 240]. И все же не стоит переоценивать значение политики в жизни Броньяров – в первую очередь, Александр-Теодор был профессионалом в воплощении масштабных архитектурных проектов, которые могли быть осуществлены только при определенной лояльности к текущему политическому строю.

Знание того, кем были номинально центральные персонажи очерка, способно многое изменить в его восприятии. В тексте меняется расстановка сил и вместо лакуны на месте семьи С. появляются полноценные участники исторического процесса. Гости не «делают одолжение» анонимным членам семьи, являясь ради сытных обедов и флирта с матерью Зигетт, теперь это скорее посещение светского салона, где их ждет равная им компания. Усиливается сюжет воспитания: участие звездных педагогов было не напрасным, так как становится известно, что Зигетт выросла талантливой и светской дамой, способной произвести впечатление на людей самого высшего общества.

Повышается значение и образа семьи и дома. В очерке Алданова это «на редкость дружная семья», а знание того, что Броньяры – одна из наиболее успешных династий французских ученых, подчеркивает важность теплых семейных отношений для культивирования научного интереса из поколения в поколение. С другой стороны, семейственность порождает способность идти на уступки и мириться со злом ради безопасности своих близких. Таким образом, данные лакуны могут свидетельствовать о приоритетах Алданова в изображении сфер человеческого бытия. Если

предположить, что ему все же была известна личность Зигетт, то нежелание использовать ее полный образ может лишний раз указывать на отсутствие интереса у Алданова к домашним, семейным и бытовым ценностям.

Еще один вопрос, на который мы пока не готовы дать однозначный ответ: насколько вероятно то, что Алданов действительно не увидел за «семьей С.» Броньяров? В начале очерка он пишет: «Письма эти извлечены из семейного архива, но проф. де Лоне не назвал фамилий. Семья, о которой идет речь, обозначена им буквой С¹» [З. Р. 215]. Луи де Лоне пишет чуть больше: «Семейство С. не нуждается в более точном обозначении. Мы их знаем. Мы знаем, что они приобрели заслуженную репутацию в искусстве и науке»². Возможно ли, что Алданов не заинтересовался личностями тех, кто так очевиден для де Лоне, что он даже не называет их имен? Могло ли это быть продолжением алдановской стратегии умолчания, начатой де Лоне? Французский архивист изображает, в первую очередь, быт эпохи, и появление в тексте известных имен могло бы сместить акценты. М. Алданову же интересен мир большой истории, и имя Броньяра было бы в его очерке более уместным.

Среди художественных приемов Алданова нередко изображение великой (возможно в будущем) личности глазами неосведомленного человека: «молодой и чрезвычайно красивый собою поэт Гете» (фройлейн Гертруда в «Девятом Термидоре»), «второй, после Илличевского, из молодых царскосельских поэтов» (де Бальмен о Пушкине в «Святой Елене»), Гитлер, неожиданно встреченный Профессором в «Астрологе». Смеем предположить, что в очерке «Зигетт в дни террора» повествователь, сам того не желая, оказался в похожей ситуации, «не узнав» семью Броньяра.

Список источников

1. *Une Vie de Famille pendant la Terreur*. (Documents inédits) // *La revue de France*. Jan-Feb 1935. Т. 1. № 1. Р. 43–58.
2. *Une Vie de Famille pendant la Terreur*. (Documents inédits) // *La revue de France*. Jan-Feb 1935. Т. 1. № 15. Р. 227–242.
3. Алданов М.А. Зигетт в дни Террора // *Сочинения* : в 6 т. Кн. 2: Очерки. М. : Новостри, 1995. С. 215–240.
4. *Гримо де ла Реньер А.* Альманах Гурманов / пер. с фр., вступ. ст., примеч. В.А. Мильчиной. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 640 с.
5. Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // *Собрание сочинений* : в 30 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 516 с.
6. Кизеветтер А.А. Рец на «Чертов Мост» // *Современные записки*. 1926. № 27. С. 476–479.
7. Бахрах А. Вспоминая Алданова // *Грани*. 1982. № 124. С. 155–182.

¹ Он лишь сообщает, что семья эта имеет почетное имя в истории французского искусства и науки (прим. М. Алданова – С.П., С.И.).

² *La famille С...* dont il va s'agir n'a pas besoin d'être désignée plus précisément. Nous la connaissons. Nous savons qu'elle a acquis une réputation justifiée dans les arts et dans les sciences [1. Р. 44].

8. Сабанеев Л.М. Алданов. К 75-летию со дня рождения // Новое русское слово. 1961. 1 октября.
9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. // Краткий биографический словарь русского Зарубежья / вступ. статья К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж : YMCA-Press ; Москва : Русский путь, 1996. 448 с.
10. *История женщин на Западе*. Т. 4: Возникновение феминизма. От Великой французской революции до Мировой войны / ред. Ж. Фрассе. СПб. : Алетейя, 2015. 536 с.
11. *La Harpe*, Correspondance Littéraire, adressée à Son Altesse Impériale Mgr. le Grand-duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schowalow, chambellan de l'impératrice Catherine II, depuis 1774 jusqu'à 1789. Let. CLXII // Oeuvres. Paris, Verdère, 1820. Т. 11. 499 p.
12. *Launay L. de*. Le Grand Ampère. Paris : Libr. Académique Perrin, 1925. 274 p.
13. *Launay L. de*. Un grand Français: Monge, fondateur de l'École polytechnique. Paris : Éditions Pierre Roger, 1933. 280 p.
14. *Launay L. de*. Une grande famille de savants. Les Brongniart. Paris : G. Rapilly et fils, 1940. 208 p.
15. *Launay L. de*. Une famille de la bourgeoisie parisienne pendant la Révolution; Tous-saint Mareux, membre de la Commune de 1792 et directeur de Théâtre Saint Antoine et François Sallior, membre du Bureau central sous le Directoire, d'après leur correspondance inédite. Paris : Perrin, 1921. 388 p.
16. *To Thomas Jefferson* from Louis André Pichon and Émile Brongniart Pichon, 9 September 1802 // *The Papers of Thomas Jefferson*. 1 July–12 November 1802. Vol. 38 / ed. by Barbara B. Oberg. Princeton : Princeton University Press, 2011. P. 376–377.
17. *Bowman Albert H.* Pichon, the United States, and Louisiana // *Diplomatic History*. Vol. 1. № 3 (Summer 1977). P. 257–270.

References

1. La revue de France. (1935) Une Vie de Famille pendant la Terreur. (Documents inédits). *La revue de France*. January–February. 1 (1). pp. 43–58.
2. La revue de France. (1935) Une Vie de Famille pendant la Terreur. (Documents inédits). *La revue de France*. January–February. 15 (1). pp. 227–242.
3. Aldanov, M.A. (1995) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Novosti. pp. 215–240.
4. Grimod de La Reynière, A. (2014) *Al'manakh Gurmanov* [Almanach des Gourmands]. Translated from French by V.A. Mil'china. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Gertsen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
6. Kizevetter, A.A. (1926) Rets. na "Chertov Most" [Review of Devil's Bridge]. *Sovremennye zapiski*. 27. pp. 476–479.
7. Bakhrah, A. (1982) Vspominaya Aldanova [Remembering Aldanov]. *Grani*. 124. pp. 155–182.
8. Sabaneev, L.M. (1961) Aldanov. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya [Aldanov. On the 75th anniversary of the birth]. *Novoe russkoe slovo*. 1 October.
9. Struve, G.P. (1996) Russkaya literatura v izgnanii [Russian Literature in Exile]. In: Vildanova, R.I., Kudryavtsev, V.B. & Lappo-Danilevsky, K.Yu. (eds) *Kratkiy biograficheskiy slovar' russkogo Zarubezh'ya* [Brief Biographical Dictionary of the Russian Diaspora]. 3rd ed. Paris: YMCA-Press; Moscow: Russkiy put'.
10. Zhenev'eva, F. (ed.) (2015) *Istoriya zhenshchin na Zapade* [History of Women in the West]. Vol. 4. Saint Petersburg: Aleteyya.

11. La Harpe, F.-C. (1820) *Correspondance Littéraire, adressée à Son Altesse Impériale Mgr. le Grand-duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schowalow, chambellan de l'impératrice Catherine II, depuis 1774 jusqu'à 1789. Let. CLXII.* Vol. 11. Paris, Verdière.

12. Launay de, L. (1925) *Le Grand Ampère.* Paris: Libr. Académique Perrin.

13. Launay de, L. (1933) *Un grand Français: Monge, fondateur de l'École polytechnique.* Paris: Éditions Pierre Roger.

14. Launay de, L. (1940) *Une grande famille de savants. Les Brongniart.* Paris: G. Rapilly et fils.

15. Launay de, L. (1921) *Une famille de la bourgeoisie parisienne pendant la Révolution; Toussaint Mareux, membre de la Commune de 1792 et directeur de Théâtre Saint Antoine et François Sallior, membre du Bureau central sous le Directoire, d'après leur correspondance inédite.* Paris: Perrin.

16. Oberg, B.B. (ed.) (2011) To Thomas Jefferson from Louis André Pichon and Émile Brongniart Pichon, 9 September 1802. In: Oberg, B.B. *The Papers of Thomas Jefferson, vol. 38, 1 July–12 November 1802.* Princeton: Princeton University Press. pp. 376–377.

17. Bowman, A.H. (1977) Pichon, the United States, and Louisiana. *Diplomatic History.* 3 (1). pp. 257–270.

Информация об авторах:

Пестерев С.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.k.pesterev@urfu.ru

Иванова С.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Pesterev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.k.pesterev@urfu.ru

S.A. Ivanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2022;
одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 08.07.2022;
approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 82-5+929
doi: 10.17223/19986645/84/11

**Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина:
по материалам его архива
в Научной библиотеке Томского университета
(Статья первая)**

Ирина Анатольевна Поплавская¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, poplavskaj@rambler.ru*

Аннотация. В рамках юбилееведения как специальной области гуманитарных исследований рассматривается празднование восьмидесятилетнего юбилея Г.Н. Потанина. Материалом послужили поздравительные адреса и приветствия различных учреждений и организаций Сибири из архива Г.Н. Потанина. Анализируется их связь с традициями эпидейктического красноречия. Изучаются механизмы формирования биографического нарратива Потанина, институционализации его личности в общественном и культурном сознании Сибири и России начала XX в.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, юбилей, эпидейктическое красноречие, Сибирь, общественные организации, институционализация личности

Благодарности: Результаты исследования были получены в рамках выполнения задания гранта РНФ № 23-28-00447 «Творческое наследие Г.Н. Потанина: диалог Востока и Запада».

Для цитирования: Поплавская И.А. Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 213–233. doi: 10.17223/19986645/84/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/11

**Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials
from his archive in the Research Library
of Tomsk State University (Article I)**

Irina A. Poplavskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
poplavskaj@rambler.ru*

Abstract. Within the framework of anniversary studies as a special field of humanitarian research, the article considers the celebration of the eightieth anniversary

of Grigory Potanin (1835–1920), an encyclopedist scientist, traveler, public figure, publicist, ideologist of the *oblastnichestvo* movement. The article aims to construct Potanin's personality in the public consciousness of Siberia at the turn of the 20th century. The objectives of the study are: to consider Potanin's biography, creative, social and scientific activities as a special life-building project; to analyse the mechanisms of his personality's institutionalization; to comprehend the features of the *oblastnichestvo* movement at this stage; to reveal the ideas of Siberians about the social, economic and cultural situation of Siberia during this period. Welcoming addresses in honour of Potanin's 80th birthday, which are stored in his archive at the Research Library of Tomsk State University, were the material for the study. Many of them are introduced into scholarly discourse for the first time. The material is analysed in connection with the traditions of epideictic eloquence. The study uses biographical, historical-cultural, semiotic, sociological research methods. In the addresses, Potanin's biography is interpreted as a synthesis of a non-canonical biography, including arrest, hard labor and exile, and a canonical biography, reflecting his activities as an explorer, traveler, member of the Imperial Russian Geographical Society, as a citizen of Siberia. This type of biography reflects the demands of Russian society at the turn of the 20th century for awareness of its regional, all-Russian and Eurasian identity, which was refracted in Potanin's biographical narrative. The role of Potanin in the founding of the first university in Siberia is emphasised, his merits as a travelling researcher in Mongolia, China, Tibet and as a public figure are presented. The article presents a symbolic comprehension of the personality of Potanin as a hero of space and a hero of time in the 1860s–1910s, compares him with the Buddhist image of Chakravartin and with the priest of the sacred fire. The article concludes that the perception of Potanin's personality in the aspect of life building turned out to be closely connected with his ideas about himself, about the role that he was to play in Siberian society and the opinion of this society about him, his attitudes and expectations in relation to the "best son of Siberia". The anniversary celebrations largely contributed to the institutionalization of his image in the cultural consciousness of Siberians. This was reflected in his election as an honorary citizen of a number of Siberian cities; the naming of streets, libraries, departments of museums in Tomsk and Novo-Nikolaevsk; in the establishment of Potanin scholarships for research on Siberia and for students of the Siberian region. The recognition of his merits as an encyclopedist scientist and as an educator of Siberia is evidenced by his election as an honorary member of certain scientific, educational and cultural organizations and societies.

Keywords: Grigory Potanin, anniversary, epideictic eloquence, Siberia, public organisations, institutionalization of personality

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00447 "The creative heritage of Grigory Potanin: Dialogue between East and West".

For citation: Poplavskaya, I.A. (2023) Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article I). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 213–233. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/11

Изучение культовой личности представляет интерес в разных аспектах: биографическом, историческом, социальном, культурном, мифологическом. В статье предметом рассмотрения становится личность Г.Н. Потани-

на (1835–1920), ученого-энциклопедиста, путешественника, общественно-го деятеля, публициста, идеолога областнического движения. Цель настоящей работы видится в конструировании личности Потанина в общественном сознании Сибири рубежа XIX–XX вв. Задачи исследования заключаются в рассмотрении биографии, творческой, общественной и научной деятельности Потанина как особого жизнестроительного проекта; в изучении механизмов институционализации его личности; в осмыслении особенностей областнического движения на данном этапе; в раскрытии представлений сибиряков о социальном, экономическом, культурном положении Сибири в этот период. Материалом послужили приветственные адреса в честь восьмидесятилетнего юбилея Потанина, хранящиеся в его архиве в Научной библиотеке Томского университета. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. В работе используются биографический, историко-культурный, семиотический, социологический методы исследования.

В рамках юбилееведения как специальной предметной области гуманитарных исследований юбилей понимается как социокультурное явление и как форма культурной памяти, «формирующей символически переработанный образ прошлого» [1. С. 8]. Юбилей известных писателей, ученых, общественных и культурных деятелей становятся «рубежными праздниками», подтверждающими статус человека в обществе, его значимость в социокультурном пространстве и воспринимаются как механизм формирования и трансляции ценностей, необходимых для гармонизации и идентичности социума [2. С. 125, 127]. Юбилейные мероприятия, посвященные отдельному известному лицу, предполагают конструирование биографии этого лица, его творческой и общественной деятельности с учетом сложившихся к моменту юбилея доминирующих идеологических и культурных парадигм, связанных с общенациональной и региональной идентичностью [3. С. 95]. Празднование персонального юбилея не только раскрывает единство личности с нацией и ее ценностями, но и воспринимается как своего рода резервная система культурно-исторической памяти общества [4. С. 32].

Обратимся к изучению восьмидесятилетнего юбилея известного отечественного этнографа, фольклориста, писателя Григория Николаевича Потанина (1835–1920). «Потанинские дни», торжественно отмеченные в Томске и других городах Сибири, поздравления юбиляру и материалы о нем, появившиеся на страницах центральной и региональной периодики, способствовали развитию более тесной связи центра и периферии, определенному сглаживанию культурной асимметрии между ними. В то же время эти события оказались неразрывно связаны с процессом формирования регионального самосознания сибиряков, активизировавшегося в конце XIX – начале XX в. [5. С. 65], с институционализацией образа Потанина в общественном сознании Сибири [6. С. 137].

21 сентября 1915 г. в Томске в здании Общественного собрания в присутствии юбиляра отмечалось восьмидесятилетие со дня его рождения, организованное советом Общества изучения Сибири. К этому дню было вы-

пущено 1200 билетов для депутатов и публики. С докладами о научной и общественной деятельности Потанина выступили профессор геологии Томского технологического института М.А. Усов (1883–1939), профессор кафедры государственного права Томского университета А.М. Горбунов (1867–1925), гласный Томской городской думы П.В. Вологодский (1863–1925). Затем представители более 50 организаций зачитали свои приветственные адреса, а хор Томского хорового общества исполнил гимн «Слава Потанину». В конце с ответной речью выступил сам юбиляр [7. С. 69].

Юбилей Потанина воспринимается и как важнейший текстопорождающий фактор, связанный с конструированием его биографии и образа Сибири в общественном сознании России начала XX столетия. В связи с юбилейной датой вышел «Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина» [8] с предисловием профессора Томского университета В.В. Сапожникова (1861–1924), биографическим очерком редактора «Сибирской газеты» А.В. Адрианова (1854–1920) и избранными статьями из путешествий и публицистики самого Потанина. К юбилею Потанина в газете «Сибирская жизнь» от 29 сентября 1915 г. была опубликована поздравительная телеграмма от А.М. Горького. В этом же номере были напечатаны поздравления от редакций журналов «Русское богатство», «Голос минувшего», «Ежемесячный журнал», «Современник», газет «Утро Сибири», «Сибирская мысль», «Сибирь», «Иркутская жизнь», «Приишимье» и др. [9. С. 58–59]. В 1916 г. В.А. Обручев, участник второй Китайско-Тибетской экспедиции Потанина 1892–1893 гг., выпустил краткий очерк о его жизни и научной деятельности [10]. Этот юбилей стал поистине событием в культурной и политической жизни всей Сибири, «недаром в эти дни роль Потанина для Сибири сравнивали с тем, что делал Толстой для всей страны» [11. С. 183].

В нашей статье мы рассмотрим поздравительные адреса и приветствия, зачитанные на этом юбилее Потанина и хранящиеся в его фонде в Научной библиотеке Томского университета. Известно, что архив и библиотека Потанина поступили в библиотеку Томского университета в 1920 г. из библиотеки Института исследования Сибири, находящего в Томске, по причине его закрытия 1 июля 1920 г. Отличительным признаком этих книг и журналов является наличие на титульных листах прямоугольной печати библиотеки института, а также букв «Пт», поставленных около шифра книги [12. С. 96]. Другая часть материалов была передана в библиотеку в конце 1922 г. из фондов Сибирского научного кружка им. Г.Н. Потанина. В настоящее время архив Потанина включает в себя 15 700 л., относящихся к 1849–1919 гг., и его личную библиотеку, насчитывающую 3 200 ед. хранения [13. С. 31, 29]. Поздравительные материалы, относящиеся к восьмидесятилетию юбилею Потанина, представляют собой приветствия, адресованные ему и подписанные главами отдельных сибирских городов, председателями, секретарями и членами различных обществ и организаций Томска, Красноярска, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Омска, Бийска, Ново-Николаевска. В настоящее время в архиве Потанина в

Томске сохранилось 40 приветственных адресов. Все они находятся в 11 папках, внутри каждой имеется своя нумерация. Часть поздравлений напечатана типографским способом, часть представляет собой машинописный текст, часть написана от руки каллиграфическим почерком черными чернилами. Размеры поздравительных адресов 42,0 × 30,5; 39,3 × 25,3; 37,5 × 23,8; 35,5 × 22. При знакомстве с ними можно выделить несколько проблем: конструирование биографии Потанина как особого жизнестроительного проекта; институционализация его личности в культурном сознании Сибири и России начала XX в.; областнические идеи «патриарха Сибири» на рубеже XIX–XX столетий; осмысление роли и места Сибири в политической, экономической и культурной жизни страны начала XX в. В данной статье мы рассмотрим первые две проблемы.

Отметим, что с точки зрения риторики все поздравительные материалы относятся к типу эпидейктических речей. Эпидейктическая речь – «это так называемая “речь на случай”, речь торжественная, произносимая в речевых ситуациях особого рода: на юбилеях, других торжественных актах, <...> когда люди собираются, чтобы почувствовать свое единство, осознать себя как единую общность, как коллектив единомышленников» [14. С. 274]. Цель эпидейктического красноречия – «произвести на слушателя долговременное впечатление, “заронить мысль в его душу”, укрепить его в тех или иных взглядах» [15. С. 56]. В Новое время прямым поэтическим аналогом эпидейктического красноречия становится ода. В области композиции эпидейктическое красноречие характеризуется стремлением к симметрии, ритмизации, амплификации, направленной на постепенное наращивание основных положений. С точки зрения выражения этот вид красноречия опирается на развернутую метафору, часто разрастающуюся в притчу [15. С. 57]. Все отмеченные особенности данного вида красноречия в той или иной мере присутствуют в каждой из поздравительных речей, произнесенных в честь юбиляра.

Во всех поздравлениях после обращения к юбиляру излагаются общественно значимые факты его биографии. Рассмотрим особенности формирования биографического текста Потанина как особого жизнестроительного проекта. Под биографическим текстом нами понимается «способ производства знания об обществе, вовлеченного в процесс самопознания и становления» [16. С. 180]. С этой точки зрения среди биографических нарративов можно выделить две определяющие линии: конструирование нормативных биографий, в которых реализуется концепция «благой жизни» и которые в общественном плане направлены на оправдание существующего миропорядка, и «проблематизирующих» биографий, связанных с изменением, трансформацией традиционных институтов и созданием новых культурных парадигм [16. С. 179, 185, 186]. Случай же Потанина особенный. Его жизнь может быть осмыслена как синтез неканонической, «проблематизирующей» биографии, включающей арест, каторгу и ссылку, и одновременно биографии канонической, отражающей его деятельность как исследователя, путешественника, члена Императорского Русского географи-

ческого общества, как гражданина Сибири. Этот тип биографии получил отражение в ряде поздравительных адресов. Так в адресе от Общества врачей Енисейской губернии кратко обозначен весь жизненный путь Потанина. Авторы пишут: «Все общественное движение, вызванное к жизни Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным со товарищи, как известно, было заподозрено <...> против всей группы лиц было возбуждено дело, которое повело к арестам, суду, ссылке и каторге. <...> Но и эта тяжелая и долгая страница Вашей жизни миновала. <...> На склоне лет Вы имеете великое счастье видеть результаты своих трудов. Вы видите Сибирь обновленную, в тех формах, которые когда-то только мечтались» [17. Л. 11]. В этом поздравлении подчеркивается единство Ядринцева и Потанина как родоначальников областнического движения, последовательно стремившихся воплотить свои идеи в пространстве родной Сибири, и одновременно подразумевается различие их жизненного пути: самоубийство Ядринцева как реализация трагического варианта судьбы сибирского просветителя и восьмидесятилетний юбилей Потанина как воплощение «идеальной» судьбы «гуманиста-областника». Разные варианты их «жизненных траекторий» формируют социокультурный ландшафт Сибири и выступают в качестве основы для мифологизации их биографий в сибирской и общероссийской периодике рубежа веков [18. С. 167].

Биографический нарратив оказывается определяющим и в поздравлении от сотрудников Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Обращаясь к юбиляру, они пишут: «Уже полстолетия отделяет нас от того времени, когда Ваш горячий призыв к молодым силам родины – призыв сплотиться во имя служения ей – был сочтен за преступление. Но жизнь в эти пятьдесят лет <...> являла доказательства тому, что Ваш призыв к работе, за который Вы понесли тяжелую кару, был продиктован самой действительностью <...> был необходим. И венки из терний на Вашей голове стали венком лавровым...» [19. Л. 3–3 об.]. В данном поздравлении раскрывается христианский, общекультурный и символический контекст, формирующийся вокруг имени Потанина, переданный с помощью образов «венка тернового» и «венка лаврового» и приема амплификации, направленного на возрастание смысловой характеристики адресата, на создание вокруг него мессианского ареола. В метафорическом плане этот отрывок описывает разные этапы реальной биографии Потанина: от его ареста 29 мая 1865 г. в Томске, трехлетнего тюремного заключения в Омске, каторги в Свеаборгской крепости в Финляндии, ссылки в Тотьму и Никольск, города Вологодской области, и амнистии в 1874 г. Последующие затем научные экспедиции Потанина в Монголию, Китай и Тибет, его деятельность как ученого-исследователя и как «патриота Сибири» обусловили восприятие его личности как «властителя сибирской мысли, строителя ее жизни, ее любимого сына» [20. Л. 20]. В этом приветствии акцентируются жизнестроительные стратегии личности Потанина, которые «претворяются» им в дело созидания новой Сибири, основанного на реализации его просветительских и областнических идей. Сходным образом ха-

рактируется личность юбиляра и в поздравительном адресе от Минусинского городского Мартьяновского музея. В нем говорится о научных исследованиях Потанина, посвященных Сибири, которые определили всю его «долгую и плодотворную жизнь», и отмечается, что «даже постигшие Вас в юности суровые испытания не могли потушить ярко горевшего в Вашей душе пламени любви к ней!» [21. Л. 2].

Как видно из приведенных фрагментов, внутренне целостная жизнь Потанина на первом ее этапе воспринималась, с точки зрения официальной идеологии, как «опасная», в поздравительных же материалах к восьмидесятилетнему юбилею формируется уже каноническая его биография как биография российского интеллигента, ученого, общественного деятеля, публициста, идеолога сибирского областничества. Этот тип биографии отражает запросы русского общества на рубеже XIX–XX вв. на осознание своей региональной, общероссийской и евразийской идентичности, получившей преломление в биографическом нарративе Потанина.

В основной части многих поздравительных адресов отмечаются разносторонняя общественная деятельность Потанина и его научные заслуги как ученого-энциклопедиста и как просветителя Сибири. В поздравлении от Совета Императорского Томского университета подчеркивается его роль в деле основания университета: «Вами положен один из первых духовных камней в создание любимой Вами Alma Mater Sibirica. <...> Пусть увидите Вы возможно скорее, что посеянное Вами горчичное зерно выросло в громадное и законченное древо знания» [22 Л. 1, 1 об.]. Поздравление было подписано профессорами Томского университета П.И. Лященко (1876–1955), Н.Я. Новомбергским (1871–1949), М.Д. Рузским (1864–1948) [23. С. 156, 179, 216]. Встречающееся здесь известное латинское выражение, библейские образы «горчичное зерно» и «древо знания» свидетельствуют об использовании элементов аллегорического и метафорического стилей, что сообщает самой речи необходимую торжественность и подчеркивает значимость личности юбиляра и его заслуг перед Сибирью.

В адресе от Сибирского кружка томских студентов внимание акцентируется на связи разных этапов жизненного пути Потанина с идеями областничества, которые «претворяются» в дело открытия Императорского Сибирского университета. В нем, в частности, отмечается: «Основав первое сибирское землячество в Петрограде <...> Вы, с Вашим славным сотрудником Николаем Михайловичем Ядринцевым, неустанно боролись за открытие первого культурного светоча в Сибири – Томского университета» [24. Л. 5]. Об этом же говорится и в поздравлении от Сибирских землячеств при высших учебных заведениях г. Томска: «Боле полвека тому назад, еще будучи студентом, Вы организовали в Петрограде кружок сибиряков, поставивший своей целью создание в Сибири университета. <...> Ваша мечта осуществилась – в 1888 году был открыт Томский университет. Следствием дальнейшего развития Вашей идеи явилось открытие в Томске Технологического института и Сибирских высших женских курсов» [25. Л. 10]. Представляет интерес перечисление самих сибирских зем-

лячеств, которые создали студенты, обучавшиеся в это время в Томске. Среди них Алтайское, Амурское, Енисейское, Забайкальское, Иркутское, Красноярское, Ново-Николаевское, Омское, Петропавловское, Приморское, Сибирское при Высших женских курсах, Тобольское, Тюменское, Томское, Семипалатинское, Якутское землячества.

Заслуги Ядринцева и Потанина в деле основания первого сибирского университета неопределимы. Как известно, вопрос об открытии университета впервые был сформулирован ими еще в начале 1860-х гг. и рассматривался в единстве с такими вопросами, как ссылка, подчиненное экономическое положение Сибири, вопрос об инородцах, колонизация Сибири, расширение сферы культурной жизни региона [26. С. 89]. В конце 1863 г. Потанин прочитал публичную лекцию о сибирском университете в Семипалатинске, в это же время Ядринцев на литературном вечере в Омске, организованном в честь сбора средств на школу для детей казаков, выступает с сообщением на ту же тему. Впоследствии речь Ядринцева была опубликована в неофициальной части газеты «Томские губернские ведомости» за 1864 г. под названием «По поводу сибирского университета». В ней, в частности, говорилось о том, что «сибирский университет с давних пор составляет самую заветную мечту, самый любимый идеал сибиряков-патриотов. <...> Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария. Сибирский университет будет зародышем этой цивилизации» [27. С. 29, 31]. Как видим, идея открытия университета в Сибири наряду с другими культурными, экономическими, политическими, религиозными факторами развития осмыслялась под знаком органического вхождения региона в российскую этноцивилизацию, а через метасистему «Европа – Россия» – в глобальную «метацивилизацию Севера» [28].

Впоследствии идея об открытии сибирского университета получила продолжение в другой статье Ядринцева, ставшей своего рода манифестом раннего сибирского областничества [26. С. 89], «Сибирь в 1-е января 1865 года», которая была напечатана в газете «Томские губернские ведомости», в № 1 от 8 января 1865 г. В ней сибирский университет мыслится как «великое народное здание», которое будет возведено за счет местных пожертвований [29. С. 3]. Вслед за Ядринцевым Потанин в заметке «Материалы к вопросу о Сибирском университете» приводит данные о необходимой сумме ежегодного содержания университета – свыше 60 000 рублей серебром [30. С. 8]. В другой статье «Гражданское увлечение Сибири» он составляет уже предварительную смету для строительства университета и его оснащения: «Здание для помещения университета в сибирском городе будет стоить около 60,000 р.с.; библиотека из 5000 томов около 25,000 р.с.; затем остаются еще физический кабинет, лаборатория и ботанико-зоологический музей» [31. С. 2].

Новый этап в деле основания университета в Сибири продолжился уже в середине 1870-х гг. в публикациях, лекциях, публичных выступлениях сибирских областников. В это время «университетская идея нашла благо-

приятные условия для своего развития в самом сибирском обществе» [32. С. 146] и, как известно, получила воплощение в «высочайшем повелении» императора Александра II от 16 мая 1878 г. об учреждении Императорского Сибирского университета в Томске. Отметим, что роль Потанина и Ядринцева в становлении высшего образования в Сибири оказывается тесно связана с формирующимся с конца XIX в. «базовым мифом» о Томске как Сибирских Афинах, закрепляющим представление о городе как культурном центре Сибири и вносящим в ее концептосферу и мифологию новый сюжет интеллектуального освоения, концентрации духовных сил [33. С. 77, 80; 34. С. 40].

Деятельность Потанина как исследователя Сибири отражена почти во всех документах. Так, в поздравлении от статистиков Сибири и Томска жизнь Потанина-исследователя осмысливается в исторической ретроспективе. В адресе говорится: «...50 лет тому назад – Вы были избраны секретарем статистического комитета в Томске и <...> одними из первых Ваших трудов научного значения были труды статистические – по изучению численного состава населения Сибири и по исследованию рыболовства на озере Зайсан» [35. Л. 1 об.]. Речь идет, вероятно, о статье Потанина «Климат и люди Сибири», опубликованной в «Томских губернских ведомостях» за 1865 г. [36], и о материале «О рыбном промысле на Цзайсане и на Черном Иртыше», напечатанном в Записках Русского географического общества за 1864 г. [37]. В первой из них, в частности, говорится о двух путях колонизации Томской губернии, начавшихся с середины XVII столетия, – о ненасильственной (вольной) земледельческой колонизации северных, восточных и южных ее областей, и военной – в юго-западных частях от Иртыша до Усть-Каменогорска. Во второй статье, описывая взаимоотношения русских народов с инородцами, Потанин отмечает, что верховья Иртыша – это «вторая местность в Сибири после верхних частей Амура, где инородцами усвоена русская рыболовная культура» [37. С. 38].

В поздравлении от Красноярской городской думы подчеркивается роль Потанина как путешественника и исследователя Азии. В обращении к нему говорится: «Ваши выдающиеся путешествия по Азии <...> дали огромный материал для самых разнообразных научных знаний, а особенно по отделу этнографии народов Азии, а также в области естествознания» [38. Л. 3]. В адресе от Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших Енисейской губернии раскрывается преимущественно научная сторона жизни Потанина: «В тот день, когда мысли всей Сибири обращены к Вам, в нашем воображении невольно встают картина за картиной Ваших путешествий по необозримым степям и лесам Средней Азии. Много тысяч верст пройдено Вами <...> среди необъятных просторов Гоби, Тибета, Монголии и по бесконечному Сибирскому пути. <...> всюду для Вас находился интересный матерьял, который Вы собирали и, обрабатывая его, делали ценный вклад в науку» [39. Л. 7 об.]. В адресе от Иркутской женской гимназии А.М. Григорьевой отмечается роль его жены А.В. Потаниной (1843–1893), которая принимала участие во всех четырех экспедициях,

возглавляемых ее мужем. В экспедициях она занималась гербариями, вела путевые дневники, делала зарисовки, собирала этнографические коллекции. Живо интересовалась буддизмом и буддийской культурой [40. С. 9]. В поздравительном приветствии говорится: «В своих путешествиях, тяжесть которых разделяла и верная подруга Вашей жизни Александра Викторвна, Вы не только давали исчерпывающее описание края, но и раскрывали его далекое прошлое, производя раскопки и исследуя местные древности, которых так много в Центральной Азии и Южной Сибири, странах с глубоко древней культурой <...>. И теперь нельзя приступить к изучению этого края, минуя Ваши труды» [41. Л. 1].

Почти во всех поздравлениях акцентируется внимание не только на признании научных открытий Потанина «всей мыслящей частью русского общества», но и на восприятии его как общественного деятеля, как истинного гражданина Сибири и России. Роль Потанина как общественного деятеля оказывается особенно актуальной в свете событий Первой мировой войны, что находит отражение в тексте некоторых поздравительных адресов. «Наш сегодняшний праздник омрачен совершающимися событиями мировой важности. <...> Пусть наш <...> праздник будет залогом скорой победы добра и света!» – говорится в обращении от студентов Томского университета [42. Л. 3]. «Мы переживаем тяжелое время испытаний, порождаемых стихийной борьбой нашей родины за право свободного развития, за право человека. <...> “Потанинский день” должен ободрить, оживить и усилить чувства всех, любящих отчизну», – отмечается в адресе Томского Общества содействия физическому развитию [43. Л. 31]. Празднование юбилея Потанина в этих исторических условиях воспринимается как «многозначительный акт проявления общественного самосознания и силы. <...> Отныне день 21 сентября пусть будет нашим славным праздником, и ежегодно Вашего имени юбилейные собрания послужили бы связующим звеном между всеми слоями сибирского населения», – написано в поздравительном адресе от служащих Томского городского общественного самоуправления [44. Л. 41, 41 об.].

В соответствии с традицией эпидейктического красноречия почти все поздравления завершаются выразительной метафорой, раскрывающей восприятие образа Потанина в культурном сознании Сибири и России начала XX в. Часть этих метафор носит топологический характер, связанный с сибирским регионом как частью России. В них юбилар называется «гражданином Сибири», «патриархом Сибири», «лучшим сыном Сибири», «сибирским патриотом», «самобытным кристаллом Сибири», «учителем и просвещенным деятелем Сибири», «отцом научного изучения Сибири», «властителем сибирской мысли», «защитником прав Сибири». В этих определениях Сибирь осмысливается как особое пространство, сформировавшее единство личности Потанина и его идей, а сам он воспринимается «как герой пространства, исследованию которого он посвятил свою жизнь» [6. С. 138, 139]. Также в этих номинациях акцентируется внимание на энциклопедичности научных интересов Потанина, который «сам являлся как

бы первым сибирским университетом», «живой энциклопедией Сибири и Центральной Азии» [45. С. 17]. В характеристиках личности «патриарха Сибири» раскрывается и его деятельность как «гуманиста-областника», отстаивавшего вопросы экономической автономии края, запрета на ссылку в Сибирь, создания местной интеллигенции, помощи сибирским народностям и переселенцам. В частности, в поздравлении от Красноярского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта реализация отдельных областнических идей Потаниным и его единомышленниками позволяет воспринимать этот регион как своего рода пространство «воплощенного слова». В нем отмечается: «Учреждение Томского университета, являющегося первым умственным центром Сибири <...> сокращение уголовной ссылки, ограждающее Сибирь в значительной степени от разлагающего антисоциального элемента, появление сибирской прессы, обслуживающей нужды области и выявляющей ее интересы, привлечение сибирской молодежи на службу родине – таковы итоги начинаний “Молодой Сибири”» [46. Л. 5 об.]. В адресе от Общества вспомоществования учащимся бурятам внимание акцентируется на деятельности Потанина как защитника интересов коренных народов Сибири, в обращении к нему говорится: «В Ваших трудах Вы никогда не забывали об инородческих народностях России и являлись неизменным и горячим защитником их прав» [47. Л. 5].

Другие поздравления формируют метафорический ряд, связанный с восприятием Потанина прежде всего как героя времени 1860–1910-х гг. В них он предстает как «идеалист-шестидесятник», «человек-гражданин», «поборник свободы и знания», «светлый гений истины и справедливости», «яркая путеводная звезда в сумерках бесправия», «светлый маяк», «печальник угнетенных», «символ честной мысли и протестующего слова», «собиратель общественной публицистической мысли», «учитель и идейный руководитель». Так, например, в адресе от Общества содействия вечерним общеобразовательным классам в Томске подчеркиваются огромные заслуги Потанина «в деле организации общественной мысли и работы для удовлетворения просветительских общегражданских нужд нашей необъятной родины» [48. Л. 30]. В другом адресе отмечается: «Вы так гармонически сочетали служение общественное на пользу родине с научными занятиями, являющимися основой родиноведения; Вы гармонично соединили служение родине с общечеловеческими идеалами; Вы <...> перекинули мост между идейным содержанием Азии – Востока и Европы – Запада» [46. Л. 5 об.]. В поздравлении от Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии говорится: «Вы пользуетесь почетом и уважением как в нашей родной Сибири, так и среди интеллигенции Европейской России. <...> Совет Общества приветствует Вас как ученого-исследователя, как гуманиста-областника и общественного деятеля, как идеалиста-шестидесятника, который высоко держит свое знамя среди переменчивых течений нашей государственной жизни» [49. Л. 27].

Мифологический контекст, соотносимый с именем Потанина, формируется через встречающийся в буддийской мифологии образ Чакравартина

(Чакраватина), в переводе с санскрита – «тот, кто поворачивает колесо», «вращатель чакры». Чакравартин в буддизме – это «идеальный царь, устанавливающий во всем мире царство справедливости» [50. С. 624]. Каждый Чакравартин не только защищает принятые под свое покровительство народы, но и просвещает их [51. С. 272]. Сравнение Потанина с Чакравартином встречается в поздравлении от Красноярского филиала Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В нем говорится: «Общественные деятели знали, что там, на сибирской горе Субур <...> стоит поседевший, но с вечно юной душой Чакравартин сибирской общественности, Григорий Николаевич Потанин, живой символ неуклонного движения к единой цели. <...> Одной из плодотворных идей Вашей деятельности была идея неразрывного союза знания и жизни. <...> Вот высокий идеал. Пусть же направляет к нему еще долгие годы общественную мысль светлый Чакравартин сибирской общественности» [52. Л. 10]. В поздравлении от группы мусульман-прогрессистов Томска юбиляр сравнивается со жрецом священного огня «любви, братства, социального равенства всех, независимо от веры и национальности» [53. Л. 38]. В сборнике же, выпущенном к восьмидесятилетию со дня рождения, Потанин назван «Божьим человеком», подразумевая под этим «гармоническое сочетание положительных качеств ума, характера, всей деятельности, всего поведения» [8. С. III].

В юбилейные дни Потанин был избран почетным членом ряда известных в Сибири организаций и обществ. Ему был вручен диплом почетного члена Общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете «за заслуги по изучению природы, народов и истории Сибири, Монголии и Китая» [54. Л. 1]. Высоко оценив его деятельность на ниве просвещения Сибири, Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии приняло решение «открыть десять новых библиотек Вашего имени и, кроме того, присвоить наименование “Потанинских” двум библиотекам в селениях Чемальском и Аносском на Алтае», а также избрать юбиляра почетным членом этого общества [49. Л. 27, 27 об.]. Томское Общество содействия вечерним образовательным классам также избрало «сибирского патриарха» своим почетным членом и постановило учредить при обществе фонд имени Потанина «для выдачи стипендий сибирякам-инородцам», слушателям этих классов [48. Л. 29 об.]. Юбиляр также был избран почетным членом красноярского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Енисейского Общества попечения о народном образовании, Ново-Николаевского Общества попечения о народном образовании с постановлением открыть при нем читальню имени Потанина [55. Л. 4], Ново-Николаевского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта.

По постановлению Томской городской думы Потанин избирается почетным гражданином города, его имя присваивается второй городской публичной библиотеке, находящейся в историческом районе города Пески, а Нечаевскую улицу (ныне проспект Фрунзе) предлагается переименовать

в Потанинскую. Красноярская городская дума также избирает Потанина почетным гражданином города и постановляет повесить его портрет в Городском музее, один из отделов музея назвать «Потанинским» и ассигновать ежегодно на его пополнение 300 рублей. Кроме того, дума предлагает учредить стипендию его имени при Красноярской городской высшей школе для инородца [38. Л. 3, 3 об.]. Общественное управление Омска тоже избирает Потанина почетным гражданином города и учреждает стипендии его имени в мужских и женских гимназиях и высших начальных училищах, выделяет средства на организацию при Западно-Сибирском отделе Императорского географического общества фонда имени Потанина для выдачи премий за лучшие сочинения о Сибири [56. Л. 1]. Ново-Николаевское городское общественное управление в связи с юбилеем присвоило одной из центральных улиц города имя Потанина и постановило выделить 300 рублей на учреждение при местном отделе Общества изучения Сибири музея-библиотеки по сибиреведению с присвоением музеем имени Потанина [57. Л. 2].

Как видим, восьмидесятилетний юбилей Потанина воспринимается как один из действенных механизмов институционализации его личности в общественном и культурном пространстве Сибири начала XX в. Итогом этого процесса стало присвоение ему летом 1918 г. Временным Сибирским правительством во главе с П.В. Вологодским звания почетного гражданина Сибири с назначением пожизненной пенсии. И само это событие из личного биографического факта превратилось «в дни торжества всей культурной Сибири» [58. Л. 25 об.].

Восприятие личности Потанина в аспекте жизнестроительства оказалось тесно связано с его представлениями о самом себе, о той роли, которую ему предстояло сыграть в сибирском обществе, а также мнением этого общества о нем, его установками и ожиданиями в отношении «лучшего сына Сибири». И юбилей Потанина, отношение к нему сибирской ответственности стали официальным признанием его в качестве таковой личности. Юбилейные торжества во многом способствовали институционализации его образа в культурном сознании сибиряков, что выразилось в избрании его почетным гражданином ряда сибирских городов, присвоении его имени улицам в Томске и Ново-Николаевске, а также библиотекам, отделам музеев, в учреждении стипендий имени Потанина для научных исследований о Сибири и для учащихся сибирского региона. О признании его заслуг как ученого-энциклопедиста и как просветителя Сибири свидетельствует избрание его почетным членом отдельных научных, образовательных и культурных организаций и обществ.

Существование Сибири не только как пограничного, но и как трансграничного региона, где «встречаются и соприкасаются культуры, рождаются модели и схемы их развития» [59. С. 42], придало особый масштаб личности Потанина. Он становится выразителем трансграничного самосознания на рубеже XIX–XX вв., направленного на выравнивание политических, экономических и культурных связей между центром и периферией, на вы-

страивание конструктивных вертикальных и горизонтальных контактов с метрополиями и этническими региональными сообществами, с соседними регионами и сопредельными государствами. В общественном сознании образ «патриарха Сибири» оказался тождественным этому региону с его потенциальной мультикультурностью и мультиязычностью, с его особой траекторией развития и взаимодействия [60].

Как известно, в конце жизни Потанин обратился к воспоминаниям, которые публиковались на страницах газеты «Сибирская жизнь» в 1913–1917 гг. Эти воспоминания были призваны не только реконструировать его реальную биографию, но и предполагали восприятие своей личности как особого проекта, реализуемого в аспекте личной и общественной идентичности [61. С. 46]. И если Россия XVI в., по утверждению В.Л. Цымбурского, создалась Сибирью [62], то метафорически можно сказать, что современная Сибирь во многом была создана Потаниным и его единомышленниками.

Список источников

1. *Евтушенко А.Г.* Юбилей как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 19 с.
2. *Солдаткин В.Е.* Юбилей: исторический аспект праздника // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусства. 2011. № 2 (26). С. 125–127.
3. *Васильева О.Ю., Ляпина А.В., Пономарева Л.Г.* Литературные юбилеи как явление национальной и региональной идентичности (к постановке проблемы) // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 94–97.
4. *Орлов О.В.* Российский праздник как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1 (6). С. 32–41.
5. *Жилякова Н.В.* Два «литературных юбилея»: проблемы рецепции творчества русских писателей в провинциальной дореволюционной периодике // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 65–70.
6. *Погодаев Н.П.* Образ Григория Потанина в общественном сознании сибиряков: от модерна к постмодерну и далее // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 137–144.
7. *Дмитриенко Н.М., Голев И.А.* Томск_Потанин: экскурсионный маршрут. Томск, 2020. 128 с.
8. *Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина.* Томск, 1915. 144 с.
9. *Поплавская И.А.* Г.Н. Потанин в воспоминаниях и переписке современников // XXXI Духовно-исторические чтения памяти учителей словенских святых Кирилла и Мефодия (Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа) : материалы XXXI Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 2022. С. 53–61.
10. *Обручев В.А.* Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк его жизни и научной деятельности. М., 1916. 23 с.
11. *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 228 с.
12. *Колосова Г.И.* История поступления научного наследия Г.Н. Потанина в библиотеку Томского университета // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. 4 октября 1995 года. Томск, 1995. С. 95–99.

13. *Колосова Г.И.* Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 29–33.
14. *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996. 416 с.
15. *Хаззагерев Г.Г.* Риторический словарь. М., 2009. 432 с.
16. *Калугин Д.* Русские биографические нарративы: от биографии частного лица к истории общества // История и повествование : сб. статей. М., 2006. С. 178–195.
17. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества врачей Енисейской губернии. Л. 11, 11 об.
18. *Гнюсова И.Ф.* Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 167–189.
19. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Ф. 1. Оп. 1. Л. 3, 3 об.
20. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества сибирских инженеров. Л. 19, 19 об., 20, 20 об.
21. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Минусинского городского Мартьяновского музея. Л. 2, 2 об.
22. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Совета Императорского Томского университета. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
23. *Профессора* Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917. Томск, 1996. 288 с.
24. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Сибирского кружка томских студентов. Л. 5, 5 об., 6, 6 об.
25. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Сибирских землячеств при высших учебных заведениях г. Томска. Л. 10, 10 об., 11, 11 об.
26. *Шевцов В.В.* «Томские губернские ведомости» в деле «сибирских сепаратистов» (1863–1865 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 88–91.
27. *Ядринцев Н.М.* По поводу сибирского университета // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1864. № 5. 31 января. С. 28–31.
28. *Хатунцев С.В.* Лимитрофа – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 86–98.
29. *Ядринцев Н.М.* Сибирь в 1-е января 1865 года // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 1. 8 января. С. 1–4.
30. *Потанин Г.Н.* Материалы к вопросу о Сибирском университете // Томские губернские ведомости. 1865. № 7-8. 19 и 26 февраля. С. 8.
31. *Потанин Г.Н.* Гражданское увлечение Сибири // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 16. 30 апреля. С. 1–6.
32. *Некрылов С.А.* Областники и первый сибирский университет // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 141–148.
33. *Резанова З.И.* Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (На материале еженедельной периодики г. Томска) // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 74–84.
34. *Киселев В.С.* Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. 36–61.
35. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от статистиков Сибири, работающих в томских статистических организациях: переселенческой, отдела земельных улучшений и городской. Л. 1, 1 об.
36. *Потанин Г.Н.* Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 12. 26 марта. С. 1–7; № 13. 2 апреля. С. 4–8.
37. *Потанин Г.Н.* О рыбном промысле на Цзайсане и на черном Иртыше (Отрывки из путешествия К.В. Струве и Г.Н. Потанина по поручению Императорского русского

географического общества) // Записки Русского географического общества. 1864. Кн. 4. СПб., 1865. С. 21–50.

38. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Красноярской городской думы. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.

39. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества вспомоществования учащихся и учивших Енисейской губернии. Л. 7, 7 об., 8, 8 об.

40. *Дмитриенко Н.М.* Жизненный подвиг Александры Викторовны Потаниной // Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 3: Труды Александры Викторовны Потаниной. Томск, 2022. С. 5–14.

41. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Иркутской женской гимназии А.М. Григорьевой. Л. 1, 1 об.

42. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от студентов Томского университета. Л. 3, 3 об.

43. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества содействия физическому развитию. Л. 31, 31 об., 32, 32 об.

44. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от служащих Томского городского общественного самоуправления. Л. 41, 41 об.

45. *Серебренников Н.В.* Опыт формирования областнической литературы Сибири. Томск, 2004. 308 с.

46. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Красноярского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Л. 5, 5 об., 6, 6 об.

47. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества вспомоществования учащимся бурятам. Л. 5, 5 об.

48. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества содействия вечерним общеобразовательным классам. Л. 29, 29 об., 30, 30 об.

49. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в томской губернии. Л. 27, 27 об.

50. *Мифы народов мира.* Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1997. Т. 2. 719 с.

51. *Голуб Л.Ю., Другова О.Ю., Голуб П.Ю.* Популярный словарь по буддизму и близким к нему учениям. М., 2003. 334 с.

52. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Л. 9, 9 об., 10, 10 об.

53. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от группы мусульман-прогрессистов г. Томска. Л. 37, 37 об., 38, 38 об.

54. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете. Л. 1, 1 об.

55. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Ново-Николаевского Общества попечения о народном образовании. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.

56. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от общественного управления г. Омска. Л. 1, 1 об.

57. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Ново-Николаевского городского общественного управления. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.

58. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Педагогического общества в Томске. Л. 25, 25 об.

59. *Ярошенко А.В.* Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 41–47.

60. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.

61. Козлов А.Е. «Сибирские литературные воспоминания» Н.М. Ядринцева: память жанра и конструирование идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 46–51.

62. Цымбурский В.Л. Остров Россия // URL: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (дата обращения: 8.04.2023).

References

1. Evtushenko, A.G. (2012) *Yubiley kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Anniversary as a socio-cultural phenomenon]. Abstract of Cultural Studies Cand. Diss. Moscow.

2. Soldatkin, V.E. (2011) Yubiley: istoricheskiy aspekt prazdnika [Anniversary: the historical aspect of the holiday]. *Vestnik Chelyabinskoy gos. akademii kul'tury i iskusstva*. 2 (26). pp. 125–127.

3. Vasil'eva, O.Yu., Lyapina, A.V. & Ponomareva, L.G. (2017) Literaturnye yubiley kak yavlenie natsional'noy i regional'noy identichnosti (k postanovke problemy) [Literary anniversaries as a phenomenon of national and regional identity (to the formulation of the problem)]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (16). pp. 94–97.

4. Orlov, O.V. (2011) Rossiyskiy prazdnik kak fenomen kul'tury [Russian holiday as a phenomenon of culture]. *Sankt-Peterburgskiy gos. universitet kul'tury i iskusstv*. 1 (6). pp. 32–41.

5. Zhilyakova, N.V. (2012) Dva “literaturnykh yubileya”: problemy retseptii tvorchestva russkikh pisateley v provintsial'noy dorevolyutsionnoy periodike [Two “literary anniversaries”: problems of reception of Russian writers’ creativity in provincial pre-revolutionary periodicals]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*. 1. pp. 65–70.

6. Pogodaev, N.P. (2018) The image of Grigory Potanin in the public consciousness of Siberians: from modernity to post-modernity and beyond. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 46. pp. 137–144. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/46/16

7. Dmitrienko, N.M. & Golev, I.A. (2020) *Tomsk Potanin: ekskursionnyy marshrut* [Tomsk Potanin: Excursion route]. Tomsk: Tomsk State University.

8. Sapozhnikov, V. (ed.) (1915) *Sbornik k 80-letiyu dnya rozhdeniya Grigoriya Nikolaevicha Potanina* [Collection for the 80th Anniversary of the birthday of Grigory Nikolaevich Potanin]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pachatnogo dela.

9. Poplavskaya, I.A. (2022) [G.N. Potanin in the memoirs and correspondence of his contemporaries]. *XXXI Aleksandr Nevskiy: Zapad i Vostok, istoricheskaya pamyat' naroda* [Alexander Nevsky: West and East, the historical memory of the people]. Proceedings of the 31st XXXI Cyril and Methodius Readings. Tomsk. 20 April – 31 May 2021. Tomsk: Tomsk Center for Scientific and Technical Information. pp. 53–61. (In Russian).

10. Obruchev, V.A. (1916) *Grigoriy Nikolaevich Potanin: kratkiy ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti* [Grigory Nikolaevich Potanin: A brief outline of his life and scientific work]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°.

11. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) *Potanin: opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin: An attempt to comprehend the personality]. Novosibirsk: SB USSR AS.

12. Kolosova, G.I. (1995) [The history of the receipt of the scientific heritage of G.N. Potanin to the library of Tomsk University]. *Proceedings of the Regional Potanin Readings. Tomsk. 4 October 1995*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–99. (In Russian)

13. Kolosova, G.I. & Fond, G.N. (2011) The document and book stock of G.N. Potanin in the scientific library of Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 29–33. (In Russian).

14. Mikhail'skaya, A.K. (1996) *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo* [Fundamentals of Rhetoric: Thought and word]. Moscow: Prosveshchenie.

15. Khazagerov, G.G. (2009) *Ritoricheskiy slovar'* [Rhetorical Dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka.

16. Kalugin, D. (2006) Russkie biograficheskie narrativy: ot biografii chastnogo litsa k istorii obshchestva [Russian biographical narratives: from the biography of a private person to the history of society]. In: Obatnin, G.V. & Pesonen, P. (eds) *Istoriya i povestvovanie* [History and Narrative]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 178–195.

17. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List. 1. Pages 11, 11 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva vrachey Eniseyskoy gubernii* [Congratulatory address from the Society of Physicians of the Yenisei Province].

18. Gnyusova, I.F. (2022) Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian Writers and publicists of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 167–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/9

19. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 3, 3 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Irkutskogo otdela Obshchestva izucheniya Sibiri i uluchsheniya ee byta* [Congratulatory address from the Irkutsk department of the Society for the Study of Siberia and the improvement of its life].

20. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 19, 19 reverse, 20, 20 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva sibirskikh inzhenerov* [Congratulatory address from the Society of Siberian Engineers].

21. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 2, 2 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Minusinskogo gorodskogo Mart'yanovskogo muzeya* [Congratulatory address from the Minusinsk City Martyanovsky Museum].

22. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Congratulatory address from the Council of the Imperial Tomsk University].

23. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A. & Bertsun, L.L. (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Vol. 1. Biographical Dictionary]. Tomsk: Tomsk State University.

24. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 5, 5 reverse, 6, 6 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Sibirskogo kruzhdka tomskikh studentov* [Congratulatory address from the Siberian circle of Tomsk students].

25. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1 List 1. Pages 10, 10 reverse, 11, 11 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Sibirskikh zemlyachestv pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh g. Tomsk* [A congratulatory address from the Siberian communities at higher educational institutions in Tomsk].

26. Shevtsov, V.V. (2010) “Tomskie gubernskie vedomosti” v dele “sibirskikh separatistov” (1863–1865 gg.) [Tomskie Gubernskie Vedomosti in the case of “Siberian separatists” (1863–1865)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 88–91.

27. Yadrintsev, N.M. (1864) Po povodu sibirskogo universiteta [Regarding the Siberian University]. *Tomskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 5. 31st January. pp. 28–31.

28. Khatuntsev, S.V. (2011) Limitrofa – mezhtsivilizatsionnye prostranstva Starogo i Novogo Sveta [Limitrofa – intercivilizational spaces of the Old and New Worlds]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 86–98.

29. Yadrintsev, N.M. (1865) Sibir' v 1-e yanvary 1865 goda [Siberia on January 1, 1865]. *Tomskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1. 8th January. pp. 1–4.

30. Potanin, G.N. (1865) Materialy k voprosu o Sibirskom universitete [Materials on the issue of the Siberian University]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 7–8. 19th & 26th February. P. 8.

31. Potanin, G.N. (1865) Grazhdanskoe uvlechenie Sibiri [Civic engagement of Siberia]. *Tomskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 16. 30th April. pp. 1–6.

32. Nekrylov, S.A. (2007) Oblastniki and the first Siberian University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 295. pp. 141–148. (In Russian).

33. Rezanova, Z.I. (2010) Mifologema “Tomsk – Sibirskie Afiny” v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (Na materiale ezhenedel'noy periodiki g. Tomsk) [Mythology “Tomsk is Siberian Athens” in the communicative tactics of journalistic discourse (On the material of the weekly periodicals of Tomsk)]. *Yazyk i kul'tura*. 1 (9). pp. 74–84.

34. Kiselev, V.S. (2017) Tomsk in Russian literature: problems and prospects of research. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 8. pp. 36–61. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/8/3

35. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 1, 1 reverse. Pozdravitel'nyy adres ot statistikov Sibiri, rabotayushchikh v tomских statisticheskikh organizatsiyakh: pereselencheskoy, otdela zemel'nykh uluchsheniy i gorodskoy [A congratulatory address from Siberian statisticians working in Tomsk statistical organizations: resettlement, land improvement department and city].

36. Potanin, G.N. (1865) Klimat i lyudi Sibiri [Climate and people of Siberia]. *Tomskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 12. 26th March. pp. 1–7; 13. 2nd April. pp. 4–8.

37. Struve, K.V. & Potanin, G.N. (1865) O rybnom promysle na Tszaysane i na chernom Irtyshe (Otryvki iz puteshestviya K.V. Struve i G.N. Potanina po porucheniyu Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva) [About fishing on Zaisan and on the black Irtysh (Excerpts from the travel of K.V. Struve and G.N. Potanin on behalf of the Imperial Russian Geographical Society)]. In: *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1864* [Notes of the Russian Geographical Society. 1864]. Book. 4. Saint Petersburg: V tip. V. Bezobrazova i komp. pp. 21–50.

38. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 3, 3 reverse, 4, 4 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Krasnoyarskoy gorodskoy dumy* [Congratulatory address from the Krasnoyarsk City Duma].

39. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 7, 7 reverse, 8, 8 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchikh i uchivshikh Eniseyskoy gubernii* [Congratulatory address from the Society for the Assistance of Students and Teachers of the Yenisei Province].

40. Dmitrienko, N.M. (2022) Zhiznenny podvig Aleksandry Viktorovny Potaninoy [Life feat of Alexandra Viktorovna Potanina]. In: Dmitrienko, N.M. et al. (eds) *Muzeevedcheskoe nasledie Severnoy Azii*. [Museum Heritage of North Asia]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–14.

41. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 1, 1 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Irkutskoy zhenskoy gimnazii A.M. Grigor'evoy* [Congratulatory address from the Irkutsk Women's Gymnasium of A.M. Grigorieva].

42. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 3, 3 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot studentov Tomskogo universiteta* [Congratulatory address from students of Tomsk University].

43. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva sodeystviya fizicheskomu razvitiyu* [Congratulatory address from the Society for the Promotion of Physical Development]. Pages 31, 31 reverse, 32, 32 reverse.

44. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 41, 41 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot sluzhashchikh Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo samoupravleniya* [Congratulatory address from employees of the Tomsk City Public Self-Government].

45. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury Sibiri* [Experience in the Formation of the Regional Literature of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.

46. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 5, 5 reverse, 6, 6 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Krasnoyarskogo otdela Obshchestva izucheniya Sibiri i uluchsheniya ee byta* [Congratulatory address from the Krasnoyarsk department of the Society for the Study of Siberia and the improvement of its life].

47. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 5, 5 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva vspomoshchestvovaniya uchaschimsya buryatam* [Congratulatory address from the Society for the Aid to Buryat Students].

48. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 29, 29 reverse, 30, 30 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva sodeystviya vechernim obshcheobrazovatel'nym klassam* [Congratulatory address from the Society for the Promotion of Evening General Education Classes].

49. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 27, 27 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva sodeystviya ustroystvu sel'skikh besplatnykh bibliotek-chitalen v tomskoy gubernii* [Congratulatory address from the Society for Assistance in the Establishment of Rural Free Reading Libraries in the Tomsk Province].

50. Tokarev, S.A. (ed.) (1997) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sov. entsiklopediya.

51. Golub, L.Yu, Drugova, O.Yu. & Golub, P.Yu. (2003) *Populyarnyy slovar' po buddizmu i blizkim k nemu ucheniyam* [Popular Dictionary of Buddhism and Related Teachings]. Moscow: Khroniker.

52. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 9, 9 reverse, 10, 10 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Congratulatory address from the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society].

53. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. F. 1. Op. 1. Pages 37, 37 reverse, 38, 38 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot gruppy musul'man-progressistov g. Tomsk* [Congratulatory Address from a Group of Muslim Progressives in Tomsk].

54. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages. 1,

1 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva estestvoispytateley i vrachev pri Imperatorskom Tomskom universitete* [Congratulatory address from the Society of Naturalists and Physicians at the Imperial Tomsk University].

55. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 3, 3 reverse, 4, 4 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Novo-Nikolaevskogo Obshchestva popecheniya o narodnom obrazovanii* [Congratulatory address from the Novo-Nikolaev Society for the Care of Public Education].

56. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 1, 1 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot obshchestvennogo upravleniya g. Omska* [Congratulatory Address from the Public Administration of Omsk].

57. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Novo-Nikolaevskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* [Congratulatory Address from the Novo-Nikolaev City Public Administration].

58. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. Pages 25, 25 reverse. *Pozdravitel'nyy adres ot Pedagogicheskogo obshchestva v Tomске* [Congratulatory Address from the Pedagogical Society in Tomsk].

59. Yaroshenko, A.V. (2012) Problemnye puti kontseptualizatsii transgranich'ya [Problematic ways of conceptualization of cross-border]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 152. pp. 41–47.

60. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2

61. Kozlov, A.E. (2020) Siberian Literary Memories of Nikolai Yadrintsev: Genre memory and identity construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 46–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/459/5

62. Tsyburskiy, V.L. (2020) *Ostrov Rossiya* [Island Russia]. [Online] Available from: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/. (Accessed: 8.04.2023).

Информация об авторе:

Поплавская И.А. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Poplavskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.04.2023;
одобрена после рецензирования 24.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 10.04.2023;
approved after reviewing 24.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 82-92
doi: 10.17223/19986645/84/12

Переводная художественная литература в газете «Кавказ» (1885–1918 гг.)

Наталья Егоровна Никонова¹, Тарон Рудольфович Даниелян²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Ванадзорский государственный университет имени Ованеса Туманяна,
Ванадзор, Республика Армения; Ереванский государственный университет,
Ереван, Республика Армения*

¹ *nikonat2002@yandex.ru*

² *tarondanielyan@ysu.am*

Аннотация. Выявляется стратегия литературной политики газеты «Кавказ» в ракурсе имагологического подхода к переводной художественной литературе. Представлены количественное описание и содержательный анализ корпуса переводной художественной литературы в 1885–1918-х гг. Используются актуальные методы современного литературоведения, переводоведения, журналистики. Доказывается авторская гипотеза о программном статусе материала в силу приобретения особых функций, связанных с имагологическим аспектом.

Ключевые слова: переводная литература, Кавказ, газета «Кавказ», периодика, Российская империя

Для цитирования: Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в газете «Кавказ» (1885–1918 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 234–249. doi: 10.17223/19986645/84/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/12

Translated fiction in the newspaper *Kavkaz* (1885–1918)

Natalya E. Nikonova¹, Taron R. Danielyan²

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia;
Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia*

¹ *nikonat2002@yandex.ru*

² *tarondanielyan@ysu.am*

Abstract. The relevance of the study lies in the interest of modern humanities in the processes of the turn of the 20th century that are most expressively recorded on

the pages of pre-revolutionary literary publications of the Russian Empire. The high intensity of events and interethnic communication in various spheres of life (culture, art, politics, economics) determined the shift of emphasis from the centers to the regions of the empire, from the covers of magazines to the pages of periodicals. In this regard, translated fiction acquires a special role. In many regions of the Russian Empire, along with the author's editorial texts, translated literature as a type of borrowed text acquired a number of functions and became one of the factors in the development of regional self-consciousness. The bibliography of translated literature in the newspaper *Kavkaz* (1885–1918) is used as a research material. From the very beginning, *Kavkaz* became one of the main periodicals in the region. Firstly, it was the main conductor of the Caucasian text in Russian and Russian-speaking culture, both within the region and beyond. Secondly, due to its active work and influence on readers and the political, cultural and historical processes common to the state, the newspapers caused the reverse vector of intercultural, interethnic and interlingual mediation gradually, i.e., the support of the integration of the peoples of the Caucasus into the multicultural whole of the Russian state. In *Kavkaz*, local literature in Russian had a more multifaceted communicative space, and its information fields were filled with cultural, educational, political and ideological components. However, translated literature invariably took its place on the pages of the newspaper. The aim of this article is to identify the strategy of the literary policy of the newspaper *Kavkaz* from the perspective of the imagological approach to translated literature. The main objectives are the quantitative description and analysis of the corpus of translated literature in 1885–1918. To reach the aim, the authors used methods of modern literary criticism, translation studies, and journalism. As a result, the study of the first collected corpus of publications of translated literature on the pages of *Kavkaz* from 1884 until the end of its publication showed the validity of the hypothesis about the program status of this content due to the acquisition of functions associated with the imagological aspect, in particular the morphogenesis of cosmopolitanism with a dominant European trend, and also metamorphoses of classical or regional artistic, aesthetic and moral taste under the influence of external literary sources.

Keywords: translated literature, Caucasus, newspaper *Kavkaz*, periodicals, Russian Empire

For citation: Nikonova, N.E. & Danielyan, T.R. (2023) Translated fiction in the newspaper *Kavkaz* (1885–1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 234–249. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/12

С начала XXI в. и до настоящего времени взгляды ученых обращены к процессам, которые сопровождали смену эпох более века тому назад и наиболее выразительно зафиксировались на страницах дореволюционных литературных изданий. Высокая интенсивность событий и межнациональной коммуникации в сфере культуры, искусства, политики, экономики определила перемещение акцентов из центров в регионы империи, с обложек толстых журналов на страницы периодики. Выводы исследователей этого феномена начала XX в. настолько разнообразны, насколько к этому располагает предмет и объект изучения, однако некоторые концептуальные наблюдения можно считать общепринятыми. Во-первых, тот факт, что дореволюционная российская пресса представляет собой «диффузное и полижанровое явление» [1. С. 14], а законченные литературные произведения при

журнальной/газетной публикации попадают в особый контекст [2. С. 22]. Во-вторых, то, что «история литературы, увиденная сквозь призму истории журналистики, позволяет исчерпывающе определить характер взаимоотношений литературы <...> и всего массива журнально-газетной периодики» [3. С. 228], а «основу соотнесенности журналистики и литературы следует искать в коммуникативистике (рассматривая проблемы рецепции, имиджа, репутации)» [4. С. 449].

В этой связи особую роль обретает переводная художественная литература: во многих регионах Российской империи она, как вид заимствованного текста, наряду с авторскими текстами редакции обрела целый ряд функций и стала одним из факторов «развития регионального самосознания» [5].

Газета «Кавказ» с самого своего основания была одним из главных периодических изданий в регионе, значение которых трудно переоценить. С одной стороны, она стала основным проводником кавказского текста в русскую и русскоязычную культуру, как в самом регионе, так и за его пределами. В литературной рубрике газеты печатались сочинения отечественных и зарубежных писателей преимущественно на кавказскую тематику, в русских переводах представлялись фольклорные тексты коренных народов и оригинальные произведения местных авторов. С другой стороны, благодаря активной деятельности сотрудников печатного органа и востребованности у широкого круга читателей, а также общим для государства политическим и культурно-историческим процессам постепенно развивался и обратный вектор межкультурного, межнационального и межъязыкового посредничества – содействие интеграции народов Кавказа в поликультурное целое Российского государства, в том числе за счет продвижения имперских ценностей и русскоязычного контента.

Однако если русская литература на кавказские мотивы «смогла выработать “двойную оптику”, представить не только точку зрения присоединяющего центра, но и кавказского региона, показав широту имагологического подхода» [6. С. 3], то художественная литература местных народов в русских переводах, представленная в газете «Кавказ», имела более многогранное коммуникативное пространство, информационные поля которого заполнялись культурно-просветительскими, политическими и идеологическими компонентами. Однако переводная литература неизменно занимала свое место на страницах издания.

В 1885 г. произошли существенные изменения в программной политике «Кавказа»: стала более очевидной постепенная смена тенденции к истернизации на вестернизацию при выборе размещаемого контента. Если до середины 1880-х гг. было опубликовано всего 5 переводов из иностранной литературы, а сочинения местных литераторов, в основном, на кавказскую тематику, занимали лидирующие позиции, то в последующем география переводной художественной литературы значительно изменилась. Об этом свидетельствуют данные произведенных нами в результате фронтального просмотра газет источниковых разысканий.

Цель настоящей статьи – выявить стратегию литературной политики издания в ракурсе имагологического подхода к переводной художественной литературе; основными ее задачами являются количественное описание и содержательный анализ корпуса переводной художественной литературы в 1885–1918 гг. Для их осуществления используются актуальные методы современного литературоведения, переводоведения, журналистики.

В объявлении о подписке на «Кавказ» в 1885 г. сообщалось, что газета будет издаваться «под новой редакцией и по новой программе, выходя ежедневно, не исключая и понедельников» [7]. В данной публикации анонсировалось также, что в разделе фельетонов наряду с другими материалами будут печататься «беллетристика: оригинальные и переводные повести, рассказы, очерки, драматические сцены, стихотворения и т.п.» [7]. Новый редактор-издатель М. Тебеньков намеревался кардинально изменить редакционный подход официального издания «Кавказа», в ряду нововведений особое место должна была занять переводная литература: прикладная идеология уступала место элементам рыночной конкуренции.

Несмотря на заявленную программу, литературные рубрики номеров 1885 г. выглядели более чем скромно, а переводная художественная литература была представлена лишь тремя произведениями: рассказом «Тайна эшафота» французского писателя О. Вилье де Лиль-Адана (имя писателя в газете отсутствует) [8], ногайской поэмой «Яммай» в пересказе Н. Семенова [9] и «Песней об Эдигее», записанной А. Ходзько в 1830 г. в Астрахани. Как сообщала газета, Али Бек Шарапов переводил песни слово в слово с татарского на персидский, и под его диктовку А. Ходзько записал их, а затем издал на английском языке в Лондоне в 1842 г [10].

С 1886 по 1918 г. литературный контент в газете значительно изменялся как в количественном, так и в содержательном плане. Результаты количественного контент-анализа по годам выхода переводной художественной литературы в газете «Кавказ» имеют конфигурацию, представленную на рис. 1.

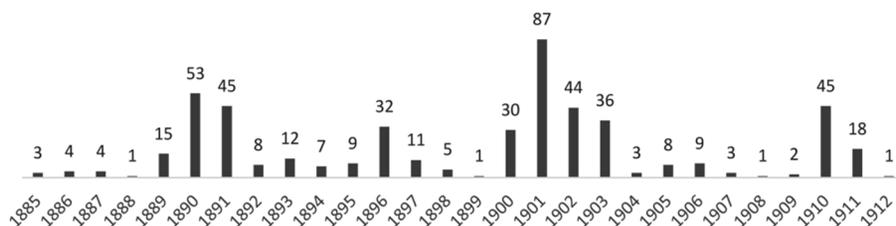

Рис. 1. Количественный контент-анализ по годам

Из диаграммы следует, что периодами подъема публикационной активности в отношении интересующего нас контента, если следовать хронологии, являются 1890–1891, 1896, 1900–1903 и 1910–1911 гг. Напротив же,

относительный спад можно наблюдать в 1892–1895, 1897–1899, а также в 1904–1909 гг.

Очевидно, что компетентность редакторов, их личные интересы и позиция по отношению к занимаемой должности оказывали влияние на наличие в газете художественной литературы в целом, и переводной художественной литературы, в частности. С 1913 до 1918 г. художественные произведения в газете практически не публиковались. В эти годы печатались в основном информационно-аналитические материалы. Один из издателей газеты В. Стратонов по этому поводу даже отметил, что «газета издавалась скучно, по-казенному, как типичные губернские ведомости, и тираж ее был невелик» [11], имея в виду тот период, когда он еще не стал редактором газеты, т.е. 1906–1909 гг.

Начатую М. Тебеньковым в 1885–1890 гг. политику по публикации переводных художественных произведений довольно активно продолжил следующий редактор газеты – Ю. Милютин (1891–1897). После этого, когда издателем-редактором газеты стал В. Величко (1897–1899 гг.), количество переводных произведений значительно снизилось, к тому же сам редактор предпочтение отдавал грузинским писателям. За три года издательской деятельности из 17 переводных произведений 6 были заимствованы из наследия грузинских авторов. Довольно скромно была представлена даже лидировавшая повсеместно французская литература – вышли 2 сочинения [12].

С 1900 г. редактором-издателем газеты вновь был назначен М. Тебеньков (1900 г.; 1900 г., № 249). Он продолжил политику по увеличению количества публикаций переводных произведений, которая достигла своего пика при К. Бегичеве (1900 г., № 250 – 1902 г.). С 1903 г., когда редактором становится А. Белинский, количество публикаций переводных произведений заметно снижается. Данная тенденция продолжает развиваться до 1910 г. За упомянутый период времени редакторами были П. Опочинин (1906 г. – 1907, № 24), А. Белинский – в качестве и. о. редактора (1907 г. № 25 – 1910 гг.). В 1910 г. большинство номеров было выпущено совместно с В. Стратоновым (1910–1911 гг.), который также уделял особое внимание как русской, так и иностранной литературе. Последующие редакторы – А. Сливичкий (1912 г. – 1914 г. № 286, за исключением первого года), и. о. Н. Лебедев (1914 г. № 287 – 1917 г. № 243), В. Кленевский (1817 г. № 244–282), П. Кавтарадзе (1918 г.) – отказались от переводных художественных произведений. Таким образом, можно констатировать, что личность редактора во многом определяла присутствие переводной литературы в газете.

Безусловно, немаловажную роль в случае с разбором интересующего нас литературного репертуара играет и состав переводчиков, однако определить его в деталях довольно проблематично, поскольку их имена, следуя традиции, принятой в дореволюционных изданиях, как правило, не указывались или обозначались криптонимами. Тем важнее атрибутировать многие, но важные для истории края фигуры, для которых литературные рубрики периодики стали своего рода лабораторией творческой мысли [13].

Кроме того, среди них встречаются и знаменитости, переводческая деятельность которых относится к их наследию, но остается малоизвестной, т.е. нуждается в освещении.

По итогам просмотра бухгалтерских отчетов редакции за 1902–1903 гг., которые сохранились в архиве Национального архива Грузии, можно сделать несколько аналитических заключений относительно круга авторов, сотрудничающих с газетой [14]. Так, в расчетном списке сотрудников значится фамилия Крынин, которому причислялись средства за работы. По нашим предположениям, данный автор при публикации переводной литературы представлялся как «Е. К.» или «Г-жа К», а в журналистских статьях о благоустройстве Тифлиса выступал под псевдонимом «Обыватель». Скорее всего, Крынину принадлежали переводы итальянских, французских и немецких авторов. Интересен тот факт, что инициалы Е. К. и Е. Кр. встречаются также в подписях к публикациям переводной литературы за 1903 г., а в списке оплат сотрудников редакции его имя не значится. Из тех же документов следует, что некая Елена Николадзе в 1903 г. свои переводы представляла под инициалами Е.Н., собственные произведения печатала также под псевдонимом «Е. Нечуя». Более подробной информации об этих авторах в архивных и печатных источниках пока не находится, однако на страницах издания печатались и работы известных переводчиков. Так, стоит отметить ряд публикаций супругов И.Ф. и А.А. Тхоржевских, выступавших под псевдонимом «Иван-да-Марья» [15. С. 738]. Цикл стихотворений в их переводах вышел на страницах «Кавказа» в начале XX в.: в 1906 г. были опубликованы 3 стихотворения из наследия французского поэта-романтика О. Барбье, в 1910 г. вышли 2 перевода из В. Гюго, 3 произведения Ф. Боденштедта и одно из принадлежащих неизвестному автору.

Говоря о стратегиях Тхоржевских, стоит отметить тяготение к романтической поэтике при выборе оригинала и вольному подражанию при его интерпретации. Ярким примером выступают переводы из творчества, имевшего особое значение в связи с кавказской темой Ф. Боденштедта. 3 стихотворения объединяют природные мотивы и единый сюжет, связанный с переходом от пейзажных элементов, скрепляемых традиционными для романтизма орнитологическими образами (орла и соловья), горными ландшафтами и образами времен года (лето, зима, весна), к приему психологического параллелизма, соотносению с чувством лирического Я. Читатели поэзии в работах Тхоржевских имели возможность познакомиться скорее с их собственным художественным методом, чем с особенностями творческой манеры Боденштедта, Гюго, Барбье и других авторов. Так, вариации на сюжет стихотворений Боденштедта «Es weht der Gottesodem» [Подует ветер божества], «Im Garten klagt die Nchtigall» [Соловей поет в саду] и «Prolog (Die Lieder des Mirza-Schaffy)» [Пролог (к «Песням Мирзы-Шаффи»)] выходят соответственно под заглавиями «Надежда», «Из песен весны» и «Поэту». Фрагменты из оригиналов компилируются и трансформируются до неузнаваемости под рукой Ивана-да-Марьи, как и приведенные заглавия, превращаясь в пейзажные зарисовки Кавказа.

Дело в том, что в газете фигура кавказоведа Боденштедта по понятным причинам занимает особое место. Немецкий поэт представляется в положительном проимперском ракурсе как популяризатор русской культуры и литературы в некрологе, перепечатанном из другой газеты без проверки фактов [16]. Но о другом его амплуа узнаем из интересных и донныне не изданных записей известного этнографа, историка, архивиста и публициста, автора «Путеводителя по Кавказу» Евгения Густавовича Вейденбаума (1846–1918). В апреле 1892 г. он записывает: «По газетным известиям, умер известный поэт Фр. Боденштедт, переведивший на немецкий язык Пушкина и Лермонтова. Хотя наши кавказские газеты могли иметь самостоятельные отчеты о значении покойного для кавказского края, тем не менее газета “Кавказ” довольствовалась перепечаткою из какой-то русской газеты, не упустившей, конечно, случая перевернуть все факты. Так, она уверяет, что в 1840-х гг. Боденштедт был директором учительского института Тифлиса. Газетчики и не подозревают, что сочинения Боденштедта о кавказских горцах переполнены такой ненавистью и злобой против России, какой трудно было ожидать от человека служившего некоторое время в русской службе» [17]. Думается, подобное амплуа, присвоенное немецкому поэту в русских газетах, иллюстрирует не только невольное искажение вследствие ошибки, но и имагологическую стратегию при использовании функций переводной литературы и обращения к иностранной словесности вообще [18].

Словом, в «Кавказе» местный колорит и привычная для широкого круга читателей поэтика продолжают доминировать в контенте переводной прозы и поэзии, реализуя, очевидно, имагологическую стратегию политики издания, уже не только на материале поэзии кавказских народов, но и за счет освоения наследия западных авторов.

Редакторы «Кавказа» обращаются к целому ряду российских центральных и региональных периодических изданий своего времени, заимствуя переводы из европейской литературы, об этом говорят прозрачные совпадения в библиографии переводов из региональной прессы [19]. Однако указания на источник или авторство позволяют заключить, что издание имело и свой круг авторов, переведивших специально для газеты. Необходимо отметить переводы с итальянского языка, а также переводы с французского, подписанные именем «Е. Оболеншевой» с пометой «Пер. для газеты “Кавказ”» [19].

На рис. 2 приведены характеристики этнонациональной географии переводных художественных произведений, напечатанных в газете «Кавказ» в 1885–1918 гг. (рис. 2).

Как видим, из 496 переводных произведений обширнее других представлена французская литература (242), наиболее популярными стали Г. де Мопассан (22), К. Мендес (17), А. Додэ (15), Ф. Коппе (9). На втором месте по количеству произведений находится немецкая литература (51). В отличие от французской она представлена разными авторами, в основ-

ном по одному сочинению. Исключение составляют описанные переводы стихотворений Ф. Боденштедта (3).

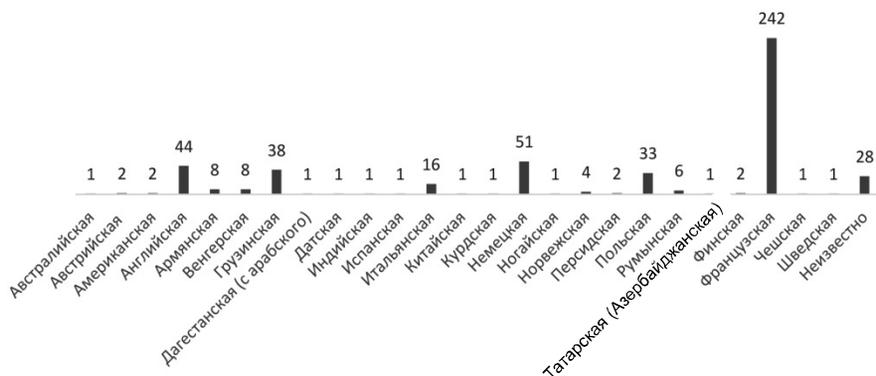

Рис. 2. Количественный контент-анализ по этнонациональному признаку

В жанровом отношении большей популярностью пользовалась малая проза, за ней следовала поэзия. И если из прозаиков первенство принадлежало французам, то среди стихотворцев лидировали грузинские авторы: из 36 стихотворных произведений 10 сочинений принадлежали им (лидировали Ш. Арагвиспирели, Е. Габашвили, А. Церетели); 7 – перу французских авторов; 6 стихотворений были переведены с немецкого языка (в том числе произведение русского географа Г. Радде); 3 стихотворения были заимствованы из наследия армянского поэта и прозаика Р. Патканяна [20].

Отметим, что сочинения П. Верлена [21], Ж. Мореаса [22], М. Метерлинка [23] были представлены в качестве отрицательного примера декадентской поэзии в статье «Критические заметки». По мнению автора публикации (имя неизвестно), поэзия символистов – это «бред сумасшедшего», и смысл своих творений не понимают «по всей вероятности, и сами творцы этих необыкновенных произведений» [24].

Таким образом, несмотря на сохранившееся тяготение к кавказской тематике и фольклору, к этнонациональной образности, в количественном отношении по сравнению с предыдущим для «Кавказа» периодом следует отметить смену ориентации на вестернизацию, что соответствовало трендам в политике периодических изданий других регионов России, обратившихся массово к осмыслению и переводу европейских литераторов, философов, политиков в конце XIX и в начале XX в. Сходные процессы можем наблюдать в сибирских газетах, периодике Юго-Западного края, как и в Центральной России, однако в каждом из регионов такой поворот был обусловлен не только центробежными, но и центростремительными настроениями, т.е. не только общей для всех ориентацией на столичные центры, но и наличием особых условий в местной политике, экономике, культурном развитии, стремлением к оформлению региональной культурной надэтнической идентичности.

Для доказательного сравнения приводим данные об этнонациональной принадлежности авторов оригиналов, к которым газета обращалась до 1884 г. (рис. 3) (подробнее см.: [25]).

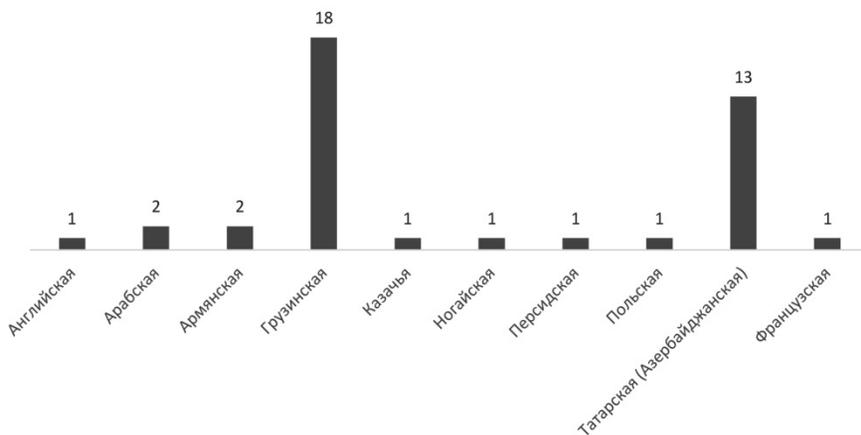

Рис. 3. Количественный контент-анализ по этнонациональному признаку

В «Кавказе» подобная смена репертуара переводной литературы, на наш взгляд, могла быть обусловлена несколькими факторами, характеризующими культурно-историческую специфику в регионе 1880–1910-х гг. Во-первых, аспектами политического плана. Как известно, «в отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры» [26. С. 62]. Но на Кавказе эти контрреформы Александра III дали противоположный эффект. Сформировавшиеся вследствие модернизации кавказского региона уже к началу 1880-х гг. национальные движения довольно негативно восприняли программу «русификации края». Проблемы, связанные с общественными протестами, бессилием властей в нормализации социальных противоречий, межэтнических конфликтов и национальных вопросов, несмотря на некоторые положительные реформы по урегулированию острейших проблем Кавказа, до 1918 г. так и не получили должного решения [27. С. 68–71].

Личность редактора газеты и его политические, этнические симпатии во многом играли основополагающую роль в освещении и анализе информационных событий края, а при тенденциозном и неуравновешенном подходе газете «удавалось» дестабилизировать обстановку во всем кавказском регионе. К тому же сама философия издания главного кавказского печатного органа была несколько противоречивой: де-факто «Кавказ» был официальным органом и заменял «губернские ведомости» для всех провинций и областей одноименного региона, но де-юре газета существовала на пра-

вах частного издания и на собственные средства издателя. Отсюда возник парадокс: «Частное лицо должно было выражать взгляды власти, с которыми оно сплошь и рядом не было и не могло быть знакомо, ибо эти взгляды выяснялись в закрытых беседах наместника с докладчиками. Отсюда установилась прочная слава, что каждый из издателей Кавказа кончает это дело с конфликтом с властью и уходит с неприятной историей» [11].

Несмотря на это, «Кавказ» оставался главным средством коммуникации между властью и обществом, парадоксальным образом совмещая «в своем контенте позицию администрации края и политические пристрастия отдельных редакторов» [28. С. 204]. В таких условиях местной власти было выгоднее привлечь западную художественную литературу, за исключением некоторых «политически вредных» сочинений, к массовому читателю Кавказа, чем публиковать преимущественно произведения современных местных писателей, так как многие из них в разное время считались неблагонадежными по их отношению к российской власти.

Вторая группа факторов связана с экономическими причинами. Начиная с 1870-х гг. газетный рынок Тифлиса подвергался определенной стратификации. Конкуренция за право стать главным рупором общественного мнения в социально-политической и культурной жизни края развернулась как среди русских изданий, так и в периодике местных народов Кавказа. Для стабильного финансово-экономического развития издатели газет вынуждены были разнообразить контент и обратиться к разным форматам изданий, особое внимание уделяя тенденциям общероссийской и мировой прессы. А публикация иностранных произведений была потребностью времени, в том числе и потому что «с ростом развития средств торговли и коммуникации в мировом масштабе распространение литературных текстов через национальные границы становилось все более оживленным с каждым десятилетием» [29. С. 14]. Редакторы газеты «Кавказ» не могли игнорировать данный факт, так как этого курса уже придерживались другие русские, армянские и грузинские издания. Например, русскоязычная газета «Новое обозрение» в первый год своего издания (1884) напечатала 17 переводных художественных произведений: 5 поэтических и 12 прозаических [30. С. 15].

Следует также отметить, что кроме переводных художественных произведений газета «Кавказ» печатала критические статьи и рецензии местных и иностранных авторов о роли зарубежной литературы и литературной критики, опосредованно отмечая социально значимую составляющую переводов. Так, например, приводя краткое описание статьи Ф. Брюнетье-ра «*Le cosmopolitisme et la literature nationale*» («Космополитизм и национальная литература»), автор цитировал мысль о том, что благодаря литературе создался «европейский ум», так как у всех европейских писателей выработались схожие принципы мышления и эмоционального восприятия, которые, переходя от поколения к поколению, уничтожили расовый детерминизм. «Литературный космополитизм успел ослабить ненависть между людьми, тлеющую в них вследствие их различного расового проис-

хождения, так как литература человечнее всего: *humaniores litterae*» [31]. Что же касается рецензий, то они «представляют часть жизни народов, выражают господствующие стремления и интересы века, указывают, чем страдает, на что радуется, о чем озабочено современное нам поколение» [32].

В то же время редакция обращала внимание читателей и на то, что «сомнительные и случайные “заморские авторитеты”, рожденные в силу извращения тамошней моды или потугами молодых авторов в борьбе за существование, оригинальность и новизну, тифлиским обществом признаются, а их сочинения помечаются “ярлыком творений гения” и распространяются». Подобные полемические высказывания свидетельствуют, в частности, о призыве к осознанному обращению к иностранному и Чужому. Развивая свою мысль, автор заметки с сожалением отмечает: «...своего мнения, своего вкуса, своего разума у нас вовсе нет, да они и не требуются, потому что если бы они были, на них все равно никто бы не обратил внимания, до такой степени привыкли мы жить чужим умом и ходить на помочах в сфере искусства» [33].

И тем не менее художественная литература была важным инструментом просвещения местных народов. Например, издатель армянской либеральной газеты «Мшак» Гр. Арцруни еще в 1872 г. сообщал, что при наличии достаточных финансовых средств он намеревается печатать в газете те произведения европейских писателей, которые имеют «общенациональные аналогии» и в которых заложены «общечеловеческие идеи, которые разделяют как французы, англичане, немцы, так и армяне» [34]. И хотя финансовые средства не позволили редактору реализовать замысел и газета довольствовалась ролью критического обозревателя и рекламного посредника [35. С. 384–385], очевиден программный характер поворота культурных деятелей региона к европейской литературе с целью реализации определенных имагологических стратегий. В значительной степени пожелание Гр. Арцруни было осуществлено в «Кавказе», в корпусе переводов газеты можно наблюдать явное преобладание авторских литературных вариаций в русле фольклорных жанров различных народов мира: малая проза и поэзия различных народов, имеющая в подзаголовке определение национальной легенды, сказки, песни, неизменно занимает переводчиков и составителей соответствующих рубрик. С одной стороны, сохраняющий образность и идентичность, как и универсалии всех народных культур, фольклор, пересказанный и переведенный иностранцами, привносит искомую окраску в единое целое «Кавказа», где мы можем найти переводные произведения с названиями «Цейлонская легенда», «Наказание (Легенда)», «Восточная легенда», «Сердце матери (старая французская легенда)», «И будь благословенна (Индийская легенда)», «Пшавская версия грузинской легенды об Амиране», «Легенда. Габашвили Е.», «Шарлезиха (Бретонская легенда)», «Японская легенда (с немецкого)», «Дантревиль. Легенда о плакучей иве», «Сказание о красоте. Грузинская легенда», «Курдская песня», «Песня Хевсура», «Китайская сказка», «Армянская сказка», «Зеркальце. Японская

сказка (с польского)», «Турецкая сказка (с английского)», «Пхаре-Ке-Бохи (Корейская сказка)» и множество тому подобных.

С другой стороны, благодаря синтезу различных национальных традиций и языков на уровне отдельных текстов, жанровых циклов, этнонациональных культур создавался эффект «плавильного котла». Благодаря скоординированной и масштабной деятельности крупных периодических изданий в регионах дореволюционной России осуществлялась диалектическая по своей сути попытка «синтеза рас и наций» и вместе с тем попытка самоопределения региона за счет обращения к Другому/Чужому.

Таким образом, анализ впервые собранного нами корпуса публикаций переводной литературы на страницах газеты «Кавказ» с 1884 г. до окончания ее выхода показал справедливость гипотезы о программном статусе указанного контента в силу приобретения особых функций, связанных с имагологическим аспектом: морфогенезом космополитизма с доминирующим европейским направлением, а также метаморфозами классического или регионального художественно-эстетического и нравственного вкуса под влиянием внешних литературных источников.

Список источников

1. Холиков А.А. Изучение путей и характера взаимодействия русской литературы и журналистики в кризисную эпоху // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 11–16.

2. Орлова Е.И. О «срочной словесности» и ее трансформациях в начале XX века // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 19–31.

3. Осовский О.Е., Дубровская С.А. «Великая задача поддержания и блюдения русской культуры»: новая монография о литературе и периодике предреволюционной России. Рецензия на книгу: Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 768 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 225–238.

4. Темиришина О.Р. Русская литература и журналистика: от эмпирии к теории. Рецензия на коллективную монографию: Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа : коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 768 с. // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 447–456.

5. Жиякова Н.В. Введение «чужого текста» в структуру провинциальной газеты: цели, способы, источники перепечаток // Медиаскоп. 2011. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/en/node/895> (дата обращения: 1.11.2022).

6. Багратион-Мухранели И.Л. Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 366 с.

7. Объявление о подписке на «Кавказ» // Кавказ. 1884. № 286. С. 1.

8. Тайна эшафота // Кавказ. 1885. № 246. С. 3; № 247. С. 3. Подпись: М.

9. Ялмай (прозаический перевод отрывков ногайской героической поэмы времен хана Золотой Орды Тохтамыша) // Кавказ. 1885. № 269. С. 3; № 270. С. 3; № 271; № 272. С. 3; № 273. С. 3; № 274. С. 3; № 276. С. 3. Подпись: Н. Семенов.

10. *Песнь* об Эдигее (редакция А. Ходзько) // Кавказ. 1885. № 287. С. 2. Подпись: Николай Гулак.
11. *Стратонов В.В.* По волнам жизни. М. : Новое лит. издание, 2019. Т. 1. URL: <https://ru.bookmate.com/books/aEурKo7N> (дата обращения: 06.11.2022).
12. *Утренняя песнь* (Альба) (с провансальского) // Кавказ. 1897. № 175. С. 2. Подпись: Гр. Ф. де-Ла-Барт.
13. *Никонова Н.Е.* Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 30–52.
14. *НАГ.* Ф. 12. Оп. 7-2. Д. 2741; Ф. 12. Оп. 7-2. Д. 2912.
15. *Стратонов В.В.* По волнам жизни. М. : Новое лит. издание, 2019. Т. 2. URL: <https://ru.bookmate.com/books/M842WT14> (дата обращения: 06.11.2022).
16. *Фридрих* Боденштедт (некролог) // Кавказ. 1892. № 100. С. 3. Подпись: «Рус. Жиз.».
17. *Грузинский* национальный центр рукописей. Фонд Е. Вейденбаума. Д. 60. Л. 114.
18. *Серягина Ю.С.* Сибирская дореволюционная периодика как пространство культурного трансфера: переводы с немецкого стихотворений М.Ю. Лермонтова и восприятие наследия Ф. Боденштедта // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 50–63.
19. *Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Масяйкина Е.В., Морозова И.В.* Переводная литература в дореволюционной периодике регионов российской империи : науч. библиография. Свидетельство о регистрации базы данных № 2020621571.
20. *Саади.* Ах, жалко роз душистых... // Кавказ. 1905. № 55. С. 6. Подпись: Шарди; Саади. Злобное слово...
21. *Верлен П.* Стихотворение // Кавказ. 1901. № 162. С. 3. Подпись: –.
22. *Мореас Ж.* Песня // Кавказ. 1901. № 162. С. 3. Подпись: –.
23. *Метерлинк М.* Теплица // Кавказ. 1901. № 162. С. 3. Подпись: –.
24. *Критическая* заметки // Кавказ. 1901. № 162. С. 3. Подпись: –.
25. *Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р.* Переводная художественная литература как имагологический и идеологический инструмент: по материалам периодического издания «Кавказ» (1846–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79.
26. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 59–63. doi: 10.17223/15617793/433/7
27. *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с. ISBN 978-5-4358-0043-2.
28. *Лучинский Ю.В., Осташевский А.В., Болтуц О.А.* Редакторский корпус газеты «Кавказ» в первое десятилетие XX века; трансформация информационной политики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 194–206.
29. *Богомолова А.В.* «Мировая литература» и коммуникация: литературные связи, читательские практики // Имагология и компаративистика. 2021. № 16. С. 7–28.
30. *К 20-летию* издания газеты «Новое обозрение» (1884–1903 гг.): [Краткий ист. обзор: Перечень статей, печатавшихся в «Нов. об.» в 1884–1903 гг.]. Тифлис : Электрон. Груз. изд. т-ва, 1903 (обл. 1904). 160 с.
31. *Зданевич М.* Отголоски иностранной литературы // Кавказ. 1895. № 298. С. 2.
32. *Дингельштет В.* Хроника иностранной жизни // Кавказ. 1892. № 341. С. 2–3.
33. *Н.М.* Монна Ванна // Кавказ. 1902. № 298. С. 2–3.
34. *С.П.* Религиозный метод в литературе // Мшак. 1872. № 4. С. 1–2. (На армянском языке.)
35. *Геворгян Л.М.* Григор Арцруни и его «Мшак». Ереван : Изд. НАН РА, 1993. 448 с. (На армянском языке.)

References

1. Kholikov, A.A. (2021) *Izuchenie putey i kharaktera vzaimodeystviya russkoy literatury i zhurnalistiki v krizisnuyu epokhu* [Studying the ways and nature of interaction between Russian literature and journalism in the crisis era]. In: Kholikov, A.A. (ed.) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeystviya i metodologiya analiza* [Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of interaction and analysis methodology]. Moscow: IWL RAS. pp. 11–16.
2. Orlova, E.I. (2021) O “srochnoy slovesnosti” i ee transformatsiyakh v nachale XX veka [On “urgent literature” and its transformations at the beginning of the 20th century]. In: Kholikov, A.A. (ed.) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeystviya i metodologiya analiza* [Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of interaction and analysis methodology]. Moscow: IWL RAS. pp. 19–31.
3. Osovskiy, O.E. & Dubrovskaya, S.A. (2022) Book review: Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (Eds) (2021) *Russkaya Literatura I Zhurnalistika V Predrevoliutsionnuyu Epokhu: Formy Vzaimodeystviya I Metodologiya Analiza: Kollektivnaya Monografiya* [Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis: A Collective Monograph]. Moscow: IWL RAS. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 225–238. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/13
4. Temirshina, O.R. (2022) *Russian Literature and Journalism: From Empiricism to Theory* Collective Monograph Review: Kholikov A.A., Orlova E.I. (Ed., Comp.). Russian Literature and Journalism in the Pre-revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 768 P. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 2 (61). pp. 447–456. (In Russian).
5. Zhilyakova, N.V. (2011) *Vvedenie “chuzhogo teksta” v strukturu provintsial’noy gazety: tseli, sposoby, istochniki perepechatok* [The introduction of “foreign text” into the structure of a provincial newspaper: goals, methods, sources of reprints]. *Mediaskop*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/en/node/895> (Accessed: 1.11.2022).
6. Bagration-Mukhraneli, I.L. (2016) *Reprezentatsiya Gruzii i Kavkaza v russkoy literature XIX – nachala XX veka* [Representation of Georgia and the Caucasus in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Philology Dr. Diss. Moscow.
7. Kavkaz. (1884) Ob’yavlenie o podpiske na “Kavkaz” [Announcement of a subscription to The Kavkaz]. *Kavkaz*. 286. P. 1.
8. M. (1885) *Tayna eshafota* [The mystery of the scaffold]. *Kavkaz*. 246. P. 3; 247. P. 3.
9. Semenov, N. (1885) *Yammai (prozaicheskiy perevod otryvkov nogayskoy geroicheskoy poemy vremen khana Zolotoy Ordy Tokhtamysha)* [Yammai (prose translation of excerpts from the Nogai heroic poem from the time of Khan of the Golden Horde Tokhtamysh)]. *Kavkaz*. 269. P. 3; 270. P. 3; 271; 272. P. 3; 273. P. 3; 274. P. 3; 276. P. 3.
10. Gulak, N. (1885) *Pesn’ ob Edigee (redaktsiya A. Khodz’ko)* [Song about Edigey (ed. by A. Khodzko)]. *Kavkaz*. 287. P. 2.
11. Stratonov, V.V. (2019) *Po volnam zhizni* [On the Waves of Life]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe izdanie. [Online] Available from: <https://ru.bookmate.com/books/aEypKo7N> (Accessed: 06.11.2022).
12. de-La-Bart, Gr. F. (1897) *Utrennyaya pesn’ (Al’ba) (s provansal’skogo)* [Morning song (Alba) (from Provençal)]. *Kavkaz*. 175. pp. 2.
13. Nikonova, N.E. (2018) Translation and translators in Tomsk literary periodicals at the late 19th century (I.I. Pochekas, P.A. Grabovsky, A.O. Stanislavsky and P.L. Chernevich). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 30–52. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/9/3
14. National Archives of Georgia. Fund 12. List 7–2. File. 2741; 2912.

15. Stratonov, V.V. (2019) *Po volnam zhizni* [On the Waves of Life]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe izdanie. [Online] Available from: <https://ru.bookmate.com/books/M842WT14> (Accessed: 06.11.2022).
16. Rus. Zhiz. (1892) Fridrikh Bodenshtedt (nekrolog) [Friedrich Bodenstedt (obituary)]. *Kavkaz*. 100. P. 3.
17. Gruzinskiy natsional'nyy tsentr rukopisey [Georgian National Manuscript Center]. *Fond E. Veydenbauma* [E. Weidenbaum Fund]. File 60. Page 114.
18. Seryagina, Yu.S. (2017) Siberian prerevolutionary periodicals as the context for the cultural transfer: translations of the Lermontov's poems from German and reception of the F. Bodenstedt's Heritage. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 50–63. (In Russian). doi: 10.17223/18137083/60/5
19. Nikonova, N.E. et al. (2020) *Translated Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of the Regions of the Russian Empire: Scientific bibliography*. Database registration certificate No. 2020621571 of August 28, 2020. (In Russian).
20. Shardi. (1905) Saadi. Akh, zhalko roz dushistykh... Zlobnoe slovo... [Ah, I pity fragrant roses ... An evil word ...]. *Kavkaz*. 55. P. 6.
21. *Kavkaz*. (1901) Verlen P. Stikhotvorenie [Verlaine P. Poem]. *Kavkaz*. 162. P. 3.
22. *Kavkaz*. (1901) Moreas Zh. Pesnya [Moreas J. Song]. *Kavkaz*. 162. P. 3.
23. *Kavkaz*. (1901) Meterlink M. Teplitsa [Maeterlinck M. A Geenhouse]. *Kavkaz*. 162. P. 3.
24. *Kavkaz*. (1901) Kriticheskie zametki [Critical notes]. *Kavkaz*. 162. P. 3.
25. Nikonova, N.E. & Danielyan, T.R. (2022) Translated literature as an imagological and ideological tool: On the materials of the periodical *Kavkaz* (1846–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/12
26. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2018) Russian outskirts in the imperial administration model of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 59–63. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/433/7
27. Khlynina, T.P., Krinko, E.F. & Urushadze, A.T. (2012) *Rossiyskiy Severnyy Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [The Russian North Caucasus: The historical experience of managing and forming the borders of the region]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center RAS.
28. Luchinskiy, Yu.V., Ostashevskiy, A.V. & Boltuts, O.A. (2021) Redaktorskiy korpus gazety “Kavkaz” v pervoe desyatiletie XX veka; transformatsiya informatsionnoy politiki [The editorial corps of the *Kavkaz* newspaper in the first decade of the 20th century; transformation of information policy]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 4 (25). pp. 194–206.
29. Bogomolova, A.V. (2021) “World Literature” and communication: literary connections, reading practices. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 16. pp. 7–28. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/16/1
30. Anon. (1903) *K 20-letiyu izdaniya gazety “Novoe obozrenie” (1884–1903 gg.): [Kratkiy ist. obzor: Perechen' statey, pechatavshikhsya v “Nov. ob.” v 1884–1903 gg.]* [On the 20th anniversary of the publication of the New Review newspaper (1884–1903): [Brief ist. review: List of articles published in Nov. about.” in 1884–1903]]. Tiflis: Elektrop. Gruz. izd. t-va.
31. Zdanevich, M. (1895) Otgoloski inostrannoy literatury [Echoes of foreign literature]. *Kavkaz*. 298. P. 2.
32. Dingel'shtet, V. (1892) Khronika inostrannoy zhizni [Chronicle of foreign life]. *Kavkaz*. 341. pp. 2–3.
33. *Kavkaz*. (1902) N.M. Monna Vanna]. *Kavkaz*. 298. pp. 2–3. (In Russian).
34. S.P. (1872) Religious method in literature. *Mshak*. 4. pp. 1–2. (In Armenian).
35. Gevorgyan, L.M. (1993) *Grigor Artsruni and his Mshak*. Yerevan: Izd. NAN RA. (In Armenian).

Информация об авторах:

Никонова Н.Е. – д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Даниелян Т.Р. – канд. филол. наук, доцент кафедры армянского языка и литературы Ванadzорского государственного университета имени Ованеса Туманяна (Ванadzор, Республика Армения); преподаватель кафедры новых медиа и коммуникаций Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения). E-mail: tarondanielyan@ysu.am

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.E. Nikonova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

T.R. Danielyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia); Lecturer of the New Media and Communication Department of Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: tarondanielyan@ysu.am

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.11.2022;
одобрена после рецензирования 11.12.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 08.11.2022;
approved after reviewing 11.12.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/19986645/84/13

Самоцензура в журналистике: диалектика искажений профессиональной культуры

Виктор Александрович Сидоров¹

¹ *Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, v.sidorov@spbu.ru*

Аннотация. В контексте публикаций последних лет отечественных и зарубежных исследователей массмедиа цифровой эпохи анализируются вопросы профессиональной культуры журналистов, ее ценностного ядра. Особое внимание уделяется амбивалентности проявлений самоцензуры в работе СМИ и профессионального поведения самих журналистов современной России. Феномен самоцензуры рассматривается в ключе разрабатываемых философами когнитивных искажений в медиакommunikациях, также применяется аксиологический подход к оценке медийной среды цифровой эпохи.

Ключевые слова: ценности, профессиональная культура, поведение журналиста, медийная среда, СМИ, журналистика, самоцензура

Для цитирования: Сидоров В.А. Самоцензура в журналистике: диалектика искажений профессиональной культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 250–264. doi: 10.17223/19986645/84/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/84/13

Self-censorship in journalism: The dialectics of professional culture distortions

Viktor A. Sidorov¹

¹ *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, v.sidorov@spbu.ru*

Abstract. The media environment of society has become digital and has acquired a new quality in its development. Synchronously with it, a person is being formed, simultaneously immersed in physical and digital realities. A media replica of human existence appeared in the form of digital identity and digital emotions, digital life and digital death. At the same time, manifestations of the fluid variability of the mass media support the tradition of value development of reality, thereby reflecting the core of the culture of the ethnos, and immediately generating the values of the new century. Journalism is a witness and participant in the emergence of a new anthropological code. However, there is also a contradiction between the functioning of the value core

of culture as an unchanging substance and the value relativism of the mass media, capable of compressing and stretching space and time. The breakdown of the chronotope indicates the presence in journalism of several nuclei of culture, including professional ones. The idea of a professional culture of journalists arose in public discourse and is normatively fixed at the level of socially approved standards for the functioning of journalism. The results of the analysis of recent research works indicate the special importance of the phenomenon of self-censorship for the study of journalists' professional culture. The discrepancies of experts in its interpretation are caused by different evaluations of the motivation of a journalist resorting to self-censorship – whether s/he imposes restrictions on him-/herself so as not to harm people, or is afraid of sanctions from the authorities; how s/he internally reinforces his/her actions – by building a personal career or by the conviction “I can't be silent!”. Works on this topic are analyzed taking into account modern scientific approaches in the field of cognitive research (self-censorship as a cognitive distortion), as well as the philosophy of clip consciousness. In general, this article is another link in the development of media axiology, an up-to-date direction in the theory of media communications. Self-censorship is not an exclusively negative phenomenon; it also contains the constructive side of the professional culture of journalists – the principle of social responsibility of creative media workers. Journalism as an institution of society should act in its interests. However, the imperative of obligation is one-sided and thus balanced by the imperative of value: a journalist owes society, and, at the same time, society needs his/her works and diverse creative activities. Thus, journalism, being a most important link in the spiritual life of society, acts as a socially significant value, which objectively depends on the specification of the forms and methods of life of the media and the entire media environment in changing sociocultural conditions.

Keywords: values, professional culture, journalistic behavior, media environment, media, journalism, self-censorship

For citation: Sidorov, V.A. (2023) Self-censorship in journalism: The dialectics of professional culture distortions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 250–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/13

Текущая медийность цифровой эпохи

«Журналистская культура есть производное от публичного и непубличного дискурсов о профессии внутри журналистского сообщества, во власти и в обществе» [1. С. 9]. Иными словами, идея профессиональной культуры зарождается в публичной сфере и нормативно закрепляется на уровне принятых обществом стандартов.

Трудно не согласиться с процитированным утверждением К.Р. Нигматуллиной, высказанным ею в весьма своевременной и очень интересной для исследователей журналистики монографии. Действительно, на протяжении вот уже почти двух столетий, вслед за К. Марксом мы говорим о журналистике как неотъемлемой части надстройки общества, которая, тем не менее, оказывает значительное воздействие на его базис; в результате общество не остается неизменным. Верно и обратное прочтение известной закономерности: в своем облике журналистика особым образом воспроизводит складывающиеся внутри социума отношения, динамично реагирует

на следствия большинства социальных перемен. Вот и в последнее время социальное напряжение, вызванное пандемией COVID-19, как считают исследователи, явилось катализатором глубоких перемен в журналистике: «изменения, которые произошли в медиа за время пандемии, необратимы. Они прежде всего касаются редакционной политики СМИ... Вместе с тем медиа в период пандемии COVID-19 столкнулись со стороны бизнеса и государства с экономическими и политическими ограничениями, которые им предстоит понять как риски и учесть для отстаивания принципов свободы выражения мнений и свободы печати» [2. С. 91]. В этом плане исследователи уделяют особое внимание одному из видов взаимодействия общества и журналистики, выраженному в самоцензуре журналиста. Это явление становится, пожалуй, наиболее важным показателем функционирования журналистики наших дней.

И все же мы не вправе остановиться на отмеченном здесь законе взаимодействия общества и массмедиа, так как журналистика не статичный, следовательно, неизменный, объект воздействия со стороны общества, а непрестанно развивающийся, неоднородный в своем устройстве субъект социальных связей. Именно поэтому так разнообразны рефлексии журналистики и журналистов на современные нам виды реальности – «первичную» и «вторичную». Под последней сегодня в науке чаще всего понимают «цифровую», «медийную», «виртуальную» реальности. Разделение на первичную и вторичную представляется целесообразным, и будем, по мере необходимости, его придерживаться. В аспекте такого разделения ученые выделяют «две особенности нашего сознания. Во-первых, тенденцией нашего сознания является построение субъективных моделей объектов реальности. Во-вторых, наше сознание является направленным... на нечто внешнее по отношению к нему, на то, что лежит за его пределами. ...Объекты, которые существуют и принадлежат вторичной измененной реальности, как подчеркивают авторы цитируемого труда, могут осознаваться и интерпретироваться только на основании тех представлений и ощущений, которые существуют в первичной реальности» [3. С. 96–97].

Сознание журналиста субъективно оценивает мир реальностей, данный ему в ощущениях. Это с одной стороны, с другой – оценка реальности предопределена культурой журналиста как в целом, так и в ее профессиональной частности. При этом важно отметить, что культура обладает собственной социальной стратификацией. Плюс к тому, логика рассуждения подсказывает, что профессиональная культура журналиста, проявляющаяся в его медиаповедении, тоже социально стратифицирована, отчего по-разному рассматривается теоретиками. Например, «понятие роли “сторожевого пса” (журналист пристально следит за действиями власти в демократическом обществе) органично вписывается в профессиональное мировоззрение журналистов большинства зарубежных стран, то в России эта роль воспринимается либо как новоприобретенная ценность, либо как чуждый идеал» [1. С. 30]. Таким образом, профессиональная

культура в области медиа может быть продиктована или уже продиктована журналисту субъектами, находящимися вне профессионального сообщества (изнутри сообщества как частность). Отсюда закономерен вопрос, как рассматривать изучаемый феномен – в виде сложения смыслов публичного дискурса или его ценностным ядром, которое априори независимо от результатов смыслопорождения в публичной и профессиональной сферах, обладающих своей социальной динамикой?

Налицо новый рубеж понимания сложности в исследованиях профессиональной культуры журналиста в качестве феномена ускользающей реальности. Феномен замечен аналитиками, но как предмет изучения только определяется. По-прежнему сильны и не беспочвенны сомнения в возможности его объективного анализа. Так, многим определениям профессиональной культуры журналиста неизбежно присущ релятивизм, что побуждает задуматься о конвенциональной природе ее интерпретаций. Исследователи еще только договариваются о внешних параметрах изучаемого объекта, тогда как пора приступить к исследованиям его общечеловеческого содержания. На этот счет обращаются к авторитету Т. Ханиша, который подчеркнул непреходящее значение личности / идентичности журналиста, тех идеалов и ценностей, которых журналист придерживается в своей профессиональной деятельности (см.: [1. С. 26]). Фактически, Ханиш выделяет ценностное ядро профессиональной культуры журналистов на основе поливариантности социокультурных условий функционирования массмедиа и журналистики, отмечает значение причинно-следственных связей материальных и духовных аспектов жизни социума, которую социологи вслед за З. Бауманом нередко понимают в качестве «текущей современности». Во всяком случае именно так социолог (его часто именуют главным социологом постмодерна) назвал состояние современного общества, тем самым, дав объяснение «устойчивости современного социума при наличии высокой степени либерализма и невиданной ранее свободе личности» [4. С. 319]. «В настоящее время происходит перераспределение “сил плавления” современности, – пишет Бауман. – Сначала они затрагивали существующие институты, рамки... Это была стадия “разрушения формы” в истории нарушающей, ломающей границы, всеразрушающей современности» [5. С. 13]. Текущести «разрушения» наследовала текучесть «перераспределения» форм, сил, средств социальных связей. В этом контексте новому состоянию первичной социальной реальности соответствует и новое состояние информационного пространства – текущей медийности. В медийной среде происходят аналогичные процессы, вызванные, с одной стороны, ломкой социальных и политических границ, разрушающей современность, с другой – информационно-технологической революцией, которая поменяла значение прежних форм и средств медиа, даже устранив некоторые из них. Однако полного тождества между текучестью современности и текучестью медийности не наблюдается, поскольку в последнем случае особый смысл приобретает выделение ценностного ядра культуры, практически неизменного в любых социальных коллизиях,

определенного К. М. Кантором как «устойчивая бытийственная форма сознания» [6. С. 11].

Текущая медийность воздействует на культуру общества под влиянием нелинейного развития коммуникаций в классических / неклассических обществах, когда факты становятся значимыми для аудитории массмедиа, если отображены в информационном пространстве, в котором даже «мнимые политические конструкции воздействуют на реальные процессы, не только подменяя собой действительность, но и активно формируя ее» [7. С. 99–100]. Новая социальность стала продолжением технологической революции, поменявшей формы информационных связей человека с человеком. Зародилась вторичная социальная реальность – медиасоциум в его цифровом формате. Среди прочего текучесть медийной среды выражена нарушениями исторически сложившегося хода социального времени и его понимания: «...наше время – свидетель краха континуального мышления XIX века» [8. С. 63]. Происходит разрушение причинно-следственных связей: «новое время создает новые формы *уязвимости*. Для глобальных интегрированных сетей характерно, что всё – от компьютерного вируса до наркотиков, от орудий убийства до деструктивной мысли – перемещается свободнее, чем когда бы то ни было, укореняется и приводит ко множеству побочных эффектов (так называемый “эффект бабочки”）」 [9. С. 42]. Конечно, «бабочка взмахнула крылышками» не сегодня и даже не вчера, просто мы «течем» вместе с тем временем, в котором живем и не всегда замечаем его трансформации.

Как известно, медийные процессы интенсифицировались / обрели расширение под влиянием нескольких объективных факторов. Во-первых, за счет активного вторжения в информационную среду «массового человека». Во-вторых, под влиянием интенсификации присутствия в этой среде прежних медийных фигур (политик, ученый, деятель культуры) и прихода в нее новых (блогер, автор комьюнити). В-третьих, вследствие расширения числа видов контента медиасреды (текст, музыка, видео, игра). В-четвертых, за счет роста числа медийных платформ (мессенджеры, видеохостинги). В-пятых, под влиянием искусственного интеллекта.

Медийная среда социума стала цифровой и тем самым в своем развитии обрела новое качество. Синхронно с ней формируется человек, одновременно погруженный в физическую и цифровую реальности, который воспринимает мир «на кончиках пальцев» и готов расширить его за счет своего цифрового дополнения. Значит, интеракцию «человек-компьютер» уже заменяет симбиоз «человек-гаджет». Зародились цифровая идентичность и цифровые эмоции, цифровая жизнь и цифровая смерть. Несложно заметить, что все это – слепок человека физического, как и онлайн-работа, дистанционное обучение, виртуальные отношения между людьми. В то же время любой аспект текучей медийности несет в себе традицию ценностного освоения действительности человеком, тем самым отражая ядро культуры этноса, в одно и то же время становясь условием зарождения ценностей нового столетия, выходящих за пределы этнических. Следовательно,

мы стали свидетелями и участниками возникновения иного, чем прежде, антропологического кода.

Ценностный анализ фактов, явлений и процессов цифровых медиакоммуникаций – один из важнейших методов удовлетворения запросов общества на обновление знания. Это особый вид грамотности, представляющий собой совокупность медийных и цифровых навыков, которые обеспечивают повышение уровня жизни человека в новой реальности. Новое знание должно быть получено на новых направлениях исследований, в том числе через выделение исследовательского фрейма *медиааксиологии*, в основу которой положено признание феномена медиатизации, причем медиатизации всего комплекса духовных ценностей общества. Таким образом, актуализируется создание медиааксиологии как ценностной теории цифрового мира.

Естественно, что достижение такой масштабной цели подразумевает постановку и решение не менее значимых задач, среди которых прежде всего следует выделить анализ предшествующих научных трудов по аксиологии, главным образом тесно связанных с ценностным прочтением современного медиамира, волею технологий заключенного в цифровую оболочку. На первый план в целом аксиологического анализа выдвигается задача понимания человека цифрового мира, идентичности актора современных массмедиа, в том числе журналиста, его профессиональной культуры. Именно последнее обстоятельство и стало формирующим фактором по выработке цели настоящего исследования – раскрыть амбивалентность самоцензуры в работе журналиста как составляющей его профессиональной культуры, в итоге создавая одно из теоретико-эмпирических оснований заявляемой нами научной дисциплины – медиааксиологии.

Это целое направление исследовательских подходов и методов по изучению текущего состояния вторичной социальной реальности, в которой сегодня нарушены причинно-следственные связи, и в результате сама «текущая медийность» становится исходным пунктом (началом), где причины и следствия социокультурных процессов меняются местами. Таким образом, профессиональная культура журналиста рассматривается в качестве базисного фактора организации медиасоциума, а явление самоцензуры в журналистике – ее стержневого компонента, который в теоретическом аспекте соединяет веками устоявшиеся социально-философские подходы к пониманию медиа с новейшими, соответствующими современной цифровой эпохе. Самоцензура анализируется с учетом разрабатываемых сегодня в философии когнитивных искажений в медиакоммуникациях, аксиологических подходов к оценке медийной среды цифровой эпохи. Это значит, что в методике исследования заложен вторичный анализ соответствующих современных работ в области теории массмедиа. При этом выборка из их обширной номенклатуры трудов производится на основе индикации публикуемых в научных журналах статей по критерию их обращения к вопросам самоцензуры в журналистике. Выделение такого индикатора позволяет корректно ограничить исследовательское поле, выделяя наиболее спорный аспект в осмыслении профессиональной культуры журналистов.

Представляя результаты исследования, отметим связанные между собой обстоятельства. Так как явление самоцензуры объективно присуще любым – интимным, межличностным, публичным – коммуникациям, то и обсуждение этого феномена ему сродни по возрасту. Факты самоцензуры сопутствовали работе писателей, художников, быту людей во все времена, тем более проявили себя в журналистике, непосредственно с ее зарождения. Поэтому репрезентативность выборки научных публикаций, затрагивающих феномен, носит условный характер, так как более важно принять во внимание диаметрально противоположную ситуацию – было бы странным отсутствие работ по самоцензуре в медийной среде. Но они наличествуют всегда, поэтому количественные показатели уступают место качественным, когда существенно выделение в публикациях разных подходов к феномену – на первое место выходит не число исследователей, поддерживающих те или иные подходы, а факты артикуляции этих подходов, пусть и единичные.

Самоцензура как следствие когнитивных искажений медиакоммуникаций

Обратим внимание на противоречие между представлениями о ценностном ядре культуры как неизменной субстанции и ценностном релятивизме массмедиа, которые «способны сжимать или, наоборот, растягивать пространство и время» [10. С. 255]. Слом хронотопа, нарушение причинно-следственных связей в массмедиа не случайны и вызваны, как можно предположить, наличием не одного, а нескольких ядер медиакультуры, в том числе профессиональной, на что, в частности, указывают отдельные выводы К. Р. Нигматуллиной, например, о фрагментации профессиональной культуры журналистов России или о том, что российская журналистская культура видится «гибридной и размытой, без четких границ между группами» [1. С. 32, 35, 156]. Из этого следует, что относить всю российскую журналистику к одному типу профессиональной культуры надо с большой осторожностью, и то исключительно в контексте анализа глобальных проблем. Тогда как в контексте внутренней социально-политической структуры общества для понимания массмедиа более существенна демаркация между, с одной стороны, следованием журналистов традиции и, с другой, давлением среды функционирования, что наглядно выражено в практике так называемой самоцензуры журналиста.

Этой стороне журналистской работы уделили внимание многие исследователи, в том числе и Нигматуллина. Приведем ее заключение, спорное по сути, но опровергать его не станем, в данном случае важнее, что из него вытекает. В монографии сказано, что в современной российской практике журналистов отмечаются два понимания самоцензуры – с высоко позитивной и резко негативной оценками этого явления. «Под положительной оценкой подразумевается определение самоцензуры как благой и/или необходимой по моральным, профессиональным или редакционным причи-

нам практики... под негативной оценкой – традиционное западное понимание самоцензуры как умалчивания информации из-за предполагаемых рисков для себя или своей редакции». В итоге два понимания самоцензуры в журналистике ведут к утверждению, согласно которому российская журналистская культура является «не фрагментированной, а двуличной» [1. С. 152–153]. Однако сегодня находятся иные подходы к интерпретации феномена самоцензуры, которые связаны с развитием когнитивных исследований.

На этот счет интересное замечание сделал на прошедшей в СПбГУ VI Международной научной конференции «Язык в координатах медиа» (29.06–02.07.2022) В.Ю. Перов: «...распространение, представление и потребление информации предполагает доступность (доходчивость) контента и быстроту доведения до потребителя. При этом главным инструментом становятся применяемые журналистом когнитивные искажения», которые являются атрибутом цифровых технологий: они создают иллюзию отсутствия предвзятости в позиции журналиста, тогда как сами цифровые технологии выступают усилителем когнитивных искажений [11]. Если учесть, что когнитивные искажения надо понимать как отклонения в поведении, восприятии и мышлении, обусловленные субъективными убеждениями и стереотипами, сбоями в обработке и анализе информации, что когнитивные искажения могут носить как негативное значение (преднамеренное искажение фактов), так и позитивное (творческая обработка восприятия увиденного, образное отражение действительности), то наличие фактов самоцензуры в работе журналиста совсем не обязательно должно выглядеть следствием его моральной неустойчивости, ведущей к профессиональному двуличию. В контексте когнитивного подхода к феномену самоцензуры не лишне обратиться к работам по клиповому сознанию. Ф.И. Гиренок в своей работе заметил: «Символы иногда важнее реальности. Клип избавляет сознание от необходимости обобщать» [12. С. 8, 20]. Прибегать к самоцензуре значит уходить от какого-либо обобщения. В известном смысле самоцензура журналиста и его клиповое сознание родственны, поскольку многое из того, что не договаривается журналистом, умалчивается им, может быть понято аудиторией без какого-либо дополнительного разъяснения. Но при этом самоцензура носит стратегически ограниченный характер. На одной из конференций на факультете журналистики МГУ известный журналист А. Венедиктов выразил недоумение тем профессиональным поведением коллег из телевидения, которое наблюдал во время трагических событий в Беслане: журналисты снимали только то, что, по их мнению, «пропустят в эфир», но никто из них даже не подумал, что сегодня «не пропущенные в эфир» кадры через 10 лет станут бесценным историческим материалом. Налицо дискретное клиповое мышление журналистов, и выразилось оно в самоограничениях негативного характера.

Проявления самоцензуры амбивалентны, причем, и это следует подчеркнуть особо, как правило внедрены в структуру личности одного и того же журналиста: в корне различные, они далеко не всегда вызывают внут-

риличностный ролевой конфликт, так как негативные и позитивные аспекты самоцензуры восходят к разным основаниям культуры журналиста. Так, самоцензура в качестве поведенческого самоограничения отражает доминирующий тип культуры общества, традиции и культурное наследие. Подобное следование духовно-нравственным принципам общества влияет на поведенческие нормы журналистской профессии и СМИ. Такое когнитивное искажение сродни принципиальной позиции В. Маяковского, который «себя смирял, становясь на горло собственной песне». Однако исследователи журналистики чаще всего изучают самоцензуру как результат экономического и политического давления на СМИ, отчего журналисты вынуждены тем или иным способом исказить свое видение мира или, в лучшем случае, находить себе другое место работы. В этом аспекте несомненно, что амбивалентность самоцензуры на латентном уровне входит в профессиональную культуру журналистов.

Естественно, обозначенные типы профессиональной культуры журналистов следует должным образом интерпретировать. Наиболее очевидная интерпретация указана в работе Нигматуллиной – профессиональная культура подразделена на «благую» и «западную». Первая, как понимается из контекста, укоренена в российской политической культуре; вторая – в политической культуре стран Западной Европы и США [1. С. 5]. Но это разделение – не более чем распространенная в массмедиа политическая маркировка, если же раскрыть ее, то первое впечатление может быть перевернуто. Идентифицировать маркировку значит выделить в ней ценностное ядро. Однако и это не всегда способно привести к желаемому результату, так как на внутрицеховые процессы в журналистике накладывается радикализация внешних. Так, авторы одной из статей, ссылаясь на исследования социологов, утверждают, что в обществе происходит «интенсивный процесс обновления ценностей, определение их приоритетов, резко сужена зона совпадения ведущих ценностей, конфликты не решаются в рамках старых приоритетов и идеалов» [13. С. 137]. Такого рода «накладки» осложняют анализ ядерной зоны профессиональной культуры журналистов. Стоит добавить, что и в трудах западных коллег появились симптомы отхода от стандартов либеральной политической мысли о сущности самоцензуры в СМИ и тех ценностей, на которых она базируется.

Так, О. Зевелева (Кембриджский университет, Университет Хельсинки), обозревая тенденции в теории журналистики, выделила направления, выходящие «за пределы либерального понимания “цензуры” как внешней репрессивной практики...». «Историк Мэттью Банн, – пишет Зевелева, – назвал эту группу подходов новой теорией цензуры». Его последователи «понимают цензуру как норму, заложенную в любые социальные отношения, а не как аберрацию, выделяющуюся из привычного контекста, не как нарушение “свободы слова”. <...> цензура может быть продуктивна <...>, самоцензура является частью (и даже движущей силой) культурного производства в целом» [14. С. 153]. Воронежские социологи, предприняв аналитический обзор исследований проблем самоцензуры в массмедиа, обра-

щают наше внимание на позицию Дж. Хантера, который столкновение между сторонниками разных подходов к пониманию самоцензуры представил в виде «культурных войн» – в смысле перманентного противостояния между сторонниками противоположных социальных воззрений из-за существования давних и глубоких, часто неразрешимых противоречий между группами людей). Оружие культурной войны – это не только слово, но и молчание» [15. С. 107]. А вот сами социологи из Воронежа, обращаясь к известной метафоре «цензор в голове», по-своему объясняют «культуру молчания». По итогам проведенного исследования они сообщают, что этот «цензор в голове» свойствен многим журналистам, «немногие решаются плыть против течения... Потребителю информации приходится порой туго – ему нужно определяться, чья информация больше похожа на правду. Принимая за правду ту или иную информацию, он достраивает, реконструирует свою картину мира. В результате соседи или даже члены одной семьи могут жить в совершенно разных мирах. Деструктивные и конструктивные последствия свободы слова имеют место. Свобода слова – обоюдоострое оружие, оно способно ранить как героя, так и автора информационного материала, способна и к разрушению, и к созиданию. Но эта ценность стоит своей платы» [15. С. 114].

В результате свобода слова и самоцензура в работе СМИ не только тесно связаны, а выступают как две стороны одной медали – профессиональной культуры журналиста, рассматриваемой в ценностном измерении. Однако вопросы, как понимать свободу слова, как разобраться в феномене самоцензуры, в свою очередь ставят другие, фундаментального характера задачи: Для кого? Во имя чего? Столетие назад их сформулировал В.И. Ленин в письме Мясникову [16. С. 78–83], который предлагал в молодой Советской России дать свободу печати всем – «от анархистов до монархистов», чтобы пороки и язвы политической и хозяйственной жизни страны (а они были видны невооруженным глазом) лечить преданием их гласности. Возражения Ленина свелись не столько к невозможности и несвоевременности такого шага, и, надо сказать, в аргументации этих положений автор письма был безупречен. Главное в другом – за глубоким политическим анализом ситуации в стране и за ее пределами как раз и следовали ответы на интересующие нас вопросы, для кого и во имя чего открывать безбрежную свободу печати. Ответы отнюдь не абстрактные, а тесно связанные с социально-политической практикой, когда ценность свободы сводилась к её обесцениванию материальным ресурсом – у кого больше финансовых возможностей, тот *свободно* распорядится *свободой* всех...

Эта история вековой давности никогда не теряла своей актуальности, а в последнее время приобрела особую злободневность в связи с достигшим на рубеже 2021–2022 гг. апогеем в противостоянии стран Запада и России, что вылилось в масштабный военный конфликт на Украине. Политические противоречия на глобальном и континентальном уровнях, вне и внутри России, естественно, наши свое преломление в текстах массмедиа. Более того, они по-своему отразились на журналистской практике. Только в

начальной фазе военных действий российские власти предприняли меры по ограничению работы радиостанции «Эхо Москвы», что привело к ее закрытию [17], и функционирования в стране социальной сети Facebook [18]. По сути это была ответная реакция российских властей на явно враждебную политике страны позицию со стороны определенной части информационных ресурсов.

Уже начатая нами на актуальных фактах из практики СМИ линия рассуждений неизбежно ведет к ее продолжению в областях социальной философии или политологии – мы не можем уклониться от вопроса о сущности демократии, ее трактовках в разных политических культурах. Но такая постановка проблемы выходит за пределы темы статьи. И поэтому остановимся на проявляемом в особых обстоятельствах принципе самоцензуры в работе журналистов и редакций СМИ. Судя по анализу современных публикаций отечественных и зарубежных авторов, можно утверждать, что этот принцип следует воспринимать в качестве объективной составляющей профессиональной культуры журналиста. Такого мнения придерживаются многие, пусть даже иначе его формулируют. В данном случае важно разобраться, как эти авторы оценивают мотивацию журналиста при его следовании по пути самоцензуры – налагает ли он на себя ограничения, чтобы не навредить людям, или опасается санкций со стороны власти; чем внутренне подкрепляет / оправдывает свои поступки – заботой о личной карьере или принципом «Не могу молчать!».

Понятие самоцензуры отнюдь не является исключительно негативным, в нем столь же явно заключена и конструктивная сторона профессиональной культуры журналистов. И это прежде всего известный принцип социальной ответственности творческих работников СМИ. Однако его демаркация с идеей самоцензуры так и не произошла. Как справедливо отмечается в монографии Нигматуллиной, «дискурс о самоцензуре еще не сформирован», на этот счет еще необходимы серьезные исследования, потому что в практике СМИ наличествует противоречивость проявлений профессиональной культуры журналиста: «представления российских журналистов о ценностях своей профессии определяются в большей степени опытом и типом СМИ, в меньшей степени – личными политическими воззрениями; при этом отмечаются большие сложности в гармонизации индивидуальной идентичности с редакционной идеологией – принятые в редакции ограничения берут верх» [1. С. 252]. И это тревожит: журналисты, полагает Нигматуллина, подвергая себя определенным самоограничениям, все же расценивают явление самоцензуры как позитивное.

Здесь самое место вернуться к подходу, уже апробированному в исследованиях политической культуры журналиста. Как известно, общим критерием для любых ракурсов рассмотрения журналистики является *долженствование*: должна, обязана, предназначена, призвана. Ни один из этих смыслов журналистики не грешит чрезмерностью. Потому что журналистика как институт общества и в самом деле обязана действовать в интересах людей. Однако представление только о долженствовании само по себе

односторонне, кажется чересчур однозначным, если не смягчено каким-то другим смыслом о назначении журналистики и призвании журналиста. В противном случае роль и судьба журналиста незавидны – быть всем обязанным не стимулирует творческую энергию, не пробуждает общественную активность. Категория долженствования в большей мере ограничивает, «придавливает» индивида, нежели раскрепощает его. В реальности действует пока что непознанный закон функционирования журналистики. Он очевиден в утверждении, которое не требует доказательства, что общество само по себе нуждается в журналистике, находит в ней свой особенный смысл. Для общества журналистика уже давно стала не просто атрибутом социальной действительности, она обрела статус постоянного присутствия в делах общества и подчас с правом решающего голоса. Потому что исполняет всем видимые особо важные социальные роли – вездесущего агента и связного, проповедника и обличителя, советчика и утешителя...

Тем самым предопределилось, что в журналистике императив долженствования уравновешен императивом *ценности*. С одной стороны, журналист должен обществу. Он не только не свободен от общества, он ему многим, если не всем, обязан. С другой – произведения журналиста и вся его многообразная творческая деятельность нужны тому же обществу. Так что журналистика, являясь важнейшим звеном духовной жизни человека, может быть определена как общественно значимая ценность, на значимость которой неизбежно влияет историческая динамика духовной жизни социума, начиная с конкретизации форм и методов функционирования СМИ и всей медийной среды в меняющихся социокультурных условиях. Так что всякий раз обнаруживается все новое и новое понимание ценности общественного института журналистики.

Выводы

Ядро профессиональной культуры журналистов по отношению к исторически возникшему ядру культуры этноса, безусловно, вторично. Оно возникло в качестве закономерного результата, во-первых, усвоения журналистикой традиционных норм и ценностей культуры социума, во-вторых, под влиянием динамики социально-политических и культурно-нравственных трансформаций в жизни общества. Отчего профессиональная культура журналистов носит двойственный характер: наличие ценностно-нормативного ядра выделяет ценностные константы в мышлении и поведении журналистов, тогда как повседневная связь массмедиа с текущей современностью обеспечивает подвижность (текучесть) составляющих профессиональной деятельности журналистов, которые в определенном смысле слова вынуждены соответствовать динамике информационных интересов общества и его представлений о журналистике. При этом процесс усложняется когнитивными искажениями, которые объективно свойственны творчеству журналиста: они отражают, с одной стороны, творческое своеобразие авторов журналистских произведений, с другой, неполноту их

представлений о реальности. Все это с особой силой проявляется в практике самоцензуры в СМИ и журналистике, где когнитивные искажения могут обретать как негативное (преднамеренное искажение фактов) значение, так и позитивное (творческое создание картин увиденного, образное отражение действительности), что, в свою очередь, усиливается фактором влияния цифровой среды: когнитивные искажения, пусть и возникающие по разным причинам, воспринимаются аудиторией как верифицированные. В представлениях современных исследователей самоцензура приобретает исключительное значение в практике СМИ, влияет на весь комплекс мышления и поведения в журналистике. Таким образом, оказывает глубокое воздействие на ценностные параметры ядра профессиональной культуры журналистов.

Список источников

1. *Нигматуллина К.Р.* Профессиональная культура журналистов в России. СПб. : Алетейя, 2021. 286 с.
2. *Распопова С.С.* Пандемия COVID-19 как триггер для изменений СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 88–93. doi: 10.47475/2070-0695-2021-10410
3. *Антонова О.А., Соловьев С.В.* Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2008. 168 с.
4. *Неронова М.Ю., Неронов А.В.* «Текущая современность» как символ веры в постиндустриальном обществе // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 2. URL: <http://soc-journal.ru>
5. *Бауман З.* Текущая современность : пер. с англ. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
6. *Кантор М.К.* История против прогресса: опыт культурно-исторической генетики. М. : Наука, 1992. 148 с.
7. *Казимирчик Л.В.* Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 99–103.
8. *Дрю Ж.-М.* Ломая стереотипы / пер. с англ. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
9. *Эриксен Томас Хюлланд.* Время в эпоху информации / пер. с норв. М. : Весь мир, 2003. 208 с.
10. *Юсупова А.М.* Иллюзорный потенциал СМИ: журналистика как источник социальных иллюзий // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2017. Т. 2. С. 255–257.
11. *Перов В.Ю.* Когнитивные искажения и этические проблемы современных медиакоммуникаций : доклад на VI Международной научной конференции «Язык в координатах медиа». 29.06–02.07.2022. СПб., 2022. URL: <https://linguistics-media.ru/programma/>
12. *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. М. : Проспект, 2018. 256 с.
13. *Олешко В.Ф.* Особенности профессиональной культуры журналиста цифровой эпохи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 134–141.
14. *Зевелева О.* Самоцензура журналистов в Татарстане и в Крыму в сравнительной перспективе: Пьер Бурдьё и новая теория цензуры // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 3. С. 150–177.
15. *Романович Н.А., Коробкова О.А.* Свобода слова и повседневная практика журналистов региональных СМИ // Социс. 2018. № 11(415). С. 106–116.
16. *Ленин В.И.* Письмо Г. Мясникову // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. С. 78–83.

17. Венедиктов сообщил о решении ликвидировать «Эхо Москвы» // Интерфакс. 2022. 5 марта. URL: <https://www.interfax.ru/russia/825936> (дата обращения: 06.03.2022).
18. Роскомнадзор сообщил о полной блокировке Facebook в России // Российская газета. 2022. 4 марта. URL: <https://rg.ru/2022/03/04/facebook-v-rossii-polnostiu-zablokirovan.html> (дата обращения: 06.03.2022).

References

1. Nigmatullina, K.R. (2021) *Professional'naya kul'tura zhurnalistov v Rossii* [Professional Culture of Journalists in Russia]. Saint Petersburg: Aleteya.
2. Raspopova, S.S. (2021) COVID-19 Pandemic as a Trigger for Media Change. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 4 (42). pp. 88–93. (In Russian). doi: 10.47475/2070-0695-2021-10410
3. Antonova, O.A. & Solovyov, S.V. (2008) *Teoriya i praktika virtual'noy real'nosti: logiko-filosofskiy analiz* [Theory and practice of virtual reality: logical and philosophical analysis]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Neronova, M.Yu. & Neronov, A.V. (2020) “Liquid modernity” as a symbol of faith in a post-industrial society. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 12 (2). (In Russian).
5. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
6. Kantor, M.K. (1992) *Istoriya protiv progressa: opyt kul'turno-istoricheskoy genetiki* [History against Progress: Experience of cultural-historical genetics]. Moscow: Nauka.
7. Kazimirchik, L.V. (2014) Fenomen mediatizatsii publichnoy politiki: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The phenomenon of mediatization of public policy: theoretical and methodological aspect]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11. pp. 99–103.
8. Dru, J.-M. (2002) *Lomaya stereotipy* [Disruption: Overturning conventions and shaking up the marketplace]. Translated from English by D. Rayevskaya. Saint Petersburg: Piter.
9. Eriksen, T.H. (2003) *Tirania momenta: Vremya v epokhu informatsii* [Tyranny of the Moment]. Translated from Norwegian by E.S. Rachinskaya. Moscow: Ves' mir.
10. Yusupova, A.M. (2017) Illyuzornyy potentsial SMI: zhurnalistika kak istochnik sotsial'nykh illyuziy [The illusory potential of the media: journalism as a source of social illusions]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya*. 2. pp. 255–257.
11. Perov, V.Yu. (2022) [Cognitive distortions and ethical problems of modern media communications]. Report at the VI International Conference “*Yazyk v koordinatakh media*” [Language in Media Coordinates]. 29 June – 02 July 2022. [Online] Available from: <https://linguistics-media.ru/programma/> (In Russian).
12. Girenok, F.I. (2018) *Klipovoye soznaniye* [Clip consciousness]. Moscow: Prospekt.
13. Oleshko, V.F. & Oleshko, E.V. (2019) Osobennosti professional'noy kul'tury zhurnalista tsifrovoy epokhi [Features of the professional culture of a journalist of the digital era]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2 (32). pp. 134–141.
14. Zeveleva, O. (2020) Samotsenzura zhurnalistov v Tatarstane i v Krymu v sravnitel'noy perspektive: P'er Burd'e i novaya teoriya tsenzury [Self-censorship of journalists in Tatarstan and Crimea in a comparative perspective: Pierre Bourdieu and the new theory of censorship]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. 3. pp. 150–177.
15. Romanovich, N.A. & Korobkova, O.A. (2018) Svoboda slova i povsednevnyaya praktika zhurnalistov regional'nykh SMI [Freedom of speech and everyday practice of journalists of regional media]. *Sotsis*. 11 (415). pp. 106–116.
16. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 44. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 78–83.
17. Interfaks. (2022) Veneditkov soobshchil o reshenii likvidirovat' “Ekho Moskvyy” [Venediktov announced the decision to liquidate Ekho Moskvyy]. *Interfaks*. 5th March. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/825936> (Accessed: 06.03.2022).

18. Rossiyskaya gazeta. (2022) Roskomnadzor soobshchil o polnoy blokirovke Facebook v Rossii [Roskomnadzor announced the complete blocking of Facebook in Russia]. *Rossiyskaya gazeta*. 4th March. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/03/04/facebook-v-rossii-polnostiu-zablokirovan.html> (Accessed: 06.03.2022).

Информация об авторе:

Сидоров В.А. – д-р филос. наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.sidorov@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Sidorov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.sidorov@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 81'42:82-92+316.722+316.74:81

doi: 10.17223/19986645/84/14

**О судьбах литературного текста в культурном пространстве.
Рецензия на книгу: Феномен затекста / Т.А. Снигирева,
А.В. Подчиненов, О.А. Михайлова и [др.] ; под общ. ред.
Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с.**

Елена Ивановна Колесникова¹

¹ *Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
ekolesn@mail.ru*

Аннотация. Рецензия посвящена монографии «Феномен затекста», которая продолжает исследования учеными УрФУ маргинальных явлений в литературе. Авторы в первом разделе раскрывают понятие «затекст» с лингвистической и экстралингвистической точек зрения. Последующие разделы представляют собой практическое воплощение затекстовых исследований, в которых выделены два типа затекста – авторский и рецепционный. Цель книги – представить литературное творчество в объеме, охватывающем фактографию вокруг сюжета, связанного с биографическими обстоятельствами авторов, а также разнонаправленными интенциями замысла и его последующей рефлексией.

Ключевые слова: затекст, за-текст, коммуникация, биографическое письмо, рефлексия, рецепция

Для цитирования: Колесникова Е.И. О судьбах литературного текста в культурном пространстве. Рецензия на книгу: Феномен затекста / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов, О.А. Михайлова и [др.] ; под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 265–271. doi: 10.17223/19986645/84/14

Review

doi: 10.17223/19986645/84/14

**On the fates of a literary text in the cultural space.
Book Review: Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021)
Fenomen zateksta [The Phenomenon of Aftertext].
Yekaterinburg: Ural University Press. 392 p.**

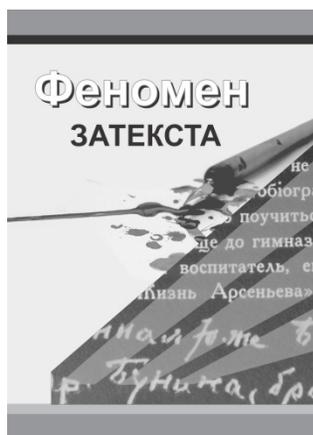
Elena I. Kolesnikova¹

¹ *Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the RAS, Saint Petersburg,
Russian Federation, ekolesn@mail.ru*

Abstract. The monograph presents the results of an interdisciplinary study of a new communicative space – social networks in linguo-cognitive, discursive, linguo-personal, linguo-conflictological and linguo-didactic aspects. The book considers both general and specific aspects of the speech behavior of social network users, the axiological and reflexive components, the genre specificity of texts, and the linguo-didactic potential. The book is intended for philologists, philosophers, sociologists, political scientists, culturologists, specialists in the field of media and Internet communication.

Keywords: aftertext, after-text, communication, biographical writing, reflection, reception

For citation: Kolesnikova, E.I. (2023) On the fates of a literary text in the cultural space. Book Review: Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021) *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of Aftertext]. Yekaterinburg: Ural University Press. 392 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 265–271. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/14

В настоящее время интенсивно развивается научное направление, которое изучает явления, сопутствующие литературному творчеству. Причем это не традиционный «историко-литературный» контекст, а часто уходящие от внимания исследователя личностно-биографические, психологические, политические, социально-бытовые факторы, так называемое литературное поле (Бурдые), которые выливаются в такие творческие изводы, как «незавершенный текст», «зачеркнутый текст», трансформированный в другие жанры и другие виды искусства текст и др. В связи с этим возрастает интерес к маргинальным, периферийным вопро-

сам филологии: феноменам творческой неудачи, творческого кризиса и прочим, которым в разные годы были посвящены научные конференции, подго-

товлены монографии, вышедшие под редакцией Т.А. Снигиревой и А.В. Подчиненова в Издательстве Уральского университета [1–3].

Можно предположить, что подобный исследовательский поворот обусловлен самим литературным материалом, уходом эпохи литературоцентризма с его доминированием идей, поисков героя и постановкой рубежных философских проблем, декларирующих бытийные основания. Литературный процесс как таковой утратил свою магистральность, обретя ризомность и разнонаправленность. Изменились и научные основания, постструктуралистский отказ от жестких схем породил различные методологические практики, в основе которых лежит антропологический поворот.

Предлагаемая монография продолжает эти исследования. Ее цель – представить литературное творчество в объеме, охватывающем фактографию вокруг сюжета, связанную с биографическими обстоятельствами авторов, а также разнонаправленными интенциями замысла и его последующей рефлексией.

Для понимания круга обозначенных проблем в Первом разделе дается описание дефиниции «затекст» с лингвистической и экстралингвистической точек зрения. Магистральной организующей осью для развертывания научного сюжета стала открытость (и в этом смысле принципиальная незавершенность) литературного текста, порождающая последующие культурные явления. Различные аспекты понятия, методологические основания будут оговариваться также в следующих главах, иллюстрируемые конкретными примерами.

Последующие разделы посвящены практическому воплощению затекстовых исследований, в которых выделены два типа затекста – авторский и рецепционный. Они и организовали структуру монографии и название ее разделов: «Затекст как форма авторской рефлексии» и «За-текст как рецепция и со-творчество».

Методологически прецедентным является параграф о романе Сервантеса, в котором как затекст рассмотрена «рефлексия и о литературной традиции, и о взаимоотношениях с реципиентом, и о собственном положении в искусстве» [4. С. 41]. Реакцией на литературные традиции является рецепция жанра, стиля и пр. Хочется отметить продуктивность предложенного метода анализа, поскольку игра с предшествующими художественными категориями активно используется в XX–XXI вв. Так, продемонстрированная методология интерпретации «Романа» как «убийства» жанра романа может быть с успехом применена ко многим постмодернистским произведениям, всевозможным ироническим «жанровым киллерам» (как, например, «Любовное чтиво» П. Басинского).

Входя в сферу рецептивной эстетики, авторы используют законы коммуникативного акта, что демонстрирует расширенные методологические возможности затекстного анализа. «Каждое художественное произведение – это способ осуществления художественного диалога, непрерывно идущего между разными авторами, произведениями и их читателями, между художественными мирами и культурными эпохами» [4. С. 365]. Ад-

ресат высказывания, внимание к его предполагаемой пресуппозиции, нередко играет решающую роль в замысле и реализации произведений. Но объем затекста может оказаться различным: «от почти нулевого у читателя наивного до гипернаполненного у читателя искушенного, профессионального – может не совпадать с подразумеваемым автором» [4. С. 116]. Рассуждая в этом русле, исследователи ставят вопрос: кто создает затекст – писатель или читатель? В виду различия фоновых знаний автора и реципиента цель художественного высказывания не всегда достигает реализации. При этом в восприятии читателя может сложиться совершенно не предполагаемая автором картина мира (вспомним классическое «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»). И в таком случае «затекст оказывается конструктом, производимым читателем» [4. С. 116]. В то же время всегда существует авторский затекст, и для исследователя он является приоритетным, хотя в процессе научного описания и он неизбежно обретает очертания того же читательского конструкта.

Креативные возможности коммуникативно-затекстных исследовательских стратегий авторы монографии блестяще продемонстрировали на конкретных примерах. Так, книга В. Войновича, убедительно представлена как «коммуникация с собственной биографией», активное ее осмысление – «это роман с собой и своей жизнью, где доминирует не жанровое, но житейское понимание «романа»». Книга В. Аксенова развернута разными гранями – как «“роман” со своим поколением, с самим собой, но и собственно роман» [4. С. 214].

Сложной коммуникацией представлены пометы на чужих книгах (например, И. Бунина на книгах А. Блока), а также инскрипты, которым посвящена глава «Инскрипт как затекст». Методика затекстового исследования здесь помогает связать воедино короткое обращение дарителя к своему адресату с содержанием даримой книги, а также с современным фоном, с человеком, принимающим подарок, а еще, безусловно, с жанровым каноном, который каждый даритель стремится преодолеть и тем самым оставляет печать времени.

Исследование, посвященное личности писателя-художника В. Любарова, выходит за границы затекста. Поскольку речь идет и о житнетворчестве, и о реальных прототипах, и о традиции. Упомянутые лишь в колористическом контексте лубочные картинки, безусловно, генетически предшествуют его креолизированным текстам. А конкретное образное и смысловое порождение, обязанное односельчанам и образу жизни художника, скорее является претекстом, что расширяет границы затекста.

Большое место в книге занимают исследования материалов биографического письма – автобиографий, мемуаров, биографий, описанных другими авторами, биографического метатекста, (как авторский метатекст либо метатекст прототипа – Д. Драгунский). Авторы книги убедительно показывают, как творятся автомифы, возникают ложные идентичности, как они коммуницируют с эстетическими конвенциями времени. Дневники, записные книжки, мемуары ценны сами по себе. Но вслед за исследователем

В. Лосской книга предлагает «пересмотреть отношение к записным книжкам как к биографическому источнику» [4. С. 139], поскольку в заявленном ракурсе открывается дополнительная исследовательская сфера – возможность связать через них внетекстовую реальность с художественной.

На затекстовом уровне производится сравнение разнообразных мемуарно-биографических жанров советского (««жизнь замечательных людей» в не менее замечательном времени» [4. С. 205]) и «оттепельного» периодов, когда «мемуарная и близкая к мемуарной литература <...> сделала попытку прорыва к максимальной полноте “рассказа о времени и о себе”» [4. С. 205]. Важным аспектом при этом является внимание исследователей к читательской готовности воспринять не достоверность, а мифологию. Творческая интенция шестидесятников на «вочеловечивание» истории еще раз подтверждает неразрывную связь художника с состоянием общественного сознания.

Был подмечен фикциональный акцент современной мемуарной прозы, где «авторы играют не только со своей личной памятью, но и с памятью жанра, в рамках которого создаются книги, чаще всего становящиеся итоговыми» [4. С. 206].

В ходе анализа приводятся примеры соотношения исходных мемуарных описаний с их художественным воплощением. На примере цветаевских текстов в главе «”Я стала поэтом прежде, чем женщиной...”»: авторская саморефлексия в записных книжках М. Цветаевой» показана степень искажения репрезентации, поскольку ни автобиография, ни биография не отражают истинный образ описываемой личности поэта. Исследователи подводят читателя к пониманию сути рецепции, которая всегда субъективна и представляет собой дискурсивную практику. Тем не менее преломление реальности через определенную жанровую или стилистическую конвенцию и культурные фильтры дает ценный материал о времени, медийных и общественных трендах. Так, социологи видят в этих углах искажения важный источник для изучения сложных социальных процессов.

Пересечение на страницах монографии творчески наэлектризованных биографических нарративов Ю. Нагибина и Б. Мессерера создают дополнительный затекст и высвечивают образ Б. Ахмадулиной, возникающий как голограмма из бытовых деталей жизни двух ее близких людей и общей художественной атмосферы времени.

С биографическим письмом сближаются различные практики жизнеописания, порой переходящие в житнетворчество, «бытие писателя вне текста» [4. С. 242]. Формирование литературной репутации через последовательное мифотворчество либо «врастание» в свой собственный художественный мир продемонстрировано на примерах медийных судеб братьев Бориса и Аркадия Стругацких, Виктора Ерофеева. Это касается также блогов, в которых могут демонстрироваться события повседневности вперемежку с эстетическими, политическими высказываниями, цитатами, практическими советами. То есть блогером целенаправленно создается контент (часто направленный на монетизацию), либо мифологизирующий его лич-

ность, либо выдающий некую избранную информацию. В этом русле рассмотрена виртуальная идентичность Татьяны Толстой, на протяжении многих лет активно формирующей собственный медийный образ, намеренно делая его жестким и нередко скандальным.

Не обойден вниманием факт, что полноправной в творческом процессе стала коммерческая составляющая (маркетинговые стратегии агентов, издателей, «книгопродавцев»), медийная игровая или информационная активность. И с этой точки зрения вырастает целое направление, посвященное имиджевым стратегиям современных писателей.

Помимо смыслообразующей, в монографии отмечена отрицательная роль затекстового фона, «идеологического за-текстового давления, которое отразилось на многих текстах и судьбах» [4. С. 361]. Этот аспект для русской литературы является чуть ли не определяющим, а потому предложенные исследовательские решения особенно ценны.

Факультативность и не совсем ясные очертания границ понятия «затекст» не отменяют его сущности: он может проявляться и варьироваться в разных формах, вмещать разное содержание, но суть его неизменна: это информация, находящаяся за пределами текста, но с ним так или иначе связанная. Показательно в этом смысле содержание главы «Л.Н. Андреев в полемике вокруг рассказа "Бездна"». Изначально дается тезис о намерении писателя создать рассказ-антитезу «Антибездна», т.е. дать замыслу дополнительную художественную интерпретацию. Но в итоге публикуются письма от имени героев «Бездны», демонстрирующие развитие сюжета. Полемика вокруг истинного авторства (был ли это сам писатель или кто-то другой) этих публикаций не отменяет их затекстовой функции. Создается дополнительный интерпретационный и научно-поисковый фон, провоцирующий неоднократное прочтение исходного рассказа.

Рефлексия эмигрантов-интеллигентов первой волны, их сложный поиск идентичности через художественные и мемуарные нарративы демонстрируют главы «Биографическое прошлое как за-текст ученого-гуманитария» и «Образ Советской России в тексте Надежды Мельниковой-Папоушковой». Материал подан настолько занимательно, что соперничает с художественными нарративами.

Из всего изложенного в монографии можно сделать вывод, что «затекст» надо воспринимать как «зонтичный» термин, предполагающий подвижность охватываемых им понятий в зависимости от их содержательного наполнения, ракурса восприятия и возникающих в результате функций. Метод затекстного анализа позволяет сочетать приемы различных научных школ и дисциплин, что расширяет и уточняет сферу литературоведческих изысканий.

В заключение хочется отметить, что монография, несмотря на академичность и глубину поставленных проблем, доставляет истинное «удовольствие от текста». Причем не только филологам, которым понятно упомянутое бартовское словосочетание, но и обычному читателю, поскольку здесь приводится много интереснейших фактов, демонстрируются редкие

архивные материалы и ведется последовательный разговор, направленный на объемное осмысление культурного пространства.

Список источников

1. *Феномен творческой неудачи* / под общ. ред. [и с предисл.] Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 424 с.
2. *Феномен незавершенного* / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 528 с.
3. *Феномен творческого кризиса* / [Снигирева Т.А. и др.] ; под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 400 с.
4. *Феномен затекста* / под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с.

References

1. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2011) *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The Phenomenon of Creative Failure]. Yekaterinburg: Ural University Press.
2. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2014) *Fenomen nezavershennogo* [The Phenomenon of the Unfinished]. Yekaterinburg: Ural University Press.
3. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2017) *Fenomen tvorcheskogo krizisa* [The Phenomenon of Creative Crisis]. Yekaterinburg: Ural University Press.
4. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021) *Fenomen zateksta* [Phenomenon of Aftertext]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Информация об авторе:

Колесникова Е.И. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ekolesn@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.I. Kolesnikova, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ekolesn@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 07.09.2022;
approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.*

Рецензия
УДК 81.374
doi: 10.17223/19986645/84/15

Рецензия на книгу: Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / С.С. Волков, С.С. Дубова, Н.В. Карева, Н.А. Кузнецова, Е.М. Матвеев, А.С. Смирнова, А.Е. Трофимов, М.Г. Шарихина ; науч. ред. С.С. Волков, Е.М. Матвеев, М.Г. Шарихина. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. 352 с.

Наталья Викторовна Патроева¹

¹ *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, nypatr@list.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные особенности нового лексикографического труда, подготовленного в Институте лингвистических исследований РАН, – «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века». Дается краткое описание целей создания, структуры и содержания поэтического ономастического словаря, отмечается методологическая связь рецензируемого издания с более ранними словарными опытами, посвященными языку русской поэзии.

Ключевые слова: язык русской поэзии, антропонимика, ономастика, история русского литературного языка, словарь языка поэзии

Для цитирования: Патроева Н.В. Рецензия на книгу: Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / С.С. Волков, С.С. Дубова, Н.В. Карева, Н.А. Кузнецова, Е.М. Матвеев, А.С. Смирнова, А.Е. Трофимов, М.Г. Шарихина ; науч. ред. С.С. Волков, Е.М. Матвеев, М.Г. Шарихина. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. 352 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 272–280. doi: 10.17223/19986645/84/15

Review
doi: 10.17223/19986645/84/15

Book review: Volkov, S.S. et al. (2022) *Slovar' antropimov v russkoy panegiricheskoy poezii XVIII veka* [Dictionary of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. 352 p.

Natal'ia V. Patroeva¹

¹ *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, nypatr@list.ru*

Abstract. The review considers the main features of the new lexicographical work prepared at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, *The Dictionary of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century*. The goals of creation, structure and content of the poetic onomastic dictionary

are briefly described, the methodological connection of the reviewed work with earlier dictionary experiments on the language of Russian poetry is noted. The publication consists of a preface that explains the theoretical and methodological basis of the study, instructions for users, the dictionary itself (124 vocables with anthroponyms in total), and bibliography. The material for the dictionary is poetic works of the odic genre extracted from the collected works of V.K. Trediakovsky, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov, V.P. Petrov, N.N. Popovsky, M.M. Kheraskov, A.A. Rzhevsky, G.R. Derzhavin, and E.I. Kostrov; odes by A.D. Kantemir, V.I. Maikov, V.D. Kapnist, Ya.B. Knyaznin, M.N. Muravyov, I.I. Khemnitser, I.I. Dmitriev, N.M. Karamzin, A.F. Merzlyakov, D.I. Khvostov, and others. The dictionary describes formulaic contexts, tropes (metonymy, allegory, personification, antonomasia, paraphrase, comparison, epithet, pun), and figures of speech (use of proper names in rhetorical questions, exclamations, appeals), emphasizing the syntactic position of the predicate in metaphorical representation or giving rhyming pairs. The dictionary is useful for researchers of the evolution of lexical, word-formation, morphological, spelling norms of the Russian language as it fixes variants of the name and its derivatives – possessive adjectives. Debatable issues are a broad interpretation of the terms “anthroponym” and “personification”, the formation of a figurative meaning of a word in an allegorical context. The authors of the dictionary classify mythonyms (names of mythological creatures, gods and heroes) and theonyms (names of gods of the pagan pantheon and biblical characters) as anthroponyms. Personification includes cases of the so-called “reincarnation”: instead of the actual anthroponym, a mythonym with a stable poetic meaning is used. The assertion that in an allegorical context the anthroponym is used in its direct meaning is doubtful. Obviously, the figurative field is formed in this case by blending primary and secondary semantics. Comparison is different. The new dictionary of poetic anthroponyms has an undeniable theoretical and practical significance, continuing the best traditions of Russian literary lexicography and providing fertile ground for a further study of such topical philological problems as the history of the Russian literary language and the language of poetry of the 18th century, semantics and pragmatics of proper names, precedent names of Russian culture.

Keywords: language of Russian poetry, anthroponymy, onomastics, history of Russian literary language, dictionary of language of poetry

For citation: Patroeva, N.V. (2023) Book review: Volkov, S.S. et al. (2022) *Slovar' antroponimov v russkoy panegiricheskoy poezii XVIII veka* [Dictionary of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. 352 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 272–280. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/15

Выход в свет «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» подчеркивает не ослабевающий на протяжении последних десятилетий интерес исследователей к важнейшей в культурно-историческом развитии России эпохе барокко и классицизма – времени становления новых жанров словесности, языка светской литературы, освоения богатой западноевропейской поэтической традиции. Формирование образной сферы художественного творчества, тезауруса так называемых прецедентных феноменов секуляризованной культуры происходило вместе с активным освоением лирикой как «своего», «исконного» фонда имен собственных (прежде всего – в части славянского пантеона и героев российской исто-

рии), так и «чужого» ономастического пространства (мифы Древней Греции и Рима, античная литература и наука Нового времени). В этом смысле словарь панегирических антропонимов оказывается важен в качестве не только некоего фиксатора образных смыслов или своеобразной «энциклопедии» по истории поэтической речи и – шире – общелитературного языка, но и концентрированного выражения «концептосферы» (в терминах Д.С. Лихачева) или «семиосферы» культуры (в терминах Ю.М. Лотмана).

Словарный коллектив, работавший под руководством С.С. Волкова с активным участием Е.М. Матвеева, М.Г. Шарихиной, Н.В. Каревой и других исследователей из ИЛИ РАН, широко известен в России и за ее рубежами своими научными работами и лексикографическими проектами, особенно значимой среди которых представляется изданная в начале нынешнего века серия материалов к словарю языка М.В. Ломоносова [1–6]. Ставший предметом нашего разбора, «Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» является продолжением этой многолетней работы по формированию лексико-фразеологических баз данных, разработке лексикографических трудов и методологии их создания.

Из открывающего книгу предисловия «О проекте “Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века”» (авторы – С.С. Волков и Е.М. Матвеев) читатель узнает, что для его создателей «вполне целесообразной и актуальной является подготовка нескольких частных, «аспектных» словарей, которые позволят более полно и подробно исследовать отдельные характерные особенности языка М.В. Ломоносова или некоторые разряды лексики» [7. С. 3]. Одним из таких аспектов словарного представления становится поэтическая ономастика, используемая в произведениях ведущего для дидактической лирики XVIII столетия панегирического рода – жанра торжественной («похвальной») оды.

Материалом словаря стали стихотворные произведения В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.П. Петрова, Н.Н. Поповского, М.М. Хераскова, А.А. Ржевского, Г.Р. Державина, Е.И. Кострова, извлеченные из баз данных, включающих антропонимы в совокупном объеме более 2000 употреблений (заметим сразу, что в словарь включено из этого количества только 124 лексемы); кроме того, в качестве сопоставительного фона привлекаются оды А.Д. Кантемира, В.И. Майкова, В.Д. Капниста, Я.Б. Княжнина, М.Н. Муравьева, И.И. Хемницера, И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, А.Ф. Мерзлякова, Д.И. Хвостова и др. Таким образом, источниковая база лексикографического труда является вполне репрезентативной для того, чтобы на этой основе заинтересованный исследователь мог прийти к выводам, касающимся как языка русской оды в целом, так и индивидуально-авторского слога ведущих и менее известных поэтов послепетровской, елизаветинской и екатерининской эпох.

Авторы словаря учитывали опыт отечественной лексикографии по созданию словарей имен собственных, привлекая издания как XVIII столетия [8, 9] и пр., так и новейшие, например [10].

В предисловии С.С. Волков и Е.М. Матвеев специально останавливаются на сложнейших вопросах, связанных со спецификой значения имени собственного на фоне имени нарицательного, проблемой словарного представления онимов, типологией первичных и вторичных сем, выявляемых у антропонимов в художественном контексте. Действительно, в толково-исторические словари, в том числе и в «Словарь русского языка XVIII века» [11] имена собственные обычно не включаются¹, если только речь не идет о фиксации переносных значений при контекстуальном переходе в нарицательные имена (случай антономасии: Амур ‘любовь’, Аврора ‘утренняя заря’, Марс ‘война, битва’, Морфей ‘сон’ и пр.). Между тем состав и функционирование ономастики в каждый период развития языка, в том или ином его регистре (стилевой сфере) являются важной составляющей эволюции лексической системы в целом. В поэтической речи создаются наиболее благоприятные условия для раскрытия семантического потенциала слова, в том числе онима: имя собственное получает здесь образные «приращения», добавочные «обертоны смысла» [13. С. 34, 100] даже при его употреблении в прямо-номинативном значении, о чем свидетельствуют и разнообразные данные, предлагаемые «Словарем антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века».

Составители антропонимического словаря при разработке структуры вокабулы, основанной на функциональной типологии лексико-семантических вариантов имен собственных, отчасти ориентировались на предложения, высказанные Л.А. Войновой [14], но, к сожалению, не учтенные при создании «Словаря русского языка XVIII века». Так, в словаре [7. С. 12, 13] представлены следующие типы семантического переосмысления (трансформации или усложнения значений) личных имен в панегирической поэзии: 1. Антономазия – использование антропонима в значении нарицательного имени существительного: *Гораций был бы он!* ‘великий поэт’ (Муравьев) и т.п. 2. Олицетворение в его «особой», согласно трактовке авторов словаря, ипостаси, связанной с замещением в контексте антропонима мифонимом, например: «Олицетв. О Наполеоне. Впервые из пращи вергнул гром / Ты собственной твоей рукою / На Голиафа шлем кичливый (Державин «На победу Александром I Наполеона под Люценом») [7. С. 145]. 3. Замещение антропонимом этнонима или топонима: «так, антропонимы, *Агарь* (Сумароков), *Мухаммед*, *Магомед*, *Магмед* (Ломоносов, Петров, Державин) в поэтическом контексте получают значение ‘Турция, турки’» [7. С. 12]. 4. Перифрастическое использование антропонима, например: «*Петровы стены* ‘Петербург’ (Ломоносов); *Дщерь Петрова* ‘императрица Елизавета Петровна’ (Ломоносов)...» [7. С. 12]. 5. Обыгрывание антропонимов, относящихся к соименным героям, например: *Александр Невский* → *Александр I: Се новый Александр родился / И берег Невский возгордился, Что Росския Минервы Внук / Умножит*

¹ См. по этой проблеме, например.: [12].

древней славы звук (Херасков); *Александр Македонский* → *Александр I: Не прахом царства он развеет, / Сей новый Александр посеет / По всей вселенной тишину, / Блаженством заменит войну* (Херасков); или в случае контекстуального синкретизма прямого и переносного (нарицательно-го) смыслов: *Весь воздух восклицаньем полн: / Из утренних Аврора волн, / Во светлой летней багрянице, / Сияя морю и лугам, / По чистым Бельтовым брегам, / Предшествует Императрице* (Сумароков). 6. Употребление антропонима в составе фразеологического сочетания: *Августовы дни* в значении ‘время правления Октавиана Августа’ (Петров) означает ‘прекратить войну’; и др. 7. Формирование порождающих устойчивые ассоциации формульных рядов антропонимов, например: *Колумб и Магеллан, Борей и Зефир* и др. 8. Рифмопары с участием антропонимов (оним в рифменной позиции получает некое семантическое «приращение», вступая в особые смысловые отношения «по вертикали» с созвучным словом: «...упорядоченность относительно фонем, – пишет Ю.М. Лотман, – переносится на слова, которые оказываются сгруппированными некоторым образом. К естественным семантическим связям, организующим язык, добавляется “сверхорганизация”, соединяющая не связанные между собою в языке слова в новые семантические группы» [15. С. 71] – это со- и противопоставление порождает «неожиданные смысловые эффекты» [15. С. 70], когда звук усиливает смысл): *светил – Михаил (Петров)* [7. С. 229].

Перечисленные приемы обуславливают структуру словарной статьи. При этом, разумеется, встречаются антропонимы, которые используются в одах только в первичном значении (*Матвеев* – см.: [7. С. 217]) или, напротив, только в позиции семантической трансформации: *Мальборуг (Мальборо)* [7. С. 215].

Словарь панегирических антропонимов, таким образом, предоставляет богатый материал для исследователей стихосложения, лексики, фразеологии и грамматики художественного текста, риторических приемов, описывающая формульные контексты, тропы (метонимия, аллегория, олицетворение, антономасия, перифраза, сравнение, эпитет, каламбур), фигуры речи (использование имен собственных в риторических вопросах, восклицаниях, обращениях), подчеркивая синтаксическую позицию предиката при метафорической репрезентации или давая рифмопары. Словарь полезен также исследователям эволюции лексических, словообразовательных, морфологических, орфографических норм русского языка, фиксируя варианты имени (*Аврора – Аурора, Алкей – Алцей, Аполлон – Аполлин – Аполло* и пр.)¹ или его производные (см.: *Алкивиюдов – Алцибиюдов, Авраамль, Аpellов, Исаин, Локков, Ольгов* и другие примеры притяжательных адъективов).

Любой научный труд, претендующий на новаторство и глубокую теоретическую проработанность поставленных в нем проблем, не может не вызывать споров, противоречивых толкований, нареканий критиков, чита-

¹ Варианты имени нередко оказываются эстетически значимыми (см., например, об этом в [16]).

телей-специалистов, и это отраднo, так как доказывает актуальность, важность обсуждаемых вопросов. Так, на наш взгляд, не может не обратить на себя внимание и не оказаться дискуссионным, например, расширительное толкование авторами «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» границ терминов «антропоним» или «олицетворение». К разряду антропонимов, вслед за Н.В. Подольской [17. С. 30, 125, 131], причисляются, помимо собственно антропонимов в узком смысле, теонимы и мифoантропонимы (имена мифологических существ, богов, героев) как частные случаи мифонимов.

Принятая в анализируемом словаре трактовка термина «олицетворение» также отличается [7. С. 27] от его гораздо более распространенного толкования, согласно которому олицетворение есть приписывание семы лица животным или неодушевленным явлениям, вещам. В соответствии с таким пониманием данного тропа к олицетворению относятся контексты типа *Ликурга ль образ сей, Алкида ль представляет? – / Великаго Петра, – мне Клия отвечает* (Державин) [7. С. 76.] или *Пришедиши, старец надпись зрит: / «Здесь труп Потемкина сокрыт!» / Алцибиадов прах! – И смеет / Червь ползать вокруг его главы?* (Державин) [7. С. 74]. Между тем подобные уподобления исторического лица мифологическому богу или герою вполне могут быть квалифицированы как метафоры и метафорические перифразы: *Тебе с усердием, Минерве мы своей, / Приносим радостных сияние огней* (Ломоносов о Елизавете Петровне); *Минерва Росска* (Сумароков о Екатерине II); понимание подобных контекстов в качестве примеров персонификации, как кажется, противоречит воплощаемой уже на позднейшей стадии в поэтическом творчестве сути мифологического мышления, основанного на вере в метаморфозы и отождествляющего субъект и объект трансформации: уже античные скульпторы изображали языческий пантеон в виде людей, т.е. олицетворенно.

Трудно безоговорочно согласиться и с утверждением авторов словаря о том, что «в аллегории отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в прямом значении...)» [7. С. 23], так как аллегория – разновидность тропа, иносказание, а следовательно, «реторическое предложение, содержащее в себе смысл переносной от собственного к иному смыслу» [18. Стлб. 384]: в контексте возникает, по крайней мере, аппликация прямого и вторичного значений, семантическая двуплановость, например: *Ныне разум наш сияет, / Нас Минерва напоет, / Как Афиян прежде нас* (Сумароков). Эту контаминацию смыслов, закрепленных за устойчивыми топосами, доставшимися от прошлых культурных состояний, комментируют иногда и сами поэты в акте художественной рефлексии, как, например, А.П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве»: *Минерва – мудрость... Диана – чистота, Любовь – то Купидон, Венера – красота.*

Выражаем свою признательность словарному коллективу ИЛИ РАН за большой и необходимый современным исследователям языка и текста лексикографический проект, а также надежду на появление нового, суще-

ственного расширенного издания «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века».

Список источников

1. *Словарь* языка М.В. Ломоносова / ред. Н.Н. Казанский. Вып. 1: Исследования и материалы по стихосложению М.В. Ломоносова. СПб. : Нестор-История, 2010. 396 с.
2. *Словарь* языка М.В. Ломоносова / ред. Н.Н. Казанский. Вып. 2: Метрико-строфический справочник к произведениям М.В. Ломоносова / О.С. Лалетина, Е.В. Хворостьянова. СПб. : Нестор-История, 2010. 340 с.
3. *Словарь* языка М.В. Ломоносова / ред. Н.Н. Казанский. Вып. 3: Словарь рифм М.В. Ломоносова : лексикон стихотворных окончаний / Е.А. Захарова, О.С. Лалетина, Е.М. Матвеев. СПб. : Нестор-История, 2011. 618 с.
4. *Словарь* языка М.В. Ломоносова / ред. Н.Н. Казанский. Вып. 4: Словарь рифм М.В. Ломоносова ; Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний / Е.А. Захарова, О.С. Лалетина, Е.М. Матвеев. СПб. : Нестор-История, 2011. 1098 с.
5. *Словарь* языка М.В. Ломоносова / ред. Н.Н. Казанский. Вып. 5: Минералогия М.В. Ломоносова / отв. ред. С.С. Волков. СПб. : Нестор-История, 2010. 472 с.
6. *Словарь* «Риторика М.В. Ломоносова. Тропы и фигуры» // Риторика М.В. Ломоносова / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 9–522.
7. *Словарь* антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / С.С. Волков, С.С. Дубова, Н.В. Карева, Н.А. Кузнецова, Е.М. Матвеев, А.С. Смирнова, А.Е. Трофимов, М.Г. Шарихина / науч. ред. С.С. Волков, Е.М. Матвеев, М.Г. Шарихина. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. 352 с.
8. *Чулков М.Д.* Краткий мифологический лексикон. СПб. : Тип. Акад. наук, 1767. 124 с.
9. *Этингер Ф.К.* Библейский и эмблематический словарь. М. : [Б.м.], 1786. 336 с.
10. *Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л.* Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имён. М. : Азбуковник, 2005. 447 с.
11. *Словарь* русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука, 1984–1991. Вып. 7–22. СПб. : Наука, 1992–2019.
12. *Алпатов В.М.* Лексикографическая традиция и собственные имена // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмывшева, Е.В. Пурицкая. СПб. : Ин-т лингвистич. исследований РАН, 2018. С. 82–91.
13. *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-е, 1974. 285 с.
14. *Войнова Л.А.* Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии : сб. статей / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1977. С. 121–129.
15. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста // О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство-СПб, 2011. С. 18–252.
16. *Гин Я.И.* Из комментариев к «Евгению Онегину»: Агафон // О поэтике грамматических категорий. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 242–256.
17. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 187 с.

18. *Словарь Академии Российской, 1789–1794* : в 6 т. [Переизд.]. М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006. Т. 3: 3–Л. 2002. 810 с.

References

1. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2010) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of the Mikhail Lomonosov's Language]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2010) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of the Mikhail Lomonosov's Language]. Vol. 2. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2011) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of the Mikhail Lomonosov's Language]. Vol. 3. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
4. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2011) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of the Mikhail Lomonosov's Language]. Vol. 4. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2010) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of the Mikhail Lomonosov's Language]. Vol. 5. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
6. Bukharkin, P.E., Volkov, S.S. & Matveev, E.M. (eds) (2017) *Slovar' «Ritorika M.V. Lomonosova. Tropy i figury»* [Rhetoric of Mikhail Lomonosov Dictionary. Paths and figures²]. In: Bukharkin, P.E., Volkov, S.S. & Matveev, E.M. (eds) *Ritorika M.V. Lomonosova* [Rhetoric of Mikhail Lomonosov]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 9–522.
7. Volkov, S.S. et al. (2022) *Slovar' antroponimov v russkoy panegiricheskoy poezii XVIII veka* [Dictionary of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS.
8. Chulkov, M.D. (1767) *Kratkiy mifologicheskii leksikon* [Brief Mythological Lexicon]. Saint Petersburg: Tip. Akad. Nauk.
9. Etinger, F.K. (1786) *Bibleyskiy i emblematiceskii slovar'* [Biblical and Emblematic Dictionary]. Moscow: [s.n.].
10. Grigor'ev, V.P., Kolodyazhnaya, L.I. & Shestakova, L.L. (2005) *Sobstvennoe imya v russkoy poezii XX veka: slovar' lichnykh imen* [Proper Name in Russian Poetry of the 20th Century: A dictionary of personal names]. Moscow: Azbukovnik.
11. Sorokin, Yu.S. et al. (eds) (1984–2019) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. Saint Petersburg: Nauka.
12. Alpatov, V.M. (2018) [Lexicographic tradition and proper names]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: Current state and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 3–5 October 2018. Saint Petersburg: Institute for Linguistic studies RAS. pp. 82–91. (In Russian).
13. Larin, B.A. (1974) *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the Word and the Language of the Writer]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
14. Voynova, L.A. (1977) Funktsional'no-semanticheskie osobennosti mifologicheskikh sobstvennykh imen i pokaz ikh v istoricheskom slovare XVIII v. [Functional-semantic features of mythological proper names and their display in the historical dictionary of the 18th century]. In: Sorokin, Yu.S. (ed.) *Problemy istoricheskoy leksikografii* [Problems of Historical Lexicography]. Leningrad: Nauka. pp. 121–129.
15. Lotman, Yu.M. (2011) *O poetakh i poezii* [About Poets and Poetry]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 18–252.
16. Gin, Ya.I. (2006) *O poetike grammaticheskikh kategoriy* [On the Poetics of Grammatical Categories]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 242–256.
17. Podol'skaya, N.V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd ed. Moscow: Nauka.

18. Bogatova, G.A. et al. (ed.) (2002) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, 1789–1794* [Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794]. Vol. 3. Moscow: Moscow Humanitarian Institute named after E.R. Dashkova.

Информация об авторе:

Патроева Н.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: nvpatr@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Patroeva, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: nvpatr@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2023;
одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 30.01.2023;
approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2023. № 84

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 31.08.2023 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 24,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5550.

Дата выхода в свет 27.09.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru